А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 10. Пьесы, написанные совместно

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 10. Пьесы, написанные совместно
При участии С.А. Гедеонова
  Василиса Мелентьева
    Действие первое
      Сцена первая
      Сцена вторая
    Действие второе
    Действие третье
    Действие четвертое
      Сцена первая
      Сцена вторая
    Действие пятое
Совместно с Н.Я. Соловьевым
  Счастливый день
    Действие первое
    Действие второе
    Действие третье

- Женитьба Белугина
  - Действие первое
  - Действие второе
  - Действие третье
  - Действие четвертое
  - Действие пятое
- Дикарка
  - Действие первое
  - Действие второе
  - Действие третье
  - Действие четвертое
- Светит, да не греет
  - Действие первое
  - Действие второе
  - Действие третье
  - Действие четвертое
  - Действие пятое

Совместно с П.М. Невежиным

- Блажь
  - Действие первое
  - Действие второе
  - Действие третье
  - Действие четвертое
- Старое по-новому
  - Действие первое
  - Действие второе

Действие третье
Действие четвертое
Комментарии

Аннотация

В десятый том собрания сочинений А.Н. Островского вошли пьесы 1868–1882 годов, написанные совместно с другими авторами, такие, как «Василиса Мелентьева», «Дикарка», «Блажь» и другие.

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 10. Пьесы, написанные совместно

При участии С.А. Гедеонова

Василиса Мелентьева*

Драма в пяти действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Царь Иван Васильевич Грозный,

Царица Анна Васильчикова.

Князь Михаил Иванович Воротынский.

Князь Василий Андреевич Сицкий.

Князь Василий Иванович Шуйский.

Князь Ряполовский.

Князь Репнин,

Борис Федорович Годунов.

Григорий Лукьяныч Малюта-Скуратов.

Боярин Михаил Яковлевич Морозов.

Дворянин Андрей Колычев.

Шут.

Слуга Воротынского.

Василиса Игнатьевна Мелентьева, вдова из терема царицы.

Марья — девица из терема царицы.

Бояре, дворяне, стрельцы, женская свита ца-

рицы.

Сцена первая

Дворцовое крыльцо в Кремле.

Явление первое

Бояре стоят кучками: в одной — Морозов и князь Сицкий, потом к ним подходит князь Ряполовский; в другой — Годунов, князь Шуйский, князь Репнин, далее еще несколько бояр вместе. По переходам изредка пробегают взад и вперед дворцовые слуги и царицыны прислужницы. Боярские слуги стоят на ступенях крыльца и держат в руках боярские трости.

Морозов

Ну полно, князь Василий, не дурачься!
Негоже прати противу рожна.

Кн. Сицкий

Негоже-то негоже, — а с Борисом
В товарищах мне быть не вместно.

Морозов

Знаю.

А все ж терпи! Сам царь рядил.

Кн. Сицкий

Сам царь!

А вот случись с тобой такая притча…

Морозов

Избави бог! Что ж делать, князь Василий

Андреевич! От дедовских порядков

Отстанем мы не скоро. Наши деды

Собрали Русь; мы помогли великим

Князьям московским Тверь, Рязань и Суздаль,

Как шапкою, накрыть Москвою: в том

И гордость наша! Мы князьям московским

Не слугами, советчиками были;

Боярами князья держали землю,

Боярами творили суд и правду,

С боярами сидели о делах.

Мы в думе у князей как дома были

И не боялись говорить им встречу.

Не рабски мы служили, доброхотно,

И отъезжать была нам вольным воля —

Вот старые порядки наши! Царь

Не любит их, ну, значит, не по нраву

Ему и мы. Ему холопы нужны.

(Указывая на Годунова и кн. Шуйского.)

Вон молодые слуги лучше знают,

Что надобно царю; при нем взросли,

К нему они умели приглядеться.

Вон — Шуйский! Он не старая лисица,

Не выкунел еще, не опушился,

А молодой лисенок, годовалый, —

Так по земле хвостом и расстилает!

Туда вильнул, сюда вильнул — и цел.

Кн. Сицкий

А лучше, что ль, мурза недокрещенный?

Морозов

А погляди на старых! Воротынский

И родовит зело…

Кн. Сицкий

И мы с тобою
Не из жидов.

Морозов

Да не к тому я речи
Веду теперь. Он спас царя и царство!
При Молодях, на берегах Лопасни,
Побил татар, стяжал такую славу,
Что загремела по чужим землям, —
А у царя чуть-чуть что не в опале.

К ним подходит Ряполовский.

Кн. Ряполовский
(Морозову)

Ты в отчине позагостился долго,
Привольно там; а здесь, что в поле ратном:
И льется кровь, и головы валятся.
Кажись, измен и смуты не слыхать,
А поглядишь, и дума все пустеет,
И в головах боярских недочет.

Морозов

Тяжелые переживаем годы.

Кн. Сицкий

Не нам судить. Великий царь казнит
И жалует; его святая воля!
Мы все рабы его! Но чести нашей
Не властен он умалить. Нет! У бога
Ведется счет родам боярским. На кол
Сажай меня, а ниже Годунова
Не сяду я, — мне честь дороже жизни.

Морозов

Не накликай себе напрасно казни, —
У нас как раз, — и не тянись с Борисом:
Ты не забудь одно — он зять Малюты
Скуратова… А вот и князь Михайло!

Входит князь Воротынский.

Явление второе

Те же и князь Воротынский.

Кн. Воротынский

Здорово ль, тезка, поживаешь? Редко
Мы видимся с тобой.

Морозов

Челом тебе,
Князь Михаил Иванович! Откуда?
Где побывал?

Кн. Воротынский

У матушки царицы.
Поклон принес тебе.

Морозов

Спасибо ей,
Что не забыла старого. Давно ли
Мы на руках с тобой ее носили,
Лелеяли красавицу-сиротку,
И говорили: «В девке будет прок!»
По-нашему сбылось, за словом дело.

Кн. Воротынский

Я вырастил ее, как дочь. С Володей,
С сынком моим, они погодки были
И в отчине росли в моих глазах.
Бог не судил мне сыном красоваться,
В честном бою он голову сложил.
Я не ропщу, на то господня воля,
Бог дал и взял. Зато в почете дочка

Названная — она женою стала
Великому царю.

Кн. Ряполовский

Пошли здоровья
Ей, господи, и милости царевой,
И радости на многие года!

Кн. Воротынский

Не ты один, и мы того же просим
У господа! Ее душе смиренной
Послал господь такую благодать
И счастие, что только водворилась
Она в хоромах царских, — унялся
Гневливый дух владыки; в царский терем
Царица мир забытый принесла,
Опричнина поганая исчезла,
С своей земли опалу царь сложил,
И стала Русь не земщиной, а царством.
Но... грозный царь с летами стал изменчив;
Своих цариц ласкает он недолго;
И... все пошло попрежнему.

Кн. Ряполовский

Охота
И вспоминать тебе! Как раз накличешь
Себе и нам беду.

Морозов
(вполголоса)

Поберегись!
Перенесут, Михайло свет-Иваныч!

Кн. Воротынский

Пускай себе, кто хочет, переносит.

Кн. Шуйский

Нас по́звали к совету, а чего для —
Неведомо! Сегодня, слышал я,
Царь что-то гневен.

Кн. Ряполовский

Господи помилуй!

Кн. Шуйский

За утреней земных поклонов двести,
Не то и больше положил.

Кн. Сицкий

Не ладно!

Не добрый знак!

Годунов

Неволей будешь гневен,

Коль всюду ложь, измена, самовольство!

Что день — то горе. И мужик — хозяин

В своей избе; а православный царь —

Что мученик на дедовском престоле.

Кн. Воротынский

Да кто ж изменник? Укажи!

Годунов

Их много.

Да хоть бы Курбский, князь Андрей! Вечорась,

Поганый пес, служитель сатаны,

Прислал опять безбожное писанье:

Корит царя в убийствах и разврате,

Адашева, Сильвестра поминает;

Свои дела и подвиги возносит,

А на царя законного дерзает

Лесфимию и эллинскую брань!

Кн. Шуйский

Ох, Курбский князь! Покойно не сидится
Ему в Литве на Ковлю! Лучше б сам
Пожаловал, и мы б целее были.
Оттоле шиш показывать не диво;
Он лается, а мы в ответе!

Кн. Воротынский

Курбский —
Великий вор! Он ради живота
Испродал нас и сотворил измену.
Не мог стерпеть он гнева от царя!
Иль он забыл, что божий гнев страшнее?
Он взял Казань, громил в Лифлянтах немцев,
За ним заслуг довольно. Если будут
Такие слуги бегать к иноземцам,
Так на кого ж надеяться царю?
Изменник он, его мы проклинаем
Из рода в род.

Кн. Ряполовский

Да легче ль от того!

Кн. Воротынский

Наш государь, царь правды, не захочет
Из-за него казнить невинных. Братья,
Не Курбский враг боярам, есть другой
Свирепый враг, что демонским глаголом
Царя на гнев и казни разжигает…
Малюта — враг боярский.

Общее смятение. При последних словах князя входит Шут

Явление третье

Те же и Шут.

Шут
(обнимая Воротынского)

Здравствуй, дядя!

Кн. Воротынский
(отталкивая его)

Пошел, дурак!

Шут

За что же ты дерешься?
Привык татар лупить! Ишь, разгулялся
И на своих, — я русский, не татарин.
Коль хочешь ты былую удаль-силу
Попробовать, татарина побить,
Так вот тебе мурза!

(Толкает Годунова.)
Общий смех.

Годунов

Ты, шут, потише!
Татарин тот, кто плохо служит. Я же
Крещен давно, служу царю исправно
И бью врагов его, не разбирая —
Татарин ли, иль русский он изменник
И больно бью!

(Замахиваясь на шута.)

Шут

Ни, ни! Башка царева!
Не тронь, мурза, я пригожусь вперед!
Снова смеются.

Морозов
(вполголоса шуту)

Ты не дразни, и то он зол на князя.

Шут
(Морозову)

Боишься ты! У! У! Смотри, Малюта
Живого съест.

Кн. Сицкий
(смеясь)

Потешил ты, потешник!
Держи пригоршни шире!

(Достает деньги.)
Шут

Ах ты, олух!
Дарить меня задумал, будто царь!
Аль я тебе не ровня, али хуже?

Кн. Сицкий

Бери, когда дают.

Шут

Добро, возьму я;
А вот ужотка дедушке Ивану

Я на ушко шепну, что князь-де Сицкий
Дарил меня серебряным рублем,
Знать, подкупал меня на государя.

Кн. Сицкий
(в испуге)

Молчи, дурак!

Шут

Тебя сведут на площадь,
На сковродах пожарят, после в пузо
Гвоздей набьют.

Кн. Сицкий

Ну, полно, перестань!
Умей шутить! О голове не шутят.

Шут

О голове? А у тебя на плечах
Уж будто голова? Пустая тыква!

Общий смех.
Кн. Воротынский
(Морозову)

Вот до чего мы дожили: Малюта
И шут его бояр исконных судят.

Морозов
(тихо Воротынскому)

Молчать бы, князь!

Кн. Воротынский

Молчи, а я не стану,
Ведь брань моя не новость для Малюты.

Шут
(в сторону)

Сам в петлю так и лезет!

(Вслух.)

Эх, бояре!
На вас на всех никак не угодишь!
Иному люб Малюта, а другому
Не по душе, — ему не разорваться!
(Указывая на Шуйского.)
Вот князь Василий, например, с поклоном
Ранешенько был нынче у Григорья
Лукьяныча; проведал о здоровьи.

Кн. Шуйский

Я видел, как пришел к нему Репнин,
И я за ним.

Кн. Репнин

Я с Сицким заходил!

Кн. Сицкий

А до меня зашел князь Ряполовский.

Кн. Воротынский

Похвальное смирение, бояре!
Ну что ж, здоров? Вы заходите чаще!
С медведями он водится цепными,
Того гляди — сломают.

Кн. Шуйский

А ведь правда:
Медведь его чуть-чуть не изломал,
Да подвернулся парень.

Кн. Ряполовский

Вот детина!

Кн. Сицкий

А кто он родом? Из какого званья?
Его, кажись, мы прежде не видали.

Кн. Шуйский

Он дворянин, из рода Колычевых.

Кн. Воротынский

Он у меня служил; я за родного
Держал его, и в вотчине нередко
На Костроме живал со мной. Он храбрый
И грамотный, и я любил его;
Да что-то сам ему не полюбился:
Он от меня пошел служить к Малюте.
Насильно мил не будешь.

Шут

Князь-надёжа,
Коль слуги от тебя бегут, так плохо;
Перед пожаром, говорят, из дома
Все тараканы выползают вон.

Входят Малюта, Колычев и несколько стрельцов. Малюта молча кланяется боярам; все, кроме Воротынского, отвечают на его поклон.

Явление четвертое

Те же, Малюта и Колычев.

Малюта
(Колычеву)

Ты здесь побудь покуда до приказа!
Я скоро выду.

Шут
(Малюте)

Али на медведя
Собрался, кум?

Малюта
(шуту, взглянув на Воротынского)

На старого медведя.

(Входит к царю.)
Стрельцы становятся у двери в царский терем.

Явление пятое

Те же, кроме Малюты.

Шут
(Воротынскому)

Ай, батюшки! Как он глядит-то косо,
Все в сторону, и все в твою, Михайло.

Годунов
(вполголоса Воротынскому)

Побереги себя, князь Михаил,
Ты дорог нам и родом и делами;
Такие слуги — честь родной земле,
Краса царям.

Кн. Шуйский
(тихо)

Твой княжий род и служба —
Заступники твои пред государем,
Заступимся и мы, что хватит сил.

Морозов

Ты пожалей себя и нас.

Кн. Воротынский

Довольно
Терпели мы, пора обороняться!
Коль чести вы не цените боярской,
Коль нет стыда у вас, князей природных,

Перед Малютой рабски унижаться,
Коль вам ума, и слов недостает,
И смелости заговорить в защиту
Голов своих и чести, — Воротынский
На царский суд Малюту позовет;
И перед троном грозного владыки
Тягаться станут о боярской чести:
Седой старик, израненный врагами,
В броне стальной и княжеском шеломе,
И злой бесоугодник, в черной рясе,
С боярской кровью на руках! Пойдемте!

(Хочет итти в палату.)

Малюта, выдя из царских покоев, идет прямо на Воротынского со стрельцами.

Явление шестое

Те же и Малюта.

Малюта

Остановись! По царскому приказу
Пойман ты! Ты обвинен в измене
И волшебстве! Не бойся проволочки,

Мы волочить тебя не будем долго:
Сегодня же на царский суд поставим.

Общее молчание.

Кн. Воротынский

Я знаю, ты проворен, расторопный
Слуга царев. Ты забежал вперед!
Да будет воля божья и царева!
Пойдем, Малюта! Бью челом, бояре.

(Останавливается перед Колычевым.)

Ты чуток, друг, ты скоро догадался,
Что старый князь тебе не господин.
Ну, бог с тобой! Иди своей дорогой,
Иди прямей, смотри, не спотыкнись!

Колычев
(низко кланяясь)

Я не волен! Иду, куда прикажут,
Кому велят, тому служу. Я молод —
Ослушаться не смею я. На плечах
Головушка одна, и та царева.

Воротынский уходит в сопровождении Малюты и стрельцов; за ними все бояре, кроме Шуйского

и Годунова. Шут и Колычев также остаются на своих местах.

Явление седьмое

Годунов, кн. Шуйский, Колычев и Шут.

Годунов

Что скажешь, князь Василий?

Кн. Шуйский

Что сказать-то?

Ни голым лбом, ни в княжеском шеломе

Не прошибить стены. Зачем же биться?

Годунов

А князя жаль!

Кн. Шуйский

Да как не пожалеешь!

А если вправду рассудить, так…

Годунов

Что же?

Кн. Шуйский

Старенек стал.

Годунов

Пора его и в сломку,
Чтоб молодым была дорога чище?

Кн. Шуйский

Уж что за конь, коль начал спотыкаться.
Пора итти.

Годунов

Пойдем.

Уходят.

Шут
(про себя)

Какой я шут!
Мне дураков лишь тешить. Эти двое
Шутить умеют, — не чета шутам!
И царь у нас смеется зло, и шутки
Такие любит он, что волос дыбом
Становится; так надо поучиться,
За Годуновым с Шуйским походить.

(Бежит за Годуновым и Шуйским.)

Явление восьмое

Колычев, потом Василиса Мелентьева.

Колычев

Никак Мелентьева бежит? И то,
Дождусь ее, словечко перекину,
Все на душе полегче. Эка баба!
От сна меня, от хлеба ты отбила,
Пустила сухоту по животу
И по плечам рассыпала печаль.
Я простоват, а ты тому и рада.
Попал тебе я в руки.

Василиса подходит к нему, он кланяется.

Василиса

Игнатьевна!

Василиса

Царица приказала
Проведать мне, о чем шумят бояре?
Всего-то мы боимся, дело бабье,
Трясемся мы и день и ночь. Царицу
И малый шорох стал пугать.

Колычев

Недаром
Пугается царица.

Василиса

Уж не слышно ль
Войны какой, храни господь, измены?
Иль гневен царь великий?

Колычев

Воротынский
Князь Михаил Иваныч изобидел
Григория Лукьяныча.

Василиса

Напрасно:
С Лукьянычем бороться нелегко.

Колычев

И государь на князя опалился;
Назначен суд над ним в большой палате,
Доносчики винят его в измене
И волшебстве. Беги скорей к царице,
Он был у ней вторым отцом.

Василиса

Хоть жалко
Мне старого, да сам он виноват:
С Лукьянычем не спорь. И ты, Андрюша,
Держись Малюты, будет крепче дело.

Колычев

Тяжелую ты службу заставляешь
Меня служить. Я молод, не по силе,
Не по́ мочи.

Василиса

Зато ко мне ты близко,
Зато меня ты видишь каждый день.
Не хочешь ли, я попрошу Григорья
Лукьяныча, чтоб на город послали
Тебя служить иль к войску на Украйну?
А будет жаль! Нашла себе красавца
Я по сердцу, убогая вдовица;
Утешно мне, в моей сиротской скуке,
Ласкать тебя, а ты бежать задумал.

Колычев

Куда бежать! Уж, видно, не минуешь
Судьбы своей.

Василиса

Аль гордость обуяла,
Что я тебе не по плечу, неровня,
Что я вдова?

Колычев

Да нет же, Василиса
Игнатьевна!

Василиса

Аль девка приглянулась
Пригожая? Белей девичье тело,
Змеей лежит шелковая коса
И треплется по плечам лентой алой;
А на моей беспутной голове
Тяжелый шлык да вдовье покрывало!

Колычев

Ей-ей же нет! Ты полно языком-то
Язвить меня. В котле горючей серы
Готов кипеть, лишь только бы с тобою

Не разлучаться мне! Уж не Малюте,
Я рад служить медведю, костолому,
Весь день людей ломать, весь день точить
Потоки крови неповинной, только б…

Василиса

Что только б? Только б отдыхать тебе
От службы той немилой на груди
У вдовушки? Не так ли?

Колычев

Так.

Василиса

Ну, ладно!

Колычев

Мы шутим здесь, а князя Михаила
На казнь ведут, быть может.

Василиса

Что ж тебе?
Служа царю Ивану да Малюте,
Ты береги себя! С тебя довольно

И тех хлопот, чтоб голова своя-то
Была цела на плечах; ты заботу
О головах чужих оставь.

Колычев

У князя
Я был слугой, и он меня любил.

Василиса

Что было, то прошло. Ты государев
Теперь слуга и мой.

Колычев

Я раб покорный
Тебе во всем.

Василиса

Ну, то-то же, смотри!
Царице я скажу: пускай, коль хочет,
Идет просить за князя Михаила,
Гневить царя своим лицом плаксивым;
Да только вряд ли князю будет помощь
От слез ее! Не умолить царя
Жене постылой! Ну, прощай, Андрюша!

(Уходит.)

Сцена вторая

Грановитая палата. На левой стороне трон; по обеим сторонам — скамьи, крытые красным сукном.

Явление девятое

Входит Царь. За ним князь Шуйский, Годунов, князь Репнин, князь Ряполовский, Малюта и другие. Царь всходит на трон, бояре садятся на скамьях. Малюта становится у порога.

Царь
(встав с места)

С молитвою приступимте! Во имя
Отца и сына и святого духа!
Князьям, боярам и дворянам мир!

Все кланяются.

Из Польши возвратился наш гонец,
Григорий Ельчанинов. От поляков
Нежданные до нас доходят вести:
Король бежал тайком, боясь погони,

Во Францию: девятый Карлус помер,

И Генрих там нужней теперь, чем в Польше.

Счастливый путь! Он лишний у поляков,

Во Франции на что-нибудь годится.

Покойник был, не тем он будь помянут,

Мучительством лютее всех владык;

Без разума он много крови пролил,

На скорбь хрестьянским государям. Польша

Без короля теперь, а государству

Без короля стоять нельзя, что телу

Без головы. Хотя в короне польской

И княжестве голов у них довольно,

Да доброй нет одной, чтоб к ней, как к морю,

Стекалися потоки и ручьи.

Брат цесаря и сын его Эрнест

И свейский королевич уже прежде

Литовского престола домогались

И снова шлют своих послов на раду.

Салтан, наш враг исконный, короля
Иного прочит Польше — Обатуру,
Что Седьмиградское княженье держит
Под ту рекою рукой, холоп и данник!
Прискорбно нам, что нашим несогласьем
Неверная возносится рука,
Что злобный пес, губитель христианства,
Престолами хрестьянскими торгует.
Мы за чужим не гонимся, господь
Благословил меня полночным царством;
На свете нет славнее нас владык,
От Августа мы род ведем. Извечный
Я государь — произволеньем божьим,
Не человеческой, мятежной волей!
Но кто ж не знает, что Литва и Русь
Должны служить единому владыке?
Кто разлучит с Москвою Киев древний?
Скорбя душой о многом нестроеньи,
Паны хотят просить на королевство

Царевича от нашей царской крови,
Феодора, и ждут от нас послов
И грамоты. По многом рассужденьи
И помолясь, мы положили тако:
Феодора не отпускать: он слаб
И несвершен летами, он не может
Противустать врагам своим и нашим
И обуздать многомятежный дух
Панов и рыцарства. Мы хощем сами
Принять во власть и польскую корону
И княжество Литовское: да будет
Едино стадо и единый пастырь,
Един господь на вышних небесах,
Единый царь на всех землях славянских!

Бояре
(встав со своих мест)

Пошли господь! Пошли тебе господь
Из рода в род и честь и одоленье,
Великому царю и государю!

Царь

Заутра быть собранью ближней думы,

Обсудим мы, кого послать послом.
Наказ писать Щелкалову Андрею!

(С сердцем.)

Сказать панам, что я хочу быть избран.
А если выберут они другого,
То я над ними буду промышлять!
Они меня злодеем называют,
Мучителем. Я каюсь перед всеми:
Я зол, гневлив! Да на кого я зол?
Я зол на злых — для доброго не жаль
И цепь отдать с себя, и это платье.
Изменникам нигде пощады нет,
А я — сызмальства окружен изменой,
Крамолою. На жизнь злоумышляют
Мою и чад моих; а я не смей
Казнить своих злодеев! У престола,
В моем дворце, советники и слуги
Лукавствуют обычаем бесовским;
А мне молчать и по головке гладить
Воров таких! Давно бы вы на части
И мой престол, и царство разнесли,

Сплоченное толикими трудами
Родителя и деда моего,
Когда бы вы опалы не боялись, —
И грозного суда и грозной казни!
Вот и теперь!.. Поведай им, Малюта!

Малюта

Велением царя и государя
Изымай, связан и на суд поставлен
Великий вор и ворог государев,
Князь Михаил Иванов Воротынский,
В измене, чародействе, в умышленьи
Царя известь. О чем царю являет
И послухом становится его же
Михайлов раб, Кулибин Ванька. В очи
Михаилу он желает уличить,
В глазах царя.

Царь

Вы слышите, бояре!
Иль глухи вы, иль верится вам плохо?
Признаться вам, я сам не больше верю,
Чтоб мой слуга, мой первый воевода

И милостник, бесовским волхвованьем
На жизнь мою задумал посягать,
Да послух есть. Позвать сюда обоих!

По знаку Малюты стража вводит князя Воротынского, связанного, и останавливается у дверей; он низко кланяется сперва царю, потом боярам; бояре отвечают на поклон. Слуга Воротынского, выведенный Малютою на средину палаты, кланяется земно государю и, по знаку Малюты, встает.

Явление десятое

Те же, Воротынский и слуга.

Царь
(слуге)

Рассказывай, что знаешь, без боязни:
Я сам судья тебе, бояр не бойся!

Слуга

Царь-батюшка, греха таить не смею!
Лихой злодей, боярин Воротынский
Великое твое позорит имя
И непотребной лаей обзывает,
В ектению, за царским поминаньем,

Не крестится при имени твоем
И не кладет поклона, а воротит
Он в сторону лицо свое.

Царь

Бояре,
Вы слышите? Что дальше?

Слуга

Государь,
В Иванов день, о царских именинах,
Пришел к нему во двор с поклоном поп
И подносил пирог для поздравленья;
А он ему, на ласковое слово,
Позорить стал тебя, что ты убивец,
Что крови-то людской ты не жалеешь,
И в бога-то не веруешь, и срамно
Живешь-то ты. И вспоминал еще
Боярина большого… не припомню..
Прозванье позабыл…

Малюта
(вполголоса)

Адашев.

Слуга

Точно,
Одашев, да! Что якобы безвинно
Ты уморил его.

Царь
(Воротынскому)

Ты долго помнишь
Приятелей. Вам недруги царевы
Всегда друзья. С собакою Алешкой
Одна душа в тебе.

(Слуге.)

А что еще?

Слуга

Своим худым, холопским разуменьем
Я говорил ему: «Мол, не пригоже
Тебе, рабу, порочить государя
Великого! Он, батюшка, слугою
Пожаловал тебя своим». Боярин
Ответил мне: «Какой-де я слуга!
Я родом-де ничем царя не хуже!»
И на меня за слово опалился

И бить велел ослопами и кнутьем!
Отец ты наш и государь, безвинно
Я за тебя побои принимаю.

Ропот между боярами. Царь бросает на них гневный взгляд, все утихают.

Царь

А что еще он говорил?

Слуга
(оробев)

И помнил,
Да позабыл со страха, государь,
Помилуй!

Малюта

Ты про колдовство и чары
Рассказывал.

Слуга

Да, было. С колдунами
Водился он. За бабою-шептуньей
В Микольское посылывал не раз,
И выходили вместе на дорогу
Московскую, бросали прах по ветру, —

Да слух идет, что будто не впервые
Пускать им порчу.

Царь
(слуге)

Ну, ступай, довольно!

(Воротынскому)

Ты слышал все? Теперь черед тебе.

Кн. Воротынский

Великий царь, я научен от дедов
Царю служить, а господу молиться.
Зачем искать мне помощи бесовской,
Коль я господней милостью богат!
Единому ему я поклонялся,
Единого его благодарил,
Единый он давал мне одоленье
И крепость мышц, когда я с силой ратной
Гонял татар поганых за Оку,
Спасал Москву, спасал тебя от страха!
Казни меня! Я говорить не стану:
Негоже мне. Природный русский князь

Не судится с холопом.

Царь

Дерзкий пес!
Я говорить тебя заставлю. Что же
Молчите вы, бояре! Говорите!

Короткое молчание.

Морозов

(вставая с своего места, становится на колени)

Великий царь, мы все твои рабы,
Ты наш отец, не прикажи казнить,
Вели мне слово молвить.

Царь

Говори!

Морозов

(встает)

Иуда сей, холоп и лжец бесстыдный,
Боярина окравши, убежал
И на него, по вражьему навету,
Идет теперь с бесовской клеветой.
Великий царь, тебе не подобает

Таких воров доносы слушать.

Царь

Только?

Морозов

Великий царь, бояре — честь державы!
Твой славный дед их кровью дорожил,
Он верил нам, он знал, что мы годимся
На что-нибудь получше плахи. Нужен
Оплот земле, — готовы наши брони
И головы. Великий царь, поверь,
Что головы бояр нужнее в думе
И на войне, чем на шесте железном
У палача в руках. Мы не боимся
И умереть, да только честной смертью —
Не от царя, а за царя. И ныне
Молю тебя, побереги бояр,
Не изгубляй стратигов, богом данных,
И лучшего меж ними не казни!

Царь

Молчи, холоп! Я знаю вас давно,

Адашевцы! Вам не любо, что воли
Я не даю вам прежней. Вы хотите,
По старому, связать мне руки. Знаю
Боярское раденье ваше, помню!
Я с детских лет у вас в долгу и долго
Не расплачусь! Моей не станет жизни, —
Я понесу всевышнему владыке
Долги мои и счеты с вами… Помню,
Как Шуйские с ногами на постелю
Отцовскую садились. Помню
И Кубенских и Курбских! Эй, Малюта,
Бери обоих!

По знаку Малюты стража берет Морозова и ставит вместе с Воротынским.

Бояре

Государь, помилуй!
Не погуби! Не верь клеветникам!
Мы головой тебе за них ответим!

Царь
(привставая)

Вам головы предателей дороже

Боговенчанной царской головы?!
Я не хищеньем сел на государство, —
На дедовском престоле я сижу.
Царей законных жизнь оберегают,
Их волю чтут, бояре и народ
Поручены в работу им! Кого же
Вам больше жаль, рабов или меня?
Иль лучше есть у вас, меня достойней,
На царстве быть? Скажите мне, я брошу

(бросает посох на средину палаты)

И скипетр свой, и шапку Мономаха,
И царский крест. Берите, отдавайте
Тому, кто люб.

Бояре

Помилуй, государь!
Казни, кого желаешь! Мы слагаем
Все головы у ног твоих. Отказом
От царского престола не губи
Рабов твоих, сирот безвинных!

Все бросаются на колени.

Царь

Встаньте!

Встают.

Я головы вам жалую обратно

И милую на этот раз!

Голоса

Царица!

Царица вбегает и молча падает к ногам царя; за ней входят Василиса Мелентьева, Марья и несколько женщин.

Явление одиннадцатое

Те же, Царица, Василиса Мелентьева, Марья и прислуга.

Царь

(гневно)

Как смела ты, без нашего веленья,

Войти сюда? Кто звал тебя? Для бабы

Не место здесь.

Царица

Великий государь,

Прости меня! С мольбою и слезами
Иду к тебе! Коль я своей любовью
Тебе еще не вовсе опостыла,
Когда меня, молоденькой жены,
Ты милостью своею не оставил,
Прости его!

(Указывает на князя.)

Он за отца родного
Взрастил меня и воспитал.

Царь

Нельзя!
Не я один, бояре осудили;
Изменникам и чародеям милость
Грешно давать, мы их прощать не властны.
Закон велит огнем их жечь. Ступай!
В мои дела вперед не смей мешаться,
Свой угол знай! И помни: бабий разум
Не так велик, чтоб можно было людям
Показывать его. Для вас довольно
Запечных дел. И то проси у бога,

Чтоб в пяльцах шить рассудку доставало.

Царица
(на коленях)

Ах, государь!

(Молча плачет.)
Царь пристально смотрит на Василису Мелентьеву.
Марья
(тихо Василисе)

Смотри-ка, Василиса,
Как царь глядит сюда! Он на тебя
Уставился. Беда нам!

Василиса

Что за дело,
Пускай глядит, авось меня не сглазит.
Убытку нет, а прибыль будет.

Царь
(взглянув на царицу)

Прочь!

Кн. Воротынский

Ты, матушка царица, успокойся
И не гневи царя, иди к себе!
Противиться так долго не годится
Его приказу. Государь великий!
Измены нет за мной! Я в оно время
Врагам твоим был грозен, государству
Я нужен был для вражьих одолений.
Тогда бы я с клеветниками крепко
Судиться стал перед тобой, — тягаться
За жизнь мою, — теперь на что я годен!
Великих служб я сослужить не в силах,
И жизнь мою я отдаю без спора
Доносчикам. Прости мне, государь.

По знаку Малюты стража уводит Воротынского и Морозова. Царица, тихо плача, уходит, за ней ее прислуга. Мелентьева оглядывается на царя. Царь встает с трона, берет Малюту за руку и отводит в сторону; бояре встают.

Царь

(Малюте, вполголоса)

Красивая та баба, кто такая

В царицыной прислуге?

Малюта

Василиса
Мелентьева, вдова; она недавно
К царице в верх взята, а прежде с мужем
Жила в Москве. Как помер муж у ней,
Так и взяла ее к себе царица.

Царь

Ну, счастлив он, что умер — догадался!
Красавица, не то что Анна-плакса:
От слез ее я стал скучать, Малюта.

Медленно уходит; все молча следуют за ним.

Действие второе

ЛИЦА:
Царь.
Царица.
Василиса.
Марья.
Мамка царицы.

Малюта.
Стрельцы.

Сад во дворце на Неглинной.

Явление первое

Царица и Мамка.

Мамка

Ты, матушка царица, не горюй!
Побереги свои сокольи очи!
От горьких слез завянет красота,
Что с непогоды цветик.

Царица

Как не плакать!
Умучен князь Михайло…

Мамка

Видно, доля,
Судьба ему такая!

Царица

Я молилась
И плакалась царю, он только в очи,
Передо всем боярством, мне смеялся

И с глаз прогнал. Я точно не царица
И не жена ему… Какой он лютый,
Безжалостный! Глядеть-то сердце мрет!
Трясутся все, а он на царском месте
Сидит и злобствует.

Мамка

Побойся бога!
Грешно тебе! Ох, видит бог, грешно!
Ну, кто ж ему, царю, казнить закажет
Рабов своих! На то господня воля
Да царская…

Царица

Какая ж я царица,
Когда ни в чем мне воли нет! Ни просьбой
Не упрошу, не умолю слезами
Я мужа-государя! Я — царица,
А за родню просить не смей! Зачем же
И брал меня он в жены?

Мамка

Что ты ропщешь
И господа гневишь грехом!

Царица

Молчи,
Не говори ты мне! Одна и радость,
За стариком живя, что род и племя
В богатство, в честь введешь с собой. Другие
Родных своих царицы выводили
В почет, в боярство; а моих казнят
Без милости и без вины.

Мамка

В народе
Молва идет, что будто князь Михайло
Волшбой царя известь хотел.

Царица

Не верь!
Малютины всё выдумки, безвинно
Умучен князь!

(Плачет.)
Мамка

А без вины казнен, —
Ему же легче, в божий рай пойдет,
За батюшку царя молиться будет
У господа. Слезами не поможешь,
А разгневить царя недолго. Полно!
Потешила б тебя, да чем, не знаю;
Коль ты велишь, покличу я слепого
Пахомушку: про храброго Егорья
Споет тебе. Сам царь изволит слушать
И жаловать его.

Царица

Не надо. Вот что
Скажи ты мне! Ты все-таки на воле
Хоть изредка бываешь, не видала ль
Кого-нибудь из наших ты, из близких,
Из костромских?

Мамка

Андрея Колычева.

Царица

Когда его ты видела?

Мамка

Вечорась
У Василисы.

Царица

Как он к ней зашел?

Мамка

Не ведаю. Не родственник ли дальний,
А может быть, приятель с мужем, что ли,
Не разберешь, а близки.

Царица

Говорила
С Андреем ты о чем-нибудь?

Мамка

Ну, как же!
Немало мы про старое болтали.

Царица

А про меня он спрашивал?

Мамка

Еще бы

Не спрашивать про царское здоровье!

Царица

Он спрашивал тебя лишь о здоровьи
Царицыном?

Мамка

А то еще про что же?
Теперь не то, что прежде, не в деревне,
Не в Костроме живешь. Какое дело
Спросить он смеет? До бога высоко,
А до царя далеко.

Царица

Вот судьба-то!
Ни угадать, ни миновать ее!
Я в девушках себе другого счастья
Не прочила, как за Андреем быть.
Я суженым его звала, о святках
Гадала я об нем, а по ночам
И плакала, случалось.

Мамка

Что ты! Что ты!

Царица

А вот — царица я.

Мамка

Никто как бог!

Царица

А знаешь ли, мне в ум приходит часто,
Что с ним была бы я счастливей.

Мамка

Боже
Оборони тебя!

Царица

Тогда б я знала,
Что за любовь на свете. Молода я,
Без ласки жить легко ли, посуди.

Мамка

Ахти, грехи!

Царица

Царь милостью оставил
Совсем меня.

(Помолчав.)

Пошли мне Василису!

Мамка

Ты, матушка царица, с Василисой
Не говори таких речей. Помилуй
Тебя господь, узнает царь, беда
Головушке: Андрея и себя
Загубишь ты, и нам не сдобровать.

(Мамка уходит.)

Явление второе

Царица
(задумчиво)

Мне страшно здесь, мне душно, неприветно
Душе моей; и царь со мной неласков,
И слуги смотрят исподлобья. Слышны
Издалека мне царские потехи,
Веселья шум, — на миг дворец унылый
И песнями и смехом огласится;
Потом опять глухая тишь, как будто
Все вымерло, лишь только по углам,
По терему о казнях шепчут. Нечем

Души согреть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Он мне страшен!
Он страшен мне и гневный, и веселый,
В кругу своих потешников развратных,
За срамными речами и делами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарил он часом дорогим
Жену свою, про горе или радость
Ни разу он не спрашивал. Как зверь,
Ласкается ко мне без слов любовных,
А что в душе моей, того не спросит.
Придешь к царю с слезами и любовью:
От царских рук людскою пахнет кровью.

Входит Василиса.

Явление третье

Царица и Василиса.

Царица

Мелентьева, ты здесь?

Василиса

Тебе, царица.

За мной послать угодно было?

Царица

Да.

Василиса

Приказывай, царица!

Царица

Я скучаю;

Сегодня так мне тяжко, так грустится…

Хоть ты мою тоску развей.

Василиса

С чего бы

Кручиниться тебе! Живешь ты в радость,

Мы все тебя и чествуем и холим;

Забав тебе довольно, — пожелает

Душа твоя, и все тебе готово,

Чего во сне другая не увидит.

Царица

Каких забав! Не девка я, невеста,

Чтоб целый день нарядом любоваться

Да в стеклушко глядеть, черно ли брови

Подведены, румянено ль лицо.

Василиса

Чего ж тебе недостает, не знаю.

Царь любит…

Царица

Так ли любят, Василиса!

Ты замужем была, тебя любили,

А может, любят и теперь…

Василиса

Кому же

Любить меня!.. сиротку!

Царица

Как, скажи мне,

Тебя любил дружок?

Василиса

Почем я знаю.

За стариком жила, потом он умер;

Я сиротой осталась.

Царица

Не любила
Ты мужа своего?

Василиса

Кому что надо:
Один любви желает, а другой
Покорности.

Царица

Послушай, Василиса,
Вот третьи сутки я царя не вижу.
Он прежде без меня скучал. Намедни
Зашел ко мне, угрюмый, не надолго;
Прощаясь, мне сказал: «Ты с тела спала,
Я не люблю худых». Моя ль вина!
Не потолстеешь с горя. Мне завидно
На полноту твою глядеть.

Василиса

Царица,
Смеешься ты над бедною вдовой.
Грешно тебе!

Царица

Мне вовсе не до смеха.

Василиса

Тебе не мнится ль, что великий царь
На вдовушку убогую польстится?

Царица

Мудреного тут нет.

Василиса

Да на кого же
Твою красу он променяет?

Царица

Полно!
Не любит он меня.

Василиса

Смотри, качели
В твоем саду он выстроить велел.
Вон погляди!

Царица

Качели! Так ли любят?
Кого полюбишь, в чем тому отка-

жешь?

А мне во всем отказ от государя.

Василиса

Уж право, я не знаю, что сказать?
Чего ж тебе? Заморскую собачку
От немца он принять тебе дозволил.

Царица

Не верю я тебе, чтоб ты не знала,
Чего желает женская душа
От милого.

Василиса

Скажи, так буду знать.

Царица

Такая ли любовь нам греет сердце!
Я знаю, помню, я сама любила.

Василиса
(про себя)

Обмолвилась.

Царица

Любили и меня…

Кого полюбишь, все за тем и ходишь;
На миг один расстаться жаль…

Василиса

Ужли?

Царица

Все в очи бы глядел да ждал приказу,
Чтоб поскорей исполнить. Вот как любят
Хорошие мужья хороших жен.

Василиса

Уж этого, кажись, и не бывает!
И не дождаться бабам от мужьев
Такой любви.

Царица

Да если б он был мужем,
Да он бы все на свете сделал, только б
Утешить чем-нибудь меня.

Василиса

Кто он-то?

Царица

(испугавшись)

Зачем тебе! Он умер. Я шутила,
Я в шутку речь вела. Забудь про это!

Василиса

Забуду я, — какая мне нужда?
Да и тебе то помнить не годится.

Входит Марья.

Явление четвертое

Те же и Марья.

Марья

Царица матушка, к тебе Григорий
Лукьянович Малюта! Приказал
Спросить тебя, дозволишь ли явиться
Ему пред очи царские твои.

Царица

Добро пожаловать. Зови!

Марья уходит.

Давно ли
Он позволенья стал просить! Бывало,
Ходил ко мне без спроса.

Мелентьева хочет уйти.

Ты останься.

Входит Малюта.

Явление пятое

Те же и Малюта.

Малюта

Я, матушка, великая царица,
Пришел к тебе с повинной головою!
Ты гневаться изволишь на меня
За то, что я, холоп царя негодный,
Крамольникам потачки не даю.

Молчание.

Я государев пес, чутьем я слышу,
Кто друг ему, кто недруг; ты напрасно
За ворогов царя вступаться хочешь.

Царица

Я слышала, намедни ты в бояре
Просился у царя.

Малюта

Так что ж, царица?

Царица

А он тебе ответил, что не хочет
Сажать тебя в бояре, что не стоишь
Ты этой чести.

Малюта

Хоть и так, пожалуй.

Царица

Вот отчего ты на бояр и зол,
Что самому тебе попасть в бояре
Не удалось.

Малюта

Что делать? Не по нраву
Пришлось тебе мое усердье, вижу.
На царской службе всем не угодишь.

Царица

Завистлив ты, твоим глазам завистны
Боярские заслуги. В поле ратном
За кровь свою и в думе за совет
Они почету добыли недаром;
Твоя какая служба? Стыдно молвить!

Как тать ночной, как придорожный вор,
С ножом, с дубьем ты ходишь. По заслуге
Тебе и честь. Их славные дела,
Их лики светлые тебе противны,
Что светлый день сове ночной.

Малюта

Царица!..

Царица

Молчи, холоп! Не смеешь ты царицу,
Не выслушав, перебивать. Не в силах
За кровь князей, боярства и народа
Я мстить тебе — сам царь твоя защита;
Так выслушай ты от меня хоть брань
С горючими слезами вместе. Помни,
Что не всегда царь гневен, отдыхает
От казней он, — я часу подожду
Счастливого и ласками осыплю
Я батюшку царя, я угожденьем
Суровое в нем сердце размягчу

И на тебя тогда челом ударю.

(Уходит.)

Явление шестое

Малюта и Василиса.

Василиса

Откуда прыть! Смотри-ка ты, пожалуй!
Была такая скромница, водою
Не замутит.

Малюта

Гордыня обуяла;
Она спесива, а господь спесивым
Противится.

Василиса

Обидно-то обидно,
А делать нечего, терпи, Григорий
Лукьянович, тебе не спорить с ней!
Она царица!

Малюта

Знаем, что царица,

Покуда мне с тобою так угодно!

Василиса

А я-то что, убогая вдова?
Уж вот во сне не снилось.

Малюта

Василиса
Игнатьевна, ты не хитри со мною!
Царю, ты знаешь, Анна надоела,
Ему теперь другая приглянулась.

Василиса

Другая? Кто ж?

Малюта

Да хоть бы ты!

Василиса

Помилуй!
Господь с тобой! Великий царь не слеп.

Малюта

Ну, как же делу быть?

Василиса

Она моложе,

Она меня красивей.

Малюта

Ты красивей!
Не спорь со мной! Красе я цену знаю.
В совете царь тобою любовался,
Не мог отвесть очей; и разговора
Другого нет, лишь о тебе.

Василиса

Вдова
Не царская корысть! Тебя, Григорий
Лукьянович, я попрошу оставить,
Не говорить таких речей; я честно
Жила до сей поры, — я обещалась,
По смерти мужа, век вдовой остаться —
И если ты еще хоть заикнешься,
Я в монастырь уйду. Наш царь женатый;
Невестой быть я не могу, к тому же
Не девушка, вдова я. Хоть и скажешь,
Что честная вдова — честнее девки,
Которая до свадьбы полюбила

Сердечного дружка…

Малюта

Ужели Анна
Кого-нибудь до свадьбы…

Василиса

Похвалялась
Сама сейчас.

Малюта

Кого? Кого?

Василиса

Не знаю.
Перед тобой мы с нею говорили,
Ты вдруг вошел и помешал.

Малюта

Ты слово
Такое мне сказала, что не купишь
И золотом. Я вижу, надоела
Царю она; хоть малую вину
Сказать ему, и он ее прогонит
И в монастырь запрет. Мне имя нуж-

но.

Василиса

Мекаю я, кажись, не ошибаюсь…
Жила она у князя Михаила,
А у него был сын и, говорят,
Собою молодец. Она сказала,
Что умер тот, кого она любила, —
И этот был убит.

Малюта

Ну, значит, он!
Твоя звезда восходит, Василиса
Игнатьевна. Царицей можешь быть;
Не позабудь и нас, своих холопей!
По гроб твои!

Василиса

Уж я тебя просила
Не искушать меня, вдову, Григорий
Лукьянович. Тому нельзя и статься,
Чтоб я была царицей; ты напрасно,
Не обольщай меня.

Малюта

Я рад служить,
И случай есть.

Василиса

Не говори! Помимо
Меня невест найдется, — у бояр
Немало девок-дочерей.

Малюта

Как хочешь.

Василиса

А кто пойдет к царю с доносом?

Малюта

Ты.

Василиса

Убей меня, а не пойду.

Малюта

Так кто же?
Постой, Андрей пойдет; он жил у князя
И в Костроме бывал, царицу Анну
С младенчества он знал.

Василиса

Ты ко мне
Вели ему зайти, мы потолкуем.
Я научу его.

Малюта

Ну, ладно! Мамка
Не знает ли? Не скажет ли она?
Тогда верней.

Василиса

И правда. Мы догадкой
На князя Воротынского напали.

Малюта

Покликать бы ее! Да вот она.
Мамка выходит из терема.

Явление седьмое

Те же и мамка.

Малюта

Сюда скорее, старая колдунья!

Мамка

Колдунья! Я? Царицына-то мамка?
В своем ли ты уме? Проснись, корми-

лец!

Меня и царь Егоровной зовет.

Ужо тебе от матушки царицы

Достанется.

Хочет итти. Малюта грубо поворачивает ее к себе.

Малюта

Аль ты меня не знаешь?

Мамка

Ах! Батюшка!

Малюта

Ну, сказывай скорее!

Мне некогда с тобою проклаждаться, —

Кого царица до венца любила?

Мамка

Помилуй ты, кормилец...

Малюта

Говори!

Кто знал ее? С кем чаще всех видалась?

Кто ближе был? Володька Воротын-

ский?

Мамка
(бросаясь в ноги Малюте)

Отец ро… одной… не погуби…

Малюта

Старуха!
Всю истину сейчас же говори!
Не скажешь правды, вытяну из тела
Все жилья старые твои.

Мамка

Григорий
Лукьяновнч!

Малюта

Кого она любила?

Мамка

Ей-богу, нет! Ты отпу… сти меня.

(Василисе.)

Покланяйся ты за меня! Спасите!
Денной разбой в царицыных хоромах!

Малюта

Ты погоди кричать, еще не время.

(Зажимает ей рот руками.)

Проклятая, молчи!

Свистит, входят двое стрельцов.

Ребята, живо!

(Уходит с ними и с мамкою.)

Явление восьмое

Василиса
(одна)

Хитер ты, пес, а не хитрее бабы!
Царю по нраву я пришлась! Спасибо,
Что объявил. Челом тебе, Григорий
Лукьянович! Ты хочешь подслужиться
Царю нетрудной службою — посватать
Пригожую бабенку. За услугу
И за красу чужую хочешь милость
Добыть себе и на чужом добре
Барыш нажить. Так нет же, старый грешник!

Уж если мне судьба и доля вышла
Царицей быть, я сяду и сама.
Потом подумаю, не лучше ль будет
Держать тебя подальше. Два медведя
В одной берлоге не живут, им тесно.

Входит Царь.

Явление девятое

Василиса и Царь.

Василиса
(с притворным испугом)

Ахти, грехи! Куда теперь мне деться!
Пожаловал наш сокол ясный, царь,
Наш батюшка.

Царь

Чего ты испугалась?
Поди ко мне поближе, я не зверь,
Я человек, я раб греха и плоти.
Ты, грешница с лукавыми глазами,
С манящим смехом на устах открытых,
Чего боишься? Я тебя не на-дух

Зову к себе! За блудное житье
Эпитимьи не положу тяжелой.
Не постник я! Подвижников смиренных
Постом и бденьем испитые лица
Вам, грешным бабам, видеть тяжело;
Я также слаб своей греховной волей
И ежечасно помыслом нечист,
И разговором срамным согрешаю,
Как вы же, бабы молодые, — значит,
Тебе бояться нечего меня.

Василиса

Царица здесь была перед тобою,
Она из саду только что ушла,
Я упредить ее пойду.

Царь

Поспеешь.
Тебя я в думе видел, ты давно ли
В царицыных покоях?

Василиса

Я недавно,
Недели с две.

Царь

Тебе мои хоромы
По нраву ли?

Василиса

С младенчества молилась
И грезила, чтоб царские палаты
Привел господь увидеть, послужить
Тебе, царю. Какой же больше чести
Рабе твоей покорной?

Царь

Ты вдова?

Василиса

Вдовею с год.

Царь

Я чай, без мужа скучно?

Василиса

О чем скучать, я мужа не любила.

Царь

За что, про что? Иль дурно жил с тобою,

Иль зол он был, иль стар и дряхл, как я?

Василиса

Не то что стар, а сердце не лежало.

Царь

Ты с норовом, тебе не угодишь!
Я знаю вас, вы, бабы молодые,
На молодость и красоту завистны.

Василиса

Что молодость! Кто силен, тот и молод;
Красавец тот, кто славен и могуч.

Царь

Меня бы ты могла любить?

Василиса
(закрывается)

Мне стыдно!
Не говори! Ай, стыдно!

Царь

Что за стыд?

Василиса

Сказать, что не люблю — тебя обидеть,

Да и неправда; а сказать люблю.

Сказать тебе всю правду — грех большой:

И ты женат, и я вдова; так лучше

Не спрашивай.

Царь

(подозрительно)

Ты видела Малюту?

Василиса

Малюту? Нет: на что мне твой Малюта!

Я утром в думе видела твой взгляд,

И этот взгляд прожег насквозь мне сердце.

Царь

Со мною бабы так не говорили;

Я полюбил тебя, ты мне по нраву.

Обнимает Василису, она его целует с жаром, но, как бы испугавшись, вырывается и закрывает

лицо.

Василиса

Меня во грех ты ввел. Не спохватилась!
Вот грех какой.

(Толкает царя в плечо.)

Поди, поди к царице!

Царь о удивлением смотрит на нее, она продолжает его толкать.

Поди, поди! Она жена твоя,
Она красивей, лучше нас, нарядней,
Поди, поди!

Царь

С тобой мне веселее!
Ты смелая!

Василиса

Какая уродилась,
Уж не взыщи. Великий государь,
Ты грамотник: мне имя — Василиса;
А что такое Василиса, знаешь?

Царь

Царица!

Василиса

Да? Ишь, как меня назвали!
Какая я царица, я раба!
Да что я, дура, так разговорилась, —
Поди к жене!

Царь

Я не пойду к царице.
А ты сама царицей хочешь быть?

Василиса
(становясь на колени)

Не искушай меня, великий царь,
Молю тебя!

Царь

Захочешь, так и будешь.

(Уходит.)

Действие третье

ЛИЦА:
Царь.

Анна, царица.
Малюта.
Василиса.
Колычев.
Шут.

Решетчатые сени в деревянном дворце.

Явление первое

Василиса
(у окна)

Красна Москва широкая! Далеко
Раскинулись концы ее! На солнце
Огнем горят кресты церквей, в Кремле
Красуются палаты золотые
Московского великого царя!
Ты, думушка, лети в высокий терем
Расписанный! Войду ли я в тебя
Не рабскою ногою, а хозяйкой,
На зависть всем боярыням москов-ским,
Нарядами цветными красоваться?
Поблекнет их краса перед моею;
Красавиц-жен мужья свои разлюбят,

Как поглядят на красоту царицы!
Отдай ты мне свое цветное платье,
Отдай добром, не спорь со мной, царица
И не к лицу тебе кокошник царский,
Да и носить его ты не умеешь.

Входят Малюта и Колычев.

Явление второе

Василиса, Малюта и Колычев.
Малюта
(Василисе)

Опочивает царь. Скучать стал больно,
Утехи нет ему. Жена постыла.
Свой царский век царица доживает,
На смену ей жену другую нужно
Великому царю. Спасибо, случай
Помог беде; сама себя царица
Нам выдала, сама вину такую
На голову свою наговорила,
Что лучше не придумаешь. И любо!
А то поди придумывай вину

Да послухов ищи!

(Колычеву.)

Андрей, послушай!
Ты помни все, что я тебе скажу,
И толком говори царю: у Мишки
Ты в Костроме служил, в девицах Анну
Ты видывал и слышал не однажды,
Что промеж них с Володькой Воротынским
Любовь была.

Колычев

Освободи, Григорий
Лукьянович, заставь другую службу
Служить тебе!

Малюта

Недаром говорили,
Что ты такой-сякой, что ты, бывало,
С крамольниками знался зачастую!
Смотри, Андрей!

Колычев

Ты сам мне говоришь,

Что полюбил меня, за что ж ты хочешь

Мне на душу взвалить такую тягость —

Безвинную царицу загубить!

Ее душа-то чище голубиной

Пред господом!

Малюта

Да ты в уме аль нет?

Опомнись, смерд! Кому ты говоришь!

Тебя к Малюте в службу не тянули;

Ты сам пришел ко мне, своей охотой,

А первой службы сослужить не хочешь!

И без тебя найдем, коль ты негоден.

Охотники найдутся! Только помни:

Кто служит мне, тот мой душой и телом;

Негодных слуг я не держу; иль режь,

Иль самого зарежут.

Колычев

Я зарезать

Скорей возьмусь. Вели ты мне, Григо-

рий
Лукьянович, повыточить острее
Булатный нож, пойти в ее покои
И, как овечку, приколоть ее.
Мне будет легче видеть, как трепещет
Под воровским ножом лебяжья грудь,
Чем клеветать и срамными речами
Безвинную позорить перед мужем.
Я рад служить, да только б не бесчестить
Иудинским предательством свой род.

Малюта

Бесчестья нет на службе! Так ты мал
Перед царем великим, что какую б
Позорную и срамную послугу
Ты ни служил в утеху государю,
Все в честь тебе холопу!

Василиса

Ты, Григорий
Лукьянович, не гневайся! Он молод
И глуп еще. Постой-ка, я два слова

Скажу ему, послушает, не бойся!

Малюта

Наставь его на разум, Василиса
Игнатьевна! Он бабьего ума
Послушает, авось умнее будет.
Смотри же! Я теперь пойду к царю,
А ты в сенях пообожди. Покличу,
Так подходи к царю смелей, без страха,
И объяви, что сказано.

(Уходит.)

Явление третье

Колычев и Василиса.

Колычев

За что же
Вы губите царицу?

Василиса

Вот за что:
Царю она, ты знаешь, надоела,
А царь еще не стар. На нас порою,
На слуг царицыных, на баб и девок,

Он смотрит так, что кто греха боится,

Так со стыда хоть провались сквозь землю

И каждый миг дрожи.

Колычев

И на тебя?

Василиса

А на меня всех чаще.

Колычев

Неужели?

Василиса

Чему же ты дивишься? Во дворце

Я никого не хуже; что ж за диво,

Что на меня заглядываться стал

Великий царь!

Колычев

О господи!

Василиса

Что, видно,

Не по сердцу тебе? Что делать, парень,
С царем не спорить.

Колычев

Ты сама нарочно
В глаза ему без совести глядишь,
Сама к нему навстречу забегаешь,
Бесстыдная.

Василиса

А разве худо дело?

Колычев

Так бог с тобой!

Василиса

Постой! Послушай прежде!
Хоть стоило б тебя за эти речи
С очей прогнать, да бог тебя простит, —
Сердиться-то не хочется. Я лучше
На ум тебя наставлю. Мы царицу
Развесть хотим с царем. Он будет рад
Хоть малую вину найти за нею,
Запрет ее, как Анну Колтовскую,

В монастыре и, не промедлив часу,
Возьмет себе жену шестую. Мало ль
Боярышень красавиц на Москве!
Утешится, как новою игрушкой,
Женой своей; от нас же, недостойных
Рабынь своих, взор царский отвратит.
Минуется мой страх, и на свободе
Могу тогда любить тебя. Ну, понял?
Ну, понял ты?

Колычев

Все понял; все, что хочешь,
Исполню я. Прости мне, Василиса
Игнатьевна, безумные слова!
Я обомлел от страха, обезумел.
Почудилось мне, бедному, что старый
Тебя из рук моих, голубку, вырвал.

Василиса

На первый раз вину тебе прощаю,
Уж так и быть; поберегись вперед
Гневить меня! Не ты ли мне божился,
Что мой приказ — закон. Ты не гор-

дись!

Ты возмечтал, что красен ты, молодчик,

Разбойник, соблазнитель глупых баб!

Так знай, найдутся, если поискать,

Хоть не тебе чета, — поплоше будут, —

Да где уж нам, сиротам, бедным вдовам,

За красотой гоняться, — лишь бы только

Любил меня да слушал: вот что надо

Мне, сироте. Прощай, Андрей, голубчик!

(Уходит.)

Явление четвертое

Колычев
(один)

О господи! Как тяжко, непривычно

Бесовскую личину надевать!

Несчастна ты, Васильчикова Анна!

Я знал тебя, у князя Михаила,

В его дому большом, девицей кроткой.
Дивились мы тогда твоей красе,
И тихому обычью, и глазам
Потупленным. Мне часто тихомолком
Болтали сенные девицы, будто
Вздыхаешь ты и слезы льешь по мне;
Но ты сама не только что словечком,
И взглядом ласковым не подарила
Меня ни разу. Смолоду мы глупы —
Несбыточному верим: я, бывало,
Подумывал у князя Михаила
Посватать Анну, да, спасибо, скоро
За ум взялся. Не нам, мизинным людям,
По княжеским домам невест искать,
Коль царь Иван берет невест оттуда ж;
То царский кус, не наш. Да не на радость
Попала Анна в царские палаты!
Пока любил тебя твой государь —
И слуги земно кланялись; минулась

Любовь царя — и слуги стали грубы,
И служат нехотя, и смотрят косо;
Не в радость им служить жене постылой,
Избыть тебя хотят. И скоротаешь
Ты дни свои в монастыре далеком.
Ты не жалей о царской доле! Лучше
В уютной келье. От любви и гнева,
От милостей и казней укрываясь,
Ты помолись за землю, за царя
И помяни меня в своих молитвах!
Не я твоей погибели желаю,
Твоя погибель прежде суждена.
Мой грех невольный. Я слуга царев:
Его беречь и тешить наше дело.
Чем грозному царю ты провинилась,
Не нам судить, но ты ему помеха,
И мы тебя не смеем пожалеть!
Не я, другой найдется и погубит
Тебя верней, чем я. Прости меня!

(Уходит.)
Входят Царь и Малюта.

Явление пятое

Царь и Малюта.

Царь

Мелентьевой она призналась?

Малюта

Да,
Великий государь, и похвалялась…

Царь

Притворщица! Со мной и разговору
Не вдруг найдет, сидит, потупясь в землю,
Смиренницей такою смотрит, точно
Она овца, а я мясник.

Малюта

Лишь имя
Не назвала; но верный твой слуга,
Андрюшка Колычев, нас надоумил.
Он жил у князя в Костроме и слышал,
И сам видал кой-что. И по приметам
Выходит так. Царица говорила,

Что милый друг был суженый ее,
Что за тобой она лишь горе терпит
И слезы льет. Что если б жить за милым,
За суженым, иную б жизнь узнала,
Советную, — что он ее любил
Не так, как ты, и что она любила
Сама его, и до сего дня любит;
Что умер он, а быть бы ей за ним!..
Не кто иной — Володька Воротынский,
Он в ту пору был под Москвой убит.

Царь

А жалко мне, что бабы не воюют, —
Послал бы я свою женишку Анну
На веретенный бой, чтоб с милым другом
Ей умереть одною смертью.

Молчание.

Нет,
Ошибся я в самом себе — я думал:
Пора моих греховных помышлений
Совсем прошла, что старческое око

Не соблазнит моей греховной плоти,
Что время мне в посте и покаяньи
Замаливать грехи минувших лет
И в черной ризе постника, в молитве
И день и ночь стоять на послушаньи
И слезы лить. Ошибся я, Малюта;
Еще грехов во мне гнездится много,
К духовной скорби сердце не готово.
Я увидал Мелентьеву, и вновь
Былым грехом мечта моя смутилась,
Былая страсть зажглась в моей груди!

Малюта

От нас тафья и ряса не уйдут!
В монахи из царей попасть нетрудно.
Греха не бойся: мудрый Соломон
Набрал себе не шесть, а сотни жен.

Царь

Молчи! Я, трезвый, не люблю кощунства!
Последний грех, последний, а потом
Покаемся; ведь не сейчас над нами

Господень суд, покаяться успею.
Последний грех, я выкуплю его
Тяжелым послушаньем; я сегодня ж
Поклоны класть начну земные. Эй!
Позвать сюда царицу.

Слуга уходит.
(Малюте.)

Колычева
Пошли ко мне!

Малюта идет к дверям и делает знак рукою. Колычев входит и кланяется.

Явление шестое

Те же и Колычев.

Царь

Ты из каких людей?

Колычев

Я дворянин
Из рода Колычевых, государь.

Царь

Ты в девках знал царицу Анну? Правда

ль,
Что до венца Володька Воротынский
Был суженым ее?

Колычев

Царица Анна
У Воротынских в вотчине жила,
Я раза два видал ее. Холопы
Несли молву, что молодого князя
Она к себе приворожила так,
Что в ней души не чаял, что, пожалуй,
Мол, женится на ней.

Царь

А что потом?

Колычев

Великий царь, мы — маленькие люди;
Увидишь ли, что в княжеских светлицах,
Что в девичьих высоких теремах,
В широких сенях деялось?

Царь

И правда!

Малюта

Не видишь глазом, так ушами слышишь.

Колычев

Да я, что слышал, то и молвил. Знамо,
Что про бояр хорошего не скажут
Холопы их, а что случись дурного,
Так зазвонят, что в колокол. Негоже
И сказывать, что люди говорили
Про молодого князя.

Царь

Кликнуть мамку,
Она жила при ней, она расскажет
Про все дела, про девичьи забавы
Царицыны.

Малюта

Я спрашивать пытался.

Царь

Ну, что ж она?

Малюта

Да старая колдунья
Со страху, что ли, вовсе онемела;
Я попытал ее, кажись, легонько:
На дыбу вздел да раза два ударил, —
Она сквозь зубы что-то бормотала
И околела, не сказав ни слова.

Царь

Ни слова не сказала! Уж и ты
Пытаешь так, что старой не под силу;
В старухе еле держится душа,
А он ее на дыбу! Ты б поджарил
Легонечко, так все бы рассказала.

Входит Царица.

Явление седьмое

Те же и Царица.

Царица

Ты повелеть изволишь, государь...

Царь
(Малюте)

Смотри, Малюта! Кто бы мог поду-

мать,
Что под таким смиреньем зло таится
И ненависть к царю и мужу.

Царица

Боже!
Великий царь, о чем ты говоришь?
Я слов твоих не разумею.

Царь

То-то!
Не разумеешь! Подними глаза!
Гляди на нас!

Царица

Могу глядеть я смело!
Смотри в мои глаза, ты в них увидишь,
Что я чиста перед тобой и богом.

Царь

Обманщица! Ты лжешь теперь глазами
И языком.

Царица

Великий государь,

Не мучь меня, скажи мне, в чем виновна
Перед тобой жена твоя...

Царь

Во всем!
Произнося обет перед налоем,
Ты солгала попу лукавым, женским,
Обманчивым, болтливым языком,
А сердцем лживым бога обманула!
Ты мне лгала своим лицом веселым
И детской радостью, что из девчонки
Заброшенной ты сделалась царицей;
Притворствуя, в своем холопском сердце
Ты о другом скучала в то же время!
Лукавая, ты ласк моих дичилась —
Ты мужа государя отдаляла
Стыдом своим притворным; а холопу
Без совести в девицах позволяла
Ласкать тебя.

Царица

Кому, кому? Когда?

Царь

Мне ложь гадка, притворство ваше бабье
Наскучило: потешь меня хоть раз,
Скажи всю правду в очи мне; послушать
Мне хочется, как будешь ты крушиться
И горевать, подпершись локотком,
На горькую судьбу свою злодейку,
На долю разнесчастную свою,
На мужа-старика, на ворчуна
Беззубого; как будешь вспоминать
Касатика, сердечного дружка,
Что долги-то осенни вечера
И темны зимни ночи вы сидели
И миловались, крепко целовались,
Да разлучили злые люди вас.

(Смеется.)

Царица

(плачет)

Какой дружок? Я никого не знаю.

Какой, скажи!

Царь

Володька Воротынский!

Царица

Володю я ребенком только знала:
Родными мы росли, потом на службу
Уехал он.

Царь

Ты лжешь! Эй, Колычев!
Скажи ты ей в глаза, что лжет она.
Колычев подходит.

Царица
(удивленная)

Андрей! Андрей! Ты, князя Михаила
Слуга и милостник, — и ты посмеешь
Оклеветать его родного сына,
За родину страдальца, — и меня,
Безвинную.

Колычев
(потупясь)

Что люди, то и я!

Царица

Великий царь, мне, бедненькой сиротке,
Когда была в девицах я, могло ли
И в ум взойти, чтоб светлый князь, природный,
И знатного отца любимый сын
Польститься мог на девушку-сиротку
Безродную! Обычаем девичьим
Гадала я о женихах, как все.
Я суженым назвать не смела князя
В своих девичьих думах. Я гадала,
Я думала, что суженым мне будет
Не князь Владимир Воротынский. Где уж!
А разве вот Андрюшка Колычев.

Царь

Долой с очей моих! Ступай! Довольно!
Наслушался я вдоволь слов позорных
Для царского величья своего,
Для мужней гордости и чести. Прочь!
Очей моих ты больше не увидишь,
Теперь тюрьмой тебе твой терем бу-

дет;
Молись, сиди, замаливай грехи,
Пока другого места не найдется
Для грешницы. Я не хочу быть мужем
Тебе, жене развратной и бесстыдной,
За то, что ты сменять царя готова
На первого холопа! Прочь поди!

Царица

Прости меня, великий государь!

(Уходит.)

Явление восьмое

Царь, Малюта и Колычев. После долгого молчания Царь идет прямо на Колычева и, поставив ему на ногу остроконечный свой посох, хочет опереться.

Царь

Что значат эти речи, Колычев,
Что Анна говорила: «Не Володька
Был суженым, был женихом желанным,
А Колычев Андрюшка». Говори!

Колычев

Не знаю, что царица говорила;
В ее душе я не был, государь.
Не мало вин на мне перед тобою
И перед господом грехов великих, —
За те казни; а этой нет вины.

Царь
(отнимая посох)

Вели ему поместного прибавить
Из вотчин Воротынского удельных
Да шубу дай.

Колычев
(кланяется)

Челом тебе за милость
Великую, великий государь!

Малюта

Твой раб служить тебе, твоим веленьям
И праведному гневу твоему
Готов всегда. Я строгий твой приказ
Не побоюсь исполнить, если б даже

Касался он жены твоей виновной.

Царь
(задумчиво)

Виновной! Да! Она виновна, знаю.
Державный Генрих, аглицкий король,
Отец сестры моей Елизаветы,
Двух королев казнил. У нас другие
Обычаи. Заговорят в народе,
Митрополит что скажет! Агличане
Почета больше к королям имеют,
Чем вы к царям своим. Не только волю,
Они намек умеют понимать
И королевский взгляд — и так ведется
Во всех иных великих государствах.
Шута ко мне!

Шут вбегает из двери.

Шут

Я, дедушка Иван,
Давно тебя ищу по всем покоям.

Царь

Пляши и пой, вертись передо мною
И тешь меня сегодня!

Шут

Наше дело!

(Поет.)

Кабы бабе молока, молока,
Была б баба молода, молода!
Кабы бабе киселя, киселя,
Была б баба весела, весела!

Царь

По всей Москве собрать пропойных пьяниц.
Приятелей, потешников моих!
С женой теперь я, с плаксой, развязался:
Былое надо вспомнить, надо встретить
Повеселее холостую жизнь!

Шут
(идет к дверям и пляшет)

Кабы бабе сапоги, сапоги,

Пошла б баба в три ноги, в три ноги!

Царь, Малюта, Шут уходят. Из другой двери выходит Василиса.

Явление девятое

Колычев и Василиса.

Василиса

Зайди ко мне сегодня после звона
Вечернего. Я буду дожидаться
И выбегу тебя встречать далеко,
И поведу за ручки в свой терем,
Хороший, милый мой дружок Андрюша!

(Уходит.)

Действие четвертое

ЛИЦА:
Царица.
Василиса.
Колычев.
Марья.
Женщины и девушки.

Сцена первая

Небольшая комната Василисы Мелентьевой.

Явление первое

Василиса
(одна)

Задумала я думушку, запала
На сердце мне заветная мечта —
Царицей быть. Дурное ль это место —
Да занято, другая не пускает,
Сидит на нем. Ошиблись мы с Григорьем
Лукьянычем; гневился царь не очень,
И пожалел он пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не дал
Своим рукам он воли, костылем
Не уходил, не растоптал ногами,
Не захотел мне места опростать.
А мы было, признаться, так и ждали!
Стареет царь, и пылкость в нем про-

ходит,
Отходчив стал; не так бывало прежде;
Не проходил гнев царский без убойства.
А что теперь! Потопал, покричал,
Деньков пяток посердится на Анну
И на других, кто подвернется; с месяц
Коситься будет на нее, а все же
Она останется моей помехой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ее рабою.
Я не слепа, я вижу, что царю
По нраву я; старик на Василису,
Как кот на мышь, глядит; но Василисе
Наложницей быть мало. Пробиралась,
Ползла ползком я ко двору царицы,
За сиротство и бедность натерпелась
Позору я и брани от боярынь,
От толстых дур, унизанных серьгами
И кольцами. Как козы в сарафанах —
Кичатся тем, что аксамит тяжелый
Коробится лубком на их плечах!
Умней меня они иль краше, что ли?

Одна краса у них, что растолстеют
Копна-копной — от вечного лежанья
Да от питья хмельного втихомолку,
Под страхом мужней плети. Злые бабы!
Им есть, да спать, да хохотать весь день
Речам бесстыдным сказочниц дворовых!
Лишь по мужьям и честь им, — я обиды
Сумела бы им выместить сторицей.
Я краше их и в смирном вдовьем платье.
Надень-ка я наряды дорогие —
Ну пусть тогда покажут, кто в Москве
С Мелентьевой красой сравниться может.

(Идет к поставцу.)

Хоть полюбуюсь на себя немного,
Венчальный свой наряд надену. Вот он!

(Вынимает кокошник и ферязь.)

Поставлю здесь я зеркальце стальное.

(Одевается и смотрится в зеркало.)

Ах, как давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мне! Так нет же! Нет! Цареву
Я видела любовь и ласку, — быть
Хочу царицей я — и буду! Маша!

Входит Маша.

Явление второе

Василиса и Марья.

Марья

(вдруг взглянув на Василису)

Ах!

Василиса

Что же ты? Чего ты испугалась?

Марья

Ни разу мне в таком богатом платье
Видать тебя не приходилось. Больно
Пригожа ты, на загляденье, право!
И властный вид такой, как у царицы.

На радости какой же нарядилась
Так цветно ты?

Василиса

Покуда нет, а будет
И радость у меня. Увидишь скоро
И не в таком наряде! Побогаче
И епанчу, и летник я надену,
И жемчугом осыплюсь с головы
До самых пят.

Марья

Пошли господь на долю
Сиротскую твою!

Василиса

Скажи мне, Маша,
Такая ли походка у царицы?
Умеет ли она, как лебедь, плавно,
Неслышными шагами выступать,
Не колыхаясь?

Марья

Нет! С развальцем ходит,
Качается по сторонам она

Легонечко. Ты лучше ходишь.

Василиса

То-то!

Так прямо стать, так гордо поклониться

На земные боярские поклоны,

Так нехотя им кланяться, чтоб знали,

Чтоб чуяли они, лежа во прахе,

Ничком, у ног твоих, что этой чести

Они не стоят?

Марья

Я не понимаю,

Мне в толк не взять, к чему такие речи!

Василиса

Умеет ли царица Анна бровью,

Без слов, сказать тебе и гнев, и ласку?

Марья

Да где же! Нет! Она у нас такая

Смиренница. Пошли ей бог здоровья

И всякого добра…

Василиса

А я умею!

Марья

На то и взять тебя!

Василиса

Так ты пойми же,
Как горько мне, что я, с такой красою,
С такой осанкой царской, я — раба,
Раба — тогда как ей моей рабою
Пристойней быть! Зачем в хоромах царских
Она сидит — сидит и не пускает

(топает ногой)

Меня с царем Иваном рядом сесть!

Марья

Господь с тобой! Мне страшно, Василиса
Игнатьевна! Молчи, молчи! Услышат
И донесут царю, беда моей
Головушке!

Василиса

Пускай сам царь услышит!

Марья

Здорова ль ты, в тебя недуг не вшел ли?
Тебе не враг ли эти речи шепчет?
Прости меня, с тобою оставаться
Мне боязно, я в сенях постою,
Разок-другой передохну на воле.

Василиса

Счастлива ты на свете родилась!
И проживешь на свете, не узнаешь
Ни радости большой, ни адской муки!
Когда царицей буду на Москве,
Приди ко мне за милостью, я вспомню
И награжу тебя по-царски.

Марья

Полно!
Не надо мне. О, господи, помилуй!
С тобой того гляди, что пропадешь.

(Уходит.)

Явление третье

Василиса
(одна)

О, как я зла на Анну! Если б можно,
Прикинулась бы я змеей шипучей,
Медяницей, в холодной пестрой шкурке,
Я поползла б по частым переходам
Решетчатым, по кленовым сеням
До терема ее, и обвилась бы
Вокруг ее лебяжьей белой груди,
И жалила, и жалила ее!
Не дожила б она до завтра, только б
До вечера ей жить, да не привычны
К такому делу наши, бабьи, руки! —
Так есть в запасе молодец у нас!
За то мы их ласкаем и голубим,
Чтоб вывести из разума, чтоб парень,
Как верный пес, по твоему приказу
В огонь и в воду шел! Глупа ты, баба,
Коль молодого парня не заставишь
На всякий грех с охотою пойти.

Входит Марья.

Явление четвертое

Василиса, Марья, потом Колычев.

Марья

Да есть ли стыд в твоих глазах?

Василиса

А что?

Марья

В покои к нам не ходят холостые.

Василиса

А кто ж пришел?

Марья

К тебе Андрей Петрович,
По зову, говорит.

Василиса

Ну, пусть идет,
Большой беды не вижу.

Марья

Аль ты хочешь

Дурной молвы? Хоть нас-то пожалей.

(Уходит.)

Василиса

Пришел Андрей. Уж то-то рад, сердечный!
Награды ждет, а чует ли он духом,
Что я ему еще работу дам!

Входит Колычев.

Колычев

(кланяется)

Челом тебе!

(Взглянув.)

Ах, что ты, Василиса
Игнатьевна? Зачем ты нарядилась?
Не гостя ли ждала?

Василиса

Тебя!

Колычев

Спасибо!

(Целует ее.)

Василиса

(обнимая его)

Кого ж мне ждать, один ты у меня,
Одна моя отрада ты, Андрюша!
Не веришь ты?

Колычев

Не верить, как не верить!
Да только все, мне кажется, что шутишь
Со мною ты! Вот я один с тобою,
Держу в руках тебя, целую крепко —
А в голове такая дума бродит,
Что выскользнешь из рук моих ты змейкой
И спрячешься.

Василиса

Напрасно обижаешь!
Ну, видишь ты, что я твоя! Чего же
Тебе еще!

Колычев обнимает ее.

Постой! Такое счастье
Уж на роду написано тебе,

Что баба я простая, — что на сердце,
То на устах, без хитрости.

Колычев ее обнимает, она освобождается.

Постой-ка!
Подумай ты, когда полюбит парень
Замужнюю, вдову или девицу,
Кому трудней на свете жить? Чего же
Для милого дружка мы пожалеем!
Да вот хоть я, — и женский стыд забыт,
И не боюсь, что люди скажут. — Могут
Прогнать меня с позором от двора
И запереть в монастыре. А парню
Ни горя нет, ни страха, ни хлопот.
Ты только слов для бабы не жалей
Да уговаривать не поленися!
И в том труда большого нет, мы глупы,
Что ни скажи, все верим: ты вот мигом
Уговорил меня.

Колычев
(обнимает ее)

Родная! Жизни
Я для тебя не пожалею.

Василиса

Правда ль?
Вот на уме я и держу, что только б
Мне увидать на деле, как ты любишь,
Увериться глазами, ну потом уж
И спорить я не буду.

Колычев

Все на свете,
Что хочешь ты!..

Василиса
(лаская его)

Ужли, ах, мой родной!

Колычев
(обнимает ее)

Голубка ты!

Василиса
(освобождаясь)

Ох! Перестань!

Колычев

Да что же
Из рук моих ты рвешься?

Василиса
(стыдливо)

С непривычки!
От ласки-то давно отстала, парень!
Да что тебе смотреть на робость бабью, —
Стыда боишься, не пускай милова!
Моя вина, что я тебя пустила.
А коль пришел, так ты хозяин здесь;
Я гостю отказать ни в чем не смею.
Глупехонька я, баба; ну, а ты
Исполнишь все, что попрошу?

Колычев

Исполню!
Приказывай.

Василиса

Боюсь, обманешь.

Колычев

Богом
Клянусь тебе!

Василиса

Ах, милый, мой сердечный!

Колычев

Проси скорей, во мне душа кипит,
На всякую готов итти послугу,
Чтоб знала ты, как я люблю тебя.

Василиса
(ласкаясь)

Голубчик белый! Отрави царицу!

Колычев

Безумная! Побойся бога! Что ты!
Возьми назад слова! Проси у бога,
Чтоб он простил тебя, что дерзким словом
И помышлением ты согрешила!
Говей, постись!

Василиса

Куда мне торопиться!
Успею поговеть и в пост великий,
Во всех грехах тогда покаюсь кстати.

Колычев

Что сделала тебе царица Анна?
За все добро ее убить ты хочешь.

Василиса

Не я хочу! За что такой злодейкой
Считаешь ты меня! Могу ль желать я
Царице зла! Она вдове несчастной
Приют дала, была мне госпожою
И матерью, и милостью дарила
И ласками. По царскому приказу,
Малюта мне велел убить ее.

Колычев

Он говорил, я помню, да! Сгубили
Царицу вы!

Василиса

И я об ней жалею,
Да как же быть! Подумай ты, Андрюша,

Что делать мне! Поднимутся ли руки
Невинную убить!

Колычев

Греха боишься?
С души своей ты хочешь на мою
Тяжелый грех свалить? Да разве хуже
Во всей царевой дворне не нашлось,
Что за меня взялась ты?

Василиса

Да кому же
Поверю я цареву тайну? Разве
Довериться могу я нашим бабам?
А больше я не знаю никого.
Коль любишь ты меня, так выручай!

Колычев

Любить-то я люблю тебя, да грех-то
Не замолим. Ужель тебе не жалко
Души моей?

Василиса

От царского стола,
От ужина, ты понесешь царице,

Как будто царь прислал, — в царевом кубке —
Сыченый мед. Тебе отдаст Малюта,
И ты придешь…

Колычев

Освободи! Послушай,
Великий грех!

Василиса

И слушать не хочу!
Я проведу тебя, и ты заставишь
Испить до дна серебряную стопу
За здравие…

Колычев
(берет ее за руку)

Так знай же, Василиса
Игнатьевна! Тебе, для ради женской
Красы твоей, души я не жалею!
Но ты смотри, в последний это раз
Я твой слуга.

Василиса

Ну да, Андрей, в последний!

Колычев

Запомни ты! Свершивши это дело
Греховное, я буду господином,
А ты моей рабой. Заставлю я
Не лаской, а грозным словом тешить
Любовь мою и норов молодецкий —
Женой возьму к себе, в свой дом.

Василиса

Согласна.

Колычев

И будешь ты любить меня и холить,
И пуще грома божьего бояться.

(Берет ее за руку.)

Василиса

Ой! Больно, больно.

Колычев

Ну, уж не взыщи!
А ты спроси, легко ли мне! Прощай.

(Уходит.)

Сцена вторая

Передний покой в тереме царицы.

Явление пятое

Входит Царица, за нею Василиса Мелентьева.

Царица

Оставь меня! К чему за мной ты ходишь?
Тебя мне видеть страшно.

Василиса

Что же делать!
Как быть, мой свет! Мне и самой не любо,
Да царь велел.

Царица

Бесстыжая ты баба!
Ты горькою обидой отплатила
За милости и ласку, и смеешься
И тешишься мученьями моими!
О, господи!

Василиса

А кто же виноват?

Царица

Не знаю я, но я не виновата.
Не думаешь ли ты, что я заплачу,
Перед тобой оправдываться стану,
Перед холопкой! Я на суд боярский,
На суд митрополита позову
Доносчиков своих. Святая правда
Возьмет свое.

Василиса

Боярам не придется
Судить тебя. Великий государь
Не отдает себя на суд холопов,
Он сам судья над женами.

Царица

Я вижу,
Вы продали меня, вы сторговались
С Малютою. Кто деньги вам платил?
Кому нужна моя погибель? Вижу,
Царю жену другую прочат. Нужно

Ей место опростать. Нельзя двум женам
Под крышей жить одной. Скажи, кому
Я уступлю и терем златоверхий
И батюшку царя?

Василиса

Почем я знаю!

Царица

Нет, видно, я пред господом грешна,
Великий грех какой-нибудь за мною!
За гордость ли господь меня казнит
Своим судом, за Анну ль Колтовскую?
Она жива, ее зовут царицей;
А я чужое место заняла
И радуюсь. Легко ли ей теперь!
Вот так и мне, — отплата злом за зло!
Когда была я в счастье и почете,
Не думала о ней, а над собою
Увидела грезу и вспоминаю
Несчастную. Вот так-то мы всегда!
Поехать к ней да попросить прощенья,

Упасть в слезах к ногам; авось, господь
И надо мною сжалится.

Василиса

Не поздно ль
Хватилась ты?

Царица

А разве решена
Судьба моя? О господи, как страшно!
Скажи ты мне: убьют меня?

Василиса

Не знаю!
Почем мне знать, что на душу положит
Царю господь.

Царица

Недужится мне что-то,
И голова горит; того гляжу,
Забрежу я. Ты ничего не слышишь?
Мне кажется, что где-то ударяют
Ко всенощной, да только редко что-то.

(Прислушивается.)

Ну вот! Ужель не слышишь?

Василиса

Нет, не слышу.

Царица

А где шумят?

Василиса

Пирушка у царя —
Веселая идет.

Царица

У них веселье;
Пирует он, обидчик мой, а я
С тоски мечусь и умираю.

Василиса

Полно
Кручиниться. Быть может, царь простит.

Царица

Нет, не жилица я на этом свете!
Коль царь простит, так вы меня убьете!

Входит Марья.

Явление шестое

Те же и Марья.

Марья

Пожалуй нас, рабынь своих, царица,
Поужинать изволь на сон грядущий,
Покушай, матушка!

Царица

Пойдем, пойдем.
Ты, Маша, сядь за стол со мною вместе,
Не отходи, не оставляй меня!

(Уходит.)

Явление седьмое

Василиса, потом Колычев.

Василиса

У ней кружится голова, у бедной,
И у меня кружится; подкосились,
Не держат ноги — мне б заснуть теперь.

Заснуть бы крепко, и потом проснуться
Царицею. Что ж Колычев нейдет,
Теперь пора.

(Заглядывает в дверь.)

Она за стол садится.
Вот молится! Скорей бы шел Андрей!
Бомелий говорит, что без мучений,
Что сразу, мучиться она не будет.
Готово зелье…

(Вынимает склянку, спрятанную у ней на груди.)

Вот и я готова…
А он нейдет… Еще лишь миг один,
Один лишь миг, я кинусь пред царицей
С повинною…

Колычев входит с кубком в руках.

Явление восьмое

Василиса и Колычев.
Василиса

Ну, что же ты так долго.

(Дрожащими руками выливает склянку в кубок, потом подходит к двери в царицын покой.)

Царица матушка, к тебе с присылом
От батюшки царя. Иди скорее!
Он кубок меду шлет тебе, откушай
За царское его здоровье!

Царица
(за дверью)

Где он,
Посол царев?

(Выходит.)
Василиса уходит в ту дверь, в которую царица вышла, и затворяет ее.

Явление девятое

Царица и Колычев.
Царица

За что такая милость
К жене своей опальной от царя?

(Берет кубок.)

Покланяйся на жалованье царском,
Да хорошенько поклонись! Постой,
Чем одарить тебя, посла, не знаю, —
Возьми кольцо.

Колычев

Не надо мне, царица.

(Хочет уйти.)

Царица

Постой! Сказать тебе хотела что-то,
Хоть словом приласкать.

(Тихо.)

Андрей, ты помнишь,
Когда в деревне ты у князя жил, —
Раз в сумерки прошел ты под окошком,
Из терема упал к тебе венок
Из васильков? Ты думал, что шутили
Сенные девушки, а это я...

Колычев

Царица!

Царица

А зимой еще, ты помнишь…

Колычев

Царица, отпусти меня!

Царица

Послушай!
Мне кажется, что в этот кубок зелье
Положено.

Колычев

Положено, царица;
Не пей его!

Хочет взять кубок. Царица не отдает.

Царица

Я выпью, надо выпить!
Не все ль равно; не той, другою смертью
Они убьют меня. Мне хуже смерти,
Коль надо мной они ругаться будут,
Коль, заживо, другой царице место
Заставят уступить. Каков он ни был,
Мой государь и муж, а страшно будет
Жену другую видеть у него!

И вздумать не могу! Нет, страшно, страшно!

Поди скажи, мол, выпила до дна

Царица Анна жалованный кубок.

(Пьет.)

Пошли, господь, царю и государю

Веселия, и радости, и счастья

На многие, на многие года!

Уходит, Колычев плачет. За дверью слышен голос царицы.

Ой, больно, больно! Жжет меня огонь!

О господи, помилуй! Умираю!

Выбегает Василиса.

Явление десятое

Колычев, Василиса, потом Марья и женщины царицы.

Василиса

Бегите! Эй! Бегите за царем,

Боярыни, прислужницы сенные!

Скажите вы, царица угорела!

Скажите вы, царица от угара

Скончалася. Скорее!

Марья
(выбегает из двери)

Плачьте, войте!
Скончалася, скончалася царица!

Несколько женщин пробегают из наружной двери в покои царицы.

Василиса
(Колычеву)

А ты о чем расплакался?

Колычев

Да как же
Не плакать мне о матушке царице!

Василиса

Не плачь, Андрей! Недолго сиротами
Останетесь! У вас на государстве
Чрез день иль два царицей буду я.
Ты место мне очистил. За услугу
Мы наградим тебя по-царски. Только
Ты от двора подальше убирайся,
А то с тобою будет то же.

Колычев

Горе
Головушке! Кому поверил я.

Василиса

Ступай скорей, тебе не место здесь!

Марья

Ступай отсюда, царь идет.

Колычев

О боже!
Убей меня твоим небесным громом!
Зачем ты терпишь на сырой земле
Таких злодеев окаянных! Мало
Мне лютой смерти за мои грехи!

(Василисе.)

Мы встретимся с тобой! Гора с горой
Не сходятся, а мы с тобой сойдемся.

(Убегает.)

Действие пятое

ЛИЦА:
Царь.
Василиса, жена его.
Малюта.
Бомелий.
Колычев.
1-й, 2-й и 3-й молодые дворяне.

Решетчатые сени в деревянном дворце. Ночь. Сени освещены одной лампадой, стоящей на столе.

Явление первое

Несколько молодых дворян.

1-й спальник

Несчастлив царь на жен! Уж как здорова
Мелентьева была.

2-й спальник

А что ж?

1-й спальник

Хворает.

2-й спальник

А что за хворь?

1-й спальник

Не знаю; слышал мельком,
Прислужницы ее болтали, будто
Пугается.

2-й спальник

Чего бы ей пугаться?

1-й спальник

Чего? Грехи! Сказать-то страшно к ночи.

2-й спальник

Ну, сказывай, коль начал.

1-й спальник

Я, пожалуй,
Сказать непрочь, да только вы молчите,
Чтоб никому… пожалуй, головою
Поплатишься за новость.

2-й спальник

Мы не скажем.

1-й спальник

Ну, слушайте! Покойная царица
По терему ночной порою ходят.

2-й спальник

О господи! Кто ж видел?

1-й спальник

Я не знаю,
А говорят, что ходит.

2-й спальник

Эко дело
Мудреное!

1-й спальник

А разве не бывает.
Да сплошь и в ряд.

2-й спальник

К чему ж: к добру иль к худу?

1-й спальник

Какого ждать добра!.. Толкуют люди

Бывалые, что если где увидят
Покойника, так, значит, быть другому.
Не утаишь греха: еще не вышло
Шести недель, как Анна померла,
А царь уж взял себе жену другую.
До сорочин душа еще блуждает
По тем местам, где, заживо, грешила;
Ей до шести недель покоя нет.
Знать, новую царицу выживает
Покойница. Да лучше помолчать!

2-й спальник

И то молчать! Не наше дело, братцы.

1-й спальник

Что не видать Андрея Колычева,
Малютина любимца, аль услали
Куда гонцом его?

2-й спальник

Он послан в Суздаль
Усопшую царицу хоронить,
В монастыре девичьем.

1-й спальник

Уж пора бы
Назад ему вернуться.

2-й спальник

За недугом
Замешкался он, видно. Что-то хворость
Одолевать Андрея больно стала;
Он с тела спал, в лице переменился,
Не пьет, не ест и бродит, словно тень.
Того гляди, уйдет в монахи.

1-й спальник

Полно!
Не так глядит, чтоб в монастырь итти,
Скучает он, что одинок на свете.
Женить его, так он скучать забудет.

3-й спальник

Потише вы! Сюда идет Григорий
Лукьянович, а с ним и Колычев.

Входят Малюта и Колычев.

Явление второе

Малюта и Колычев.

Малюта

Ты с похорон на свадьбу угодил;
Да только жаль, что не попал к началу,
Замешкался. Мы без тебя попойку
Отправили, а ты попал к похмелью.
Покончил все?

Колычев

Покончил, схоронили. —
Над сиротой поплакала родня,
Поплакала игуменья, черницы,
Да братия убогая, да я.
За упокой и на помин царицы
Я жалованьем царским, хлебной дачей
Сестер и причт церковный оделил;
И корм давал, как водится, убогим
И всякому, кто с теплою молитвой
Пролить слезу ко гробу приходил.

Малюта

Покончили, и ладно! Перестань же
Печалиться, всех мертвых не оплачешь!
Повеселей гляди, печальных лиц
Не любим мы, когда у нас веселье.

Колычев

Не обессудь, я скоморохом не был
И не гожусь в потешники.

Малюта

Плясать
И песни петь тебя мы не заставим.

Колычев

А я тебе, мой государь, Григорий
Лукьянович, покланяться хотел
И милости просить твоей великой,
Чтоб за меня царю челом ударил.
Прошусь в монахи к Евфимию в Суздаль.
Отец родной, покланяйся, пожалуй,
За сироту.

Малюта

Да ты в уме иль нет?
Покланяться царю и государю,
Сказать, что раб его служить не хочет,
Что жалованье царское и милость
Великую он ни во что не ставит!
Одумайся! Ты что? Червяк ползучий!
Кто вздумал, тот и растоптал ногой, —
И пропадешь без вести и помину!
По милости царя ты человек.
Великий царь своим орлиным оком
Призрел на нас, и мы живем, и дышим,
И движемся. И то велика милость,
Что живы мы; а если божья воля
И царская пошлет тебе на долю
Близ трона стать, царевы очи видеть, —
Тогда забудь себя и стань собакой
Послушною, и принимай равно
И царский гнев, и ласку с умиленьем!

Напрасно с нас собачьи хари сняли,
Мы псы царя. — По младости твоей
Я отдаю вину твою, но боле
И думать не моги о том, или будешь
Ты выкинут, как неключимый раб,
Из царского чертога, и повержен
В злосмрадную тюрьму, и будешь отдан
Мучителям. Ты в спальники поставлен,
Не всякому из княжеских детей
Такая честь. Ты скоро выйдешь в люди!
Ты близок был царице новой?

Колычев

Близок.

Малюта

Ну, что-нибудь да ждет тебя; ты знаешь,
Что близ царя…

Колычев

Близ смерти.

Малюта

Или чести.

(Спальникам.)

Из спальников останься здесь один,
Хоть ты! А ты, Андрей, и остальные
В сенях стоять, беречь крыльцо. За мной!

(Уходит.)

1-й спальник

(Колычеву)

Здорово, брат!

Колычев

Ты мне скажи: царицу
Вы видите?

1-й спальник

Нередко.

Колычев

Что ж она?
Приветлива?

1-й спальник

Властна превыше меры.

В ней кротости не видно; нам, сиротам,

Заступницей она не будет.

Колычев

Где уж!

А любит царь ее?

1-й спальник

По всем приметам

Она ему милей всех жен; по нраву,

Что поперек ему не молвит слова,

Не плачется за горьких, беззащитных,

Не тушит гнев его, а разжигает.

Поверишь ли ты чуду, сам Григорий

Лукьянович ее боится.

Колычев

Будто?

1-й спальник

Сам царь ее и нежит, и ласкает,

И ластится, как парень неумелый

На по́седках за девкою упрямой,

Что закрывает очи рукавом

И локтем прочь толкает.

Колычев

Эко диво!

Входит Царь и Бомелий. Спальники, поклонившись, становятся у дверей.

Явление третье

Царь, Бомелий и те же.

Царь

Вот погляди, быть может и сегодня
Случится с ней. Всего шестые сутки,
Как я хожу в ее опочивальню,
Как мы живем, как муж с женой, и диво!
Одну лишь ночь она спала спокойно,
А со второй во сне мятется духом,
Кричит, слова невнятные бормочет,
Пугается и, пробудясь внезапно,
Без памяти, с открытыми глазами,
Из терема сбирается бежать,
И говорит бессмысленные речи,
И все по чем-то жалится, и видит…

Такое видит, что сказать негоже…
Покойную царицу Анну видит.
Не порча ль то?

Бомелий

Не порча, а болезнь.

Царь

А как она зовется?

Бомелий

Paramirum
Зовет ее ночное прохожденье, —
Noctambulatio[1]*, иль недуг лунный.*

Царь

А вылечить ты можешь?

Бомелий

Лунный камень
Врачи дают в такой болезни; если ж
Нечистый дух войдет…

Царь

---

[1] Примечания: 1
Лунатизм *(лат.).*

Так в Василису
Ты думаешь, что лунный бес посажен?

Бомелий

Луна чиста, но в области луны
Витает бес...

Царь

А может он из гроба
Усопших вызвать?

Бомелий

Бес не может,
А может волхв, по-нашему, волшебник,
Пифия тоже, сиречь Пифонисса.
Эндорская пифия Самуила
Царю Саулу вызвала из гроба.

Царь

Но кто же мог вселить в нее недуг,
Чьим волшебством в ней бес посажен? Страшно
На свете жить, Бомелий! В час раздумья,
Ночной порой, мне душу страх объем-

лет.

Мерещатся мне замыслы и ковы
Боярские. В глубоких подземельях,
В глухих норах, в лесах непроходимых
Чаровники и вещуны гнездятся,
Несутся к нам их чары, злые порчи.
То умысел и злой навет бояр —
Крамольников.

Бомелий

Лихих людей, злодеев
Немало у тебя. Щадить не надо
Того, кто сам другого не щадит.
Кто милостей не ценит, тех не надо
И миловать, казни их, государь!

Вбегает Василиса в испуге.

Явление четвертое

Царь, Бомелий и Василиса.

Царь

Смотри, смотри! Она идет. Спаси нас,
Заступница!

Василиса
(обратись к двери)

Поди ты прочь, поди!

Зачем за мной ты ходишь?

Царь

Слышишь, слышишь?

Василиса

Зачем глядишь ты мертвыми глазами,

Закрытыми, мне прямо в сердце? Сгинь!

Исчезни ты! Исчезни! Да воскреснет!..

Тяжелый сон какой! Да расточатся…

(Стоит задумавшись, никого не видя.)

Врази его…

Царь

Ну, видишь ты, Бомелий!

Бомелий

В ней раздражен тяжелой думой мозг.

Василиса
(вскрикивает)

Спасите! Ай! Она ко мне подходит!
Она стояла у моей постели
И за руки меня брала, она хотела
Увесть меня… а руки не успели
Похолодеть еще! Она, она!

Царь

Ну, слышишь ты! Тут видимая порча.
Я знаю их! Кого б ни полюбил я,
Сейчас они отнимут иль испортят:
И первую мою жену сгубили,
Испортили мою невесту, Марфу,
Испортили и эту. Их работа!

Бомелий

Великий царь, покличь ее к себе,
Ты назови по имени — очнется!

Василиса

О, как мне страшно, страшно!

Царь

Василиса!

Василиса

Ах, что со мной! Куда зашла я? Царь!

(Падает на колени перед царем.)

Царь

Вставай! Поди в свою опочивальню!

Василиса

Царь-государь, я умираю, ходит
Она за мной, все ходит, защити!
Защиты у тебя прошу.

Бомелий

Царица!
Поди усни, я дам тебе лекарство.

Василиса

Нет, я не буду пить, отравишь, немец!
Какие зелья ты варишь, я знаю.
Спасибо! Нет! Не надо.

Царь

Выдь, Бомелий.
Бомелий уходит.
Опомнись ты! О ком ты говоришь?
Кто гонится, кто ходит за тобою,

Безумная?

Василиса

Она, царица Анна.
Она за мной приходит по ночам,
Манит меня к могиле. Государь,
Пусти меня, я съезжу помолиться
На гроб ее. Быть может, умолю
Слезами я и щедрым подаяньем
Усопшую, и, грешная, во гробе
Уляжется она покойно.

Царь

С богом!
Я не держу тебя. Пустому страху
Не очень ты вдавайся, — малодушен
Ваш женский род. Вот то-то, коротка
Душа у баб.

Василиса

Нет, я не малодушна;
Недаром я жена твоя. Мне совесть
И память дел прошедших и грехов
Ни жить, ни веселиться не мешает;

Я весела весь день, а только ночью…

Вольно же ей в полночный час являться!

Уж это мне, помилуй, не под силу,

Тут женских сил нехватит! Ты скажи мне,

К тебе они приходят ночью?

Царь

Кто?

Василиса

Убитые тобой: князь Володимир,

Михаило Воротынский, Евдокия.

Царь

(встает в испуге, оглядывается по сторонам)

Молчи! Язык тебе я вырву. К ночи

Заводишь ты такую речь. Накличешь!

Храни господь! Над нами крестна сила

Великая! Чур! Наше место свято!

Безумная! Да разве я убийца?

Я судия; по данной богом власти,

Караю злых, крамольных, лиходеев

И жалую покорных, верных слуг.

Василиса

Всегда ль и ты караешь за вину?
Не гибнут ли, по вражьему навету,
Безвинные?

Царь

Поверь мне, Василиса,
Что я казню недаром, но ответа
Я никому не дам, а только богу.
Я милостив сегодня, но вперед
Гневить меня ты бойся! Это дело
Не бабьего ума.

Василиса

Ну, вот и ладно!
Казни, кого ты хочешь, лишь с женою
В любви живи, люби меня и тешь,
Мой государь, Иван Васильич!

Царь

Время
И на покой! Поди в опочивальню
И спи себе.

Василиса

Боюсь!

Царь

Чего бояться?
Немало баб с тобой.

Василиса

От них защиты
Не будет мне, она придет опять!
Мы посидим с тобою здесь до свету!
Я женщина, мне страшно, пожалей!
Какой ты злой!

Царь

Я для тебя не мальчик,
Сидеть с тобой и забавлять тебя.

Василиса

А коли стар, зачем же ты женился?
Молился бы по четкам.

Царь

Василиса!

Василиса

Завистливы на молодое тело
Глаза твои, а угождать не хочешь
Жене своей! Так помни ж!

Царь

Василиса!

Василиса

Ты что кричишь! Меня не испугаешь!
Мне выходцы из гроба только страшны,
А грозного царя я не боюсь.

Царь
(хватаясь за нож)

Увижу я, как ты не побоишься!

Василиса
(становится перед ним)

Ужли убьешь?

Царь

Убью, не пожалею.

Василиса

Убить убьешь, а лучше не найдешь,

Царь

Ты не шути со мною, Василиса!
Неровен час, — я на руку тяжел.

Василиса

Я спать хочу.

Царь

Иди в опочивальню!

Василиса

Я здесь усну. Покрой мне ноги.

Царь

Чем?

Василиса

Сними кафтан с плеча.

Царь

Да ты в уме ли?
Иль хочешь ты, чтоб свет переменился:
Чтоб к ястребу, стервятнику, под крылья
Без страха жалась кроткая голубка?

Чтоб он своим кривым кровавым клювом

Ей перушки любовно разбирал?

Василиса

А отчего б не так!

Царь

Эх, дура баба!

(Снимает кафтан и покрывает ее.)

Василиса

Не больно дура, не глупей тебя.

Иль для жены ты соболя жалеешь!

Эх, старенький, поди ко мне, присядь!

(Ласкает его.)

Не спорь со мной! За красоту и младость

Утешь меня, зови меня царицей!

Царица я?

Царь

Какая ты царица!

Невенчанной царица не бывает!

И не жена ты мне, жена шестая —

Полу-жена. Да разве мало чести
Тебе, рабе моей, что царской волей
Ты выбрана из тысячи, что взгляд мой
Властительский тебя из низкой доли
Достойной сделал ложа моего;
Что, вместо рабской службы царским женам,
Ты самому царю забавой служишь.

Василиса

Раба твоя и божья, Василиса,
От радости, с такой великой чести,
С ума сошла и вовсе одурела.
Прости меня! Ты царь, я баба дура,
Что маленький ребенок я болтлива,
Моих речей хоть слушать ты не слушай,
А не гневись — хочу я быть царицей;
Почета я хочу и поклоненья,
Поцарствовать хочу, повеличаться.
Хоть день, да мой, а там хоть умереть, —
И умереть-то хорошо царицей.

И что тебе, царю и государю,
Терять слова, трудить себя напрасно!
Не сговоришь ты с бабой бестолковой!
Плюнь на нее и сделай по ее!
Потешь жену, что малого ребенка!
Потешишь, что ль?

Царь
(смеясь)

Да ладно.

Василиса
(приподнимается, тянется, целует царя, потом руку его)

Ну, прощай!
Я сплю совсем.

(Скоро засыпает.)
Царь

Ну, спи, господь с тобой!
Красавица заснула сладким сном;
Прошел испуг, легко ее дыханье.
Ты, глупая, от сонного мечтанья,
От темноты пустой, от мертвецов,
Незлобивых, бескровных, бестелесных,

Ко мне бежишь искать защиты, к зверю,
К мучителю! Кругом меня трепещут
Все близкие, все ненавистью дышат,
Злорадно ждут и крестятся тихонько
В моем дворце, в углах, моим иконам,
Чтоб старые, дрожащие, больные,
Державные окостенели руки,
Которые держали в смертном страхе
Злодейские, крамольные их души.
Я одинок на дедовском престоле:
Ни родственной, ни дружней теплой ласки
Душа моя не знает, только совесть
Нечистая да страх суда господня
И день и ночь грызут меня. С тобою
Узнаю я покой души и ласку.
Люби меня и лаской молодою
Напомни мне жену мою Настасью!
Люби меня, и в сердце оскотелом,
Бог даст, опять откликнется былое,
Забытое и изжитое счастье.

(Осторожно подходит к двери и знаком призывает из сеней Малюту.)

Входят Малюта и Колычев.

Явление пятое

Царь, Василиса, Малюта, Колычев.

Царь

Покличь-ка баб царицыных и девок,
Перенести ее в опочивальню
Побережней.

Малюта хочет итти.

Постой! Я полюбуюсь
На красоту ее. Какая кротость!
Какой покойный, безмятежный сон!
Ужель меня лицо твое обманет?
Ужель под этой тишиной таится
Змеиное лукавство? Ложь и грех
Привыкли мы по лицам загрубелым
Угадывать. Под этим белым телом,
Под кроткою и ясною улыбкой
Ужель душа черна? Не дай, о боже,
Чтоб грех тебя попутал предо мной!

Мне будет жаль своей рукой окончить
Такую жизнь цветущую! Не верю,
Не может быть! Твоя душа чиста,
Как ясный день, как камень самоцветный.
Так нежно, свято улыбаться могут
Лишь ангелы небесные да дети!
Уста твои, как маков цвет, раскрылись
И шевелятся, точно поцелуем
Дарить меня ты хочешь, прошептать
Мне ласку. Ну, шепчи скорее.

(Наклоняется к ее лицу.)

Василиса
(во сне)

Андрюша!
Голубчик мой! Прости меня, сгубила
Я молодость твою.
Царь, пораженный, прислушивается.
Хотелось мне
Царицей быть, но я не разлюбила
Тебя, дружок… А старого, седого,

Нет!.. Я любить не в силах… Ах, Андрюша!

Ах, милый мой! Люблю, люблю.

Царь
(вскрикивает)

Малюта!

Малюта

Я здесь.

Царь

Проснись, царица Василиса!

Василиса просыпается.

Где милый твой? Указывай!

Василиса
(с испугом)

Во сне я

Не назвала ль кого?

Царь

Живую в землю

Зарыть ее!

Колычев

(берет ее за руку и ставит на колени)

Ну, кайся перед смертью!
Ну, сказывай дела свои, винися
Перед царем, что ты царицу Анну
Невинную оболгала!

Василиса

Винюсь.

Колычев

Что извела ее…

Василиса

Во всем винюсь.

Колычев

Ты повинись и в том, что обещала
Любить меня и быть рабой навек —
И разом ты слугу и государя
В обман ввела. Великий царь, я мало
Служил тебе, вели мне сослужить,
От рабского усердья, службу!
Вели убить мне бабу-лиходейку,
Что заползла змеею подколодной,

Украдучись, в твой терем златоверхий!

(Ударяет ножом в грудь Василису.)

Коль говоришь, что любишь, так люби, —
А не вертись; забудь обычай женский
Обманывать!

Царь

Вот славно, вот спасибо!
Андрюшка, ты слуга хороший! Только
Ты старому, мне, в слуги не годишься:
Недаром же тобою бабы бредят.
Мне, старому, в своем дворе, при женах
Молоденьких, держать тебя не след!
Румян, кудряв, лицом ты красен больно,
А женский род по-заячьи труслив,
По-кошачьи блудлив.

(Малюте.)

Возьми, Малюта,
И прибери Андрюшку Колычева

От наших глаз куда-нибудь подальше…

Хоть в тот же гроб, где Василиса будет!

Совместно с Н.Я. Соловьевым

Счастливый день*

Сцены из жизни уездного захолустья в трех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Иван Захарыч Сандырев, почтмейстер уездного города, 50 лет, занимается более чтением газет, чем службой.

Ольга Николаевна Сандырева, его жена, свежая и расторопная женщина, лет 45.

Липочка, Настя } их дочери.

Василий Сергеевич Нивин, уездный врач, лет 35, задумчивый, исхудалый, речь и движения вялые.

Михаленко, почтальон.

Солдатка, Мещанин } соседи Сандыревых.

Действие происходит в уездном городе.

Небольшая гостиная в доме Сандыревых. Прямо — растворенная дверь в залу; на правой стороне (от актеров), в углу — дверь во внутренние ком-

наты; ближе к зрителям, у стены — диван, перед ним — круглый стол и несколько кресел; с левой стороны, в углу — дверь в канцелярию, на первом плане — окно, перед ним — ломберный стол. Мебель старая, разнокалиберная.

Явление первое

Сандырев, один, в старом халате, с длинным чубуком, сидит на диване, облокотясь на стол; на столе перед ним газета и географическая карта.

Сандырев *(шарит пальцем по карте)*. Малый Зворник, Малый Зворник… Как это затруднительно однако: и депеши читай, и на карту смотри: Малый Зворник… вот сейчас его под пальцем держал, провалился куда-то. Нет, вперед надо булавочками замечать: попрошу у жены булавочек. Вот оно что значит недостаток географических сведений? Вчера вдруг читаю телеграмму из Питсбурга, а где этот Питсбург, в каком государстве, в какой стране света? Вот тут и занимайся политикой! Малый Зворник, Малый Зворник.

Сандырева быстро входит в шляпке.

Сандырева. Ух, как устала.

Сандырев *(не глядя на жену)*. Новости, Олинька! Важные новости.

Сандырева *(с досадой)*. Какие такие новости?

Где это?

Сандырев. В Европе, матушка, в Европе.

Сандырева *(опускаясь в кресло и снимая шляпу)*. Господи! Что это за человек! Да что нам до Европы! Вы взгляните около себя-то, обратите внимание на свое семейство! А то, извольте подумать, какой европеец! Европа его занимает, видите ли!

Сандырев. Да турки, матушка, турки.

Сандырева. Злодеи ведь они, варвары, да? Не правда ли? Ну, так знайте же, что вы хуже всякого турка! Тем все-таки простительно: они — нехристи; а вы… вы — изверг, тиран, мучитель жены и семейства… Ведь мы погибаем, завтра мы — нищие…

Сандырев. Да что, что такое?

Сандырева. И он еще спрашивает! Человек вы или истукан?

Сандырев. Да что за несчастье? Каша из горшка ушла, что ли?

Сандырева. Ваша голова — горшок! Жена мучается, бегает, а он политикой занимается. Я весь город облетала, везде была, всем визиты сделала; и все это для вас, для семьи… где слезами, где шуткой и любезностями выманивала подписи к одобрительному адресу о вас от жителей го-

рода. Сорок подписей готово, и, по приезде его превосходительства, адрес будет подан самим городским головою… Цените ли вы это?

Сандырев *(рассматривая карту)*. Ценю, ценю, душенька.

Сандырева *(качая головой)*. «Ценю»! Бесчувственный вы человек!.. А Михаленко, вы знаете, вернулся из губернии. Я слышала, что он донес обо всем: и поборы с мужиков, и обложение содержателей почт с хвоста лошади, и ваш чубук — все, все… И завтра сам генерал у нас на ревизии, и завтра мы — в отставке и нищие.

Сандырев *(не слушая)*. Ну, слава богу! Ну, очень рад, очень рад.

Сандырева. Вот это хорошо, он очень рад; да чему же?

Сандырев. Нашел! Нашел!

Сандырева. Что? Сто тысяч?

Сандырев. Нет, Малый Зворник.

Сандырева. Чудовище!

Входит Михаленко.

Явление второе

Сандырев, Сандырева и Михаленко.

Михаленко *(вытягиваясь)*. Честь имею лепортоваться; я прибыл-с из губернии…

Сандырева. Вот он… и уж глазки залиты.

Михаленко. Никак нет-с, маковой росинки…

Сандырев откладывает газету, затягивается трубкой и смотрит на Михаленко.

Сандырева. Что же ты, злой человек, наговорил там на Ивана Захарыча перед его превосходительством?..

Михаленко. Ничего-с… а только что нет силы моей, возможности, говорю! Вся ваша воля… ежели меня в Сибирь, ваше превосходительство, говорю, готов, с удовольствием; но только что…

Сандырева. И давно бы тебя в Сибирь следовало, это правда! На что же ты жаловался, чем ты недоволен?

Михаленко. Чубук, говорю, ваше превосходительство; никакого спокойствия, говорю, я себе не вижу… Жестокое побиение чубуком, говорю, получаю от их высокоблагородия господина почтмейстера! Каждодневно эта битва…

Сандырев. А вот и сейчас будет то же самое. *(Снимает трубку с чубука.)*

Михаленко. Извольте-с, извольте, ваше высокородие… так чтоб уж вполне…

Сандырев *(вставая с дивана)*. Вполне, вполне получишь, что тебе по моему усмотрению следует.

Михаленко убегает в залу.

Сандырева. Оставьте, бросьте, Иван Захарыч!

Михаленко *(из зала)*. И про лошадиные хвосты-с, и про мужицкие грошики — все доложил их превосходительству. *(Убегает.)*

Сандырев *(хладнокровно)*. Ну, подожди! За мной не пропадет. *(Снова садится и углубляется в газету.)*

Сандырева. Что ж это? Опять за газеты? Ну, так слушайте! Я брошу вас и убегу куда глаза глядят; живите как знаете! Да скажите ж вы мне на милость, думаете вы хоть сколько-нибудь о доме-то, о семье-то?

Сандырев. Нет, матушка, ничего не думаю. Мы — черви, и жизнь наша — ничтожество, так и думать не стоит. *(Указывая на газету.)* Вот тут судьбы человечества, исторические задачи.

Сандырева. Да ведь не нам они задаются, эти задачи, так не нам их и решать. Наша задача — как бы не умереть с голоду. Вы только посудите, что у нас на руках: Настя и Липочка — невесты без женихов. Нивин таскался прежде, посматривал будто на Липочку, да теперь с ума сошел: какую-то диссертацию вздумал писать; два месяца и глаз не кажет. Я уж на штуку пошла: сегодня посылала за ним, велела сказать, что-де Липа

больна. Какого-нибудь толку нужно добиться. Ну, Настя, положим, не пропадет: эта — в меня; а Липа, она только и умеет пироги делать да спать… Теперь дальше-с: Волю и Вику в гимназию нужно определять; Соню, Сашу и Любу в пансион везти; для остальной оравы — ну хотя бурсу какую-нибудь взять, а то ведь срам: только и дела у них, что соседние огороды пустошат да сады добрых людей обивают! От жалоб на них стон стоит по городу.

Входят солдатка и мещанин.

Да вот извольте послушать.

Явление третье

Сандырев, Сандырева, солдатка и мещанин.

Солдатка. Будьте отцы-благодетели! Защитите хоть малость от деток-то от своих!.. Разорили; всю картошку на огороде выполололи дочиста, а огурчика и отведать не дали!..

Мещанин. И я тоже насчет этих самых делов… только по яблочной части… У меня в саду тоже такую отделку произвели… в лучшем виде.

Сандырева. Слышите, Иван Захарыч, слышите-с? Как вам нравится?

Сандырев. Хм… да… ну, ловите… и к мировому их!

Сандырева. Вот это мило!

Мещанин *(хохочет)*. Оченно даже антересно… к мировому-то? Так и мешков тех нехватит: ведь, их, никак, деток-то ваших, до дюжины по огородам фуражируют, помилосердуйте!

Солдатка. Да и как еще ты их поймаешь, скажи! Гляди-ка, как они по огороду-то, точно ужи, вьются. И ведь какие озорники! Ты его догонять — ну, уж и бежал бы без оглядки; а он еще между гряд-то колесом катится да языком тебя дразнит.

Сандырев *(ударив кулаком по столу)*. Так вон же вы, невежество!

Мещанин. А ежели так, в таком случае я направлю стопы свои к господину исправнику. *(Раскланивается и уходит.)*

Солдатка. А я вдарюсь к инвалидному. *(Уходит.)*

Сандырев. Ну, и убирайтесь вы, куда знаете, только провалитесь с глаз моих! *(Углубляется в газеты.)*

Сандырева. Слышите вы, видите?

Сандырев. Минуточку, душенька, одну минуточку спокойствия прошу я у вас.

Сандырева. Да пень вы или человек?..

Сандырев. С вами, Ольга Николаевна, жить нет никакой возможности…

Сандырева. Скажите, пожалуйста! Он же еще в претензии.

Сандырев. Целое утро я искал Малый Зворник… нашел…

Сандырева. Ну!

Сандырев. Малый Зворник нашел, так Великий Извор потерял тут с вами… Эх! *(Берет газету и карту, быстро уходит в канцелярию.)*

Сандырева. Старый башмак! Что б этот человек был без меня? И все-то, все должна нести на своих плечах слабая женщина.

Из залы входит Липочка, зевает и потягивается.

Явление четвертое

Сандырева и Липочка.

Сандырева. Вот еще сокровище-то! Что ты зеваешь?

Липочка. Спать хочется.

Сандырева. Да давно ль ты встала? Хоть бы постыдилась. Будят, будят, насилу добудятся.

Липочка. Да зачем будить-то? Что делать-то? Ходить целый день взад да вперед по комнатам.

Сандырева. Так все и спать?

Липочка. Да, конечно, лучше: ничего не слышишь, не видишь — и отлично. *(Садится в*

кресло.) И зачем это люди родятся на свет, коли такая жизнь!

Сандырева. Ну, философию ты оставь — не к лицу она нам с тобой. Прими болезненный вид: скоро Нивин придет.

Липочка. Да как же я его приму, когда я здорова?

Сандырева. Вот еще! Что ты, маленькая, что ли? Скажи, что боль под ложечкой, ну и голова, бок — мало ль что можно наговорить! Изнеможение этакое представь. А между тем поглядывай на него, бросай такие взгляды.;, ну, там… грусть… упрек…

Липочка. Ах, да ведь это — комедия…

Сандырева. Ну, да, комедия; а ты думала, что же? Приданого-то нет у вас, так поневоле примешься за комедию. Хочешь ты камнем, что ли, повиснуть на шее у матери-то? Так, милая, я уж и так утопаю с вами.

Липочка. Обо мне не беспокойтесь… я в портнихи пойду!

Сандырева. Да и пойдешь, пойдешь… Ничего тут нет мудреного. Ну, а покуда, что бог даст, побудь барышней да слушайся матери. Ох! Пойти взглянуть, что у нас деется в канцелярии.

Уходит в канцелярию; из залы входит Нивин.

Явление пятое

Липочка и Нивин.

Нивин *(подает руку)*. Здравствуйте! Вы больны?

Липочка *(с улыбкой)*. Очень!

Нивин *(садясь)*. Чем же?

Липочка. Здоровьем, должно быть.

Нивин. В таком случае, я хотел бы заразиться от вас; зачем же меня звали-то?

Липочка. Я не знаю; мамаша говорит, что я больна… вот у нее и спросите чем?

Нивин. Интересная практика, нечего сказать… Где же ваша мамаша?

Липочка. Сейчас придет… Василий Сергеич… отравите меня!

Нивин. Ого! То есть как же это?

Липочка. Так, просто; пропишите яду — я приму и умру. Никто и не узнает, а если и узнают — жалеть меня некому… А мне уж как не хочется жить: скука замучила меня.

Нивин. Незаметно-с!

Липочка. Вот то-то мне и досадно: умереть ужасно хочется, а я все расту да толстею… Отравите меня: как бы я была вам благодарна за это!

Нивин. Какие страсти вы говорите! Надо пола-

гать, в меланхолии находитесь.

Липочка. Все мне опостылело, а больше всего сама я себе надоела.

Нивин. «Не мил белый свет?» — Дадим снадобья, и пройдет, как рукой снимет, это — я с удовольствием, а насчет яду… нет, зачем же! Это предусмотрено в уложении о наказаниях; там такая статья, что за это в Сибирь-с! Хоть Сибирь — и малонаселенная страна, а все-таки я своей особой увеличивать ее населения не желаю.

Липочка. Нет, яду, яду, Василий Сергеевич! Сделайте такую милость!

Нивин. Ведь уж сказал, что не дам! Расчету нет никакого, себе дороже… Погодите: «не все на небе будет ночь!»

Липочка. Нет, для меня уж рассвету не будет. Ну, что за жизнь: ни цели, ни радости, ни надежды! Так идет изо дня в день, тянется, тащится что-то. Другие хоть мечтать могут, фантазии разные себе придумывают, а я и этого не умею, не могу себя даже и обмануть ничем. Хоть бы работать что-нибудь! Я в портнихи хочу итти.

Нивин. А дома-то кто ж вам мешает работать?

Липочка. Да какая же у барышень работа? Шить что-нибудь нужное, полезное для дома — барышням неприлично, а вышивать подушки

да коврики по канве — ведь это уж очень глупо. Когда вперед знаешь, что работаешь только Для виду, что твоя работа никому не нужна, что ее сейчас же бросят, так уж надо быть очень малодушной, чтобы прилежно заниматься этой работой… Нет, лучше в портнихи…

Нивин. Почему же в портнихи непременно?

Липочка. Да я ничего не умею больше. Нет, виновата, умею хорошо пироги печь. Как это случилось, уж я и не знаю: никогда и не училась, и не желала отличаться этим мастерством, а вдруг как-то, по вдохновению.

Нивин. Так в портнихи задумали?

Липочка. Там по крайней мере жизнь есть.

Нивин. Ну, не особенно привлекательная.

Липочка. Все же лучше моей, разнообразие есть. Неделю работают доупаду, что-нибудь выработают, а праздник отдыхают, — а я постоянно отдыхаю. Как-то неловко смотреть на себя: такая я большая, сильная, а только и делаю, что хожу по комнатам. Люди желают, просят здоровья и сил, а мне они в тягость, для меня они лишние; ну, что я за человек? Окаменеть бы как-нибудь! Нет ли такого лекарства?

Нивин. Хоть в аптеке такой микстуры нет, да вы не беспокойтесь, ее и не нужно, — сама жизнь

все это сделает. Вот эта скука-то, «изо дня в день-то одно и то же без цели и радости», помаленьку так оболванит человека, что уж никакие громы не разбудят, никакие гласы не воззовут.

Липочка. «Помаленьку!» А каково ждать-то?

Нивин. Потерпите, и в скуке могут быть вариации.

Липочка. Какие?

Нивин. Можно скучать на разные манеры, в разной обстановке: можно скучать в одиночку, а найдется еще скучающий человек — придется скучать сам-друг.

Липочка. Вы говорите загадками.

Нивин *(взглянув на часы)*. В другой раз, как-нибудь на досуге, поясней скажу.

Входит Сандырева.

Явление шестое

Липочка, Нивин и Сандырева.

Сандырева. Василий Сергеевич! Сколько лет, сколько зим!

Нивин раскланивается.

Забыли, совсем забыли нас, Василий Сергеевич.

Нивин. Дома хочется сидеть, Ольга Николаевна.

Сандырева. Мы беспокоим вас своими немочами, а вы, кажется, сами не так здоровы? Как вы похудели!

Нивин. Да-с, я не совсем-таки…

Сандырева. Вы много занимаетесь; я слышала, вы пишете диссертацию.

Нивин. Хм… Через какое это агентство вы такие сведения получаете?

Сандырева. Слышали, Василий Сергеевич, слухом земля полнится; мы от души порадовались.

Нивин. Да-с, пишу, да и казнюсь. Я люблю медицину, верю в великую будущность этой науки; но, вместе с тем, сознаю, что я-то — уже отставной, мертвый ее член! Не мне, уездному врачу, двигать науку; мне остается неуклонно посещать по утрам купчиху Соловую по случаю ее «вдаров в голову и рези во чреве», а по вечерам — постоянно одержимого белой горячкой ротмистра Кадыкова. *(Встает.)* Я из числа тех людей, которые, после более или менее продолжительной борьбы, отдаются течению, и в эту минуту я, вместе со всеми обывателями, плыву туда, куда влечет нас наш жалкий жребий.

Сандырева. Как вы критикуете нашу провинцию!

Нивин. Помилуйте, я себя не отделяю от про-

винции; я сам — провинция!.. Чем же больна ваша дочь?

Сандырева *(Липочке)*. Липочка, говори!

Липочка. Я не знаю, мама.

Сандырева *(вспыхнув)*. Ах, мой друг! Целую ночь не спала, Василий Сергеевич, головная боль и под ложечкой…

Нивин. Может быть, дурно пищеварение? Это пройдет.

Сандырева. И бред, Василий Сергеевич, мучительный бред прошлую ночь был… уж так бредила… Вообще она у меня последнее время — бог ее знает что! *(Вздох.)* И скрывает от меня: дни ходит, как тень: ни дела, ни места ей… ночи не спит, бредит просто наяву… Мое сердце болит, глядя, Василий Сергеевич! И как часто в бреду она называет вас; уж что ей представляется!

Липочка *(смеется)*. Мама, ну что ты выдумаешь.

Сандырева. Ты очень еще глупа, мой ангел! Ты не знаешь, что часто так начинаются очень серьезные и даже неизлечимые болезни!

Нивин. Так вы хотите лечить ее?

Сандырева. Ах, как же! Непременно, непременно.

Нивин. Ну, если непременно, так мы постара-

емся обойтись без аптеки — зачем даром деньги платить! Нет ли у вас какого-нибудь снадобья: бузины, смородинного листа, магнезии?

Сандырева. Как не быть, Василий Сергеевич! Все это есть.

Нивин. Так дайте что-нибудь.

Сандырева. Чего же?

Нивин. Это решительно все равно, только немного: как рукой снимет. *(Откланивается.)* До свиданья!

Сандырева. Куда же вы, Василий Сергеевич? Не хотите и посидеть с нами? Кофейку не прикажете ли? Уделите нам еще четверть часика!

Нивин. Нет-с, мне в больницу нужно. Честь имею кланяться!

Сандырева *(провожая его, дочери)*. Злодейка ты для своей матери. *(Уходит.)*

Липочка. Вот еще положение-то! Представлять собой негодный товар, который с рук нейдет и который насильно навязывают покупщику. Эка жизнь! Ах, да пусть что хотят, то и делают со мной! *(Закрывает лицо рукой.)*

За сценой слышен свежий голос: «Когда я был аркадским принцем, когда я был аркадским принцем! Тра-ла, тра-ла…»

Входит Настя.

Явление седьмое

Липочка и Настя.

Настя. Тра-ла-ла-ла-ла-ла… Покойной ночи, сестрица, что во сне видишь? Нивина, что ли? *(Смотрит в окно.)* Господи! Да когда же меня, несчастную, кто-нибудь подцепит? Вот бы ухватилась! Хоть бы уж плохонького какого!.. Ну, вот идет мимо Сопелкин, Каптелкин, как его? бухгалтер управы… Ну, отчего бы ему не влюбиться и не жениться на мне?.. Голубчик, влюбись и женись!.. *(Подходит к сестре.)* Сестрица, послушай, уступи мне Нивина! Я бы живо его скрутила; а ведь ты упустишь — где тебе!

Липочка. Оставь меня в покое… Вешайся на шею кому хочешь.

Входит Сандырева.

Явление восьмое

Липочка, Настя и Сандырева.

Сандырева. Нет, Настя, Нивин, видно, сорвался у нас.

Настя. А может быть, не совсем еще… погоди, не печалься! Не она, так я, мама, ловить буду его.

Сандырева. Ох, я и вздумать не могу без ужаса,

что ты покинешь меня. Ты ведь у меня одна: и помощница, и друг! Нет, Настя, погоди, ты еще молода. А теперь у нас с тобой дело есть.

Липочка встает и идет к двери.

Настя. Сестрица! Не почивать ли?

Липочка *(лениво и зевая)*. Может быть… Лучше спать, чем пустяки болтать. *(Уходит.)*

Сандырева. Ну, с богом. Что в ней проку-то! А ты вот мне с генералом-то что-нибудь придумай, как бы замазать да затуманить наши дела-то. Остановится ли у нас, не остановится ль, а уж обедать-то во всяком случае будет — вот тут-то ему десерт и нужен. Он ведь великий лакомка… понимаешь?

Настя. Еще бы!

Сандырева. Глазки, улыбочки… Ваше превосходительство! Ну, то да се…

Настя. Три года назад он приезжал; я, мама, тогда такой маленький прыщик была, а и то он поглаживал. А теперь мы смастерим кой-что… И как интересно его превосходительству глазки строить! Да он и остановится у нас, где ему остановиться… на постоялом дворе, что ли?

Сандырева. А вот увидим… Пронеси, господи, грозу!

Настя. А я, мама, умею глазки делать, уж вы-

училась. Вот так если? *(Принимает кокетливое положение, с вызывающей улыбкой.)*

Сандырева. Ах, прелесть! И умница, и хорошенькая ты у меня. *(Целует ее.)* Нет, дешево я тебя не отдам… А в канцелярии-то у нас чорт ногу сломит! Почтальоны все пьяны, сортировщик совсем не явился. Помоги уж ты мне, а то я, кажется, умру, не дождавшись и генерала.

Настя. Не бойся, пойдем — все рассортируем!

Слышен за сценой быстро приближающийся колокольчик.

Сандырева *(всплеснув руками)*. Батюшки светы!

Настя. Это он, мама!

Убегает направо; входит Михаленко.

Явление девятое

Сандырева, Михаленко и Сандырев.

Михаленко. Их превосходительство! Сам генерал-с! *(Исчезает.)*

Сандырева бежит налево и в дверях сталкивается с мужем.

Сандырева *(с ужасом)*. В халате! Вылезьте из халата-то, вылезьте! Да бросьте ваш проклятый чубук! О, несчастный! Несчастный! *(Уходит.)*

Сандырев остается окаменев.

Действие второе

ЛИЦА:

Сандырев.

Сандырева.

Липочка.

Настя.

Шургин, гражданский генерал, губернский начальник в том ведомстве, в котором служит Сандырев, лет под 50, средней важности, в золотых очках.

Петр Степанович Иванов, чиновник при Шургине, чистенький, приглаженный молодой человек, в разговоре постоянно конфузливо улыбается и не знает, куда деть глаза.

Городской голова, корявая личность, неопределенных лет, силится поднять голову повыше, руки опущены, немного растопырены, в мундире.

Михаленко

Декорация первого действия.

Явление первое

Сандырева, парадно одетая, потом Липочка.

Сандырева *(подкрадывается к затворенной двери в зале и прислушивается).* Шагов не слышно, почивает! *(Отходит.)* Не ждать нам добра: сердит, ни с кем и не говорил, только и слов было: «Я хочу часа два отдохнуть!» Мое сокровище даже и встретить не успел. Быть нам нищими, чует мое сердце. Каков чиновник с генералом: новый какой-то, лицо — ничего, доброе; ни злобы, ни ядовитости незаметно, как у этих столичных умников! Он чуть ли не из семинаристов… манеры-то как будто… Что они там с моим дражайшим в канцелярии? Ведь мое золото в состоянии сам на свою голову нагородить с политикой-то своей.

В дверях направо показывается Липочка.

Куда ты, куда ты! Ты и не показывайся, знай свои пироги, да смотри, чтобы миндальное не подгорело.

Липочка. Да ведь это — скучно…

Сандырева. Пироги… пироги!.. Так и умирай над ними!

Липочка уходит, из канцелярии выходят Иванов с делами, Сандырев с книгами.

Явление второе

Иванов, Сандырев и Сандырева.

Сандырева. Пожалуйте! Здесь вам будет отлично. Канцелярия у нас грязна, и посетители там беспокоят; а здесь вы можете вполне углубиться.

Иванов. Да… здесь-с лучше…

Сандырева *(указывая на ломберный стол)*. Вот на этом столе очень удобно; прошу вас.

Иванов усаживается. Сандырев кладет книги, закладывает руки за спину и безмолвно начинает шагать. Иванов разбирает дела и книги.

Сандырева *(указывая)*. Это — входящий, это — исходящий журнал, здесь приходо-расходная, а вот страховой корреспонденции… У нас порядок во всем удивительный! Иван Захарыч сил своих не щадит для службы. *(Сквозь слезы.)* Это — подвижник. А что касается доносов На него его превосходительству, говорю вам по совести — одна клевета, низкая, гнусная клевета человека недостойного, презренного!

Иванов *(углубляясь в бумаги)*. Я не знаю-с.

Сандырева *(дергая мужа)*. А вы, как будто и не вас касается…. Да что вы, опомнитесь! Ведь нищета грозит.

Сандырев. Я, матушка, тридцать лет прослу-

жил, и финтить мне не приходится! В отставку — так в отставку. А Михаленка я нынче вздую лучшим манером… *(Уходит, направо.)*

Явление третье

Иванов и Сандырева.

Сандырева *(про себя)*. Вот чадушко-то! *(Подходит к Иванову.)* Вы рассматриваете страховую?

Иванов. Да-с, здесь нужно кое-что.

Сандырева. Ах, все страховое для Ивана Захарыча — святыня! Он, я не знаю… он меня даже близко не допускает к этим пакетам! Ах, позвольте ваше имя.

Иванов. Петр Степанович-с.

Сандырева. Петр Степаныч, не прикажете ли вам чаю, кофе или покушать что-нибудь?

Иванов. Нет-с, уж я сначала займусь.

Сандырева. Петр Степаныч, а генерал, кажется, не совсем здоров?

Иванов. Нет-с, он ничего…

Сандырева. Или он не в духе?

Иванов *(погружаясь в бумаги)*. Да-с, дорога… беспокойна…

Сандырева. Ах, извините, я вас отрываю от дела.

Иванов. Ничего-с.

Сандырева. Я вам мешать не буду.

Входит Настя, кокетливо одетая. Иванов разбирает бумаги, не замечая ее.

Явление четвертое

Иванов, Сандырева и Настя.

Сандырева *(Насте)*. Порассей его! Страховую смотрит. Ох!

Настя *(кивнув головой)*. Я свое дело знаю.

Сандырева *(Иванову)*. Я ухожу, вам никто не помешает. *(Уходит.)*

Иванов *(взглянув на Настю)*. Какая хорошенькая! *(Углубляясь в бумаги, несколько раз оглядывается, потом привстает, кланяется и опять нагибается над столом.)*

Настя *(подходя)*. Неужели вам не надоели эти дела, бумаги? От них так пахнет гнилью!

Иванов. Нельзя-с, служба. Их превосходительство требует.

Настя. А вы его очень боитесь?

Иванов. Как же-с, помилуйте, начальник.

Настя. Он добрый или сердитый генерал?

Иванов. Нет-с, они очень даже снисходительны к нам.

Настя. К кому к нам?

Иванов. К чиновникам.

Настя. Ну, а к прочим смертным?

Иванов. Я не знаю-с, должно быть, тоже-с.

Настя. А генеральша ваша какая?

Иванов. У нас нет генеральши: они — холостые-с.

Настя. Кто ж у него, мать… сестра?

Иванов. Никого нет-с.

Настя. Так один и живет, ни одной женщины?

Иванов. У них только экономка-с, Амалия Карловна!

Настя. О, немка!.. Старая, в чепце?

Иванов. Нет-с, еще довольно молодая.

Настя. И хорошенькая?

Иванов. Нельзя сказать-с… а ничего-с.

Настя. А вы влюблены в нее?

Иванов. Нет, помилуйте-с, как возможно-с?

Настя. В кого же вы влюблены?

Иванов. Я ни в кого-с… я еще… *(Нагибается над бумагами.)*

Настя. Как! Еще совсем не были влюблены?

Иванов. Да-с. *(Старается заняться делом.)*

Настя. Отчего же? Не находили по своему вкусу или, может быть, у вас сердце каменное?

Иванов. Нет, не каменное-с, а не приходилось, еще не было случая-с.

Настя. Неужели вы еще ни в кого не влюбля-

лись? Так-таки ни в кого?

Иванов. Хм… нет-с… еще я… я… не приходилось, не было случая-с.

Настя. И я еще ни в кого не влюблена, тоже не приходилось, да здесь и не в кого… А мне ужасно хочется полюбить кого-нибудь: это, должно быть, очень интересно. А так, без любви, скучно жить.

Иванов. Да-с, это конечно, вы еще так молоды… и здесь, в глуши…

Настя. А музыку, театр, общество вы любите?

Иванов. Да-с, в свободное от службы время очень приятно.

Настя. Как я танцовать люблю… Ах, доупаду! А у нас и танцоров нет; если пойдешь с кем, так измучаешься, поворачивая своего кавалера! Давайте танцовать сейчас!

Иванов. Ах, как же можно-с! Мне надо дело делать..

Настя. Ничего… Давайте, пожалуйста, ну, немножко!

Иванов. А ну как генерал услышит, мне как же тогда? Это ведь неприлично… чиновнику-с…

Настя. Мы тихонько… Да вы, может быть, не умеете?

Иванов *(вставая)*. Нет-с, я умею, и если вам угодно-с… только что могут быть неприятности.

Настя напевает; они танцуют польку.

Иванов *(останавливаясь)*. Позвольте — довольно-с. *(Садится к столу.)*

Настя. Ух, как хорошо! Вот наслажденье-то! Вот и представьте мое положение! Ну хоть бы раза два-три в год потанцевать как следует! А то ведь это ужас что за кавалеры!

Иванов *(нагнувшись)*. Да-с, такой барышне, можно сказать… такому *(шопотом)* ангелу.

Настя *(с притворной строгостью)*. Что, что? Что вы сказали? Кто вам позволил? Разве это можно?

Иванов. Я ничего-с: это вам так послышалось.

Настя. Не отпирайтесь! Нет, я слышала. Извольте сейчас же писать стихи мне в свое оправдание.

Иванов. Я бы с удовольствием, да мне некогда-с; сейчас генерал спросит, а у меня еще ничего-с…

Настя. Пишите, пишите стихи, а то не прощу.

Звонок, входит Сандырева.

Явление пятое

Иванов, Настя и Сандырева.

Сандырева. Кажется, звонок?

Иванов. Да-с, генерал…

Сандырева. Ах, скорей прислугу, Настя!

Настя. Как мы мило время провели; как мы танцевали, мама, сейчас здесь с ними… *(Убегает.)*

Сандырева. Извините, она — шалунья у меня; она вас обеспокоила?

Иванов. Нет, напротив, очень приятно-с…

Сандырева. Ребенок она у меня, чистый ребенок! *(Уходит.)*

Иванов. Какая прелесть!.. Талия, ножка… да вся, что уж! И в губернском у нас еще поищешь!.. *(Разбирает дела.)* Все из головы выскочило теперь… Где-то тут что-то нужно было поверить! Ах ты, пропасть! Ничего не помню. Даже в озноб и жар бросает! А сейчас генерал… беда.

Двери из залы распахиваются, входит Шургин; Иванов привстает и, снова уткнувшись, садится.

Явление шестое

Иванов и Шургин.

Шургин *(ходит и чистит ногти)*. Что канцелярские книги?

Иванов *(привстав)*. Не очень-с… порядок не совсем… а все-таки нельзя сказать, ваше превосходительство!

Шургин. Ничего не понимаю… говорите коротко и ясно.

Иванов. Страховая-с, ваше превосходительство,

вот что-то… Впрочем…

Шургин *(останавливаясь)*. Я вас не узнаю! Вы всегда отвечали мне отчетливо и понятно!..

Иванов. У меня-с голова, ваше превосходительство… Что-то у меня в голове-с…

Шургин. Так отдохните немного или возьмите холодный душ и потом займитесь. Впрочем, кажется, безошибочно можно заключить, что здесь порядка никакого, упущений тьма… Не говоря уже о злоупотреблениях и разных разностях, лошадиные хвосты там, поборы с мужиков…

Входит Сандырев.

Явление седьмое

Шургин, Иванов и Сандырев.

Сандырев *(вытягиваясь)*. Имею честь представиться… Не имел счастья лично встретить ваше превосходительство.

Шургин *(кивает)*. Здравствуйте, здравствуйте! Вы давно служите? Я забыл. *(Ходит.)*

Сандырев. Тридцать лет беспорочной службы, ваше превосходительство.

Шургин. Странно! И терпелся такой порядок, такие злоупотребления, такая распущенность!

Сандырев. Злоупотреблений никаких, ваше превосходительство. Если что, так это по

обоюдному соглашению, за мои одолжения и неусыпный труд!

Шургин *(останавливаясь, возвышает голос)*. Что вы мне говорите! Служба не терпит никаких обоюдных соглашений. Вся ваша служебная деятельность определена законом; там нет обоюдных соглашений. Входить в соглашение с частными лицами вы можете только в ущерб службе, в ущерб заведенному порядку. И, вдобавок, какой-то чубук — чорт знает что!

Сандырев. Чубук-с! Это — мое человеколюбие, ваше превосходительство.

Шургин. Как — человеколюбие? Вот не ожидал!

Сандырев. Двадцать лет стараюсь от гнусного порока исправить человека.

Шургин. Чубуком?

Сандырев. Точно так, ваше превосходительство.

Шургин. Странная филантропия.

За сценой голос Насти: «Ведь лебедь был моим папашей».

Поет!.. кто это?

Сандырев. Моя дочка-с, Настенька; если беспокоит ваше превосходительство, то я прикажу…

Шургин. Нет, пожалуйста!.. Вы пока мне не

нужны, мне предстоит подумать. Можете итти и снять ваш мундир.

Сандырев раскланивается и уходит. Шургин ходит, вынимает сигару; Иванов, вскочив, подает ему огня; Шургин закуривает и садится в кресло.

Шургин *(как бы про себя)*. Да, в отставку, и нечего толковать, и оставаться здесь больше незачем. Нет, этих древних порядков терпеть нельзя.

Входит Настя с корзиной печенья и горничная с подносом, на котором кофе.

Явление восьмое

Шургин, Иванов, Настя и горничная.

Настя. Ваше превосходительство, кофе… не угодно ли?

Горничная ставит кофе на стол и уходит.

Шургин *(с улыбкой)*. Благодарю-с, благодарю…

Иванов быстро забирает дела и уходит в канцелярию.

Если не ошибаюсь, это вы пели сейчас?

Настя. Да, я…

Шургин. А у вас хорошенький голосок.

Настя. Я ведь не училась; я так пою, как попало.

Шургин. Тембр хорош, свежий, звучный. *(Пьет кофе.)*

Настя. Может быть. Я ничего не слыхала, не видала в жизни, так сама судить не могу. Ваше превосходительство, я к вам с просьбой.

Шургин. Что прикажете, весь — внимание…

Настя *(садясь)*. Я хочу служить, ваше превосходительство!

Шургин. Служить? То есть как?

Настя. Так, как чиновники; ведь теперь, говорят, женщины служат, им разрешено…

Шургин. Ха, ха, ха… Какая мысль! Прекрасно… Где же вы желаете служить?

Настя. Под вашим начальством, не иначе… Вы такой снисходительный к подчиненным, я слышала, а то есть ужасно сердитые генералы. Ах, тех я боюсь…

Шургин. Ха, ха, ха… да, женщины служат… но частно… не нося мундира!

Настя *(кокетливо)*. И я буду частно.

Шургин. Вам ведь большое жалованье нужно дать, ха, ха! А у меня нет.

Настя. На первый раз я буду довольна и небольшим.

Шургин. За какой же стол, к каким делам мы вас поместим?

Настя. Я на все годна понемножку: я ведь письмоводителем у папá; я все бумаги знаю!

Шургин. Так вот что! А! Так вот кого мне распекать-то за беспорядок.

Настя. Беспорядок! Какие пустяки! Кто это вам сказал? Вы не верьте, ваше превосходительство. Я ночей не спала, готовясь к вашей ревизии, и все отлично! Я жду награды; неужели вы оставите меня без внимания? *(Кокетничает и делает глазки.)*

Шургин. Оставить вас без внимания — для меня невозможно; это выше сил моих. *(Целует ее руки.)* Я взял бы вас в личные секретари.

Настя. Возьмите, и вы не будете жалеть; я постараюсь изучить ваш характер, привычки…

Шургин. Послушайте, вы — очаровательны! *(Страстно хватает ее за руки.)* Но это… это… *(Вставая.)* Наконец, что я делаю? Я должен здесь выходить из себя, должен сердиться *(проходит,)*, должен нанести в некотором роде удар, может быть, неожиданный…

Настя *(встает)*. Удар? Кому?

Шургин. Я должен… Вашему отцу грозит отставка.

Настя. В таком случае, отставка и мне… его письмоводителю. Нет, вы этого не сделаете! Ну, генерал, скажите! И вам не жаль меня… я так ждала вас, ждала радости награды, а не казни!

Шургин *(останавливаясь)*. Да, конечно, это бесхарактерно, но… но я обезоружен. *(Хватает ее за руку.)* И вы… вы… виновница! Ребенок и волшебница в одно и то же время. *(Осыпает ее руку поцелуями.)* Во что бы то ни стало я делаю вас своим секретарем! Вы даете мне право действовать? *(Не выпускает ее рук.)*

Настя. Да, но как это будет?

Шургин. Это — уж мое дело; только знайте, что все, что сейчас последует, будет истекать от меня и клониться к тому, чтобы вы были моим секретарем. Вы не заупрямитесь?

Настя. Я — подчиненный; я исполню без возражений все, что будет угодно приказать вашему превосходительству.

Шургин. О! Какой у меня секретарь! Какой секретарь!

Настя. Значит, по ревизии все благополучно, да?

Шургин. Ну, уж пусть будет так.

Настя. Милый, добрый генерал! Вот — за это! *(Целует его в лоб и убегает.)*

Шургин *(один)*. Поцелуй! Обожгла! Я дрожу… что со мной? Голова кружится. *(Хватаясь за голову.)* Огонь во всем! Удивительно, удивительно! Ребенок, и какая сила, какая прелесть женщина!..

(Ходит.) Эта головка! Нет, расстаться с ней невозможно! О, женщины! Есть ли жертва, которой бы я не принес для вас! *(Отворяет дверь в канцелярию.)* Господин Иванов, господин Иванов! Пожалуйте сюда!

Иванов входит.

Явление девятое

Шургин и Иванов.

Шургин. Послушайте… вы уж там не очень… конечно, порядки неважные, но все-таки довольно сносно, удовлетворительно и злоупотреблений особенных нет.

Иванов. Слушаю-с, ваше превосходительство.

Шургин. Понимаете, рука не поднимается. Мне жаль, большая семья! *(Садится.)*

Иванов. Совершенно справедливо, ваше превосходительство, очень большая.

Шургин. Да? И вы согласны? Ну, очень рад! Садитесь! Мне с вами нужно переговорить…

Иванов. Что прикажете, ваше превосходительство? *(Садится на конце стула.)*

Шургин. Вы знаете, как я внимателен ко всем моим подчиненным, а к вам особенно?

Иванов *(привскакивая)*. Вы — мне второй отец, ваше превосходительство.

Шургин. Да! Вот по окончании нашей поездки, вы получите некоторое повышение… там я увижу.

Иванов *(раскланиваясь)*. Из ничтожества поднимаете, ваше превосходительство, и делаете человеком.

Шургин. Но-о… внимание мое к вам, собственно, идет еще далее, именно до отеческой заботы. Я хотел бы видеть вас женатым, семейным, вполне счастливым человеком. Вам уже пора об этом подумать! Садитесь!

Иванов *(садится)*. Я думал-с и много раз уже думал-с, ваше превосходительство, но не встречал еще в жизни такого предмета…

Шургин. Не встречали? Ах, мой милый, да счастье около вас, оно «близко» и «возможно». Вы видели здесь девушку… дочь… ну, она пела еще?

Иванов. Видел-с, ваше превосходительство.

Шургин. Вот вам! Берите, берите, не задумывайтесь. Не правда ли, прелестная девушка?

Иванов. Да-с, она, ваше превосходительство, действительно…

Шургин. Необыкновенно живая, умница! А какое грациозное создание?

Иванов. Действительно, ваше превосходительство, не в этой бы ей глуши…

Шургин. Приданого, конечно, нет; но, сожалея об их бедности, обещаю вам навсегда мое покровительство.

Иванов *(вскакивая)*. Ваше превосходительство, чем я мог заслужить?.. *(Стоит.)*

Шургин. Вашею скромностью, любезнейший, и преданностью мне и делу службы! Еще вот что я вам скажу: всякая длинная история с ухаживанием, с продолжительным сватовством не годится для человека в вашем положении; это мешает службе; а вот так вдруг! Встреча, неожиданное сближение — поверьте, что здесь больше залога для тихого счастья!

Иванов. Но… но… она, ваше превосходительство, она, пожалуй, не пожелает… может быть, я не понравлюсь?

Шургин. Ручаюсь вам за успех! Верьте, что эта девушка лучше нас с вами смотрит на жизнь. Действуйте же немедленно! Я сегодня же уезжаю, а вы останьтесь и сделайте предложение. Завтра вы меня в соседнем городе догоните.

Иванов *(млеет от восторга)*. Ваше превосходительство, нет слов для выражения…

Входит Настя.

Явление десятое

Шургин, Иванов и Настя.

Шургин *(указывая глазами Насте на Иванова).* Вот этот молодой человек имеет до вас великую просьбу и сегодня заявит ее вам... Я буду рад очень, если вы не отвергнете ее — я ему протежирую!

Настя улыбается. Иванов, вспыхнув, бросается вон.

Входят Сандырев и Сандырева.

Явление одиннадцатое

Шургин, Настя, Сандырев и Сандырева.

Сандырева. Осчастливьте, ваше превосходительство, не откажите нашего хлеба-соли откушать.

Сандырев. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Шургин. Очень благодарен, мне приятно. *(К Сандыревой.)* Но ваша дочка прелестна, она очаровательна.

Сандырева. Страшная шалунья, ваше превосходительство! Такой резвый ребенок!

Входит Михаленко, едва держась на ногах.

Явление двенадцатое

Шургин, Сандырев, Сандырева и Михаленко.

Михаленко *(простирая руки)*. Притекаю к тебе, праведный судия! *(Падает в ноги.)* Ваше превосходительство, явите милосердие.

Шургин. Он, кажется, мертвецки?

Михаленко. Нин-ни-ни… Мои уста… ни-ни, окромя, помимо святой воды, чтоб, значит, с чистым сердцем.

Сандырев. Я вот сейчас с ним… *(Хватает из угла чубук.)*

Шургин. Опять чубук!

Сандырев останавливается с чубуком.

Сандырев. Нет никакой возможности, ваше превосходительство, по-человечески!

Шургин. Пожалейте вы, если не его, хоть ваши чубуки.

Михаленко. Правда и милость…

Сандырев. Не могу, ваше превосходительство;

Выталкивает Михаленко в канцелярию. Из залы выходят городской голова и Настя.

Явление тринадцатое

Шургин, Сандырев, Сандырева, Настя и город-

ской голова.

Городской голова *(раскланивается)*. Честь имеем явиться к вашему превосходительству, как есть я градской голова здешнего города… Да-с.

Шургин. Очень рад, благодарю.

Городской голова. И позвольте, ваше превосходительство, преподнести вашему превосходительству! *(Подает бумагу.)*

Шургин *(берет)*. Что такое?

Городской голова. Насчет их высокоблагородия, прописано все, как есть. Вот что! Да-с.

Шургин *(читает)*. Ах, это вы одобрение от общества относительно господина почтмейстера!

Городской голова. Так точно-с, от общества-с. Все мы оченно чувствуем удоблетворение, ваше превосходительство, и никаких, к примеру, притензиев нам от них, окромя что как господин почтмейстер, Иван Захарыч, хороший они у нас человек. Вот и все-с.

Шургин. Хотя я уже видел сам на деле… ноо… мне очень приятно и это подтверждение! Я остаюсь с глубокою признательностью к обществу, которое так ценит ревность моего чиновника! Общество — лучший судья!

Городской голова. В таком случае и мы, ваше превосходительство, оченно этому делу рады. И

больше ничего.

Шургин *(оглядывая всех).* Теперь, кажется, все кончено?

Сандырева. Милости прошу, ваше превосходительство, в залу!

Шургин. Благодарю-с! *(Подставляя Насте руку.)* Позвольте.

Идут. Шургин тихо говорит Насте, она смеется; Сандырева подлетает с поклоном к голове; Сандырев берет его под руку, и все уходят в залу.

Действие третье

ЛИЦА:
Сандырев.
Сандырева.
Липочка.
Настя.
Нивин.
Иванов.

Декорация та же.

Явление первое

Сандырев, в старом форменном сюртуке с газетой и трубкой, ходит взад и вперед. Сандырева.

Сандырева. Скажите же мне, что это значит?

Сандырев. Не знаю, матушка, не знаю.

Сандырева. Сам генерал уехал…

Сандырев. Не знаю, матушка.

Сандырева. Да не перебивайте! Сам генерал уехал, а чиновник его остался.

Сандырев. Не знаю, матушка, и отстань ты от меня! Тут такие известия! А она пристает с глупостями.

Сандырева. С глупостями, а! Скажите! Да отец вы или нет?

Сандырев. Надо думать, что отец, коли дети есть.

Сандырева. Дети есть! Много детей, очень много! *(Утирая слезы.)* Ну. так я вам объясню, что это значит: генерал с нами штуку сыграл; он всегда так делает, я слышала. Вот он отъедет станцию или две, да оттуда и пришлет вам отставку, а чиновнику этому предписание: принять от вас должность! Вот оно-с!

Сандырев *(читая)*. Ну, и на здоровье.

Сандырева. Что ж тогда? Шарманку на плечи?

Сандырев. Ну, что ж я могу? Ведь уж дела не поправишь. Сокрушаться прикажете, плакать, рвать на себе последние волосы? Так я — человек благоразумный… Ахайте уж вы, а мне не мешай-

те! Тут, матушка, государство разваливается, а она… Там поминутно султанов меняют, а не то что почтмейстеров. Нет, лучше уйти от вас, покойнее будет. *(Уходит направо.)*

Сандырева *(вслед мужу)*. Урод, урод! Нет больше сил моих, погибаю! Несчастная я женщина.

Из залы входит Настя.

Явление второе

Сандырева и Настя.

Сандырева. Куда он пошел-то, Иванов этот?

Настя *(весело)*. Завернул на большую улицу.

Сандырева. А Палашка следит?

Настя *(смеясь)*. Она — по другой стороне, не отставая!

Сандырева. Не смейся, мой друг: скоро мы, скоро заплачем.

Настя. Нет, мама, нам будет весело — вот посмотри.

Сандырева. Откуда веселье? Где его взять! Волком взвоешь с вами.

Настя. Уж будет веселье.

Сандырева. Ах, не расстраивай ты меня!

Настя. Я на картах гадала…

Сандырева. На картах-то только о пустяках гадают; а тут до серьезного дошло. Ложись да

умирай!

Настя *(у окна)*. Вот Иванов возвращается. Как он скоро!

Сандырева. Вон и Палашка из-за угла. *(Уходя направо.)* Не заходил ли куда, спросить. *(Уходит.)*

Настя. Ну вот, идет. Генерал сказал: «он имеет великое дело до вас»; ну какое же может быть дело иначе, и зачем бы Иванов остался? Он, кажется, будет такой послушный… И весело мне, и все-таки страшно.

Входит Иванов.

Явление третье

Настя и Иванов, в одной руке изящный альбом, в другой — портфель с бумагами.

Иванов *(поднося альбом)*. Генерал приказали-с вручить вам…

Настя *(приседая)*. Mercі… Какой хорошенький! Чудо! Ваш генерал — милый.

Иванов. Да-с, они очень… очень… *(Теряется, отходит к ломберному столу и начинает выбирать бумаги из портфеля.)*

Настя *(читает в альбоме надпись)*. «Моему очаровательному секретарю на память первого знакомства»! Mercі, mercі. *(Садится на кресло вдали от Иванова и рассматривает альбом.)* А

дело, какое это великое дело у вас?

Иванов *(не оборачиваясь).* Да-с, это — дело-с.; 7 может быть, тут нужно выражение, а я никогда-с..

Настя. Это дело, оно там у вас в бумагах?

Иванов *(не оборачиваясь).* Нет-с, оно у меня в сердце-с!

Настя. В сердце?

Иванов. Я никогда еще не имел такого объяснения-с; это — первый раз в жизни-с. Все чувства мои в беспорядке. *(Прячется совсем в бумагу.)*

Настя. А голова?

Иванов. И голова-с... я влюблен-с.

Настя. В кого?

Иванов. Да я не смею, я никогда..

Настя. Не бойтесь, говорите, мы здесь одни.

Иванов. Да я в вас и влюблен-с! *(Уткнувшись в бумагу.)* Только я чувствую, что недостоин... и боюсь...

Настя. Так скоро!

Иванов *(оборачиваясь и скрывая лицо).* Да-с, вдруг-с, и не успел опомниться, и сам не знаю что-с! *(Привстав.)* Настасья Ивановна, если я не противен-с, я прошу... моя душа... навеки!.. *(Садится и снова скрывается в бумаге.)*

Входит Сандырева и смотрит подозрительно

на Иванова, не замечая Насти.

Явление четвертое

Иванов, Настя и Сандырева.

Иванов *(привстав и выглядывая из-за бумаги).* Я-с… генерал-с… Его превосходительство, они мне-с…

Сандырева. Ах. Я предчувствую, что вы скажете — какое для нас несчастье!..

Иванов *(все более теряясь).* Нет-с; я хотел, я… имею-с…

Сандырева. Сердце мое говорит мне! Заступница моя. *(Сквозь слезы.)* Но за что же, за что же?.. Я догоню генерала, я брошусь ему в ноги, буду просить, молить выслушать меня и пощадить нас!.. Это — ужасно!

Иванов. Да я-с… я вовсе… я-с.

Сандырева *(со слезами).* Знаю, знаю, вы, конечно, только исполняете приказание; но, Петр Степаныч, войдите в наше положение и помогите! Я умоляю вас, посоветуйте нам, попросите генерала с своей стороны, вы к нему близки! *(Хватая ею за руки.)* Едемте, едемте сейчас!

Иванов. Нет-с, ведь я, ведь совсем… позвольте мне.

Настя *(подбегает к матери, хватает ее за руку*

и освобождает Иванова). Совсем не то, мама!

Сандырева. Что же, что же? Господи!..

Иванов. Я… я-с делаю предложение дочке вашей, то есть вам-с, то есть дочке-с, Настасье Ивановне, и прошу их руки.

Сандырева. Ах! Настя! Господи!

Настя *(показывает альбом)*. Подарок мне.

Сандырева *(вскрикивает)*. Ах!

Настя. Это — от генерала.

Сандырева. Ах, не могу опомниться, не могу притти в себя! Что это? Жива ли я? Настя! Настя! *(Обнимает дочь.)* Если бы вы знали, Петр Степаныч, мою любовь к ней! Жемчужинка моя. *(Хватая Иванова за руку.)* Простите меня, что я… что я… ведь я совсем обезумела… я вообразила… Ох! Так неожиданно… благодарю вас за честь, Петр Степаныч… Совсем растерялась… Пожалуйте к нам в сад, Петр Степаныч, там мы будем пить чай, по-семейному. Там у нас чудесно.

Иванов. С большим удовольствием.

Сандырева *(уходя направо)*. Я сейчас распоряжусь. *(Уходит.)*

Иванов *(ободрившись)*. Настасья Ивановна, я нетерпеливо жду-с, во мне ужасное мучение-с.

Настя. Да вы в самом деле влюблены в меня?

Иванов. Без ума-с! Уж так-с, что и не знаю!

Настя. Да, может быть, вам генерал приказал?

Иванов. Они мне только советовали, как отец.

Настя. Ну, в сад! В сад!

Хватает его за руку и убегают в дверь залы. Входит из двери справа Сандырев с газетой, Сандырева тащит его за руку.

Явление пятое

Сандырев и Сандырева.

Сандырева. Оставьте вашу газету, оставьте вашу Европу! Что у нас-то совершается!

Сандырев. Ну, что такое? Ну, что такое?

Сандырева. Эх, ты — премудрость! Ну, угадай что.

Сандырев. Пожар, что ли? Землетрясение?

Сандырева. Вашей дочери Насте делают предложение…

Сандырев. Предложение, да какое же? Насчет чего?

Сандырева. Он не понимает! Просят ее руки.

Сандырев. Да!.. Ну да, ну и хорошо. *(Смотрит в газету.)*

Сандырева. Да вы хоть полюбопытствуйте, кто…

Сандырев. Да, да, как же, это надо!.. Ну кто же, кто?

Сандырева. Чиновник-с, этот самый чиновник.

Сандырев. Чиновник? Это хорошо. Какой чиновник?

Сандырева. Генеральский.

Сандырев. Генеральский? Генерал, генеральский…

Сандырева. Да вы проснитесь! Он уж не помнит, что у нас было сегодня.

Сандырев *(трет лоб)*. Да, ну да, теперь я… да…

Сандырева. Петр Степаныч Иванов, чиновник его превосходительства, что у нас на ревизии… понимаете?

Сандырев. Ах… да… да… Так он это вот как?

Сандырева. Да-с! Вот как! А генерал подарил ей альбом.

Сандырев. Кому альбом? Да, да, так, чиновник подарил альбом, а генерал предложение!..

Сандырева. Эх, Иван Захарыч, вот до чего довела вас политика!

Сандырев. То есть да, чиновник — предложение, а генерал — альбом! Понял я. Ну, что тут мудреного!

Сандырева. Насилу-то, ах, тюленюшка! *(Поднося ему свою руку.)* Целуйте ручку и благодарите… за что вам бог послал такую жену-то.

Сандырев. Ты, да… благодарю, благодарю…

Сандырева. То-то! Ценить-то вы только не умеете… Отправляйтесь в сад, к жениху! Да бросьте хоть теперь-то. *(Вырывает газету и кладет на стол.)* Ступайте, будьте любезны и веселы. *(Выталкивает.)* Идите, идите… и я сейчас.

Сандырев. Иду, иду… *(Уходит.)*

Сандырева. Думано ли, гадано ли, чтобы такая развязка! *(Подходит к окну.)* Нивин идет! *(В окно.)* Василий Сергеевич, Василий Сергеевич! На минутку. У нас — радость! *(Бежит к дверям в зал и встречается с Нивиным.)*

Явление шестое

Сандырева и Нивин.

Сандырева. Когда же это было прежде, чтобы мимо шли и к нам не зашли?

Нивин. Я, право, и не заметил, что мимо вас прохожу.

Сандырева. Вот как углублены! Прошу же вас, присядьте на минутку.

Садятся.

Наша ревизия чудесно сошла, Василий Сергеевич! Генерал был очень любезен!

Нивин. Очень рад.

Сандырева. И радостная новость у нас!

Нивин. Что такое?

Сандырева. Чиновник его превосходительства сделал предложение Настеньке, Иванов по фамилии; прекрасный молодой человек.

Нивин. Как это скоро у вас делается.

Сандырева. Бог нас устрояет, Василий Сергеевич.

Нивин. Хм… ревизия, сватовство — интересно…

Сандырева. Именно, что чудесно! Ах! Гляжу я все на вас, Василий Сергеевич, как изменились.

Нивин. Старость подкрадывается.

Сандырева. Ох, что вы! Вам только еще жить да наслаждаться, Василий Сергеевич! Наука, ох, наука вас сушит! Довольно бы, право, довольно бы!

Нивин. А что пословица-то говорит, Ольга Николаевна? Век живи, век учись!

Сандырева. Да чему вам, помилуйте! Уж вам ли чего не знать! Вы все знаете; вам кажется, что еще что-то осталось. Конечно, слава! Прославиться человеку хочется, показать всему свету свой ум.

Нивин. Показывать свету свой ум, да еще всему! Ольга Николаевна, что вы! Далеко очень.

Сандырева. Ох, слава! Исстрадается, измучается человек так, что сам себя не понимает, ну, и — стреляются. А вы думаете, отчего? Все от этого.

Нивин. Так-с, именно, святая ваша речь, Ольга Николаевна.

Сандырева. Нет, глупая, дурацкая моя речь, Василий Сергеевич, простите меня; но от души, от нашего расположения к вам, не могу удержаться! И думаю я еще: не все же слава; а разве такое счастье хуже? Вести добродетельную, семейную жизнь, делать людям добро там, где судьба поселила; много добра! Ах, много за такого доброго человека проливается горячих молитв! И какая любовь, какая забота окружает его; он родной, дорогой становится для людей окружающих! И так ему хорошо, и ничего уже не хочется, не рвется он к этой громкой, страшной славе!

Нивин. Просто плыву; плыву по какой-то волшебной реке, под тихими, сладкими звуками сирен.

Сандырева *(встает)*. Смеетесь вы над дурой-бабой! ну, бог с вами! Дай бог только вам здоровья да сил! А каким я вас чайком угощу, мы только что получила, свеженький! Ведь я знаю, что вы любите! Я сию минуту! *(Уходит.)*

Нивин. Какова женщина!.. Да-с, дама с соображением. *(Помолчав.)* Вот так-то и плывешь, и плывешь, да как задремал под эту тишину-то — ну, и прощай. Очнешься вдруг, разбудит тебя

что-нибудь — ни силы уж в тебе, ни мысли, и так и тянет, так и затягивает тебя плыть дальше это тихое море покоя и сна. Вчера изорвал я, в сознании своего бессилия, начатую диссертацию, а сегодня… *(увидав входящую Липочку)* плывем!

Входит Липочка со стаканом чаю.

Явление седьмое

Нивин и Липочка.

Нивин. Как вы сегодня интересны, позвольте вам сказать.

Липочка *(поставив стакан)*. Это что же значит?

Нивин *(прихлебывая чай)*. То, что вы очень милы!

Липочка. Вы уж за комплименты взялись, от скуки, что ли?

Нивин. Невольно-с, невольно! Ваш вид вызывает.

Липочка. Или насмехаетесь? Вас не разберешь.

Нивин. Ничуть-с! Вы такая славная, сдобная, мягкая, свежая… Так можно выражаться?

Липочка *(надувается)*. В булочной можно.

Нивин. Так извините нашу невежественность по части излияния нежных чувств! Груб! Груб… Нет, право, вы мне начинаете очень нравиться.

В вас так полно выражается идея ненарушимого жизненного покоя; каким здоровьем веет от вас!

Липочка *(смеется)*. Вы, кажется, в поэзию ударились?

Нивин. Да-с, я сегодня в удивительном ударе; я сегодня так хорошо настроен.

Липочка. Что же это значит?

Нивин. А значит, что человек разрешил свою задачу… К тихому пристанищу притек.

Липочка. Слышали вы нашу новость?

Нивин. Как же-с, как же!

Липочка. Я теперь буду шить приданое сестре, а потом в портнихи уйду; надоело и мне дома, и я всем надоела.

Нивин. В портнихи — дело хорошее… А если замуж, как вы думаете, не лучше ли будет?

Липочка. За кого это?

Нивин. Ну, за человека солидного, благонамеренного, не пьющего… то есть «запоем»… и желающего вкусить сладостей тихой семейной жизни… Ну, вот хоть за меня?

Липочка. Вы все шутите!..

Нивин. Ни капли шутки… А? Ну, думайте, что ли! И сейчас повергнемся к стопам родительским! Оно и расходу меньше — две свадьбы зараз… А уж какое ликованье для Ольги-то Николаевны

будет!

Липочка *(надувшись)*. Ну, что вы врете.

Нивин. Серьезно-с, серьезно.

Липочка. Да это я не знаю, что такое…

Нивин. Помните, я говорил, что и в скуке могут быть вариации? То вы скучали одни, а теперь будем скучать вдвоем.

Липочка. Но что вы чувствуете ко мне… и что я?.. Я не разберу ничего.

Нивин. Разберем и почувствуем это мы уже после,

Липочка. А теперь надо поверить вам?

Нивин. Полагаю, что надо.

Липочка *(серьезно)*. Ну, хорошо. Вы — честный человек?

Нивин. Да-с, и красоту телесную ценить умею.

Липочка *(несколько обидясь, сквозь слезы)*. Кроме телесного, я думаю, у меня и умишко есть, хоть небольшой, и сердце…

Нивин *(горячо пожимая ей руку)*. Разве я не замечаю, разве я не замечаю!

Липочка *(с улыбкой)*. А заметили — так и слава богу.

Входит Сандырева.

Явление восьмое

Липочка, Нивин и Сандырева.

Нивин. Ольга Николаевна, благословите нас!

Сандырева пятится назад, ничего не понимая.

Я хочу жениться, и ваша дочь согласна.

Сандырева *(всплеснув руками)*. Боже мой, да как же это случилось?

Нивин. Очень просто: вздумали, да и женимся.

Сандырева. Василий Сергеевич, какая честь! Липочка, ангел мой!

Обнимает дочь, из залы входит Сандырев.

Явление девятое

Липочка, Нивин, Сандырева и Сандырев.

Сандырева. Иван Захарыч, пиши, пиши… записывай.

Сандырев. Что, что, что писать, что записывать?

Сандырева. Счастливый день — вот что. *(Указывая.)* Вот — еще жених.

Сандырев. Позвольте, позвольте! Что такое?

Сандырева. Василий Сергеевич просит руки.

Сандырев. Да, вот что; а я было хотел спросить вас…

Нивин. Что вам угодно?

Сандырев. Где город Питсбург?

Нивин. Далеко, Иван Захарыч.

Сандырева. Ах, да опомнись ты.

Сандырев. Погоди, матушка! То-то я и говорю; без знания географии никак не догадаешься, где какой город. Вот Питсбург.

Сандырева. Да послушай ты, Василий Сергеевич делает нам честь, просит руки Липочки.

Сандырев. Ха, ха, ха! Это что-то уж того… как в сказке, две свадьбы. Не ожидал, право, не ожидал. *(Жмет руку Нивину.)* Такая честь… мне приятно, благодарю вас

Сандырева. А ты все с Европой.

Нивин. Зачем вам новости из Европы, когда у вас дома такие внутренние известия!

Входят Настя и Иванов.

Явление десятое

Сандырев, Сандырева, Липа, Нивин, Настя и Иванов,

Сандырева. Теперь уж я и не знаю, право, кому кого поздравлять! Настя, обними сестру: она — тоже невеста! Вот Василий Сергеевич…

Настя. Липочка! Неужели? *(Объятия.)* Василий Сергеевич! Поздравляем. *(Рукопожатие.)* А это

— мой жених, рекомендую.

Нивин и Иванов раскланиваются.

Сандырева. Счастливый, счастливый день в нашей жизни!

Настя. Мы, мама, с Петром Степанычем за музыкой послали.

Сандырева. Веселитесь, дети, веселитесь!

Сандырев берет со стола газету.

Сандырева *(мужу)*. Целуйте ручку, благодарите жену!

Сандырев *(целует)*. Благодарю, благодарю. Господа, это не жена, это — сокровище; особенно в нынешнее-то время. *(Тычет пальцем в газету.)*

Сандырева. А! Поняли наконец?

Сандырев. Понял, матушка, понял. Как хорошо, покойно мужу-то! Ни об чем не тужи! Как ему свободно заниматься политикой-то! *(Раскрывает газету и идет в дверь направо.)*

Сандырева. Иван Захарыч! Иван Захарыч!

Все. Куда вы, куда вы?

Сандырев. Веселитесь, веселитесь! А я пойду дочитаю.

Женитьба Белугина

Комедия в пяти действиях

Гаврила Пантелеич Белугин, богатый купец, фабрикант, лет 55-ти; живет постоянно на фабрике, верстах в шестидесяти от Москвы, изредка приезжает в Москву к сыну.

Настасья Петровна, жена его, полная женщина; одевается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платок, голова повязана.

Андрей Гаврилыч, их сын, лет 27-ми; одет современно, но с некоторым оттенком франтовства; живет постоянно в Москве, занимается делами отца и имеет свои обороты.

Василий Сыромятов, молодой, богатый фабрикант, сосед старика Белугина по фабрикам, приятель Андрея; одет небрежно, панталоны в сапоги; немного щеголяет простонародностью в словах и манерах.

Таня, сестра Сыромятова, молодая девушка; одета богато.

Николай Егорович Агишин, человек без определенного положения, с ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще

интересная; по костюму и манерам джентльмен.

Нина Александровна Кармина, пожилая дама с расстроенными нервами.

Елена Васильевна, ее дочь, девушка немного за 20 лет в полном цвете красоты и здоровья; в манерах видна избалованность и привычка повелевать.

Человек Карминых.

Прохор, слуга Андрея Белугина.

Действие первое

Приемная комната; в глубине входная дверь; по стенам тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обе стороны, ближе к авансцене, боковые двери; налево от актеров, подле двери, большое конторское бюро и высокий табурет; направо, на стене, два фамильные портрета плохой, дешевой работы, в больших золоченых рамах; посредине большой стол, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столе модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

Явление первое

Андрей Белугин *(выходит из боковой двери*

слева и становится подле бюро), потом Агишин.

Андрей *(с неудовольствием)*. Кто там еще?.. Эх!..

Из средней двери входит Агишин.

А, Николай Егорыч… мое почтенье… здравствуйте!.. *(Подает руку.)* Вернулся из Питера?..

Агишин. Да, вчера… и вот заехал на тебя поглядеть, мой милый… Но, кажется, я не вовремя… так говори прямо… Я после могу!..

Андрей. Родители с фабрики приехали…

Агишин. *(указывая на шляпу)*. А это что?.. Этих вещей твои родители, я думаю, не носят, да и прародители не носили!..

Андрей. А это знакомые с ними вместе… тоже один фабрикант с сестрой…

Агишин. Ну, я тебя не задержу… я на десять слов… Мне только нужны кой-какие сведения… Бывал ты без меня у Карминых?..

Андрей. Заезжал иногда…

Агишин *(с притворным участием)*. Ну, что ж, Андрюша, мой милый, как дела твои?..

Андрей *(строго)*. Какие такие дела?

Агишин. Ну, твое ухаживание, любовь, обожание, что ли?.. Кто ж тебя знает!.. Тронул ты ее сердце или уж совсем покорил?..

Андрей. Это уж мое дело! Ты разговоры эти

лучше предоставь!..

Агишин *(с улыбкой).* Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тут есть небольшая разница.

Андрей. Ну, там оставь или предоставь — это все одно… а только я тебя прошу, чтоб этих разговоров не было, потому я не люблю!..

Агишин. А, вон оно куда пошло!

Андрей. Да, потому что над чем я сам не шучу, над тем и другим не позволю!..

Агишин. Значит: это — святыня… к которой прикасаться нельзя?..

Андрей. Ну, да уж как хочешь, так и понимай!..

Агишин. Как они поживают? здоровы?

Андрей. Ничего, слава богу!..

Агишин. Ты когда у них был в последний раз?

Андрей. Вчера.

Агишин. А когда опять собираешься? Сегодня, я думаю!

Андрей. Мудреного нет, что и сегодня!..

Агишин. Ежедневно, значит…

Андрей. А хотя бы и так, хоть бы на дню пять раз. У тебя, что ли, позволенья мне спрашивать?..

Агишин. Да что ты сердишься? Для меня совсем не лишнее знать твои намерения в этом деле.

Ведь и я тоже живой человек, и я могу чувствовать красоту Елены. Ты имеешь ли это в виду?..

Андрей. Ну, так что ж? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступного, просишь?

Агишин. Нет, за что брать отступное! Да ты и не дашь: шансы у нас неравны. Где уж мне соперничать с тобою! И если ты…

Андрей. Да… если я!.. Потом что ж будет?

Агишин. Зачем же я буду мешать тебе без всякой пользы для себя? Умнее и честнее с моей стороны отступиться; будем действовать заодно!

Андрей. Да что за заговоры, что за стачка!.. Это дело чистое.

Агишин. Ну, как знаешь… Вот что: коли ты приедешь сегодня раньше меня, так не говори, что меня видел.

Андрей *(с досадой)*. А какая мне надобность разговаривать про тебя!..

Агишин. А если и спросят, так, сделай милость, скажи, что не видал: мне хочется сюрпризом явиться!..

Андрей. Да ладно… что об этом толковать-то! *(С улыбкою.)* Сюрприз! Какой же это сюрприз? По-нашему, привезти из Питера подарок тысячи в три — вот это сюрприз!

Явление второе

Андрей (один).

Андрей. Занимать гостей… Вот пытка-то!.. *(Смотрит в дверь направо.)* Прощай, Таня!.. Какую я сейчас с тобою подлость сделаю, так, кажется, убить меня… убить!.. Думал: будем век с тобою друг на друга радоваться!.. Ведь вон она сидит: такая веселая, смеется чему-то, лицо такое доброе… и не ожидает! Злодей я, злодей!.. Да что ж делать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. От своей судьбы не уйдешь!.. И стал я ничем, ничем не лучше всякого разбойника и всякого бесчестного!..

Садится к столу и опускает голову на руки; входит Сыромятов.

Явление третье

Андрей и Сыромятов.

Сыромятов. Что ты ушел от нас? Аль куревом занимаешься, не хотел чадить при гостях?..

Андрей. Нет.

Сыромятов. Так что ж с тобой… Уж здоров ли ты?..

Андрей. Ничего, здоров!.. *(Как бы про себя.)* А

еще людей браним, людей судим, а сами хуже, может быть, тех, что…

Сыромятов. Ты уж, я вижу, заговариваться стал… Да что ты, рехнулся, что ли, в самом деле?.. Ты лучше за доктором пошли.

Андрей. Не вылечит меня никакой доктор! *(Встает.)* Изменник я своему слову и, значит, бесчестный человек!

Сыромятов. Да ты в загадки-то не играй!..

Андрей. А вот, брат Вася, и разгадка всему этому: полюбил я твою сестру, и по рукам мы ударили — так ведь?..

Сыромятов. Так, не перетакивать стать!..

Андрей. А теперь не могу!.. Простите вы меня… простите!..

Сыромятов. Да ты полно шутить-то… не к месту!

Андрей *(горячо)*. Да я и не шучу… С чего ты взял, что я шучу?. не до шуток мне!..

Сыромятов. Однако суприз важный!..

Андрей. Ну, да вот хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мне… легко мне будет твоей сестре в глаза взглянуть?..

Сыромятов. Гм… история, братец ты мой!.. По-приятельски, удружил!.. Ты знаешь ли, как это, по-нашему, по-русски, называется?.. Ведь

этот твой пассаж для сестры и для всей нашей фамилии бесчестье и мараль!.. Ты подумал ли об этом?

Андрей. Без тебя все это я давно знаю. Да что ж мне делать, коль я другую полюбил!.. Рассказать тебе вдруг мои чувства — я не могу… да и слов таких не знаю… а вот возьми ты разорви грудь мою, да и погляди сам, что там делается!.. Вот не уйдешь никуда от этого… не спрячешься… Судьба, одно слово — судьба!..

Сыромятов. Стало быть, богаче или лучше невесту нашел?

Андрей. Да не то, Вася, совсем не то!..

Сыромятов. А коли не то, так какие ж с твоей стороны оправдания?.. Как же ты, братец ты мой… хорошего семейства девушка и по нашей стороне, можно сказать, первая невеста по капиталу и по всему… какие ж у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

Андрей. *(грозя пальцем)*. Шшш… осторожно!.. не заикайся!..

Сыромятов *(зло)*. Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочим, интересно знать этот самый сюжет!..

Андрей. Что тут знать?.. Красота — ума помраченье! вот и знай!..

Сыромятов. А из каких они будут?..

Андрей. Да из каких бы то ни было!.. Ну, просто сказать: семейство хорошее… живет девушка, барышня с маменькой, живут, признаться тебе, небогато… Познакомил меня с ними Агишин… Но только уж насчет образования… ума!..

Сыромятов. С романсами, значит? Вот как!..

Андрей. Сразу может погубить человека… за один взгляд, за одну улыбку куда хочешь и на что хочешь готов!.. Ах, Вася, такая это красота, такая красота!..

Сыромятов. Нас никаким товаром не удивишь… знавали мы и атласных, и бархатных.

Андрей. Не то, говорю тебе, не то!..

Сыромятов. Значит, уж самых высших сортов!..

Андрей. Да что тебе говорить!.. Ты таких и не видывал!.. и не знал никогда.

Сыромятов. Познакомь, так увидим… не ударим лицом в грязь… обращение понимаем… Можем карманом тряхнуть; чай, сам знаешь, мы цыганкам за песни по триста рублей бросали!..

Андрей *(с гневом)*. Оставь… оставь… я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупые… и больше ничего!..

Сыромятов. Какое дело, такие и слова… глупое

дело, так и слова глупые, потому серьезного я тут ничего не вижу!..

Андрей. Нет, уж так-то серьезно, что хоть в петлю полезай… Прежде-то я бывал у них не часто… так, думал, для времяпровождения, а теперь каждый день тянет, хоть взглянуть только!.. А она… она-то как будто шутит надо мной: то задумается, да так глядит, так глядит!., а мне так подошло… ну, прямо тебе скажу: не жить без нее… хоть руки на себя накладывай!.. Либо она… либо…

Сыромятов. А коли так круто пришло, так что ж ты зеваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хоть сегодня… ямскую тройку с набором… маменьку ублаготворить, а с дочкой, как потемнее станет… куда-нибудь подальше!

Андрей. *(хватая его за плечи)*. Не будь ты Василий Сыромятов, задушил бы тебя за эти слова!..

Сыромятов *(отстраняясь)*. Не горячо ли будет!.. Остыньте маленько!..

Андрей. Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, и дело, коли бог даст, будет честное.

Сыромятов. Честное! А с нами твое дело честное? Стало быть, мы хуже других, с нами можно все… дескать, не взыщут, таковские… Нет, ты ошибся, и у нас тоже своя амбиция есть, да еще

побольше, чем у других прочих… за себя постоять можем!..

Андрей. Ну, мсти; ну, делай что хочешь, я не бегу, не прячусь, я сам отдаюсь… А что ее обидеть или чувства мои душевные трогать, я никому… отцу родному не позволю!

Сыромятов. Вот тебе сказ короткий: не будь ты мне друг, все одно что брат, я б с тобою жив не расстался; уж то ли, се ли, а по крайности расстрамил бы тебя на весь свет!.. А теперь хоть и обидно, а больше-то мне тебя жалко! Оплели!.. Да и что ж не оплести, коли сам в петлю лезет… затянуть только покрепче!..

Андрей. Нет, Вася, нет, я сам!..

Сыромятов. Ты одурел, так и не видишь; а у меня разум при себе… хоть ты мне образ сними, все-таки скажу, что ловушка!.. Да и все то же скажут, кого ни спроси!..

Андрей. Вася, последняя у меня просьба к тебе…

Сыромятов. Что еще?

Андрей. Пошли ко мне сестру на минутку!

Сыромятов. Для чего это? Она теперь тебе чужая!..

Андрей. Надо сказать ей…

Сыромятов. Скажем и без тебя!

Андрей. Уж все-таки честней самому…

Сыромятов. Амбиция не велит, вот что я тебе скажу!..

Андрей. Да ведь не на радость себе я ее видеть хочу, а на муку!.. Перед ней виноват, ей и виниться должен… простить — где уж!.. А хоть и бранить будет, все же в глаза, все легче!.. А может, и пожалеет… у нее душа добрая!..

Явление четвертое

Андрей *(один).*

Андрей. Ведь вот только десять слов сказать, там и легче будет, как гора с плеч свалится; да как их эти слова-то, выговоришь?.. Готовы они, на губах вертятся, а изнутри-то совесть как огнем жжет!.. *(Салится к столу и снимает с пальца кольцо.)* Уж решено, кончено, обдумано, а точно что живое отрываю от себя!.. Да и та мысль в голову лезет… не отдать бы мне своего счастья с этим кольцом!..

Входит Таня.

Явление пятое

Андрей и Таня.

Таня *(тихо и доверчиво).* А?.. что?.. Что тебе?..

Андрей. Присядь на минуточку…

Таня садится к столу.

Ежели теперь человек своего слова не оправдывает, так не всегда же это от подлости, потому другой раз сам в себе не волен!..

Таня. Да про что ты?..

Андрей. Ежели человек не в себе…

Таня. Разлюбил, что ли?..

Андрей. Конечно, уж мне против тебя оправдания нет…

Таня. Я уж давно угадываю… давно ждала!

Андрей. Я кругом виноват пред тобою!..

Таня. Ну, что же? что я могу? Ведь насильно любить не заставишь?

Андрей. Ну так вот об чем я тебя прошу… *(Машинально подвигает кольцо к Тане, она отталкивает кольцо рукой.)* Позабудь ты меня!

Таня *(со слезами)*. Забуду я тебя или нет — тебе что? Тебе одно, чтобы помехи не было… Ты, может, боишься? Так напрасно!..

Андрей. Чего мне бояться?.. Я тебя знаю… твою душу…

Таня. Коли ты лучше меня нашел, как тебя удержишь?.. Уж мы завсегда такие несчастные!..

Андрей. Нет, ежели ты сердиться или бранить так уж ты брани меня одного, а ее, Таня, не про-

клинай!..

Таня. Да и тебя бранить что пользы? Бог с тобой!..

Андрей *(со слезами)*. Так прощаешь? прощаешь?..

Таня. Что ж мне тебе сказать? Обидно мне, горько мне!.. Да ты сам-то уж не плачь — это мое дело! Что ж тебе сказать? Ну… бог с тобой!., вот одно… что ж еще?..

Явление шестое

Таня, потом Сыромятов.

Таня *(вслед Андрею, качая головой)*. «Ангельская душа»! На языке-то у тебя мед, а под языком-то лед!.. Говорит: не брани ее, — а кого ж мне бранить-то, как не ее? Она мое счастье-то отняла.

Входит Сыромятов.

Кто она такая, скажи ты мне?

Сыромятов. Ну как же! Очень нужно тебе знать!.. Наблюдай свою амбицию… амбицию наблюдай!.. Смеяться тебе надо ему в глаза, а не плакать…

Таня. Не шутка ведь это… не засмеешься… ведь я любила его!..

Сыромятов. Любила, так и плачь себе дома, а при людях ронять себя нам нейдет! Надо так из

себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кем не погонимся!.. Сбирайся… пойдем!..

Таня. Да уж пойдем, чего дожидать?.. *(Надевает шляпку.)*

Сыромятов. Высоко, брат Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! как бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себе рубят, чтоб под силу было!..

Входят Настасья Петровна и Гаврила Пантелеич.

Явление седьмое

Сыромятов, Таня, Настасья Петровна и Гаврила Пантелеич.

Настасья Петровна. Батюшки, что это?! Куда вы поднялись?

Сыромятов. Завсегда так бывает-с, что гости посидят, посидят, да и пойдут!..

Гаврила Пантелеич. И вправду, куда вы? Не гоним, кажется…

Сыромятов. Покуда не гонят… а ждать этого самого не желаем!.. *(Раскланиваясь.)* Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, чувствительно вами благодарны за вашу ласку… на угощенье много довольны!.. Ну и, кажется, при всем том мы увидимся не скоро…

Гаврила Пантелеич *(взглянув на жену)*. Настасья?..

Настасья Петровна. Не придумаю, что за оказия такая!..

Гаврила Пантелеич. Да ты не комедию ль ломаешь?..

Сыромятов. Наша комедия сейчас кончается, а будет у вас своя, новая… так и ожидайте… Прощенья просим!..

Таня. Прощайте!

Уходят.

Явление восьмое

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич *(помолчав)*. Настасья, говори, что у нас такое?..

Настасья Петровна. Не знаю, Гаврила Пантелеич, не придумаю!..

Гаврила Пантелеич. Да что ж, черт возьми, затмение на нас нашло, что ли?.. Где Андрей?

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Кто белены-то объелся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, в полном разуме, не бросаюсь по стенам и вижу всех как есть… Ты кусаться не стала ли?

Настасья Петровна. Да и я в здравом рассудке. С чего мне?

Гаврила Пантелеич. Говори, выкладывай! Прячешь что-нибудь… от вас ведь сыры-боры возгораются!..

Настасья Петровна. Не греши, Гаврила Пантелеич! Я, видит бог, ничем не причинна… и сама с мыслями не сберусь, откуда взялось такое!..

Входит Андрей.

Явление девятое

Те же и Андрей.

Андрей. Батюшка, и вы, матушка, должен я вам открыть свою душу, и уж судите меня, как вам бог на сердце пошлет!..

Гаврила Пантелеич. Ну вот, постой, что такое?..

Настасья Петровна. Ох, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

Андрей. Сыромятова Таня — моя невеста; мы по любви сошлись и с вашего благословения, но только теперь мои чувства совсем другие…

Гаврила Пантелеич *(про себя)*. Вот у кого горячка-то, вот оно что!..

Андрей. Теперь мои чувства совсем другие, которые даже невозможно преодолеть…

Настасья Петровна. Что ты, бог с тобой, что ты?.. Опомнись!..

Гаврила Пантелеич. Парня лечить надо, а мы с тобой смотрим!.. На ногах человек, с виду-то как и быть следует, а какой бред у него!..

Андрей. Ежели вы считаете, что эти мои слова — бред, так уж этот бред мне на всю жизнь… с ним мне и умирать надо!.. А я считаю, что я в полном разуме даже прошу вашего родительского благословенья!..

Настасья Петровна. А как же Таня-то?.. Нешто можно.?.. Что ты, что ты?..

Андрей. С Таней у меня объяснение было… я ей о всем по душе открылся… Сколько я теперь за Таню страдаю, да, может, и вперед буду страдать — это только грудь моя знает… Но дело это промеж нас кончено, нарушено, и повороту нет-с!

Гаврила Пантелеич, пощипывая бороду, косится на сына.

Настасья Петровна. Ах, срам какой!., и откуда это… каким ветром нанесло?.. *(С любопытством.)* Андрюша, кто ж она такая? где нашел? из каких?..

Андрей. Семейство хорошее, честное-с, состояние средственное, сирота, родитель помер… живет с маменькой… и такое мое к ней чувство!..

Настасья Петровна. Ах, ай, ай!., ах, беда какая, беда какая!..

Гаврила Пантелеич. Полоумная!.. Вас обоих вместе на цепь-то посадить!.. Тут видимое дело: человека надо скорей водой… ушата два вылить, а она его расспрашивает… бобы с ним разводит!..

Андрей. Вся ваша воля… но я не в горячке, не сумасшедший… я в памяти…

Гаврила Пантелеич. Да когда ж эдакие одержимые сами понимают, что они с ума сошли!.. Их и уговаривать нечего… а просто вязать…

Андрей. Не сумасшедший я, очень даже далеко от этого.

Гаврила Пантелеич. А коли так, разговор У нас с тобой короткий будет: выкинь ты сейчас все это из головы — и брось!.. Невеста у тебя есть, и другой не будет. А этих твоих променадов я и знать не хочу, ты бы стыдился про них и говорить родителям!.. А чтоб поскорей конец всему этому сделать — на будущей неделе у нас свадьба будет! Вот тебе и сказ!

Андрей. Там уж как вам угодно, а только той свадьбе не бывать-с!

Гаврила Пантелеич. Как так? воле родительской противиться, закон попирать!.. или уж нынче власть родительская ничего не значит?..

Андрей. Я вам завсегда покорялся и завсегда буду покоряться; а это не такое дело-с: это дело сердечное Если у вас есть власть приказать моему сердцу разлюбить, так я сам прошу вас, прикажите!.. Коли оно вас послушает, я очень рад буду.

Явление десятое

Андрей и Настасья Петровна.

Настасья Петровна *(садясь к столу)*. Ах, Андрюша, что ты затеял?..

Андрей *(садясь с другой стороны)*. Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя от того зависит, так не мешайте хоть вы-то!..

Настасья Петровна. А Таня-то… какая девушка… какая жена-то была бы тебе!

Андрей. Значит: не судьба! Что ж делать-то!

Настасья Петровна. А эту-то ты знаешь ли? Какой характер у нее? да еще будет ли любить-то тебя?.. *(Скороговоркой.)* А как зовут-то ее?..

Андрей. Еленой.

Настасья Петровна. Что ж? ничего, имя хорошее! да подумай, Андрюша, дело большое, вековое!..

Андрей. Да уж думано и передумано!.. Я сегодня хочу ехать руки просить…

Настасья Петровна. Сегодня! ах, батюшки!

Андрей. И если будет от нее согласие, так поверьте, что счастливей меня вы человека в мире не найдете! Хотите вы моего счастия?..

Настасья Петровна. Ну, буди воля господня!.

Входит Гаврила Пантелеич. Настасья Петровна и Андрей встают.

Явление одиннадцатое

Те же и Гаврила Пантелеич.

Гаврила Пантелеич. Ну, урезонила хоть малость?

Настасья Петровна. Да уж видно, Гаврила Пантелеич…

Гаврила Пантелеич. Что видно?.. Что видно — я ничего покамест не вижу…

Настасья Петровна. Видно, что кому на роду написано, так уж… нынче хочет ехать руки просить…

Гаврила Пантелеич. Руки просить? Что ж нам теперь, родителям-то, как быть?.. Что делать нам подобает, на его безумие глядя?..

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Не знаешь? так я тебя научу! Вот первое: не умела ты своим бабьим, сорочьим языком вразумить свое детище, так

прикуси твой язык — и молчать тебе навеки!..

Настасья Петровна. Слушаю, Гаврила Пантелеич!

Гаврила Пантелеич. И не единого чтоб слова!

Настасья Петровна. Молчу, молчу!..

Гаврила Пантелеич. А второе…

Настасья Петровна. Что второе-то?..

Гаврила Пантелеич. Второе-то: бери икону…

Андрей покорно опускает голову.

Настасья Петровна. Ах, батюшка Гаврила Пантелеич! Ах, Андрюша, родной!..

Гаврила Пантелеич. Будь над ним господне и наше благословение!.. Пущай по крайности, коли он будет после плакаться, так на себя… а не на нас!.. Давай икону!..

Действие второе

Гостиная в квартире Карминой. Небольшая комната, небогато, но чисто меблированная; в глубине отворенная дверь в залу; направо, в углу, боковая дверь; на левой стороне два окна.

Явление первое

Елена, одна, сидит в кресле и перелистывает

книгу, потом кладет книгу на стол и подходит к окну.

Елена. Какая тоска невыносимая! Ни дела, ни места не найду. Дни идут, тянутся, какие-то мертвые, как будто жизнь моя остановилась! Хотел вернуться через две недели, а вот уж скоро два месяца, как его нет! Где он пропадает? Как разлука развивает и укрепляет страсть!.. Пока он был подле меня, я не замечала, как сильна привязанность; я не замечала, что он мне необходим!.. Но ведь мы и воздуха не замечаем кругом себя, а между тем без нею жить нельзя — дышать нечем! Но что же он? Зачем он медлит? Робость в нем предполагать нельзя… то в его словах страстность, то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразумие! Или это расчет, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и он для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, заставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для меня недоразумение… *(Смотрит в окно.)* Ах, милый Андрюша Белугин!.. Вот это душа простая… ха, ха, ха! И что-то в руках держит! А какой у него рысак… вот прокатиться бы!.. *(Садится к столу и берет книгу.)*

Входит Андрей Белугин, во фраке, в руках большой букет.

Явление второе

Елена и Андрей Белугин.

Елена *(шутя)*. И без доклада?..

Андрей *(сконфузясь)*. Виноват-с!.. я… вот какое невежество!

Елена *(смеется)*. Ну, да беда небольшая! *(Встает и подает руку.)* Здравствуйте!

Андрей. Ваше здоровье, Елена Васильевна?

Елена. Как нельзя лучше! *(Указывая на цветы.)* А это что такое?

Андрей *(подавая цветы)*. Позвольте вам поднести, Елена Васильевна!

Елена. Что вам за фантазия пришла?

Андрей. Так, желательно было-с… Не откажите принять…

Елена *(берет)*. Merci!.. прелесть какой букет! *(Садится и нюхает.)* Где вы достали?

Андрей. Да помилуйте… да где угодно-с! Нешто редкость какая!

Елена. Да, конечно, для вас все не редкость… садитесь же!

Андрей. Нет-с, ни сидеть… ни стоять!., а бежать бы куда-нибудь без оглядки!..

Елена. Вот странное настроение! Вы не знаете, Агишин… он не приехал еще из Петербурга?..

Андрей. Нет-с… Что мне?., я не знаю-с…

Елена. Ну, а с вами что такое случилось?..

Андрей. Так, вдруг-с… такое расположение бывает, что все мысли перепутаны и точно в тумане!..

Елена. А можно спросить о причине? «Так вдруг»… Да ведь от чего-нибудь это нашло на вас!

Андрей. Пущай же цветы вам это скажут-с!

Елена. Цветы? они молчат… только хорошо пахнут… свежие!

Андрей. Нет-с… они говорят…

Елена. Очень тихо, значит… я не слышу!..

Андрей. Они говорят-с, говорят про любовь того человека, который, может, самый несчастный!..

Елена. Не понимаю!..

Андрей. И нельзя вам понять-с: у вас все будто как шутка, вы все смеетесь… но вам шутить можно, а мне нельзя-с: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

Елена. Ах, говорите ясней!..

Андрей. Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь — не шутка… не шутка-с: тут вся моя жизнь в ней-с! Елена Васильевна, у меня все решено-с, и теперь я вашей руки прошу-с… Отвечайте мне, Елена Васильевна… прямо от

души… и прошу вас сию минуту-с… ждать мне, по моим чувствам, никак невозможно-с! *(Смотрит в окно.)*

Елена наклоняется к букету.

Елена *(как бы про себя)*. Вот неожиданность!

Андрей. Ежели я сказал глупость, оскорбил вас, так прямо и говорите… и больше вы меня не увидите!..

Елена *(помолчав)*. А давно вам это в голову пришло?

Андрей. А с той самой минуты, как я вас увидел-с! У меня была и невеста, но это дело я покончил; теперь только ваш ответ-с…

Елена. Но вы зависимы… вы принадлежите своему кругу… у вас свой особый мир, а я выросла и образовалась совершенно в другой сфере; у меня свои привычки, вкусы, стремления, и переделаться я не могу!

Андрей. Зависимости у меня нет-с: я имею собственный капитал от бабушки и живу совсем отдельно от родителей; а в отношении того, что вы говорите, я принадлежу чему-то… так этого нет-с… а я буду принадлежать только той особе… кого я люблю-с!..

Елена. Но послушайте… у меня дурной характер: я капризна, иногда просто зла и никому и

ничего не уступаю, если вздумают меня стеснять. И мало ли какие мне могут прийти фантазии: вдруг мне все надоест… я захочу себе свободы… полной свободы…

Андрей. Ну и что же-с?.. и все это как вам угодно-с, я на все готов… Мне ничего не нужно-с… окромя… ну, чтобы вы, чтобы я мог назвать вас-с!..

Елена задумчиво нагибается к цветам и вдруг громко смеется.

Елена. Простите, я совсем о другом: мне пришла голову одна такая смешная вещь!..

Андрей *(со вздохом)* Да-с, я так и понимаю, что не ко мне, потому смеяться теперь надо мною… грех! Уже это надо совсем никакой души не иметь!..

Елена. Нет, право же нет! я не такая дурная! а, право, совсем другое мне пришло… Ну, хорошо! Дайте мне одной немного подумать, и я скажу вам!., а вы ступайте, ну, прокатитесь… Чрез час вы узнаете!..

Андрей. Только как мне этот час долог покажется!..

Елена. А вы съездите в кондитерскую, привезите мне конфект… вот вы и не увидите, как время пройдет!.. Да не будьте так серьезны… я не люблю

серьезных!..

Андрей. Так до свиданья-с! Со всем трепетом!.. *(Идет.)*

Елена *(провожая его до двери)*. Ах, без трепета, пожалуйста.

Андрей уходит.

Елена. Ха, ха, ха! Я купчиха Белугина! Ха, ха, ха… пышная, разряженная, с своим Андреем Гаврилычем рядом, в роскошной коляске, на рысаках… Ха, ха, ха… молодые Белугины!.. Помните Элен Кармину? это она! Ха, ха, ха… И разговоры… злые насмешки, из-под которых так и сквозит зависть!.. Вот новость, вот событие!..

Входит Нина Александровна.

Явление третье

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна *(заметя цветы)*. Какой букет! Кто это?..

Елена. Жених!

Нина Александровна. Что ты говоришь! Какой жених?..

Елена *(смеется)*. Право, мама!..

Нина Александровна. Лена, что тебе за охота мучить меня?

Елена. Andre Beloughin сделал сейчас мне пред-

ложение.

Нина Александровна. Лена, неужели? да нет, ты шутишь?!

Елена. Не веришь? Ха, ха, ха… что ж тут удивительного?

Нина Александровна. Ну конечно ты шутишь, и больше ничего!

Елена. Нет, нисколько! Я — невеста, мамаша… я приняла предложение.

Нина Александровна. Лена, перестань; пожалей мои нервы.

Елена. Поверь же наконец! *(Обнимает мать.)* Мама, а разве плохо жить на свете купчихе Белугиной?

Нина Александровна. Да, может быть, ей и очень хорошо жить, но ты — не купчиха Белугина, ты не должна была, ты не могла принять этого предложения!., фи!..

Елена. Ну, разумеется, я не пойду за него ни за что на свете! Но позвольте же мне хоть помечтать о богатстве и посмеяться… Этого смеха, мама, нам надолго хватит. *(Уходит.)*

Нина Александровна. Какие, право, нынче эти люди смелые стали! Ну, как это возможно!..

Входит Агишин.

Явление четвертое

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Ах, Николай Егорыч! Ах, как неожиданно! Ну, слава богу! А уж мы надумались о вас… здравствуйте, здравствуйте, наконец-то! Ну, как вы съездили, благополучно?

Агишин. Очень благополучно. Как ваше здоровье?

Нина Александровна. Да все нервы, по обыкновению… решительно покоя не дают!

Агишин. Здоровье Елены Васильевны?

Нина Александровна. Она у меня цветет! А я, поверите ли, вот увидала вас вдруг, ну, и вся как разбитая! Да садитесь же!

Агишин *(садясь.)* Нехорошо, Нина Александровна.

Нина Александровна. Да уж что хорошего…

Агишин. А знаете ли вы, отчего это у вас? от дурного воспитания.

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы!., мое воспитание было отличное!

Агишин. Нет, дурное, сентиментальное: излишнее развитие возвышенных чувств в ущерб рассудку, страстные порывы к идеальному. А так как в жизни-то все реальное, идеального ничего

нет — вот и пойдут разочарования, расстройство нервов; да этого еще мало: семейные драмы, разбитые жизни! Вот где источник-то мигреней, Нина Александровна, в возвышенных чувствах!..

Нина Александровна. Вас послушай только, так вы наскажете!

Агишин. Если б в девушках развивали побольше рассудок и трезвый взгляд на вещи, так поверьте, что они были бы счастливее и уж наверное здоровее!

Нина Александровна. Со мною-то вы что хотите говорите, только уж дочери, пожалуйста, этих мыслей…

Агишин. Нина Александровна, если вы желаете счастья Елене Васильевне, так учите ее брать от жизни только то, что она дает, и не мечтать об идеалах.

Нина Александровна. Как привяжется мигрень! Да вот Лена идет, а я уж, извините, отдохну пойду. *(Уходит.)*

Входит Елена.

Явление пятое

Агишин и Елена.

Елена. Боже! вы здесь, а я и не знаю, маменька и не скажет!

Агишин *(горячее рукопожатие)*. Да, я давно уже..

Елена. Когда вы из Петербурга?

Агишин. Вчера утром.

Елена. Как же вы смели так долго не являться?

Агишин. Не притворяйтесь строгою; ведь я не поверю, чтобы мое отсутствие было очень заметно для вас.

Елена. Нет, в самом деле, я ужасно хандрила все это время, не с кем слова сказать! Что вы там делали?

Агишин. У меня умерла там какая-то тетушка… Что-то оставила, нужно было получить… но, к моему сожалению, вышло очень немного!..

Елена. Я думала, что вы где-нибудь за океаном!

Агишин. Как здоровье ваше?

Елена. Я говорю вам, что хандрю!

Агишин. Без причины?

Елена. Я сама не знаю, что со мною… тоска, чем-то недовольна, куда-то рвусь!

Агишин. Полнота, избыток сил! Вы, как роскошная весенняя природа, которая после ясной погоды вдруг хмуриться начинает; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить накопившееся электричество.

Елена. Вы думаете?

Агишин. Ах, что мой Андрюша? бывает он у вас?

Елена. Очень часто… он смешит… он меня ужасно смешит!

Агишин. Влюблен, я думаю, да еще как влюблен! Не то, что мы!..

Елена. А как же?

Агишин. А как влюбляются люди необразованные: от всей души, то есть от всей своей первобытной дикости! А кстати, как вы смотрите на него?

Елена. Он — ничего, так себе, русский молодец… кажется, добрый и нежный человек. Я ведь сужу его по его же словам; он мне всю свою душу открывает.

Агишин. Да-с, и вот этот Андрюша — миллионер: по завещанию бабушки имеет свой огромный капитал, да к тому ж еще единственное и любимое чадо у своих богатых родителей. А какая нежность, какая деликатность чувств! Явление замечательное в настоящее время.

Елена. Я его не разберу — что он: глуп или юн еще очень?

Агишин. Пороху он, конечно, не выдумает, а поразовьется, так будет человек как следует, для домашнего обихода, разумеется! Вообще, этот

Андрюша — драгоценность; он очень удобен.

Елена. Для кого?

Агишин. Для жены, для женщины, которая сумеет понять, как дорога, при полном довольстве, полная свобода и независимость! Благоразумная девушка едва ли оттолкнет его!

Елена. Знаете ли, ведь он, голубчик, влюблен в меня без ума, без памяти!

Агишин. Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo, она должна дойти до геркулесовых столбов. С первого раза, как он увидал вас, так и обомлел!

Елена. Ну, так я вам еще новость скажу: он сделал мне предложение сегодня, не более получаса тому назад…

Агишин. Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

Елена. Я от хохота говорить не могла.

Агишин. Каков Андрюша? Молодец, право молодец!..

Елена. Вообразите, перед вами купчиха Белугина! Ха, ха, ха!

Агишин. Я в этом ничего не нахожу смешного; да я думаю, и всякий тоже, кто желает вам добра. Но с чем же он ушел от вас?

Елена. Ему сказано, что подумают, как обык-

новенно говорят в таких случаях. Но довольно об этом! Расскажите что-нибудь о себе: что вы там видели в Петербурге? там, говорят, очень много хорошеньких женщин… там у вас есть и знакомые; помните, вы говорили о каких-то двух дамах, которыми вы интересовались?

Агишин. Видел и их; но одна из них непомерно толстеет, много спит и начинает очень сладко поглядывать на своего супруга, а другая худеет до невозможности…

Елена. Значит, вам было не очень весело?..

Агишин. За кого ж вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня в жизни, кроме забавы, ничего нет? что я порхаю, как мотылек, и ни в груди, ни в голове не таю, не берегу ничего серьезного?

Елена. Я ведь вас не знаю, я сужу по вашим же словам.

Агишин. Да я и не спорю с вами; прежде, может быть, я и был таков, но не теперь!

Елена. А теперь что же?

Агишин. В эту поездку я убедился, что у меня на душе что-то неладно! Поверите ли, я в первый раз в жизни мучительно ощутил чье-то отсутствие и страдал! Чувство странное, тревожное… Передо мной носился, меня преследовал женский образ;

он занял мой мозг, всю мою душу!..

Елена. Но позвольте спросить, кто же она: женщина или девушка!

Агишин. Она? да, она — девушка…

Елена. Так ведь она может быть вашей!..

Агишин. Боже мой! да смею ли я, нищий, нищий, мечтать о таком счастье! Что я могу? Втиснуть ее в жалкую, будничную рамку жизни, сделать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить созданье, в котором все прелестно, все изящно, все музыка… и переселить ее в кухню!.. Да и я, я сам, люблю изящество во всем! Я сам артист! Обладание обожаемой женщиной я не могу себе иначе и представить, как в роскошной обстановке, как…

Елена. *(тихо)*. Продолжайте…

Агишин. Ах! есть голубой Неаполитанский залив, есть Сорренто… Там голубые небеса И фиолетовые горы. Там жизнь, там рай; недаром Италию так любят поэты…

Елена. Значит, у вас надежды нет?

Агишин. Надежда? Какая во мне надежда!.. Во мне — бешенство! Я готов на все, на всякие жертвы, чтобы только вырвать эту страсть из души! Но уже невозможно, уж поздно!.. *(Молчание.)* Одну, одну мечту могу еще я лелеять в душе своей…

Елена. *(почти шепотом)*. Какую, какую?

Агишин. Пусть она принадлежит другому!

Елена. *(как уколотая)*. Ай!..

Агишин. Да, пусть она принадлежит другому, но пусть она оставит в душе своей хоть маленький уголок, где бы я, страдалец, мог найти для себя отдых, примирение с жизнью, освежение! Эта интрига потребует от нее, конечно, маленькой борьбы с предрассудком, маленькой сделки с своей совестью…

Елена. Но если сделка с совестью, так уж это не маленький уголок!

Агишин. Но и эта мечта моя разлетается, как дым! Нет, она еще слишком идеальна; для нее обыкновенная житейская история, которую мы видим на каждом шагу, может показаться чем-то ужасным, чудовищным; самая сладость, изящество утонченного наслаждения может ей показаться даже преступным… ей представятся фурии, эвмениды, которые будут преследовать ее до конца жизни!..

Елена. Но кто же она?

Агишин. И вы спрашиваете? вы не знаете? Неужели вы ждете от меня, чтобы я назвал по имени! Нужно ли?

Елена. Нет, не нужно!..

Агишин. И вот чтобы заморить, задушить эту страсть, я еду в провинцию, поступлю где-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!

Елена. И надолго?

Агишин. На два, на три года, почем я знаю? пока уляжется все, успокоится в душе, пока овладею собой!.. Однако прощайте! Вам нужно подумать над роковым для человека ответом, ведь и Андрей — тоже человек!.. А мне… у меня горит голова, мне нужен воздух!

Елена. *(решительно)*. Приезжайте сегодня, приезжайте! Я вас прошу, я вам приказываю!

Агишин. Хорошо; если вам угодно, заеду; я сделаю один визит неподалеку. До свиданья! *(Подает руку Елене.)* Какая рука… какое теплое, энергическое пожатие! Не бегайте от счастия… бросьте предрассудки, берите от жизни все, что она может дать вам!.. Не бегайте от счастия!.. *(Уходит.)*

Елена. Ой, как сердце бьется! Что за день для меня! И сейчас приедет Андрей… *(Молчание.)* Значит, сделка с совестью?.. Так, что ли? Ах! *(Садится.)* Но что ж это со мной? Я в первый раз в жизни как будто начинаю двоиться. Я сильна и смела, я готова на эту обольстительную сделку с совестью; но и совесть вступает в свои права, я

ощущаю в себе нравственное падение и немножко презираю себя!.. Но ведь это слабость, слабость! Он называет это слабостью; он, единственный авторитет для меня, он… называл это слабостью! Так это слабость и есть! Нет, решено! кончено, надо брать от жизни то, что она дает… а то после жалеть, плакать будешь!.. Ах, как неясно, как темно все в голове! Ну, так пускаться… а там уж что выйдет, решит сама жизнь!..

Входит Нина Александровна.

Явление шестое

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна. Лена, ну что же ты… ты только все смеялась?! Нужно же ему ответ какой-нибудь дать?

Елена. Мама… я иду… иду за него,

Нина Александровна. Лена, боже!., что ты!.

Елена. Что же, мама… это для меня партия хорошая. Чего ж ждать-то? Мы живем на последнее, изо дня в день, а впереди нам грозит нищета. Ни к физическому, ни к умственному труду я не способна — я не так выросла, не так воспитана. *(Со слезами.)* Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться! Так лучше ведь идти за Андрюшу, чем весь свой век сидеть в бедном угле с бессильной

злобой на людей.

Нина Александровна. Не наша сфера, мои друг; их дикая жизнь, дикие нравы… Что заговорят!

Елена. Да что нам за дело до разговоров? Будем без предрассудков! Зато жизнь можно устроить, как хочется, средств будет много!

Нина Александровна. Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

Елена. Я, мама, постараюсь привыкнуть к нему!

Нина Александровна. *(со слезами)*. Лена, Лена! И ты решаешься! Твой ум, красота — и кому?..

Елена *(обнимает и целует мать)*. Что ты, мама! Не плачь! Да теперь-то мой ум и красота и найдут себе место! Посмотри, как я заживу богато, а сколько у меня будет блестящих поклонников! Какой выбор будет!..

Нина Александровна. Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!..

Елена. Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

Нина Александровна. Вот до чего доводят обстоятельства! В другом положении я не допустила бы и мысли, чтобы ты… моя Лена… мое бесценное сокровище…

Елена. Ну, пойдем, пойдем, успокойся. *(Уходят.)*

Входит Андрей.

Явление седьмое

Андрей (один).

Андрей. Однако никого нет. Я, кажется, мешаться в уме начинаю помаленьку… потому песня какая-то лезет в голову совсем не к месту! *(Подходит к окну.)* Вон Илья сидит на козлах, кулек шампанского держит; вон Серый что-то вздрагивает, ушами поводит. Эх, Серый, куда-то ты помчишь меня отсюда!

Входят Нина Александровна и Елена.

Явление восьмое

Андрей, Нина Александровна и Елена.

Нина Александровна. Здравствуйте, Андрей Гаврилыч! *(Садится. Елена останавливается, прислонясь к стене.)* Садитесь, прошу вас!

Андрей. Нет-с, я уж… я так-с!

Нина Александровна. Вы сделали предложение моей дочери?

Андрей. Так точно-с, потому любовь моя к Елене Васильевне…

Нина Александровна. Она так еще молода; но я — не такая мать, чтобы принуждать. Воля ее… я

люблю Лену, она одна только привязывает меня к жизни *(Слезы.)* Она, ее счастье… Я прошу небо!..

Андрей. Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-с.

Нина Александровна. Пусть она сама!

Елена. Я согласна…

Андрей *(делает шаг, вскрикивая)*. Елена Васильевна, верить ли-с?

Елена *(с улыбкой)*. Я согласна!

Андрей *(бросается и целует руку Нины Александровны)*. Нина Александровна! Такое для меня счастье!

Нина Александровна. Я отдаю вам все, что имею дорогого.

Андрей. Дорогого-с!.. Так и блюсти будем, как самое дорогое. Кто теперь счастливей-то меня на свете?

Елена *(шутливо)*. Найдется кто-нибудь!

Андрей *(целует руку Елены)*. Невозможно-с! Брошусь, право брошусь с колокольни с какой-нибудь!

Елена. Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

Андрей. Цел останусь, невредим, не беспокойтесь! Нина Александровна, позвольте же по-русски, с бокалами-с.

Нина Александровна. Да у нас ничего нет, так

неожиданно!

Андрей. У нас есть в запасе очень достаточно. *(Бросается в залу.)*

Нина Александровна. Лена, а ты меня оставишь одну?..

Елена. Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будет первое условие!

Нина Александровна. *(целует дочь)*. Дитя мое, дорогая моя!

Андрей возвращается, и за ним человек с подносом, на котором бутылка шампанского и бокалы.

Андрей. Нина Александровна, прошу вас, за наше будущее! *(Берет бокал.)*

Нина Александровна *(встает и берет бокал)*. Будьте счастливы! Берегите ее!..

Андрей. Об этом уж не извольте беспокоиться!

Чокаются. Нина Александровна немного отпивает, ставит бокал и садится.

Андрей. Елена Васильевна, теперь наш-с!.. Елена берет, чокаются и пьют.

Елена. Хорошее вино.

Андрей. Ничего-с: вино как вино! А только как будто это одна шутка, все мне кажется.

Елена. Да и вся жизнь — шутка! Шутя люди живут и умирают.

Входит Агишин.

Явление девятое

Те же и Агишин.

Андрей. Вот он, как раз! *(Бросается и хватает Агишина в объятия.)* Николай Егорыч, голубчик, чудеса! Поздравь, выпей!

Агишин *(берет бокал)*. Выпить я выпью, а с чем и кого поздравить прикажете?

Нина Александровна. Поздравьте жениха и невесту.

Агишин *(холодно)*. Поздравляю вас, Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч! *(Пьет и ставит бокал.)*

Человек уходит в залу.

Андрей. Да, вот как, Николай Егорыч! *(Обнимает Агишина)* Друг ты мне, друг единственный и навеки. Ты всему моему счастью — главная причина: ты мне первый указал Елену Васильевну, ты же меня и познакомил с ними! Я этого век не забуду! А вот мы с тобой сейчас за здоровье Елены Васильевны снова выпьем. Для такого случая и новое вино нужно, свежее; а это уж выдохлось. *(Уходит в залу.)*

Агишин. *(с презрительной улыбкой)*. Он счастлив, как глупый школьник.

Нина Александровна. Николай Егорыч, не осуждайте нас.

Агишин. Как я смею осуждать вас! и за что? Вы становитесь выше общественных предрассудков, вы, для счастья дочери, смело идете навстречу пересудам и осужденьям! Я должен только удивляться вашему уму и геройству Елены Васильевны…

Елена. Это не геройство!

Агишин. Так что же?

Елена. *(тихо)*. Это сделка с совестью, о которой вы говорили! Я не хочу пропускать случая и хочу взять от жизни все, что она может дать мне.

Агишин. *(тихо)*. И отворить двери рая тому, кто так долго томится у их порога!

Входит Андрей, за ним человек с бутылкой шампанского и двумя стаканами на подносе.

Андрей *(Агишину)*. Теперь мы с тобой выпьем, по душе… без фальши, как друзья, как братья, за дорогое, бесценное здоровье Елены Васильевны!

Агишин. *(берет стакан)*. Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играет, как это вино! *(Пьет.)*

Андрей. *(берет стакан)*. Я говорить не умею; но пусть жизнь моя вам докажет, сколь душевно я люблю вас, и что нет того на свете…

Агишин. Сбился, Андрюша.

Андрей. *(сквозь слезы).* Постой! И нет того в мире, как бог свят, что б я не сделал, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу…

Действие третье

Небольшая семейная комната в квартире Карминых. Две боковые двери: одна, налево от актеров, в гостиную, другая, направо, во внутренние комнаты; мебель мягкая, обитая французским ситцем; с правой стороны такой же маленький диванчик и круглый стол. Вечер, на столе свечи.

Явление первое

Нина Александровна сидит в задумчивости и нюхает спирт. Елена в длинной батистовой юбке, в кружевной кофте, уже совсем причесанная, лицо осыпано пудрой, входит из двери справа.

Елена. Что ты, мама? Что с тобой? Опять нервы?

Нина Александровна. Ах, я себя браню, я очень глупо поступила.

Елена. Как, что такое?

Нина Александровна. Ах, Лена, назвала гостей,

и старики Белугины будут… Уж коли звать гостей, так надо было хоть занять денег, да…

Елена. Да бал задать?..

Нина Александровна. Бал не бал, а все же надо было приличный вечер сделать… Наговорили всем, что выдаю дочь за миллионера, все приедут в ожидании чего-то особенного… А что у нас?

Елена. Ну, вот мы им этого миллионера и покажем. Чего ж еще?

Нина Александровна. У тебя всё шутки, а мне, право, так неловко, так неприятно!..

Входит Андрей Белугин, во фраке, в руках шляпа, в которой два бархатные футляра.

Явление второе

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Елена. Скажите пожалуйста!.. он без церемонии прямо…

Андрей. Ничего-с…

Елена. Куда вы? Подите вон! Сюда без спроса не ходят!

Андрей. Ничего-с…

Елена. Рано, рано еще, видите, я не одета!

Андрей. Это для нас ничего-с.

Елена. Для вас ничего, да для меня…

Андрей. И для вас ничего, потому я в другую

сторону смотреть буду.

Нина Александровна. Ах, какой он милый!..

Елена. Ну, что вам надо?

Андрей. Дело есть спешное; я вчера забыл-с.

Ставит шляпу на стол. Нина Александровна с любопытством заглядывает в нее.

Может, деньги нужны-с?..

Нина Александровна. Нет, нельзя сказать, чтобы особенно нужны были…

Андрей. Вы извините, я не с тем, чтоб-с… Всяко бывает-с… Там особенно или не особенно!.. Ну, там фрукты, али вино, али что другое-с, только чтоб самое редкое-с, чего на свете не бывает!.. Вот две теневых.

Нина Александровна подходит к нему, он дает две сторублевые ассигнации.

И, пожалуйста, не жалейте-с… Если еще что понадобится, так только одно слово!

Елена. Мама, ну вот.

Нина Александровна. Taisez-vous![2]

Елена. Faîtes vos préparatifs sans tarder![3]

---

[2] Примечания: 2
Молчите! *(франц.)*

[3] Примечания: 3
Устраивайте все скорей! *(франц.)*

Явление третье

Елена и Андрей.

Елена. Ну, уходите же! Мне стыдно.

Андрей. Нет, как уходить-с! *(Вынимает бумажник и достает из него билеты.)* Это вот вам, Елена Васильевна, приданое-с, чтобы не сказали… *(Подает билеты Елене.)*

Елена. Что такое?

Андрей. Билеты, именные, ваши-с!

Елена. На что мне они, что мне с ними делать?

Андрей. Да что вам угодно. Тут семьдесят пять тысяч.

Елена. Так много!.. Нет, нет, я не возьму!

Андрей. Что за много-с!.. Вы меня обижаете-с!.. Неужели я семидесяти пяти тысяч не стою? Да мне давали за невестами по сту тысяч и больше, да я не брал, а у вас только семьдесят пять-с!

Елена. Нет, мне страшно, я боюсь…

Андрей. Это от непривычки обращаться с этим товаром; а мы так их пошвыриваем довольно равнодушно. *(Берет руку Елены и вкладывает билеты.)* Чего их бояться-с? Положите их; они будут лежать смирно, ни шуметь, ни бунтоваться не будут, а в случае надобности сослужат вам службу, какую прикажете… Не лишнее-с…

Елена. Мне кажется, что я отнимаю у вас, лишаю вас чего-то, обижаю вас!

Андрей. Не сумлевайтесь, не обидите! У нас, купцов, все расчет, и обидеть нас таки довольно мудрено. Это только мой годовой доход, барыш, прибыль, значит-с; а капитал — он в неприкосновенности.

Елена. Какой вы добрый и благородный человек!

Андрей. Да что такое, помилуйте-с! *(Достает из шляпы футляр и подает Елене.)* Деньги — это само собой-с, то ваше собственное, про то и говорить нечего; а это прошу принять как подарок от жениха-с!

Елена *(раскрыв футляр)*. Ах, браслет, звезды, бриллианты!

Андрей. Вот извольте надеть сегодня, при свечах-то они и заиграют.

Елена. Но зачем так много бриллиантов! Ведь это очень дорого.

Андрей. А себя-то вы что ж дешево цените! По-моему, так для вас дорогого ничего нет-с! Ведь бриллианту место нужно. Ну, что он значит в магазине в футляре? Да другая и наденет, так ни красы, ни радости, только на бриллианты и смотреть, а не на нее — а коли на вас бриллианты, так

они сами радуются; не они вас красят, а вы им цены придаете.

Елена. Merci, merci!.. Как хорошо! Кто выбрал?

Андрей. Сам, у Фульда-с!

Елена. У вас и вкус есть! *(Кладет футляр на стол.)*

Андрей. Уж по невесте можно судить, что у меня вкус есть-с.

Елена. И остроумие! Поминутно новые достоинства открываются!

Андрей. Теперь, я думаю, скоро наши будут.

Елена. А я еще не одета!

Андрей. Поспеете… Только они не надолго, уж вы не обидьтесь и не удерживайте их; и то насилу уговорил, они только взглянуть… на вас! Так уж вы им во всем блеске!.. Уж я вас прошу-с!..

Елена. Уж не беспокойтесь!.. Это не ваше дело! *(Взглянув на Андрея.)* Ай, завит!

Андрей. А что же-с?

Елена. Да нехорошо. Ну что за баран!.. Извольте все это уничтожить!

Андрей. Так я, пожалуй, хоть под гребенку-с!

Елена *(гладит ему волосы рукой)*. Волосы такие хорошие!

Андрей *(ловит ее руку и целует)*. Очень я вам благодарен, что интересуетесь! Так а-ля дьябль-с

или прикажете а-ля капуль? Нынче в моде-с!

Елена. Да ни a la diable, ни a la капуль — никак; а просто, натурально!

Андрей. Так точно и будет-с! Сейчас к парикмахеру! А какие вы в этом наряде… Уж очень-с!.. Смертушка моя приходит-с.

Елена. А кто сказал, что смотреть не буду?

Андрей. Да никакой возможности нет утерпеть-с! Вот плечико просвечивает… ведь уж это что такое! Если бы только осмелиться!..

Елена. Что?

Андрей. Устами.

Елена *(оглядываясь, подставляет плечо)*. Ну, целуй и убирайся!

Явление четвертое

Елена, потом Нина Александровна.

Елена. Я богата!.. Это совсем что-то новое, только хорошее! Это как-то поднимает меня, делает солиднее, устойчивее, и немножко… вот мне самой смешно… немножко как будто умнее!

Входит Нина Александровна.

Нина Александровна. Покажи-ка, покажи, что он подарил тебе?

Елена *(задумчиво)*. Вон посмотри, мама.

Нина Александровна. *(открыв футляр)*. Ах, ах,

какая прелесть! И как ведь это дорого, должно быть.

Елена. Конечно, дорого; но вот это дороже.

Нина Александровна. Что же, что еще?

Елена *(подавая билеты)*. Вот на, сочти!

Нина Александровна. Билеты Купеческого банка!.. По десяти тысяч!.. Боже мой!.. Лена!.. Пять, шесть, семь!.. *(Рассматривает последний билет.)* Семьдесят пять тысяч! Ведь это целое состояние!

Елена. Ну, не очень большое, а все-таки состояние. Да, по нынешнему времени, когда деньги так дороги и так нужны, интересны всем, получить такую сумму нам… нам, когда у нас ничего, то есть почти ничего…

Нина Александровна. Ах, Лена, я в себя прийти не могу! Это такая неожиданная радость… радость за тебя, дитя мое!

Елена. Значит, главное сделано. Теперь, что бы впереди ни было, что бы с нами ни случилось, мы с тобой покойны, мы обеспечены! Возьми, убери их — пригодятся на черный день! Видишь, я недаром пожертвовала собой!

Нина Александровна. *(целуя дочь)*. Чудесная, золотая головка!.. Я так рада, так рада…*(Взглянув на дочь.)* Лена! видно, я малодушнее тебя: я чуть не прыгаю от радости при виде такого богатства,

а ты и не улыбнешься!

Елена. Эти деньги — не всё для меня; мне этого мало; я еще молода, мама, я не жила, меня манит жизнь!

Нина Александровна. Конечно, ты все-таки жертва.

Елена. Не то, мама, не то…

Нина Александровна. А что же, друг мой?

Елена. Мама, мы сделаем уговор…

Нина Александровна. Изволь, какой тебе угодно.

Елена. Мама, я скоро буду богатой, независимой женщиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы с тобой любили друг друга по-прежнему… ну, по-прежнему, как тогда, когда я была еще ребенком! И потому я прошу тебя, чтоб ни одного упрека, ни одного косого взгляда, если…

Нина Александровна. Что «если»?

Елена. За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

Нина Александровна. Лена, мне одно только нужно, чтобы ты была счастлива!.. Сумей только быть счастливой!

Елена. Постараюсь. *(Обнимает мать.)* Мама! я могла бы ведь этого и не говорить тебе, так цени

же мою любовь и детскую преданность. Теперь пора одеваться; я невеста и хочу быть красавицей! *(Уходит.)*

Нина Александровна. Как нынче девушки-то, как посмотрю я, смелы стали, как решительно переступают они этот порог!.. А мы-то, бывало… и себя я помню, и других… сколько дум, сколько гаданий! сколько слез!.. Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замуж, муж-то тебя балует, рядит, как куклу, да и вертит, как куклой… Кто-то приехал, кажется. Хорошо, коли кто из близких. *(Отворяет дверь в гостиную)* А, это Николай Егорыч, свой человек! Пожалуйте, пожалуйте сюда! У нас еще никого нет!

Входит Агишин.

Явление пятое

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Милости просим! Побеседуйте, пока гостей нет, да и Лена еще одевается.

Агишин. Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? у вас теперь большая забота!

Нина Александровна. Ну, уж теперь заботы у меня почти нет!

Агишин. Что же так?

Нина Александровна. Благодаря щедрости и благородству милого Андрея Гаврилыча… Он целое состояние, он семьдесят пять тысяч подарил Лене!

Агишин. Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще от него будет! только умеючи повести себя с ним.

Нина Александровна. Как это умеючи?

Агишин. С достоинством. Не радоваться, не удивляться его подаркам, а принимать их равнодушно, с холодностью, как должную дань. Надо ему дать почувствовать, что все его дары — ничто в сравнении с тем счастием, которое вы ему дали. Одним словом, надо его так выдержать, чтобы он с удовольствием возил воду, когда его запрягут. Да, вы создали себе блаженную будущность, Нина Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна. Я искала блаженной будущности не для себя, а для дочери.

Агишин. Об ней не беспокойтесь: она умна и, вероятно, устроит свое счастье. В ее положении только нужно…

Нина Александровна. Что нужно?

Агишин. Отказаться от идеальных взглядов и полегче глядеть на разные долги и обязанно-

сти…

Нина Александровна. Какой вы опасный человек!

Агишин. Слишком много чести для меня. Все, что я могу, краснея, признать за собой — это небольшой практический ум.

Нина Александровна. Но вот и Лена готова, а уж я пойду займусь хозяйством. *(Уходит.)*

Входит Елена.

Явление шестое

Агишин, Елена и потом Нина Александровна.

Агишин. Честь имею кланяться! Самый ранний гость.

Елена. Как я рада, что еще никого нет. Мы можем поговорить свободно.

Агишин. Вы сегодня обворожительны.

Елена. Да, я постаралась немножко украсить себя, но сегодня не для вас. Я сегодня дебютирую в очень трудной роли и еще робею, еще не уверена в своих силах.

Агишин. Очень естественно: все дебютанты робеют. Это пройдет скоро. Поживете, и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, поверьте, смелее! Жизнь не стоит того, чтобы над ней задумываться; вся она — не что иное, как

комедия.

Елена. Неужли только комедия?

Агишин. И очень, очень несерьезная. Что у вас сегодня?

Елена. Во-первых, будет появление родителей Белугиных, потом наедут наши добрые знакомые. Белугины, разумеется, будут исследовать меня, а наши знакомые — Андрея Гавриловича. Каждому будет интересно подглядеть на лице моем какое-нибудь движение, следы душевной муки или тому подобное; но никто ничего не увидит: я останусь загадкой!

Агишин. Браво!

Елена. Чтобы иметь поболее свободных минут, я распорядилась насчет музыки, будем танцевать с вами. Но, признаюсь, меня все эти церемонии, все эти представления очень утомляют; мне бы хотелось, чтобы эта комедия поскорей кончилась. А для отдыха я сейчас после свадьбы хочу ехать за границу… Как вы находите мой замысел?

Агишин. Бесподобно!

Елена. Я уж говорила вчера Andre: он согласен. Но он, по своим делам, не может уехать надолго; он только проводит меня и пробудет недели две со мной, потом вернется в Москву, а я останусь с maman

Агишин. Я рад за вас, что вам пришло это в голову: это очень счастливая мысль!

Елена. *(с волнением)* Не угодно ли и вам с нами? Я вас приглашаю.

Агишин. Благодарю вас! Я и сам давно мечтал о такой прогулке. Маменька будет при вас, или вы при маменьке?

Елена. Чему же это мешает? Мама меня никогда не стесняла и вперед стеснять не будет.

Агишин. Это хорошо, что Андрюша едет с вами.

Елена. Почему же?

Агишин. Надо его помаленьку приучать к той роли, которую он... то есть которую вы заставите его играть впоследствии...

Елена. Как жестоки эти слова!

Агишин. Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin!..[4]

Нина Александровна *(в дверях.)*. Лена, Белугины приехали. *(Уходит.)*

Елена. Пройдите вперед или останьтесь здесь. Мама их, вероятно, приведет сюда.

Агишин. Ступайте одни; я пройду здесь и явлюсь в залу. Я ход знаю...

---

[4] Примечания: 4

Но ты этого хотел, ты этого хотел, Жорж Данден! *(Из комедии Мольера «Жорж Данден»)*

Елена уходит.

Пока дело идет хорошо, а дальше, конечно, пойдет еще лучше. То только и хорошо, то только и удается, что умно задумано. Главное дело составить план, а строить уж не хитро. *(Уходит направо.)*

Слева выходят Нина Александровна, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена и Андрей.

Явление седьмое

Нина Александровна, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена и Андрей, потом человек.

Нина Александровна. Пожалуйте, пожалуйте, здесь у нас уютная семейная комната, мы уж будем как свои. Я так давно желала познакомиться… так рада…

Гаврила Пантелеич. Н-да-с, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, уж нельзя без этого.

Настасья Петровна. Привел господь!

Гаврила Пантелеич *(к Елене)*. Ну-с, любите да жалуйте, уж какие есть, не взыщите!

Нина Александровна *(указывая на диван)*. Прошу вас!

Белугины садятся на диван; Нина Александровна в кресле рядом с Гаврилой Пантелеичем; Елена

и Андрей стоят подле Настасьи Петровны. Гаврила Пантелеич, не обращая ни на кого внимания к громко отпыхиваясь, оглядывает потолок комнаты. Человек подает на подносе чай Белугиным и уходит,

Нина Александровна. Еще не зная и не видя вас, я уже вас полюбила.

Гаврила Пантелеич. За что ж бы это, к примеру, вам полюбить нас?

Нина Александровна. Ах! ваш сын, моя Лена — это так близко и нам… я так люблю мою Лену!..

Гаврила Пантелеич. Ну, то они, а то мы. Конечно, давай бог ладу и нам, а им совет да любовь!

Нина Александровна. Я надеюсь… у Лены такой прекрасный характер… такое доброе сердце!

Елена. Мама, ты приписываешь мне такие добродетели, которых у меня нет.

Нина Александровна. Ах, друг мой, ты еще не знаешь себя, ты так молода!

Настасья Петровна *(к Елене)*. Да, коли вышло у вас такое согласие с Андрюшей, так уж полюбите его… Он у нас такой хороший, добрый. А нам бы глядеть на вас да радоваться… Уж позвольте. *(Целует Елену.)*

Гаврила Пантелеич. Без любви да без согласия, мол, что уж! А чтоб надо по закону: да боится и

да любит жена мужа своего! К примеру, вот мы с Настасьей Петровной тридцать лет прожили, а этой музыки, чтоб караул кричать, не бывало. Выругаешь ее когда под горячую руку — смолчит; после уж разве выговорит, если не по резонту обида. Ну, и измены какой друг другу — это уж избави и храни заступница! Я — топор, она — пила на этот счет, если б что!

Нина Александровна. Ах, если б вы знали мою жизнь с мужем… Я схоронила его три года назад… Ах, это было дружество с первого дня и до конца! Я не утешена после моей потери, и вот только она одна привязывает меня к жизни.

Елена. Мама, кто-то приехал.

Нина Александровна. Поди, Лена, встреть.

Елена уходит, за ней Андрей.

Гаврила Пантелеич *(посматривая на потолок и указывая рукой)*. А в этом месте протекает!

Нина Александровна. Ах, уж и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелеич. А, к примеру, как плата от вас?

Нина Александровна. Мы платим очень дорого… восемьсот рублей в год.

Гаврила Пантелеич. Н-да, за такие хоромы

дорогонько!.. Ну, да и за восемьсот царских палат не наймешь.

Человек *(в дверях)*. Софья Николаевна приехали-с.

Нина Александровна. Ах, простите, мои дорогие, я вас оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые…

Гаврила Пантелеич. Что ж?.. ничего-с, мы и одни посидим!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, без церемонии… не стесняйте себя..

Явление восьмое

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич. *(вслед Нине Александровне)*. Об чем это, не слыхать ли? Кажется, все переговорили, все ненужное-то, а нужного-то у нас… не бывало. Стало быть, и говорить… больше не о чем!..

Настасья Петровна. Кажется, она — дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелеич. Ахи да охи! Как словно се кто поджаривает!

Настасья Петровна. Ну, как, Гаврила Пантелеич, на твои глаза?

Гаврила Пантелеич. Это чего?

Настасья Петровна. Нареченная-то дочка наша?..

Гаврила Пантелеич. Пышность, форс! Ну, а что там дальше-то — неизвестно.

Настасья Петровна. Уж очень, Гаврила Пантелеич, в ней эта великолепность! И словно как не девушка, а дама какая высокая… как смело матери отвечает! так и отрезала.

Гаврила Пантелеич. Потому что ты — дура! Нынче в том и образование, чтоб за словом в карман не лезть.

Настасья Петровна. Любить-то она его будет ли?

Гаврила Пантелеич. Ну, это старуха надвое сказала… ничего… гонку она ему даст!

Настасья Петровна. Как же это?

Гаврила Пантелеич. По всей видимости, я так думаю: друга себе заведет она, а друг этот самый после сзади мужа будет рожки ему строить, носы наставлять… Чертушка, мол, ты, чертушка, спасибо тебе! Поишь, кормишь жену-то для чужих.

Настасья Петровна. *(в слезах)* Как же это Андрюша Таню-то сменял?

Гаврила Пантелеич. *(грозно)*. Настасья, аль ты приказ забыла?

Настасья Петровна. *(отирая глаза)*. Молчу, молчу, Гаврила Пантелеич, только что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелеич. Опять?

Настасья Петровна. Нет, нет, батюшка!

Гаврила Пантелеич. А вот что: не пора ли гостям ко дворам?..

Настасья Петровна. Что ты, что ты, Гаврила Пантелеич! Посидим хоть немножко — обидятся.

Гаврила Пантелеич. А коли нам здесь делать нечего, коли мне не по душе! Чего еще, угощенья, что ли, ждать хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна. *(закачав головой)*. Ах, конфуз ведь это!

Гаврила Пантелеич. Опять ты язык свой!..

Настасья Петровна. Ох, молчу.

Гаврила Пантелеич. Ну!

Входят Нина Александровна, Елена и Андрей.

Явление девятое

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена, Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна. Тысячу раз простите, мои дорогие; мне так совестно… я вас оставила!

Гаврила Пантелеич. Ничего-с… Нам, однако, и время… часы поздние…

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы! Не обижайте нас!..

Настасья Петровна. Он ведь у меня — сырой человек, Гаврила Пантелеич: они не могут никак долго не привычка-с!..

Гаврила Пантелеич. *(кланяясь)*. Просим прощенья!.. Уж извините-с!

Нина Александровна. Как вам угодно; я стеснять вас не смею. Но позвольте мне сожалеть и надеяться, что в будущий раз… Ах, я и сама к вам!..

Гаврила Пантелеич. Милости просим!..

Нина Александровна. *(обнимая Настасью Петровну)*. Как я жалею, как я жалею!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, себя не беспокойте. А только что Гаврила Пантелеич, они у нас — такие люди, что им никак невозможно: им стеснительно. Уж позвольте… *(Целует Елену.)*

Андрей. *(подходя к отцу)*. Сами изволите видеть… Что же вы скажете?

Гаврила Пантелеич. *(у двери)*. Ну, что уж! Ослепли, братец, вот как! Настасья Петровна…

Настасья Петровна. Иду, иду, Гаврила Пантелеич… *(Обнимаясь с Ниной Александровной.)* Им, знаете, Гавриле Пантелеичу, часик посидеть — и довольно. А то уж снять сюртук да отдохнуть

требовается.

Идет Нина Александровна, Елена и Андрей за нею.

Куда же вы, зачем беспокоитесь?

Нина Александровна. Нет, уж я вас провожу… Ах, как мне больно, как мне больно!..

Настасья Петровна. Ну, так уж Андрюша-то с Еленой Васильевной пущай останутся, пущай забавляются…

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Нина Александровна уходят.

Явление десятое

Елена и Андрей.

Андрей. Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я вас не стою, что это одно только счастье мне необыкновенное-с?

Елена. Ну, это как знать, кто кого стоит!

Андрей. А и во мне есть-с *(ударяя себя в грудь)*, ого есть-с… разве только не захотите обратить внимания!

Елена. Поживем, так узнаем друг друга!

Андрей. А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется б, сквозь землю! Все на меня смотрят а я ни повернуться, ни слова сказать… Стакан чуть не уронил, чай на какую-то даму на

платье пролил.

Елена. *(смеется)*. Это ничего… Конечно, лучше стаканов не ронять и платьев не обливать! А конфузиться нечего: как умеете, так и держите себя!

Андрей. Я это понимаю-с!

Елена. Приободритесь, имейте побольше достоинства, ведите себя просто, как всегда! Ведь все это страшная пустота: болтают, сплетничают, говорят пошлые любезности или пускают шпильки друг в друга…

Андрей. Уж я теперь вооружусь! А вот я сейчас для куража стакан шампанского выпью. *(Целует руку Елены.)* Поддержали вы меня-с.

Елена. А вот много поцелуев и вообще нежностей я не люблю! Да еще вам приказ: не извольте гоняться за мною, держитесь подальше!..

Андрей. И не подойду теперь! *(У двери.)* Человек! Дай-ка, братец, сюда бутылочку шампанского.

Елена. Когда будем танцевать, можете только кадриль…

Андрей. Слушаю-с…

Елена, кокетливо ударив его по плечу веером, идет быстро в гостиную.

Андрей *(ловит ее и целует ее руку)*. Не могу! Последний раз!

Елена уходит.

Андрей. Эх, вся эта канитель — и к чему? Тоска здесь смертная… Взять бы саночки, да в Стрельну на своих серых!.. Эх, мороз-морозец, аленькие щечки!..

Входит Агишин.

Явление одиннадцатое

Андрей, Агишин и человек с бутылкой шампанского.

Андрей. А, вот он! Поди-ка сюда! *(Горячо схватывает Агишина в объятья.)*

Агишин *(освобождаясь)*. Стой, стой, задавишь!

Андрей *(ударяя ею по плечу)*. Эх вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

Агишин *(пожимаясь)*. Эка сила и свежесть у них, у чертей, завидная!

Андрей. Садись, выпьем. *(Сажает на диван. Человеку.)* Ну-ка, послужи; налей нам, да и убирайся, а бутылку оставь!

Человек наливает и уходит.

Андрей. Ну-ка, давай по душе… *(Чокаются и пьют.)* Скажи-ка ты мне, ты, человек разумный, образованный: любит она меня или нет?

Агишин. Если теперь еще не любит, то потом уж полюбит непременно!..

Андрей. Почему так?

Агишин. Потому что свежесть, сила — чего же еще! Уж как там ни финти перед женщиной, а коли натуры мало, так не много возьмешь! А у вас этой здоровой любви…

Андрей. Да уж, брат, душу ли за нее положить, в охапку ли взять покрепче — уж этого у нас так-то много, что и девать не знаем куда.

Агишин. Все это хорошо, а совесть-то у тебя есть? Когда же мы?..

Андрей. Что же это? Насчет чего?

Агишин. А прощанье с холостой жизнью — холостая пирушка? У невест бывает девишник, а мы мальчишник сделаем!

Андрей. И разотлично! Так распорядись. Хочешь-у меня дома, а то так за Крестовскую! Только, чтобы уж вприсядку с тобой танцевать. *(Ударяет его рукой по плечу.)*

Агишин. Ой, ой! Уж ты выражай чувства как-нибудь иначе, а не дерись!

Андрей. Ну, теперь пойду приглашу танцевать какую-нибудь барышню, куражу довольно! Только все кислота какая! *(Уходит.)*

Агишин. Мил, мил! Ну, что за Андрюша у меня! Только какие у них длани!.. Вот этак, сохрани бог, попадешься! Нет, тут подумаешь!

Входит Елена.

Явление двенадцатое

Агишин и Елена.

Елена *(опускается на диван)*. Я бешусь… Я просто зарыдать готова!..

Агишин *(садится рядом)*. Что с вами?

Елена. Я совсем не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорят мне!

Агишин. Что за ажитация! Я от вас не ожидал. Будьте благоразумны.

Елена. Но из чего же я бьюсь, из чего же я бьюсь, скажите?

Агишин. Из того, чтобы приготовить себе приятную жизнь в будущем.

Елена. Я вас возненавижу!.. Ведь все это фразы, холодные фразы. Я еще не так пала, чтобы притворяться по холодному расчету!.. Где же мне поддержка? Где же та страсть, ради которой я играю комедию? где же она… моя опора? Ведь иначе я должна презирать себя!

Агишин *(берет ее руку)*. Чего же, чего же вам нужно? *(Целует ее руки.)* Я люблю вас, люблю больше своей жизни, но разве здесь место, здесь время…

Елена. Ну, вот только мне и нужно, только мне

и нужно!.. А то я изнемогаю! *(Шепотом.)* Давно бы, Давно…

Агишин *(целуя ее руки).* О, целая жизнь не стоит этой минуты!

Андрей показывается в дверях и уходит.

Елена *(заметив Андрея, встает).* Он видел!

Агишин. Ничего, пусть привыкает… Приласкать немножко — вот и все! *(Уходит.)*

Елена. Но все-таки надо поправлять дела… Теперь у меня опять силы, и вот сейчас проба!

Отходит к стороне. Входит Андрей.

Явление тринадцатое

Андрей и Елена.

Андрей *(не замечая Елены).* Мне почудилось, мне почудилось!.. *(Хватает себя за голову.)* Нет, я видел здесь, здесь… Господи! или в самом деле почудилось, что ли!

Стоит в задумчивости. Елена подходит к нему сзади.

Елена. Об чем, об чем? Разве женихи задумываются?

Андрей молча смотрит на нее.

Что за грозная туча на челе вашем?

Андрей. Так, мне что-то почудилось или померещилось!

Елена *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Не то ли, что у меня Агишин руки целовал? Ха, ха, ха! Извольте сейчас его вызвать на дуэль! Хотя я еще и не ваша, хоть он, как старый знакомый, мог горячо пожелать мне счастья и целовать мои руки, но вы вызовите его на дуэль и убейте, убейте непременно!

Андрей. Коли так-с, извините!

Елена. Ах, как это мило! Он ревнив, он… Отелло! *(Смеется.)* Это мне нравится. Значит, он и вперед будет ревновать, а кто ревнует, тот любит!

Андрей. Вот все и свалилось! Вы все можете — я погубить, и осчастливить человека! *(Берет руку и целует.)* Эта ручка-с… ну, одно слово, ваш-с — что хотите, то со мною и делайте!

За сценой музыка.

Елена. Пойдемте танцевать.

Действие четвертое

Декорация первого действия. Та же комната, но богаче отделанная и обставленная. Фамильные портреты стоят на полу, а вместо них висит дорогая картина.

Явление первое

Прохор, один, обметает мебель.

Прохор. Старики с фабрики приехали; два раза присылали узнать, дома ли. Ну, где, мол, скоро ль их дождешься? За город кататься поехали! Авось хоть при стариках-то угомонятся немножко, а то ведь это наказанье сущее: каждый день либо с утра до поздней ночи, либо с вечера на всю ночь, а ты до четырех утра не спи, дожидайся их! *(Подходя к портретам.)* Что эти идолы-то тут стоят! Прибрать бы их, да не знаю, куда повесить.

Входит Настасья Петровна.

Явление второе

Прохор и Настасья Петровна.

Прохор. Сами пожаловали…

Настасья Петровна *(садясь)*. Ждала, ждала, Да уж моченьки моей нет… Часа четыре как с железной дороги приехали; сижу у окна да гляжу, как сыч.

Прохор. Теперь, чай, скоро будут; потому если на вечер куда, так переодеться домой заедут.

Настасья Петровна. Как тебя звать-то?

Прохор. Прохором, сударыня!

Настасья Петровна. Ты, что ли, Прохорушка, Андрюшу-то одеваешь?

Прохор. Нет, у них свой камердинер есть; а мое дело — передняя, да вот комнаты убрать, ну, опять у стола — мало ли дела!

Настасья Петровна. А почивают-то они где?

Прохор. Андрей Гаврилыч *(показывая налево)* вот здесь, на своей половине, а Елена Васильевна *(указывая направо)* — у себя, на своей-с.

Настасья Петровна. Как, врозь?

Прохор. Так точно. Как следует.

Настасья Петровна. Неужели и всё так?

Прохор. Всё так-с, как следует, как завсегда у господ бывает — на две половины.

Настасья Петровна. Да ведь муж-то и жена — одно, какие ж тут две половины? Коли бог сочетал воедино, на что же пополам-то делить?

Прохор. Уж это не нашего ума дело. Стало быть, так следует. Надо полагать, что так лучше, либо мода такая, а то кто б им велел!

Настасья Петровна. Что это ты, уж не врешь ли, Прохорушка?

Прохор. Что мне, помилуйте! Обыкновенно две половины: и гости, ежели к Андрею Гаврилычу или по делам, так они у себя принимают; а ежели к Елене Васильевне — так они на своей половине

принимают.

Настасья Петровна. И гости-то разные?

Прохор. Разные-с.

Настасья Петровна. Ну, а чай как поутру?

Прохор. Завсегда врозь: потому Андрей Гаврилыч раньше встают и чай пьют, а Елена Васильевна позже — и кофе кушают.

Настасья Петровна. А обедают?

Прохор. Кушают вместе, уж это везде так.

Настасья Петровна. Ну, то-то уж, а то ведь это все одно что чужие. А согласно живут-то?

Прохор. А этого мы знать не можем, потому редко их и видишь: только что за столом-с. Когда Андрей Гаврилыч вечером покойной ночи желают, так ему ручку дают поцеловать; поутру тоже, когда с добрым утром — так опять ручку.

Настасья Петровна. Все ручку да ручку. *(Качает головой.)*

Прохор *(прислушивается)*. А вот, должно быть, и приехали: что-то задвигали в передней, и дверями хлопают, и разговор слышно.

Настасья Петровна. Так я в Андрюшины комнаты пойду. Коли это мой старик, так ты не сказывай, что я здесь. *(Уходит в дверь налево.)*

Прохор уходит в переднюю. За сценой голос Елены Васильевны: «Пустите, что за глупости!

Пустите, говорю я!»

Вбегает Елена за ней входит Андрей.

Явление третье

Елена и Андрей.

Елена. Сумасшедший, что вы делаете?

Андрей. А что такое? ничего-с!..

Елена. Я ведь не ребенок; можно ль носить на руках да еще на лестницу?

Андрей. Ничего-с, своя ноша не тянет. Я вас и дальше хотел нести, да кабы не вырвались, дотащил…

Елена. Куда это дальше?

Андрей. До самого до места…

Елена. До какого?

Андрей. Да ведь устали, отдохнуть захотите — так уж я прямо в спальню и хотел доставить.

Елена. Вот как! Это очень мило.

Андрей. Так я сию минуту-с!

Елена. Ну, нет, не трудитесь! Я и сама дойду, настолько-то сил у меня хватит. До свидания!

Андрей. Куда же вы?

Елена. Я пойду переоденусь.

Идет к двери, Андрей за нею.

Нет, нет, отправляйтесь на свою половину.

Андрей. Только и всего-с?

Елена. Чего же вам еще?

Андрей. Не много-с…

Елена. Ах, нет! вы очень нынче умно вели себя вас следует наградить. *(Гладит по голове Андрея и целует.)*

Андрей. Что же это, насмешка-с? Нет-с, уж лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-с. Другой раз заиграете, так, пожалуй, и не отыграетесь от меня.

Елена. А, вот как! Ну, так я буду осторожнее. Прощайте!

Андрей. Однако что ж это за тиранство, Елена Васильевна?

Елена. Какое тиранство? Ах, оставьте, пожалуйста!

Андрей. Как оставить? Поговорить надо, я желаю-с!

Елена. После как-нибудь. *(Хочет идти.)*

Андрей *(берет ее за руку)*. Нет, уж извините. Откладывать зачем же — очень накипело. Вот почти месяц вы моей женой считаетесь, а жена ли вы мне? Какая моя жизнь? Забрался было в мечтах-то выше облака, да вот и свалился. Ведь я вас любил, выше всего на свете ставил… Вы думаете, легко мне говорить теперь в глаза, что

вы меня обманули?

Елена. Чем обманула? Как?

Андрей. Да так, хуже чего не бывает; и обманывали нас и грабили — это с нами за нашу глупость случалось, а такой обиды и во сне не снилось, и врагу не пожелаем. Что я для вас сделал — об этом я говорить не стану, потому что вы за попрек сочтете, но я вам душу, душу отдал-с… Понимаете ли, душу отдал…

Елена. Ах, тише, пожалуйста.

Андрей. Да что мне тише? Я у себя дома. Я со всем трепетом просил руки вашей, вы изволили согласиться; какие же мысли вы тогда в голове держали? Опять же в церкви вы очень веселым духом объявили ваше желание. Значит: стоя-то под венцом, обещаясь перед богом быть мне женой, вы задумывали из меня, на потеху своим приятелям, сделать шута…

Елена. Какой вздор вы говорите!

Андрей. Не вздор, а все так точно-с. Ваши приятели меня поздравляют, счастливцем зовут, а вы на их слова подсмеиваетесь. Разве я не вижу? Эх!

Елена. К чему этот разговор?

Андрей. А вот к чему-с: целый месяц я делал для вашего удовольствия все, что вам было угодно; дела свои бросил и чуть не молился на вас;

но только из этого хорошего ничего для меня не вышло, окромя стыда и конфуза… Но я имею свою гордость — довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своим купеческим делом, а вы живите как знаете, я вам мешать не буду. Уж на вашу половину я проситься больше не стану, а если вы, паче чаяния, почувствуете ко мне расположение, так милости просим ко мне, на мою-с.

Елена. Вы нынче не в духе…

Андрей. Нет, я довольно равнодушен, а если меня что за сердце возьмет, так я с вами не так заговорю, да не дай бог нам с вами этого дождаться!

Елена, с удивлением взглянув на Андрея, уходит в дверь направо.

Явление четвертое

Андрей, потом Настасья Петровна.

Андрей *(подумав)*. Думай не думай, а дело — дрянь. Пойти счетами заняться. *(Идет к двери налево.)*

Настасья Петровна выходит ему навстречу.

Маменька!.. *(Целует мать.)* Ну, слава богу, насилу-то вы собрались!

Настасья Петровна. Слышала твой голос, да боялась войти: думала, с кем чужим разговарива-

ешь. С самим, Андрюша, приехала, с самим; все хворал, да вот собрался, с тобой об делах потолковать хочет.

Андрей. Ну, уж обрадовали, маменька! Чайку не угодно ли?

Настасья Петровна. Мы давно с машины-то; Уж два раза напилась от скуки, ожидамши вас.

Андрей. Да присядьте, потолкуем.

Настасья Петровна. Ох, нет, нет! *(Садясь)* Разве на минутку… Ведь гроза надо мной: украдкой Андрюша, к вам взошла-то; а то не велел: строго-настрого приказывал, чтоб не смела. Теперь отдохнуть лег — так я сюда: сердце-то уж очень рвалось. *(Встает и обнимает Андрея.)* Дай же мне хоть посмотреть на тебя хорошенько!

Андрей. Все такой же, маменька.

Настасья Петровна. Ох, Андрюша, нет, и следа твоей прежней красоты не осталось! Что ты это, Андрюша, как худ-то стал, голубчик?

Андрей. Что вы, маменька? Так вам показалось!

Настасья Петровна *(садясь)*. Нет, Андрюша, совсем цвету в тебе не стало. Ну, скажи же ты мне про ваше житье-бытье!

Андрей. Живем… ничсго-с… веселимся…

Настасья Петровна. Конечно, нельзя же! спер-

воначала надо ее потешить; ну, а потом пора и к дому приучать. Что она, с тобой-то как?

Андрей. Да она ничего-с… ласкова, шутит…

Настасья Петровна. Да как же это все шутит? Что уж весело ей, что ли, очень?

Андрей *(с горькой улыбкой)*. Живем да радуемся-с… Вчера в маскарад, сегодня в театр, завтра на бал куда-нибудь либо за город — так тебя и носит! От веселья да от музыки голова кругом пошла, а новых друзей, новых приятелей и не сочтешь. Все тебе руки жмут, поздравляют, «счастливец, говорят, ты счастливец!» Ну, если люди счастливцем называют, так, стало быть, счастливец и есть!

Настасья Петровна. Так-то так, да что-то речи-то твои не хороши! Ты бы толком поговорил со мною.

Андрей. А вот к вам вниз сойду, тогда и потолкуемте.

Настасья Петровна. И из-под венца-то видеть вас бог не привел: сам прихворнул, меня не пускает, плакала, обливалась. И хворает-то, да и сердится; недели две как туча черная бродил, подступу не было. А потом, как фабрику-то распустил, дела порасстроились, хороших приказчиков да мастеров своим характером поразогнал, так и поотмяк и об тебе вспомнил. Стал жаловаться,

что ты его забыл да бросил. А твоя ли вина? Он не то что тебя видеть, и слышать про тебя не хотел… Ох, Андрюша, и не след бы мне, а уж скажу: не родительское в нем чувство говорит, а за карман он боится…

Андрей. Нешто я не понимаю. Да это все одно-с. Из меня лаской тятенька все могут сделать, потому что мы к родительской ласке не приучены и никогда ее не видим. Да и не от кого-с; лаской из нашего брата хоть веревки вей. Как Сыромятовы поживают? Что Таня?

Настасья Петровна. Видно, помнишь? Житов, мучник, за нее сватается.

Андрей. Да, слышал и я. Житов — человек хороший, с душой, уж пусть бы хоть ей-то бог счастья дал!

Настасья Петровна. *(вдруг встает)*. Батюшки, никак сам?

Андрей *(прислушиваясь)*. Да, надо быть, что он-с.

Настасья Петровна. Вынеси, заступница!

Андрей. Пожалуйте сюда. *(Провожает ее в дверь налево.)* Там коридором пройдете.

Идет в переднюю, навстречу ему выходит Гаврила Пантелеич.

Явление пятое

Андрей и Гаврила Пантелеич.

Андрей. Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

Гаврила Пантелеич. Да, вот задумал побывать в Москву, поглядеть, как вы тут.

Андрей. Мы, слава богу-с! *(Подвигая кресло.)* Милости прошу, пожалуйте-с! Чайку не прикажете ли?

Гаврила Пантелеич. Присесть присяду, а чаю не надо. *(Садится.)* А я вот, брат, призадумываться стал.

Андрей. Что же такое, насчет чего-с?

Гаврила Пантелеич. Хворость, брат, одолевает. Да и дух не тот, не прежний. Зачем? для чего? Думаю: суета сует все это! Хочу, брат, о душе подумать, а то пристигнет час воли господней — и покаяться путем не успеешь.

Андрей. С чего же такие мрачности у вас в голове-с?

Гаврила Пантелеич. Да веселиться-то мне нечего. Коли сил нет, так без помощника плохо.

Андрей. А я то-с?

Гаврила Пантелеич. На приказчиков какая уж надежда! Воровать друг перед другом взапуски — вот на это их взять!

Андрей. Да я-то на что же-с?

Гаврила Пантелеич. Ну, где уж тебе? Нет, не туда дело поехало!

Андрей. Почему же так? Я при деле быть могу.

Гаврила Пантелеич. Ты-то пожалуй, да прынцесса-то твоя — не низко ли ей покажется?

Андрей. Это дело до нее не касающее.

Гаврила Пантелеич. Ну, как, братец! Она, к примеру, такое пирожное, сидит и на фортепьяне играет, а ты из красильни, как шут какой, в кубовой краске в залу-то ввалился! Так одно к другому не подходит.

Андрей. Ничего-с! Коли им не угодно, я один уеду; а они могут в Москве остаться.

Гаврила Пантелеич. В конторе беспорядки, книги позапущены, приказчиков поразогнал, получения плохи!

Андрей. Это уж на что хуже-с!

Гаврила Пантелеич. Пока ты наблюдал, так дело шло в лучшем виде, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хоть прикончить фабрику-то, так в ту ж пору.

Андрей. Нет, как можно-с, дело миллионное! Для вас все суета, а я — человек молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелеич. Убытков боюсь. Фабрика

— такая машина, что коли она в порядке, так барыш, а коли порядку нет, так она года в два все твое состояние съест. Так вот я затем в Москву-то поговорить с тобой. Приходи вниз завтра пораньше, потолкуем, на чем-нибудь надо решить. Я думаю здесь Москве пожить: захвораешь, так дохтура близко; помолиться когда, так святыни много.

Андрей. Милости просим: я низ отделал, там для вас всякое спокойствие будет.

Гаврила Пантелеич. Уж видел, что отделал — швыряй деньги-то! *(Заметя портреты.)* Эге! вот ты их куда разжаловал, стариков-то!

Андрей. Я хотел их туда вниз-с…

Гаврила Пантелеич. Ну да, подальше куда-нибудь, чтоб с глаз долой: на чердак или в сарай их, чтоб не зазорно было, что у нас, мол, деды — не князья, не бояре…

Андрей. Нет-с, не потому-с…

Гаврила Пантелеич. А кто, Андрей, нам с тобой деньги-то дал? откуда все эти шелки да бархаты, и кто нам эти палаты выстроил?

Андрей. Все это я понимаю-с…

Гаврила Пантелеич. А каково было наживать-то ему? Ведь он в лапотках в Москву-то пришел, на себе воду возил, недоедал, недосыпал, и под

дождем, и на морозе…

Андрей. Все это при нем и останется-с.

Гаврила Пантелеич. Коли ты труды его ни во что ставишь, так хоть за ум-то почти! Ума-то в этой голове было не то, что у нас с тобой!

Андрей. Да я за все его почитаю и уважаю-с.

Гаврила Пантелеич. Поглядывай на него почаще, так сам умней будешь. *(Строго.)* Подай мне их, я им место найду!

Андрей. Извольте-с. Я давно Прохору говорю, чтоб он их вниз снес. Вы напрасно в сердце приходить изволите.

Гаврила Пантелеич. Не напрасно! Погляди на себя хорошенько, то ли ты делаешь-то? Ты, может, думаешь, что родители-то — звери, что они к детям все с сердцем да с грозой; так нет, брат, и тоскуют по вас иногда, бывает, что и до слез… *(Утирает глаза и, махнув рукой, идет к двери.)*

Андрей *(останавливая отца)*. Позвольте-с! Что же так со слезами уходить, будто я вас обидел? Ведь я ваш сын-то; нужды нет, что я хожу во фраке, а и во мне тоже этой дикости довольно, достаточно. Вы меня за самое сердце задели, а я — русский человек: в таком разе могу все, что для меня дорогого, сейчас пополам да надвое. Скажите одно ласковое слово, так все брошу и не то что

конторщиком или машинистом — кочегаром у вас на фабрике буду.

Гаврила Пантелеич. Ну, ну, бог с тобой! Родня мы, родня, вижу.

Андрей. Крутое сердце у меня, тятенька.

Гаврила Пантелеич. Да вижу, вижу…

Андрей. Но и не дурак притом…

Явление шестое

Андрей, потом Прохор.

Андрей *(берется за голову)*. В самом деле, на дедушку-то посматривать: не поумнею ли? Нет, конечно, надо приставать куда-нибудь, к одному берегу. Барином мне не быть, так хоть купцом-то остаться порядочным. Довольно разыгрывал дурака; пора за ум взяться. Вот когда думать-то моей глупой голове, да думать так, чтоб лоб трещал; а что обдумаю — хорошо ли, дурно ли, — так уж завинтить накрепко. Прохор!

Входит Прохор.

Не пущай ко мне никого.

Прохор. Слушаю-с.

Андрей. Ни одного человека. *(Уходит в дверь налево.)*

Входит Елена Васильевна.

Явление седьмое

Елена и Прохор.

Елена. Кто был здесь?

Прохор. Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна приехали с фабрики, так приходили к Андрею Гаврилычу.

Елена. А где он, Андрей Гаврилыч?

Прохор. У себя в кабинете. Не приказали беспокоить: делом заняты.

Елена. Ко мне, кроме Агишина, никого не принимать…

Прохор. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Нина Александровна входит.

Явление восьмое

Елена, Нина Александровна, потом Прохор.

Елена. Мама, что ты такая кислая?

Нина Александровна. Я совсем умираю от мигреней; да и ты сегодня что-то не в духе.

Елена. Мне скучно, мне тяжело, мне надоела моя жизнь!

Нина Александровна. Ах, Лена, как я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскаиваться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не

будет общего; ты до сих пор нисколько, кажется, не сошлась с ним.

Елена. Да, он мне чужой, совершенно чужой. Я замечаю, что он гораздо лучше, серьезнее, умнее, чем я прежде о нем думала; в нем есть решительность, отвага. Я его уважаю и даже нельзя сказать, чтобы я была к нему совсем равнодушна; какое-то довольно теплое, как бы родственное чувство есть к нему.

Нина Александровна. Что ж тебе еще?

Елена. Но, мама, в нем нет этого «чего-то», что нравится женщинам, что их покоряет. Такой недостаток уничтожает все в мужчине. Мне иногда очень жаль его, особенно когда я вижу его отчаяние; но чтоб оказать ему ничтожную ласку, мне надо сделать над собой большое насилие.

Нина Александровна. Ты его уважаешь этого, кажется, довольно бы…

Елена. Для меня мало.

Нина Александровна. Но чем же все это кончится?

Елена. Не знаю; но, кроме того, есть еще помеха… Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна решиться моя участь. Может быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалей…

Нина Александровна *(вслух)*. Лена, боже мой! Дитя мое, что у тебя в голове?..

Входит Прохор.

Прохор. Господин Агишин.

Елена. Просить.

Прохор уходит.

Ничего, ничего, мама; это я так, я сильно выразилась. Иди приляг, успокойся! Мы после поговорим.

Нина Александровна. Ну, хорошо; ну, бог с тобой! Я знаю, что ты меня пожалеешь. *(Целует дочь и уходит.)*

Входит Агишин.

Явление девятое

Елена и Агишин.

Агишин. Ваше здоровье?

Елена. Как всегда.

Агишин. Пощадите, Елена Васильевна, половина моих приятелей готовы в сумасшедший дом! Только и речей, только и вопросов, что о вас.

Елена. Я не очень малодушна, меня это не радует нисколько. Напротив, я страдаю, очень страдаю.

Агишин. Что с вами? это меня пугает.

Елена. Я сгоряча, не одумавшись, сделала са-

мый важный шаг в жизни, я поторопилась выйти замуж. С первого же дня замужества я почувствовала раскаяние: я сделала дурное дело.

Агишин. Мне кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена. Я чувствовала и чувствую раскаяние, только я стараюсь заглушить его в себе — но не в силах! Когда я кинулась в эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мне невыносима, что я не та, какой я себя представляла, что я лучше! А уж дурное дело сделано, и его уж не воротишь.

Агишин. Вам надо отдохнуть, вам надо отдохнуть! Успокойтесь немного, а потом… скоро мы с вами за границу, под другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая…

Елена. Но я притворяться не могу и не стану.

Агишин. Посмотрите на других женщин: как легко они…

Елена. Не говорите мне, не говорите мне о других женщинах! я не хочу их ни судить, ни брать с них примера. Я чувствую, чувствую всем моим существом, что могу принадлежать только одному, иначе… иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли…

Агишин. Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена. Нет, какое идеалы? это просто отвращение! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое; но знаю, что без этого чувства человек не человек.

Агишин. Или вы существо особенное, или я совсем не понимаю женщин! По-моему, что за любовь, что за страсть без интриги, без проступка!

Елена. Проступок уже сделан, да не проступок, а преступление. Разве не преступление то, что я сделала с Андреем? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сделалась его женой, хотя по имени только; но ведь это имя — чужое, и состояние, которым я пользуюсь, — чужое! Ведь это воровство!

Агишин. Но чего же вы хотите?

Елена. Чего я хочу? Я скажу всем, и скажу решительно: я хочу открыто разойтись с мужем.

Агишин. Что вы, что вы! Ведь это позор!

Елена. Да, позор! Я хочу, чтоб все знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затем жить, как сердце хочет. Позором, одним позором только могу я теперь частию искупить мое преступление и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

Агишин. Но... но... я не понимаю, что же де-

лать?

Елена. Очень просто! ну, хотя бы так: завтра, послезавтра мы с вами вдвоем за границу!

Агишин. Гм… да… И это у вас решено?

Елена. Да, решено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мне только кажется так?

Агишин. Нет, нет, а только такой шаг!

Елена. Да какой же еще шаг? Всякий другой хуже, безнравственнее!

Агишин. Нужно приготовиться, нужно обдумать: последствия слишком серьезны.

Елена *(с гневом)*. Так вот что! Вы не готовы, вам нужно еще обдумать!

Агишин. Не за себя! Боже мой, поймите, за вас! Такие вещи под минутной вспышкой не делаются, тут нужно все…

Елена. Минутная вспышка! Чувство такое созревшее и сильное, что я не подорожила ничем, пошла на преступление, — и вы осмелились назвать его минутной вспышкой!

Агишин. Извините, простите! Нет, вот что! За себя я на все, на все готов, умереть на плахе готов за вас; но, любя вас, я дорожу вами и трепещу за каждый ваш шаг; я думаю над каждым вашим движением! Я хочу видеть самое отдаленное

будущее, знать самые крайние последствия.

Елена. Довольно, довольно!.. Я верю вам; да, я вижу теперь, что и мне нужно подумать. *(Отворачивается в сторону.)*

Входит Андрей.

Явление десятое

Елена, Агишин и Андрей.

Агишин. Здравствуй, друг!

Андрей *(холодно)*. Наше вам почтение!

Агишин. Что с тобой? Ты еще от маскарадов не очнулся?

Андрей. Нет, очнулся, от всех маскарадов очнулся… А много я их видел — и вчера, и сегодня, и в маскараде маскарад, и дома маскарад!

Агишин. Что за разговор, мой друг? Ты чем-нибудь взволнован, огорчен?

Явление одиннадцатое

Елена и Агишин.

Агишин. Что с ним? Он зверем смотрит! Минута, кажется, не совсем удобная, чтобы нам с вами продолжать начатый разговор. *(Подходит и берет ее за руку.)* Завтра или на днях мы возобновим его.

Елена. Не поздно ли будет?

Агишин. Нет, нет, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свидания! Так, так, так, отлично! Смелый, решительный шаг в жизни — это очень хорошо! Мы поедем, мы с вами поедем. До свидания! *(Уходит.)*

Елена *(вслед ему)*. Не поедешь ты, не поедешь: вижу я теперь тебя! И для него-то столько жертв и такие страдания! Но что же я? где я? зачем я здесь? *(в слезах закрывает лицо руками.)* Какое я жалкое создание, какое ничтожное!

Входит Андрей.

Явление двенадцатое

Елена и Андрей.

Андрей. Не плачьте, я вас сейчас утешу.

Елена *(с грустью)*. Ах, это вы! Что вы?

Андрей. Вы плачете, может быть, оттого, что себе стеснение чувствуете, так я вам свободу дам-с! Да и мне она нужна. Как бы вы меня ни ценили — шутом ли, дураком ли, — это ваше дело-с; только ведь и шуту отдохнуть надо! А если всё его поминутно дразнить, так он озлобится и зверем станет! И давайте мы с вами начистоту, от чистого сердца, значит! И слов будет немного — к чему они-с? все дело как ясный день видно! Все

наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А к кому — об этом говорить не нужно-с... А зачем вы меня к этому делу припутали и над сердцем моим надругались — это мы разбирать не будем; это уж после пусть бог рассудит! А теперь нам одно: чтобы каждому по своей дороге, чтоб друг другу не мешать! И отличное будет дело-с: вы уж поезжайте с ним за границу, как вы изволили сбираться; денег у вас довольно-с... Извините-с, я вас деньгами не попрекаю... я вам даже вот что скажу: коли мало будет, еще возьмите-с! души не жалел для вас, пожалею ли денег-с! Так вот и извольте ехать. А я уж... ну, уж я там свой предел найду-с, а вам и не интересно, да и знать обо мне не для чего-с!.. Только, любя вас, я вам признаюсь, хоть и не надо бы, что мне будет не так уж больно весело, как вам!.. *(Сквозь слезы.)* И что погибели на свою бездольную голову я буду очень рад-с.

Елена *(с рыданием)*. Да хоть не плачьте, это невыносимо!

Андрей. Да-с, об чем плакать? Это точно-с: плакать уж нечего, поздно!.. Только вот что-с, вы уезжайте скорей, скорей, говорю вам!.. И ради бога, ради самого бога, чтобы ничего промеж вами на глазах моих!.. Потому я еще люблю вас, с собою не совладаю и могу быть страшен. Я убью вас, его

— ко мне уж давно к горлу подступает и грудь давит! Я дом зажгу и сам в огонь брошусь!.. Ради бога, пожалейте вы меня и себя... Собирайтесь — и бог с вами! Прощайте!

Быстро уходит в среднюю дверь Елена, рыдая, падает в кресло.

Действие пятое

Декорация четвертого действия.

Явление первое

Нина Александровна, Елена (выходят из боковой двери справа), потом Прохор.

Нина Александровна. Как это неприятно, как это неприятно! Вот какие дурные замашки у этих людей! Как ты расстроена, бедная Лена!

Елена заглядывает в дверь налево.

Что, нет его там?

Елена. Нет.

Нина Александровна. Не умеют они вести себя, никакой в них порядочности нет, никакого снисхождения к женским нервам.

Елена. Где он, что с ним? Убежал вчера как сумасшедший, и вот до сих пор его нет.

Нина Александровна. Кто ж его знает! Ведь это уж такие люди: они свои чувства умерять не умеют, у них все через край — и хорошее и дурное, и радость и горе. От радости они готовы плясать и обнимать всякого встречного, а горе или в вине топят, или что-нибудь еще хуже.

Елена. Мама, ты меня пугаешь…

Нина Александровна. Кажется, тебе его жалко немножко?

Елена. Очень естественно: у него горя не было — откуда оно перешло к нему, от кого?

Нина Александровна. Разумеется, как его не жалеть! и мне его жалко, уж давно жалко…

Елена. Надо будет успокоить его; страшно видеть людей, которые собой владеть не умеют.

Нина Александровна. Да, да. А ведь я думала, что ты после вчерашнего, сердишься на него

Елена. За что? Он был прав по-своему, совершенно прав. Я должна была ждать этой выходки: ведь он не кукла же наконец! Да в его словах и не было ничего обидного, в них было гораздо больше любви, чем упреков. Неизвестно, кто сильнее в это время страдал: я или он.

Нина Александровна. Все-таки не мешало ему быть деликатнее и не доводить тебя до обморока. Ты расстроилась и не спала всю ночь, бедная

моя Лена!

Елена. Я привыкла не спать по ночам, а поутру — я сама не знаю зачем — я все слушала, не будет ли звонка в передней. Меня сначала удивило, а потом испугало, что он совсем не явился домой. Ах, как он меня любит, как сильны страсти у этих простых людей!

Нина Александровна. Тем лучше: значит, тебе только приласкать его немного, и он опять — твой покорный раб.

Елена. Без сомнения, я об этом и не беспокоюсь нисколько. Но у меня еще как-то не все ясно в голове; мне чего-то недостает, не хватает решительности и что-то мешает.

Нина Александровна. Я была бы очень рада, Лена, если б ты освободилась от дурных влияний.

Елена. Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много передумала и перечувствовала в эту ночь.

Нина Александровна. Слушайся более голоса сердца, Лена! Совесть, долг — не пустые слова. Кто думает их заглушить в себе, тот ни покоен, ни счастлив быть не может.

Елена *(подумав)*. Да, да, правда твоя.

Входит Прохор из средней двери с чемоданом.

Андрей Гаврилыч еще не бывал?

Прохор. Никак нет-с; они внизу, у Гаврилы

Пантелеича, там и чай кушали.

Елена. А когда же он домой приехал?

Прохор. Да они вчера не поздно-с; только прошли другим ходом: не хотели звонить, чтобы вас не беспокоить.

Елена. Мама, мы ошиблись: он имеет снисхождение к женским нервам.

Нина Александровна. Их не скоро поймешь, мой друг.

Елена. Зачем же ты чемодан несешь?

Прохор. Да хочу укладываться: на фабрику едут — только позавтракают. Сейчас приказали здесь у них закуску накрывать. *(Уходит в дверь налево.)*

Елена. На фабрику… он мне об этом ничего не говорил.

Нина Александровна. Вероятно, отец посылает; он сам не знал. Ну, теперь твои волнения кончились. Ах, у меня там кофе стынет. *(Уходит направо.)*

Выходит Андрей; на нем теплый кафтан с меховой опушкой, подпоясан ремнем, в русских высоких сапогах.

Явление второе

Елена и Андрей.

Андрей. С добрым утром-с! *(Кланяется и по-*

чтительно целует руку Елены.)

Елена. Где вы были?

Андрей. Где я был-то-с? А вам на что же? у тятеньки был.

Елена. Нет, где вы вчера были?

Андрей. Приятеля встретил, Сыромятова. У него и был-с. Да это уж мое дело.

Елена. Да, конечно, извините. Я совсем не то хотела спросить. Вы здоровы?

Андрей. Что ж это вам вдруг такая особенная печаль обо мне пришла?

Елена *(строго)*. Отвечайте на вопрос! Вы здоровы?

Андрей. Слава богу-с!

Елена. С меня и довольно. Я желала знать о вашем здоровье, потому что беспокоилась за вас. Вы вчера были так расстроены…

Андрей. Это с нами случается-с, пошумим… Так неужто с этого хворать? Это уж много будет!

Елена *(осматривая его)*. Что вы, в маскарад собрались?

Андрей. Нет, на фабрику-с. Извините, что в таком виде! Теперь не до моды: надо за работу приниматься.

Елена. Да ничего, это к вам идет.

Андрей. Идет ли, нейдет ли — уж на это мы не

смотрим. Теперь время зимнее, у нас на фабрике и немцы и англичане в таких тулупчиках ходят. Потому — бегать по корпусам то в ткацкую, то в лоботорию…

Елена. В лабораторию…

Андрей. Так точно-с. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и в красильне, промежду чанами, вертеться во фраке-то — оно не очень способно.

Елена. И вы надолго едете?

Андрей. Не знаю-с. Месяца три пробуду, а может, и больше. Да что и в Москве-то делать? какая тут радость особенная?

Елена. Да, вот как!

Андрей *(прислушиваясь)*. Кажется, наши идут-с. Ко мне на закуску-с. Так уж вы меня не конфузьте! А как будто между нами ничего не было. Разъедемся с миром: я на фабрику, вы — за границу.

Входят Сыромятов и Таня.

Явление третье

Андрей, Елена, Сыромятов и Таня.

Андрей *(Елене)*. Это мой старый приятель-с…

Сыромятов. Уж извините-с. Сыромятов по фамилии, Василий Иванов-с.

Андрей *(Елене)*. А это его сестра-с, Татьяна Ива-

новна Сыромятова. *(Тане.)* Супруга моя, Елена Васильевна.

Таня *(подавая руку Елене)*, очень приятно познакомиться.

Сыромятов. Ну уж! где нам знакомство такое: *(Елене.)* Не важная-с особа: за мучника выходит.

Андрей. Да капитал-то у этого мучника больно здоров; он всех нас купит. *(Тане.)* Видно, у вас на фабрике воздух очень здоров.

Таня. Почему так?

Андрей. По красоте вашей сужу. Вы еще лучше прежнего стали, много превосходнее.

Таня. Так мне и надобно: ведь я — невеста.

Андрей *(Тане)*. А если я опять, по-старому, начну вам свою любовь выражать, ваш муж меня на дуэль не вызовет?

Таня. Не знаю.

Сыромятов. Что за дуэль! У нас так не водится. По-нашему, поленом — вот и все…

Андрей. Хорошее обыкновение у вас, и другим перенять его не мешает.

Таня. Я-то поправилась, а вы-то на что похожи? Что вы, нездоровы были, или что с вами?

Андрей. Я ничего-с, я здоров и всем доволен.

Таня *(Елене)*. Уж вы, Елена Васильевна, берегите его, чтоб он здоровый был, веселый — вот

как я.

Елена. Я очень бы рада была, если б он был здоров и весел.

Таня. Любить его надо хорошенько, вот он и весел будет.

Елена. Хорошо, я последую вашему совету. А скажите, пожалуйста: у вас там, на фабрике, я думаю, тоска невыносимая…

Таня. Нет, отчего же? У нас знакомство большое иностранцев много, англичан; у них жены — такие музыкантши. Все газеты получаем, журналы.

Елена. Но ведь там ничего достать нельзя. Вот например, приданое: неужели за всякою малостью в Москву ездить?

Таня. Кто и в Москву ездит, далеко ли тут? А мы мало за чем сюда ездим.

Елена. Неужели там покупаете?

Таня. Нет, мы из Парижа выписываем. От нас туда постоянно ездят, редкий месяц оказии не бывает; как что новое, сейчас и получаем. Мне одних шляпок с дюжину привезли — любую надевай.

Елена. Вот как! Вам позавидуешь.

Андрей. *(Сыромятову и Тане)*. Пожалуйте ко мне, пожалуйте закусить!

Таня *(Елене)*. А вы что же?

Елена. Я не хочу.

Андрей. Им еще рано, они только что встали. *(Провожает Сыромятовых в дверь налево.)* А вот и тятенька с маменькой!

Входят Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Явление четвертое

Андрей, Елена, Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Андрей. Пожалуйте-с! С женой прощался-с.

Гаврила Пантелеич *(кланяясь)*. Нельзя же. Честь честью.

Андрей. Ведь кто знает, скоро ль увидимся.

Настасья Петровна. Ах, Елена Васильевна, здравствуйте

Андрей. Пожалуйте, маменька.

Гаврила Пантелеич *(жене)*. Иди, иди!

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Андрей уходят в дверь налево. Входит Нина Александровна.

Явление пятое

Елена и Нина Александровна.

Елена. Мама, что ж это такое?

Нина Александровна. Что, что?

Елена. Он меня совсем знать не хочет! Он не обращает на меня никакого внимания.

Нина Александровна. Тебе так показалось,

Елена. Нет. Он на несколько месяцев уезжает на фабрику и объявляет мне об этом совершенно равнодушно, как посторонней женщине. Где ж его обожание?

Нина Александровна. А ты давеча говорила, что он тебя очень любит…

Елена. А вы давеча говорили, что стоит только приласкать его немножко.

Нина Александровна. Кто ж их разберет? Мы обе ошиблись!

Елена. Ни малейшей даже теплоты, ни малейшего участия ко мне.

Нина Александровна. Да на что тебе его участие? Слава богу, что не сердится, из себя не выходит. Он уезжает на фабрику — ну, и бог с ним! Ты сама желала свободы.

Елена. Конечно, свобода для женщины — дело дорогое; но что же он думает обо мне? Я не могу допускать, чтоб меня подозревали в чем-нибудь дурном. Разве легко сносить презрительное обращение? Да и от кого же еще? От человека,

которого я считала гораздо ниже себя… Что за преступление я сделала? Если я несколько виновата, так и он не прав; в нем нет ни ловкости, ни хороших манер… Я не обнаруживаю большой любви к нему… и все-таки он не имеет права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтоб он простился со мной, как следует порядочному человеку, почтительно, нежно…

Нина Александровна. Все это ты ему скажи, Лена.

Елена. Ах, мама, могу ли я? Я вся разбита, я теряю голову, ум… Я не могу управлять, владеть собой. Поговори, мама, ты с ним!

Нина Александровна. Хорошо, поговорю. Но как я его увижу? У него теперь гости.

Елена. Вероятно, он выйдет; придет же он хоть поклониться нам.

Нина Александровна. Да, конечно. Пойдем отдохни, успокойся. Ты не спала, вот и расстроилась!

Уходят направо. Входят Андрей и Прохор.

Явление шестое

Андрей, Прохор, потом Агишин.

Андрей. Какой там дурак накрывал? Шампан-

ского нет. Скажи, чтоб подали бутылки две-три. Нешто проводы без шампанского бывают?

Прохор. Слушаю-с.

Идет к двери и встречается с Агишиным. Андрей идет к двери налево, но, увидав Агишина, останавливается у двери.

Агишин. *(не видя Андрея)*. Кто дома?

Прохор. Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч

Агишин. А!.. Он дома?

Прохор. Дома-с, да и родители его здесь.

Агишин. Семейная картина! Ну, так я после зайду. Ты не говори, что я был.

Андрей *(подходит к Агишину и берет его за руку)*. Нет, что ж, куда же бежать? Уж это зачем же?

Агишин. Новый способ иметь гостей! Тащить их силой, за ворот! Но я, друг мой, зашел мимоходом. Мне очень нужно тут, недалеко, по одному делу…

Андрей. Ну, да полно городить-то! Сюда шел; здесь твои все мысли, и всё — здесь и ждут тебя. А меня и сунуло тебе навстречу. Ну, да ничего, я сейчас еду на фабрику.

Агишин. Ты говоришь какую-то дичь! И вообще я замечаю с некоторых пор, что ты ко мне странно относишься. Ты что-нибудь имеешь против

меня? Если мы тобой не объяснимся и если мы не станем по-старому приятелями, то я должен буду расстаться с тобой навсегда, как мне ни приятно знакомство с вашим домом.

Андрей. «Что-то» да «как-то» — это все кантитель! Ну какого еще черта! А по-нашему — начистоту! Коли заговорили, так давай договаривать. Ты думаешь, я ваших штук не вижу? А если вы хотели меня дурачить, так ошиблись!

Агишин. Но я не понимаю… я все-таки не понимаю… Для меня ново, неожиданно…

Андрей. Полно, Николай Егорыч, полно! Что тень-то наводить — дело ясное. На дуэли мы с тобой драться не будем: коли дело плохо, ты его стрельбой не поправишь; сколько ни пали, а черное белым не сделать! А если у вас дальше пойдет и шашни свои ты не оставишь, так, пожалуй, ноги я тебе переломаю; за это я не ручаюсь, от меня станется. Вот теперь разговаривай с женой. Прохор, доложи Елене Васильевне, что господин Агишин желает их видеть.

Прохор уходит в дверь направо.

А со мною говорить больше не об чем; я все сказал, что тебе знать нужно. *(Уходит в дверь налево.)*

Агишин. Нет ничего хуже, как иметь дело с

этими дикими. Какой дурацкий апломб! Какая уверенность в своих супружеских правах! То ли дело — развитые, современные мужья! Они как будто конфузятся, стыдятся своего привилегированного положения и уж нисколько не верят в неприкосновенность своих прав. Порядочный муж, коли заметит что-нибудь такое, он сейчас устранит себя… Как-нибудь да устранит… ну, там застрелится, что ли… А этот говорит: «ноги переломаю»… Да он и сделает. Вот так и гляди теперь по всем сторонам, так и поглядывай.

Входят Елена и Прохор, который проходит в среднюю дверь.

Явление седьмое

Агишин, Елена, потом Нина Александровна.

Елена. А, Николай Егорыч! как кстати! я вас ждала. Ну, что же, мы едем за границу? Вы обдумали, решили, готовы?

Агишин *(оглядываясь)*. Что вам угодно? Что вам угодно? *(Тихо.)* Да, я готов.

Елена. Ну, так пойдемте и объявим об этом открыто мужу. Надо ж его, бедного, развязать и дать ему право совсем освободиться от меня.

Агишин *(улыбаясь)*. «Бедному»! А вы, кажется начинаете чувствовать нежность к вашему

мужу?

Елена. Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы? Говорите: готовы?

Агишин. Что вы меня так строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какие у вас средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена. У меня семьдесят пять тысяч… то есть нет, меньше: мама, по своей доброте, раздала взаймы больше половины своим знакомым, с которых никогда не получишь.

Агишин. Так ведь это нищенство! Вас замучает только одно сожаление о покинутой роскоши, о кружевах, о бархате. Уж до любви ли тут! Вот если б вы успели в этот месяц, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состоянием тысяч в триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно и счастливо, как душе угодно.

Елена. Значит, по-вашему, чтобы быть счастливым, надо прежде ограбить кого-нибудь?

Агишин. Ну, да как хотите рассуждайте; а вы сделали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить — характера не хватило. Вот плоды сентиментального воспитания.

Елена. Да, то есть ум-то вы успели во мне развратить, а волю-то не умели — вот вы о чем жалеете! Помешали вам мои хорошие природные

инстинкты. А я этому очень рада…

Агишин. Так об чем же нам еще разговаривать, madame Белугина?

Елена. Да я и не желаю с вами разговаривать ни о чем, monsieur Агишин.

Агишин. И прекрасно. Желаю вам всякого благополучия.

Входит Нина Александровна Агишин раскланивается и уходит.

Елена. Мама, я прогнала Агишина.

Нина Александровна. Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Мне он давно не нравился, я только боялась сказать тебе.

Андрей выглядывает из двери.

Елена. Сделай же то, о чем я тебя просила: поговори с ним. *(Уходит в дверь направо.)*

Андрей выходит.

Явление восьмое

Нина Александровна и Андрей.

Андрей. Где же Агишин?

Нина Александровна. Лена его прогнала.

Андрей. Что же так-с: чем не кавалер? За что же гнать хорошего человека? А я было, признаться, хотел ему стакан шампанского предложить.

Нина Александровна. Андрей Гаврилыч!

Андрей. Что прикажете?

Нина Александровна. Я с вами хочу поговорить о Лене…

Андрей. Насчет чего-с?

Нина Александровна. Вы обижаете жену.

Андрей. Помилуйте, что вы! могу ли я?

Нина Александровна. Вы ее вините.

Андрей. В чем это? и не думал-с!

Нина Александровна. А вы сами неправы…

Андрей. Чем же-с?

Нина Александровна. Знаете, в вас нет этого «чего-то»…

Андрей. Да чего — «чего-то»?

Нина Александровна. Вот этого, что нравится женщинам, что покоряет их… Ах, в вас совсем нет.

Андрей. Да уж сколько ни ахайте: коли нет, так где же мне взять?

Нина Александровна. Если бы вы были несколько образованнее…

Андрей. Да бог с вами! Когда мне теперь для вас образовываться! до того ли мне? у меня фабрика остановилась! Нет, это пустой разговор-с.

Нина Александровна. Она, конечно, чувствует и сама, что не совсем права перед вами.

Андрей. Да-с.

Нина Александровна. Она действительно доставила вам много огорчения…

Андрей. Ну, так что же-с? Пусть и покается!

Нина Александровна. Ах, разве вы не знаете, как всякой женщине трудно сознаться перед мужчиной в своей вине? А тем более моей Лене, потому что она не знает, не уверена, как будут ее слова приняты вами: достаточно вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унизительной для нее?

Андрей. Так кому ж нужно: нешто кто их заставляет?

Нина Александровна. Ах, ей самой нужно. Она не хочет, чтоб у вас оставалось неудовольствие на нее; она не может быть покойна, ей будет больно, очень бо́льно.

Андрей. Стало быть, я же виноват. Этого никак понять невозможно, да и не до того мне теперь: серьезные дела в голове. Чего же им нужно еще от меня?

Нина Александровна. Ах, очень просто! Чтоб вы не сердились на нее, не жаловались; чтоб вы пощадили ее: у ней натура нежная, деликатная — она вся в меня.

Андрей. Все же это не дело и не в порядке-с. Между мужем и женой — какие посредники!

Ваши слова для меня — ровно ничего-с: может, она совсем и не думает того, что вы говорите, а одна только это ваша фантазия. Нешто такие дела через послов делаются? Да уж если вам это очень нужно, так скажите, что я их прощаю, прощаю-вот и все!..

Нина Александровна. Как, неужели только?

Андрей. Вот еще-с. *(Подает записку.)* Они хотят ехать за границу, так чтоб своих денег не тратили: по этой записке им выдадут из конторы сколько нужно на расходы. Здесь обозначено-с. Вот теперь все-с. Я сейчас уезжаю на фабрику месяца на три; видеться нам незачем-с: дальние проводы — лишние слезы. Да и некстати: меня старики провожают, так пристойно ли им будет глядеть на нас? Затем прощайте. *(Уходит.)*

Входит Елена.

Явление девятое

Нина Александровна и Елена.

Елена. Ну, что он, что?

Нина Александровна *(со слезами)*. Ах, Лена, ах, Лена!

Елена. Что с тобой, мама?

Нина Александровна. Он ужасный человек, он не желает тебя видеть! Я это предчувствовала,

предчувствовала…

Елена. Да что? Говори, мама!

Нина Александровна. Вот, восьми! *(Подает записку.)* Он дает тебе денег на поездку за границу.

Елена. Да что он говорит-то?

Нина Александровна. Ах, Лена, он велел сказать, что прощает тебя.

Елена. «Прощает»!.. Как, что ты говоришь, мама?

Нина Александровна. «Да скажите ей, что я ее прощаю». И видеться с тобой не хочет.

Елена. Он меня прощает! Скажите! Да он мужик, невежда. Я в себя прийти не могу.

Нина Александровна. Ах, Лена, как трудно говорить с ним! Точно тяжесть какую поворачиваешь, у меня от него мигрень расходилась.

Елена. Нет, я не могу… я не могу стерпеть такой обиды. Я должна ему высказать.

Нина Александровна. Но что же, что, Лена?

Елена. А то, что он, при своем ничтожестве не смеет так презрительно относиться к людям, которые…

Нина Александровна. Оставь, Лена!..

Елена. Нет, нет! позови его, мама, сейчас позови!

Нина Александровна *(в дверь налево)*. Андрей

Гаврилыч, подите сюда: Лена вас просит!

Входит Андрей.

Явление десятое

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Андрей. Что за дела-с?

Елена. Кто же вам дал право так третировать меня?

Андрей. Что такое-с? И не слыхивал таких слов.

Елена *(со слезами)*. Вы меня прощаете? Какую же вину вы мне прощаете? Что вы думаете обо мне?

Андрей. А не виноваты, так об чем толковать?

Елена. Но ведь вы меня оскорбили! Как вы смели так грубо обойтись со мной?

Андрей. Значит, смел-с.

Елена. Да по какому праву?

Андрей. Потому — муж-с.

Елена. Значит, муж имеет право и напрасно обижать жену?

Андрей. А хоть и напрасно, да ежели любя, так беда невелика: не в суд на мужа идти!

Елена *(со слезами)*. Но что ж, по-вашему, должна делать жена, если ее напрасно обидят?

Андрей. Да разное бывает-с: дурные да злые

сердятся да бранятся.

Елена. А хорошие, честные?

Андрей. Сами догадайтесь…

Елена *(сделав движение)*. Неужели же?..

Андрей. Не знаю-с…

Елена *(бросаясь ему на шею)*. Так, что ли?..

Андрей *(отирая слезы)*. Само собой, что так-то лучше.

Елена *(прилегая к нему)*. Да, хорошо мне здесь.

Андрей. Давно бы вам-с!

Елена. Но зачем же ты так грубо обходился?

Андрей. Я-то грубо? Да я нынче раз десять заплакать сбирался, только удерживался, притворялся…

Елена. Разве ты притворялся?

Андрей. Да-с. Эта мысль мне вчера в голову пришла. Думаю себе: пробовал и ласками, и слезами — не выходит; дай я свой форс на себя возьму. Вот и вышло.

Елена. Маменька, мы опять в нем ошиблись.

Нина Александровна. Ах, Лена! я в себя не могу прийти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

Елена. Маменька, как этот форс к нему идет! какая энергия. Теперь он настоящий мужчина!

Андрей. Да я и всегда такой, только перед вами

мокрой курицей был, потому — очень обожал! А теперь я по-другому буду: вот как-с! *(Обнимает Елену и целует.)*

Входят Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Сыромятов и Таня.

Явление одиннадцатое

Нина Александровна, Елена, Андрей, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Сыромятов, Таня.

Андрей *(не выпуская Елены)*. Уж извините-с, с женой заигрался. Плачет, на фабрику со мной просится. *(Елене.)* Так, что ли, говори!

Елена *(потупясь)*. Так.

Андрей. Говорит, что ты там один, бобылем, будешь жить! Ни уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. *(Елене.)* Так, что ли?

Елена. Да, хорошо, так, так.

Андрей. И в гости, и прокатиться все-таки с хорошенькой женой лучше. *(Елене.)* Так ведь?

Елена. Так, так.

Андрей. Там все, говорит, с женами; что ж тебе на чужое счастье смотреть? еще что-нибудь в голову придет…

Елена. Нет, уж я этого не говорила.

Андрей. Так взять, что ли?

Настасья Петровна. Бери, Андрюша, бери!

Гаврила Пантелеич. Молчи! забыла, что тебе сказано!

Настасья Петровна. Молчу, батюшка, молчу!

Андрей. Уж, видно, взять…

Сыромятов. Вот и чудесно. Семейное отделение займем, шампанского прихватим, чтоб веселей ехать было!..

Нина Александровна. Поезжай, Лена! А я сберусь, да завтра же к вам приеду.

Настасья Петровна. Батюшка Гаврила Пантелеич, плакать-то можно?

Гаврила Пантелеич. Плачь себе на здоровье!

Таня *(Елене)*. Это очень приятно, что вы к нам едете.

Елена. Я у вас все шляпки пересмотрю; я и себе из Парижа выписывать буду.

Настасья Петровна. Да как же вам там жить-то будет? Ведь у нас в доме двух половин нету…

Елена. Ах, не беспокойтесь, и не нужно совсем!

Андрей. Ну, уж я для приезда такой бал задам, что в Москве нашу музыку слышно будет!..

Дикарка*

Комедия в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Анна Степановна Ашметьева, старуха, богатая помещица.

Александр Львович Ашметьев, ее сын, почти постоянно проживающий за границей и в Петербурге, представительный, но заметно израсходовавшийся господин; костюм и манеры парижанина лучшего тона.

Марья Петровна, жена его, молодая женщина.

Кирилл Максимыч Зубарев, старик из крупных землевладельцев, близкий сосед Ашметьевых, управляет их имением; одет в платье старого покроя, из дешевого материала; седые усы подстрижены.

Варя, его дочь, молодая девушка.

Виктор Васильевич Вершинский, значительный чиновник из Петербурга, молодой человек.

Дмитрий Андреевич Мальков, помещик, моло-

дой человек.

Михаил Тарасыч Боев, сосед Ашметьевых и Зубарева, 45 лет, холостяк.

Мавра Денисовна, нянька Вари, старуха.

Гаврило Павлыч, камердинер Ашметьева.

Сысой Панкратьевич, старый слуга Ашметьевых.

В усадьбе Ашметьевых, вблизи губернского города. Густой парк, в углу развалины каменной беседки, в глубине живописная местность за рекой.

Явление первое

Гаврило с саквояжем; входит Сысой, в руках складное кресло.

Сысой. Гаврило Павлыч! Куда направление имеете?

Гаврило. Барина дожидаюсь… Приказано… Купаться идем… А вы?

Сысой. Барыня гуляют по парку, так кресло ношу… По преклонности ихней, оне не могут, чтобы без отдыха…

Гаврило *(осматривая местность)*. Ну, и местоположение… я вам скажу!

Сысой. Как находите?

Гаврило. Что уж!.. Чего еще превосходнее!

Сысой. На редкость, истинно на редкость… которые ежели понимающие… Конечно, простой человек… так ему все равно. Это место по древности, от старых людей — Кокуй называется. Когда покойный барин, царство небесное, эту рощу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось; а барыня, напротив того, желали, чтоб беспременно «Бельвю». Почитай, что до ссоры у них доходило… Ну, а мужики, помилуйте!.. им не вобьешь в башку-то, разве с ними возможно! Они и теперь всё Кокуй да Кокуй. Было времечко, да прошло: в те поры в этой беседке танцы были, ужины, без малого вся губерния съезжалась, по всем дорожкам цветные фонари горели; за рекой феверки пущали; а теперь заглохло все.

Гаврило. Заглохло?

Сысой. Ну, что уж!

Гаврило. Да оно точно, по вашей стороне промежду господ настоящей жизни, как им следует, что-то мало заметно.

Сысой. Где уж, какая жизнь!

Гаврило. А наместо того так даже и дикость какая-то… как будто…

Сысой. Есть, есть, всего есть… Вы давно служите У барина-то?

Гаврило. Пятый месяц; как в Петербург из-за границы приехал, так я и поступил.

Сысой. А я так понимаю, что вы с барином у нас недолго прогостите.

Гаврило. А почему вы заключаете?

Сысой. Посвистывать начал.

Гаврило. Разве это означает?

Сысой. Уж это верно. Коли коротко свищет, ну, еще ничего, а коли продолжительные арии, так уж припасай чемоданы. Я с ним и в Петербурге бывал: поначалу с приезда веселый такой, каждый день во фраке, все больше по дамам… а там, глядишь, и засвистал; ну, значит, на чужую сторону потянуло… И закатится — поминай, как ввали!

Гаврило. Когда еще скучать-то, мы всего пятый день здесь; с месяц-то можно прогостить; разве что общество…

Сысой. Тут не общество, тут главная причина: привязки ему нет.

Гаврило. Какая привязка, коли он женатый человек.

Сысой. Это он ни во что считает, этого ему мало.

Гаврило. А я долго и не знал, что он женат-то. Пять месяцев жил, а все думал, что барин у меня холостой; потому ни из разговора, ни из чего приметить этого нельзя у них — холостой, да и все тут.

Сысой. Да он и похож на холостого; а, не солгать бы, уж седьмой год женат. Барыня на удивленье!

Гаврило. Насчет доброты?

Сысой. Насчет доброты, и обходительности, и всего.

Гаврило. Но при всем том, я замечаю, словно как они друг другу не в масть; музыку эту тянут, а ладу не выходит.

Сысой. Потому — не ровня; роду она, пожалуй, и дворянского, да воспитание невысокое получила.

Гаврило. То-то и по моему замечанию, тут что-то такое подобное… Сысой. Папенька у них были офицер, молодец собой и красавец писаный, только женился он на купчихе на здешней и на ее деньги купил имение. Да недолго пожил, ушибся на охоте об дерево, расскакался очень, огневый был. Барышня-то наша, Марья Петровна, так промежду купечества и выросла; барственного-то ничего в ней и не стало; потому заняться было не от кого. От маменьки было перенять нечего,

окромя что как была она очень добрая женщина и редкостная хозяйка, — так наша Марья Петровна вышла вся в нее. Только по возрасту лет стала в ней обозначаться красота; начали слетаться женихи. Ну, а нашему уж этого перенести никак невозможно, чтобы была в уезде красавица, да не ему досталась. Сейчас познакомился, Марья Петровна в него до страсти влюбилась, женихи все прочь, он и женился. И с полгода так, как в раю был.

Гаврило. А потом?

Сысой. А потом и засвистал. Прикинул жену-то маменьке, а сам за границу. Так три года мы его и не видали, как в воду канул. В Петербург из-за границы наезжает часто, а к нам и не заглянет. Через три года приехал и, смешно таково, опять в жену влюбился, да не надолго; месяца через полтора и…

Гаврило. И засвистал?

Сысой. Засвистал. Опять в Петербург, а там за какой-то барыней за границу, да по сю пору мы его и не видали.

Гаврило. Уж для заграничных господ в деревне, известное дело… знаете — скука… томительность какая-то…

Сысой. Нет, кабы привязка нашлась, он бы

ничего — пожил. В^дь вот уж теперь и стар стал, и тяжеленек, а все глаза-то завистливы. Вы посмотрите, ровно он глазами-то все чего ищет; так уж они у него с молодости наиграны.

Гаврило. Человеком выходит, не всякому тоже это дается.

Сысой. Какой был по этим делам старательный, беда! Что из благородных, что из простых, это для него все одно. Как где наметит глазом, и начнутся у него хлопоты, такой проворный сделается, так уж и не расстается. И все словами улещает да уговаривает; то шопотом, то стихи читает. Начнется у него эта суета, так и не скучает. Только на-коротке, подолгу не продолжается. Вот и теперь бы ему такое занятие, так погостил бы: и заграницу забыл.

Гаврило. Нет уж, кто ей подвержен, да коли деньги есть, так не забудет, все его поманивает.

Сысой. Само собой; хоть с нашего брата возьмите или из мастеровых; который человек ежели по трактирам избалуется, уж ему дома не сидится.

Входят Анна Степановна и Марья Петровна. Сысой и Гаврило отходят к стороне.

Явление второе

Анна Степановна, Марья Петровна.

Анна Степановна. Да, мой друг, твоя это вина, твоя, что Александр здесь скучает. Ты и не спорь со мной!

Марья Петровна. Я с вами и не спорю; только я решительно не понимаю, как и чем еще, кроме любви моей, могу я привязать его.

Анна Степановна. Да разве ты не видишь, что он художник, он поэт? Это натура в высшей степени деликатная. Его душа соткана из самых тончайших нитей, к ней надо прикасаться умеючи, с осторожностью. Он только что вернулся из-за границы, он еще весь под впечатлением изящного… ну, галлерей там, музеев и прочего; у него еще в ушах звуки итальянской музыки, в глазах аристократические салоны… а ты его прямо в коровник!

Марья Петровна. Я не думала, что это дурно… я думала, что это моя обязанность — рассказать мужу откровенно, как я жила без него и что делала. Женщине в мои годы нужно же какое-нибудь занятие. Мужа я не вижу, детей у меня нет, ведь жизнь опротивеет, если не иметь никакого интереса. Я извелась с тоски.

Анна Степановна. Извелась! Фи, мой друг! Как ты вульгарно выражаешься.

Марья Петровна. Все так говорят.

Анна Степановна. Мещанство, матушка, мещанство!

Марья Петровна. Дело по мне, не мудреное, много ума не нужно: нужен только порядок да чистота. Мне даже хотелось похвастаться перед мужем моими успехами. Из маленькой молочной фермы теперь у меня большое заведение. Я завела сыроварню, выписала мастериц из Тверской губернии, принимаю крестьянских девушек, они у меня учатся, потом поступают на место, хорошее жалованье получают. У меня разведены отличные племенные коровы; от моей фермы скотоводство во всей губернии улучшается; за сто верст приезжают покупать моих телят, бычков. Что в этом дурного, что за преступление?

Анна Степановна. Кто тебе говорит, что твой коровник — преступление? Молоко необходимо, оно идет в пищу, значит необходимы и коровы, и коровницы; да не твое это дело. Ты улучшаешь скотоводство в губернии! Ведь это смешные фантазии! Об губернии без тебя есть кому заботиться. Для тебя выше всего на свете должен быть муж! Ты говоришь, что скучаешь без работы, да кто ж

тебе мешает работать? Мало ли есть женского рукоделья, приличного, чистого! А потом — арфа, ты ее забросила совсем. Нет, скажи лучше, что мещанская кровь сказывается, — вот это вернее.

Марья Петровна. Но, живя в деревне, так естественно заняться хозяйством.

Анна Степановна. «Естественно» — вот еще слово! Ты думаешь, что естественно, то и хорошо? Животные ведут себя естественно, да много ли найдется охотников подражать им. Наши прически, костюмы разве естественны? Был век, когда мужчины носили огромные пудреные парики, а женщины фижмы, под которые пять человек спрятаться могут; уж, конечно, это не естественно, и все-таки благороднее, умней, изящнее этого века не было и не будет в истории. Ну, да что об естественности толковать! Для тебя всего естественнее — стараться нравиться мужу!

Марья Петровна. Я думала, что ему будет приятно, что я занимаюсь делом. Анна Степановна. Очень нужно ему: делаешь ты что-нибудь или нет. Ты не забывай, что прежде всего Александр — художник, он поэт; для него главное во всем — изящная форма. Я не могу поверить, чтобы женщина не могла удержать его подле себя на месяц, на два. А ведь это стыдно в люди сказать:

муж не видал тебя три года, приехал погостить, и уж через пять дней уезжать собирается. С мужем и кокетство позволительно, а с такими даже и необходимо. Он почти не живет в России, но я по его письмам знаю, что иногда он среди самой роскошной природы скучает по родине, что он любит Россию и все русское. Вот бы ты надела сарафан, он так идет к тебе, спела бы ему русскую песню, — у тебя прекрасный голос. А ты его тащишь на свою ферму: согласись, что там поэзии не много. И с кем ты его знакомишь? Что такое Мальков? Ведь это мастеровой какой-то. Он едва ли что-нибудь знает, кроме своей химии. Благородный человек, а пачкается с каким-то дрянным заводом. Что он там, купорос, что ли, делает? Прекрасное занятие для дворянина; носит какой-то мещанский картуз, ездит в тележке в одну лошадь.

Марья Петровна. У него нет состояния, чтобы четверкой ездить.

Анна Степановна. Нет состояния, так поди служить; а купорос, кому нужно, найдут и без него. Интересное знакомство для Александра! Ну, понятное дело, что ему с вами скучно. Он всю жизнь провел с художниками, с артистами, а ты его с мастеровыми знакомишь. Нет, как ты хочешь, ты

обязана удержать Александра еще хоть недели на две; если он уедет теперь, это будет твоя вина, это меня очень огорчит.

Марья Петровна. Я постараюсь, я готова употребить все возможное…

Анна Степановна. Только, пожалуйста, не слезы! Это самое верное средство прогнать от себя мужчину.

Марья Петровна. Я знаю, нет — слез не будет; это было да прошло.

Анна Степановна. Разве ты уж разлюбила его?

Марья Петровна. Не разлюбила, ко я стала покойней, со многим примирилась.

Анна Степановна *(шарит)*. Где же это мой бинокль? Ах, я его там забыла, на лавочке.

Марья Петровна. Я его вам принесу.

Анна Степановна. Зачем? не трудись! Я пошлю человека.

Марья Петровна. Да что за труд. *(Уходит.)*

Сысой показывается из-за кустов.

Анна Степановна. Добрая женщина, а простовата, простовата… Сысой, подай мне кресло.

Сысой подает кресло и отходит за кусты. Входит Ашметьев, насвистывая арию.

Явление третье

Анна Степановна и Ашметьев.

Ашметьев. Об чем задумалась, старушка моя?

Анна Степановна. О прошлом, друг мой; о настоящем мне уже нечего думать. Прошел день, и слава богу.

Ашметьев. Да, я понимаю… скучно тебе?

Анна Степановна. У меня теперь только и радости, что ты.

Ашметьев. Благодарю. *(Целует руку у матери.)* Но я что же?.. Может быть, оттого я тебе и мил, что ты меня редко видишь.

Анна Степановна. Что за вздор ты говоришь.

Ашметьев. Нет, правду. Я, что называется, непоседа, бездомовщина. Если мне остаться подольше на одном месте, я и сам от скуки завою по-волчьи, и все окружающие взвоют, на меня глядя, я — скучающий россиянин. Как нескладно я устроил свою жизнь! Уж если кому не следовало жениться, так это мне. Странное существо — человек: в молодости даны ему страсти для того собственно, чтоб наделать глупостей на всю жизнь; потом, в зрелых летах, дается ему ум, чтобы раскаиваться всю жизнь. Приятное существование! Ну, зачем я женился? Это вопрос; а ответ следующий: затем

только, чтоб мучить жену. *(Ходит.)* Ах, да мне и родиться-то не следовало, чтоб не мучить мать. И это была глупость с моей стороны.

Анна Степановна. Уж ты сделай милость, не хандри!

Ашметьев. За что я, в самом деле, заставляю страдать двух женщин?

Анна Степановна. Ну что ты уж очень сокрушаешься! Я старуха, видела в свою жизнь и радости немало, будет с меня; Маша тоже по-своему счастлива.

Ашметьев. Какое счастье! Полгода она действительно была со мной счастлива; а потом — семь лет живет только воспоминанием этого счастья. Ведь попадаются же нам такие кроткие, безропотные натуры! Гораздо легче выносить бури упреков, брани и оскорблений, чем это тихое страдание без жалобы.

Анна Степановна. Ты уж слишком преувеличиваешь: у нее все-таки есть занятие, есть общество.

Ашметьев. А у тебя и того нет; это новое общество уж чуждо тебе.

Анна Степановна. Чуждо — этого мало: оно неприятно, оно враждебно мне. Да, мой друг, разговоры их для меня невыносимы: я не слышу

от них ни протеста против нынешних порядков, ни сожаления о прошлой нашей жизни. Нет, они и знать не хотят, и говорить-то не хотят об этой реформе, они очень спокойно к ней относятся, как будто так и надо. Заводят фермы да ремесленные школы, учат чему-то крестьянских девчонок и мальчишек. Можно было заботиться о крестьянах, когда они были наши, а когда У нас их отняли, так что нам до них за дело? Они теперь свободны, ну и пусть пьянствуют. Посмотришь, другой помещичишка разорен совсем, а тоже тянет со всеми в одну ноту, восхваляет реформу. А у самого на душе-то, чай, кошки скребут.

Ашметьев. Ну, нам, кажется, очень жаловаться нельзя, мы не очень много потеряли.

Анна Степановна. Так ведь это исключение, это особое счастье. Что бы мы были с тобой, если бы не он!

Ашметьев. Кто это он?

Анна Степановна. Да вот идет! *(Указывая направо.)* Кирилл Максимыч тогда был мировым посредником и составил нам уставные грамоты с крестьянами. Он так их обрезал, что им курицу выгнать некуда. Благодаря ему я хорошо устроилась: у меня крестьяне так же и столько же работают, как и крепостные, — никакой

разницы.

Ашметьев. Я и не знал.

Входит Зубарев, раскланиваясь.

Явление четвертое

Анна Степановна, Ашметьев и Зубарев.

Анна Степановна *(сыну)*. Хорош помещик! Он не знает, что у него крестьяне делают. А иначе где ж бы мы взяли денег тебе на твою артистическую жизнь за границей? Что ж ты думал, что нам деньги-то с неба сваливаются?

Ашметьев. Но я мог бы сократить свои расходы. Ведь Кирилл Максимыч на все способен, он человек без сердца. Так ведь, Кирилл Максимыч? Жалости в вас нет, вы этого чувства не знаете?

Анна Степановна. Ах, пожалуйста!.. Жалей о чем хочешь, только не о моих крестьянах.

Зубарев. Будешь безжалостен, коли вы, Александр Львович, поминутно изволите деньгами нудить.

Анна Степановна *(сыну)*. Твоя совесть может быть покойна, это мое дело; а я считаю свое дело и законным, и справедливым. И кончен разговор.

Зубарев. Вы изволите говорить, что сократите расходы… Дождемся ль мы этого, Александр Львович? Покуда все еще увеличиваете, а не

сокращаете.

Ашметьев. Не знаю; я всегда проживал около семидесяти тысяч франков в год — и теперь тоже.

Зубарев. А курсы-то, благодетель мой, а курсы-то, помилуйте! Вы, Александр Львович, изволите пошвыривать франками-то, вы думаете, что все еще франк-то четвертак? А оно вон куда пошло, вон куда пошло: франк-то прежде в лапотках ходил, а теперь в сапожках щеголяет.

Ашметьев. Франк все франк; а что ваш рубль подешевел, так уж мы там, в Париже, не виноваты. Скоро ли вы лес-то продадите?

Анна Степановна. Разве тебе деньги скоро нужны?

Ашметьев. Скоро не скоро, а все-таки я желаю знать немедленно, чего он стоит?

Зубарев. Теперь покупать надо, покупать, а не продавать. Как продавать, когда цены нет! «Что стоит?» Семьдесят рублей за десятину, вот что он стоит! Да что! За шестьдесят пять *(с возрастающим жаром)*, за пятьдесят, за сорок пять отдают; что ни дай, то и берут. Точно взбесились все, так и валят лес! У нас скоро пустыня будет, Аравия Счастливая! Вот Боев, Михайло Тарасыч, как нужны деньги, так и лес продавать; что дадут, то

и берет. Вот он какой, вот он какой! Только цену сбивает… Покупать нужно, а не продавать.

Ашметьев. Я вас просил, Кирилл Максимыч, покупателя найти.

Зубарев. Нашел, нашел-с; да ведь семьдесят рублей… какая это цена?

Ашметьев. Продавайте, я на эту цену согласен.

Анна Степановна. Какой уж и ты скаред, Кирилл Максимыч, так даже противно смотреть. Ты из-за копейки готов целый год торговаться.

Зубарев. Не скаред я, а экономный человек. Какие времена-то, помилуйте!

Анна Степановна. Нет, скаред. Как ты живешь, как ты одеваешься! А дочь! И не грех тебе? Воспитывала ее из жалости тетка лет до двенадцати, пока дочерей замуж не выдала, а с тех пор она дома болтается — без учителей, без гувернанток, так и выросла, да и теперь без всякого призору.

Зубарев. Да какого ей воспитания, какого призору? Умей шить, вязать, щи варить да почитай родителей — вот и весь женский курс!

Ашметьев. Я ее помню, но едва ли узнал бы теперь; что-то дикое было в этом милом ребенке.

Анна Степановна. А теперь еще больше одичала. В ребенке все мило, а она уж давно не ребенок. Ни манер, ни приличия; не знает никакой сдер-

жанности, делает, что в голову придет, — это для благородной девушки уж просто непозволительно.

Ашметьев. Отчего я не вижу ее здесь?

Анна Степановна. Не знаю, спроси у отца.

Зубарев. У тетки гостила-с…

Анна Степановна. Да уж ты все говори! Я кое-что слышала.

Зубарев. Из особенного уважения к вам, Александр Львович, и к вам, Анна Степановна, и из любви к дому вашему не могу умолчать…

Анна Степановна. Замуж отдаешь?

Зубарев. Ну, еще это далеко, еще бог знает-с.

Анна Степановна. Да кто?

Зубарев. Виктор Васильич Вершинский-с.

Ашметьев. А! Это наш юный преобразователь?

Зубарев. Далеко пойдет, далеко-с… Приехал, оживил нас, поднял на ноги всю губернию, осветил… Во мраке ходили…

Ашметьев. Не понимаю, что ему за расчет жениться на девушке совершенно необразованной.

Зубарев. Любит-с, большое расположение чувствует к моей дурочке.

Анна Степановна. Ну полно, что любить-то? Любить-то в ней нечего! Расчет простой, Александр: именьишко у Вертинского здесь

небольшое, а у Вари приданое порядочное, после матери десятин восемьсот. Чего ж ему? Вот он и значительный помещик. В Петербурге, вероятно, карьеру сделать не надеется, там и побойчее есть; а здесь, благо говорить мастер, пожалуй, и в предводители выберут. На безлюдье — и Фома дворянин.

Зубарев. Выберут, непременно выберут: ум, сила, быстрота соображения…

Анна Степановна. У Вертинского, по его краснобайству, большая партия, а ты и спишь и видишь председателем земской управы быть, ты любишь должности с жалованьем; вот вы и ухаживаете друг за другом. Да ты молись богу, что тебе такой жених попался, это для Вари большое счастье: кто ее, сумасшедшую, возьмет!

Зубарев. А она-с… она, можете представить, фыркает… что ты будешь тут!.. Господи!

Ашметьев. Может быть, он ей не нравится?

Анна Степановна. Полно! Разве она людей разбирать умеет? Что на нее смотреть-то?

Входит Марья Петровна.

Явление пятое

Анна Степановна, Ашметьев, Зубарев, Марья Петровна.

Ашметьев. Marie, я тебя и не видал еще сегодня. *(Целует ее в голову.)*

Марья Петровна *(Анне Степановне)*. Вот ваш бинокль. *(Подает бинокль.)* Анна Степановна *(встает)*. Благодарю, я пойду еще где-нибудь посижу. Пойдем, Кирилло Максимыч, поболтаем. Сысой!

Является Сысой.

Неси за мной кресло.

Уходят: Анна Степановна, Зубарев и Сысой с креслом.

Ашметьев. Ты где была утром, Marie?

Марья Петровна. Я к обедне ездила.

Ашметьев. Вот как! И ты часто ездишь?

Марья Петровна. Каждый праздник. Я теперь выучилась молиться.

Ашметьев. А разве ты прежде не умела?

Марья Петровна. Нет, я умела и прежде, да не так: я теперь хорошо молюсь… Когда у меня горе или мне надо решиться на что-нибудь, я молюсь, Александр, и так мне покойно потом, и так у меня твердо, решительно выходит.

Ашметьев. Прекрасно, Marie, прекрасно! Как это хорошо, кто может. Ну, а песенки ты поешь попрежнему?

Марья Петровна. Нет, теперь редко… А впро-

чем, иногда…

Ашметьев. Пой, Marie, пой для меня! Этого удовольствия уж нигде не встретишь. Какие-то особенные ощущения вызывают твои песни: может быть, они не совсем изящны, но приятны, очень приятны. Я там, далеко, особенно в Италии, часто вспоминаю о твоих песнях, стараюсь припомнить их; но выходит что-то… Аль-ля-ля-ля-ля — совсем не то. Какая прелесть! Когда горе есть, она молится, когда весело — поет. Какая ты хорошая женщина, Marie, как я люблю тебя.

Марья Петровна. Как у тебя холодно это слово «люблю». Мне кажется, ты хочешь сказать мне: «я тобой любуюсь иногда». А любить — ведь это не то, это другое… Вон крестьяне или крестьянки, если любят кого очень, так говорят: «я жалею его». И это правда: кого любишь, так жалеешь.

Ашметьев. «Жалею, жалею», как это хорошо, в самом деле, это надо записать. *(Вынимает книжку и записывает.)* Я отправлюсь купаться, скоро и обедать пора. У нас нынче никто не обедает?

Марья Петровна. Не знаю. Вероятно, Зубарев, а может быть, и Вершинский приедет.

Ашметьев. Очень рад буду. *(Уходит.)*

Явление шестое

Марья Петровна, потом Варя.

Марья Петровна *(всматриваясь).* Кто-то подъехал к парку… или… мимо. Ах, нет, вон бежит… Да это, кажется, Варя.

За сценой голос:

Собирайтесь, девки красны,
Собирайтесь в хоровод!
Скоро день настанет ясный,
Солнце красное взойдет.
Ай, малина! ай, малина!
Да, это она!

За сценой: «Ой ли, ой ли». — Входит Варя в сарафане, голова повязана платочком.

Варя. Ох, жарко! Сгорю, сгорю! *(Снимаете головы платок и обмахивается.)*

Марья Петровна *(целует Варю).* Варюша, милая.

Варя. Здравствуй! Уж я купалась, купалась сегодня утром, а все не помогает. Что это ты такая хорошенькая сегодня?

Марья Петровна. Ну, полно, все такая же.

Варя. Нет, я правду говорю. Если б я была

мужчина, я бы тебя зацеловала. И какая ты нарядная!

Марья Петровна. Да разве ты не знаешь, ведь ко мне муж приехал, Александр Львович.

Варя. Ах, так вот что!

Марья Петровна. Тебе отец не сказывал?

Варя. Нет, он со мною другую неделю не говорит. Да меня и дома дня три не было, я у тети в городе гостила. Так прощай!

Марья Петровна. Нет, нет, ни за что не пущу.

Варя. Нельзя. Видишь, какая я растрепанная. Да я к тебе и так не надолго, меня тут дожидается…

Марья Петровна. Кто?

Варя. Провожатый. *(Смеется.)* Я ямщика наняла.

Марья Петровна. Так отпусти провожатого, ты мне нужна, очень нужна. Я тебя сама отвезу домой вечером.

Варя. Зачем я тебе? Ну, сказывай скорей.

Марья Петровна. После, после, теперь про себя мне говори! Как ты с Вершинским?

Варя. Ах, не говори, видеть его не могу.

Марья Петровна. Поссорились?

Варя. Никакой ссоры.

Марья Петровна. Так что же?

Варя *(хладнокровно)*. Я его возненавидела.

Марья Петровна. Это за что? Каким образом, когда?

Варя. В прошлое воскресенье. Он был у нас целый день, обедал, ну, и ничего.

Марья Петровна. Нравился тебе?

Варя. Не то что нравился, а так себе, не противен.

Марья Петровна. А вечером?

Варя. А вечером возненавидела.

Марья Петровна. Да за что?

Варя. Была у нас помочь, косили большой луг; потом хороводы водили, песни пели, и мы были на лугу. Мне так хорошо, так хорошо, так весело было, подбегаю я к нему: «Хорошо?» спрашиваю. А он сморщил свои губы, ухмыляется, очки свои вздергивает… «Недурно, говорит, однообразно немножко и диковато». Взглянула я на него — чистая птица какая-то: в своем сюртучке, на тоненьких ножках, эти очки… У! Птица! Убежала домой, спряталась, так он и уехал. Отец рассердился.

Марья Петровна. Чем же это кончится, Варя?

Варя. Отдадут меня за него, уговорят. Ведь если б он не жених, так ничего, мужчина как мужчина; а как подумаешь, что такому… А ведь начнут уговаривать — и уговорят, и живи с таким.

Марья Петровна. Велико это слово: уговорят.

Варя. Для нас с тобой очень велико. Ах, как мы глупы!

Марья Петровна. Правда твоя, правда.

Варя. Задумаем мы что-нибудь, и кажется хорошо, и сделать бы так надобно; начнут нас уговаривать, уговаривать — и уговорят. Ах, если б я умела говорить так, как Вертинский! А то сидят, и мы сидим с вытянутыми лицами. Ведь если со стороны посмотреть, скажут — дурочки.

Марья Петровна. Дурочки, Варя.

Варя. А знаешь что? Не надо дожидаться, надо сейчас сделать, пока не успели уговорить.

Марья Петровна. Что сделать?

Варя. А что задумала.

Марья Петровна. А ты разве задумала что?

Варя. Нет еще. А если задумаю что, то непременно сделаю. Ну, говори, зачем я тебе нужна?

Марья Петровна. Вот видишь ли, муж приехал всего пять дней и уж начинает скучать: мы боимся, что он уедет скоро.

Варя. Ну, так что же? Я тут при чем?

Марья Петровна. Он тебя увидит, постарайся заинтересовать его, он скучать и перестанет.

Варя. Ха-ха-ха! И это ты просишь — жена?

Марья Петровна. А что же такое! Мне уж его

любви не возвратить, а ты представь положение матери! Через два, через три года он приезжает и неделю без скуки пробыть не может у ней.

Варя. Что же мне… как с ним?

Марья Петровна. Уж как умеешь.

Варя *(со смехом)*. Со мной еще таких оказий не бывало.

Марья Петровна. Будь такая, как ты есть, вот и все.

Варя. Погоди, дай подумать! *(Задумывается, потом хохочет.)*

Марья Петровна. Чему ты?

Варя. Погоди! Мысль пришла в голову, да не скоро она у меня там поворачивается. *(Подумав.)* Хорошо, так! Теперь обдумала. Мой отец слушается твоего мужа?

Марья Петровна. Сколько я заметила — во всем: Александр — единственный человек, который имеет влияние на твоего упрямого старика.

Варя. А ты ревновать не будешь?

Марья Петровна. Нет, кажется, не буду; во всяком случае не зарежу — ни тебя, ни его; ну, а там, что я буду чувствовать, кому какое дело.

Варя. Ну, хорошо, я у тебя останусь сегодня. Я пойду только лошадь отпущу. *(Убегает.)*

Марья Петровна *(глядя ей вслед)*. Кто же это ее

привез? Разговаривает с кем-то. А!.. Вот кто! Ну, уж никак бы не подумала. Об чем это она с таким жаром толкует? Влезает в тележку… Неужели же она уедет? Или, может быть, хочет передать что-нибудь. Ах, сумасшедшая! Она целует его. Ну, расстались. Вот новости! Или это так, баловство? Ах, сумасшедшая!

Входит Варя.

Послушай, что ты делаешь?

Варя. Ты видела?

Марья Петровна. Все видела. Что это значит, скажи мне, сделай милость! Варя. Ничего не значит и ничего не скажу тебе. И не спрашивай, и чтоб ни слова об этом.

Марья Петровна. Но послушай, Варюшка…

Варя *(зажимая ей рот)*. Ни слова, а то сейчас убегу. *(Прислушиваясь.)* Кто-то идет.

Марья Петровна *(взглянув в сторону)*. Идет Александр и с ним Вершинский.

Варя. Не покажусь ни за что, ни за что, я спрячусь.

Марья Петровна. Ну, хорошо, мы после поймаем Александра Львовича одного.

Обе уходят направо; входят Ашметьев и Вершинский.

Явление седьмое

Ашметьев и Вершинский.

Вершинский. Я к вам с приглашением, Александр Львович. На этой неделе назначен съезд сельских хозяев у Кирилла Максимыча, так мы вас просим приехать.

Ашметьев. Для чего этот съезд?

Вершинский. Для изыскания средств, как увеличить доходность наших имений.

Ашметьев *(со смехом)*. «Для увеличения доходности». Ну, так поверьте мне, что я на этом съезде буду лишний… Креме того, я человек усталый, разбитый и приехал в деревню только за тем, чтоб отдыхать.

Вершинский. Мы вас особенно не затрудним, мы и рассчитывать не смеем, чтобы вы приняли участие в наших работах; мы только ждем от вас советов, указаний. Вы большую часть прожили за границей, видели многое, что там лучше, чем у нас.

Ашметьев. Да, я видел, но только не то, что вам нужно. Я человек дореформенный, я учился за границей только изящно проживать деньги.

Вершинский. Да, в таком случае, конечно…

Ашметьев. Впрочем, не думайте, чтоб была со-

вершенно пуста моя жизнь, или, лучше сказать, наша жизнь, потому что я не один. Мы начинали жизнь горячо, рыцарями; все, что давалось идеализмом и романтизмом, переживали страстно.

Вершинский. Да, то есть вы, в промежутках между романтическими похождениями и приключениями, занимались эстетикой и философией.

Ашметьев. Это отчасти правда: были и увлечения, и просто глупости, и даже грехи.

Вершинский. Вы об себе довольно откровенно выражаетесь.

Ашметьев. К чему же маскироваться, да уж и поздно. Но не одна только философия и эстетика занимали нас; мы сочувствовали и политическому росту народов, и если не участвовали в истории Европы последних лет, то переживали ее довольно болезненно. И я не скажу, чтобы мы были совсем лишние в своем отечестве. Прямой же практической пользы, я признаюсь, от нас мало: мы не деятели. Мы начинали горячо, а теперь кончаем разочарованием. сомнениями и раскаянием. Мы начинали Шиллером, а кончаем Шопенгауэром.

Вершинский. Очень, очень грустно. Вы приезжайте хоть посмотреть на нас, увидите много

оригиналов.

Ашметьев. Постараюсь, постараюсь приехать. Вы так хлопочете о хозяйстве, у вас значительное имение?

Вершинский. Очень незначительное; но это нисколько не мешает изучать хозяйство; притом же у меня в виду невеста с имением, так я даже обязан быть хорошим хозяином.

Ашметьев. Вы женитесь? Любопытно знать, как вы, молодые люди, нынче женитесь.

Вершинский. Точно так же, как и вы, с тою только разницей: мы не так богаты нежными чувствиями. Жизнь коротка, задачи так велики; мы люди, призванные к общественной работе, или, лучше сказать, перестройке, — нам некогда млеть и утопать в личном счастии.

Ашметьев. Значит, вы смотрите на брак…

Вершинский. Как на физиологическую потребность. Вообще женщина с ее нервами, с ее ахами и охами представляется мне существом не очень высоким. Конечно, бывают из них и выродки, но они-то нам и не нужны. И потому-то я задумал жениться на девушке очень обыкновенной, не только без всяких высших вопросов в голове, но даже без образования, чтобы как можно менее тратить моего времени на женщину.

Ашметьев. Значит, вы нисколько не увлечены вашей невестой, нисколько ее не любите? Неужели вы так уж никогда не увлекались, не вздыхали?

Вершинский. Можете ли вы так думать? Я ведь не урод нравственный: будучи гимназистом, и я заплатил дань идеализму.

Ашметьев. Мы не только гимназистами, а и долго после с ума сходили. Вершинский. Вот за это-то мы теперь и платимся; результатом ваших увлечений были: запущенность имений и расстройство сельского хозяйства. Ашметьев. Значит, вы женитесь по расчету?

Вершинский. Не совсем по расчету, но я вам повторяю: класть всю душу в ухаживание за женщиной нам нельзя, наше призвание, наше служение тоже требует увлечения. Поправлять исторические ошибки нелегко.

Ашметьев. Да, конечно. Пойдемте, я вас передам жене; мне нужно отправить письмо на почту.

Вершинский. Не беспокойтесь обо мне, я погуляю по парку, это полезно перед обедом.

Уходят. Входят Марья Петровна и Варя.

Явление восьмое

Марья Петровна, Варя, потом Вершинский.

Марья Петровна. Подожди здесь, я догоню мужа и ворочу его, — мне хочется, чтобы при вашей встрече никого не было посторонних. *(Уходит направо.)*

Варя. Какой он теперь? Чай, постарел. Он меня знал девочкой, ласкал меня, кормил конфетами, целовал. Как он теперь будет со мной? Это любопытно. *(Взглянув налево.)* Ах, вот еще! У! птица противная. *(Хочет итти направо.)*

Входит Вершинский.

Вершинский. Вы бежите от меня, прячетесь?

Варя. Нет, я только… я не ожидала вас встретить. Я так одета… Вершинский. Вздор, вы одеты прекрасно, и очень кокетливо. Скажите, пожалуйста, зачем вы тогда от меня убежали и куда делись?

Варя. Так, взяла да убежала.

Вершинский. Но что же это значит?

Варя. Ничего не значит… убежала, и все тут. Пришло мне в голову: дай убегу, и убежала.

Вершинский *(пожимая плечами)*. Дико, дико… Извините за выражение… но я другого слова не нахожу.

Варя. А дико, так дико. И охота вам с дикими!.. Бросьте!

Вершинский *(берет ее за руки)*. Вы, кажется, рассердились на меня? Рассердились?

Варя. И не думала. На что сердиться? Это правда, я дикая: что в голову придет, то и делаю.

Вершинский. Ну, если вам придет фантазия в воду броситься?

Варя. И брошусь, так и кинусь — и никто не удержит.

Вершинский. Но вы за это можете дорого поплатиться. Надо же думать о последствиях.

Варя. Вот еще думать! Зачем думать? Поплачусь, так поплачусь. Вас плакать не заставлю. Туда мне и дорога.

Вершинский. Вы, кажется, задали себе задачу постоянно бесить меня… Варя *(хохочет)*. Бесить!.. Ха-ха-ха! Бесить! Разве вы беситесь? Пустите меня.

Вершинский *(кусая губы)*. Ну, извините, я хотел сказать — сердить.

Варя. Вот что для меня удивительно: как это я не надоела вам до сих пор. Господи!

Вершинский. Да, это действительно удивительно.

Варя. А вот вы мне… смерть, смерть как на-

доели!

Вершинский. Это мило! Благодарю за откровенность!

Варя. Не стоит благодарности.

Вершинский *(берет ее руку)*. Я все-таки желаю думать, что это у вас детство, глупости; что вы станете, наконец, благоразумнее. Я жду, жду этой минуты и терплю, поймите меня — терплю, следовательно я неравнодушен к вам, я даже страдаю! Но верю, верю, что эта минута придет.

Варя *(вырывая руку)*. Пустите меня!

Вершинский. Мы с вами еще поговорим сегодня.

Варя. Хорошо, хорошо. Вот идет Марья Петровна, оставьте меня; мне с ней поговорить нужно, у нас секреты.

Вершинский. Хорошо, я вас слушаюсь. *(Уходит налево.)*

Варя *(вслед ему)*. Дальше, дальше уходите, еще дальше!

Бежит направо; навстречу ей Ашметьев и Марья Петровна.

Явление девятое

Варя, Ашметьев, Марья Петровна.

Ашметьев *(пораженный)*. Что это?.. Кто это?

Марья Петровна. Ты не узнал ее? Это наша Варя, дочь Кирилла Максимыча. Ашметьев. Вы? Я не нахожу слов… вы очаровательны… да, именно очаровательны… другого ничего сказать нельзя. *(Протягивая руки.)* Ну, как же вас?.. Варвара… Варвара Кирилловна… ведь теперь уж нельзя по-старому… Нельзя ни обходиться с вами по-старому, ни называть вас по-старому.

Марья Петровна. Нет, пожалуйста, и обходись с ней по-старому, и называй ее по-старому: Варей, Варюшкой.

Ашметьев. Вы позволите?

Варя *(потупясь)*. Называйте!

Ашметьев *(Марье Петровне)*. Только с условием, чтоб уж всё по-старому, чтобы я был по-прежнему — милый, хороший, и чтобы она мне говорила «ты».

Марья Петровна. Слышишь, Варя?

Варя. Пожалуй.

Ашметьев. Не узнаю, не узнаю.

Варя. Я только выросла, а я все такая же…

Ашметьев. Да, молодое растет, а старое стареется. Но у старости есть право, есть привилегия, и я ими воспользуюсь. *(Целует Варю.)*

Марья Петровна. Пора обедать; я пойду поищу Анну Степановну, она сегодня что-то загулялась.

(Идет налево. Обернувшись и взглянув на Ашметьева и Варю, пожимает плечами.) Уж растаял. *(Уходит.)*

Явление десятое

Ашметьев и Варя.

Ашметьев. Как расцвела, как пышно расцвела ты! Не нагляжусь, не надивлюсь!

Варя. Да будет!.. Довольно уж хвалить меня! Мне стыдно.

Ашметьев. Ты волшебница! Ты способна зажечь, воспламенить даже и старое сердце… И женихи уж… Да как и не быть… еще бы… такая прелесть!

Варя. И про жениха знаете?

Ашметьев. Знаю и видел.

Варя. Нравится он вам?

Ашметьев. То есть как нравится, собой, что ли?.. Ничего, довольно представителен, молод…

Варя *(надув губки, как бы про себя)*. Очки эти, сюртучок коротенький… Нет, зачем он такой сюртук носит, зачем он такой сюртук носит?

Ашметьев. Не знаю.

Варя. Тоненькие ножки. Губы оттопырит… Какой он, а? Какой он?

Ашметьев. Я не понимаю тебя, что значит:

«какой он?»

Варя. Господи, вот какая глупая! Досадно даже на себя… и спросить не умею… Нет, какой он человек?

Ашметьев. Человек современный, и даже уже слишком современный, энергичный, общественный деятель.

Варя. Да не то, все не то… Вот вы, например…

Ашметьев. «Вы, вы» — а наше условие?

Варя. Да сразу как-то неловко. Ну, да хорошо, — ты, ты… Я ведь помню тебя, как мы гуляли, как катались в лодке… Как я рада, что ты приехал… Ты добрый, милый, милый, а он…

Ашметьев. Что ж он?

Варя. Он — птица.

Ашметьев. Как она мила, как она мила!.. Птица! Это прелестно и очень метко! Птица! *(Смеется.)*

Варя. Вот мне с тобой и легко, и весело, и слушаю я тебя, и верю всему, что ты говоришь; а с ним вот все бы я спорила. И досада мне, что все только молчат да слушают его, никто не может с ним спорить; хоть бы иное что и так, да я бы сказала: не так! Господи! Зачем я такая дурочка, что не могу спорить! Ничего я не знаю: какие это люди есть, что это на свете… Зачем, что, как?

Ашметьев. И дай бог, чтоб ты как можно доль-

ше ничего этого не знала. Узнаешь свет, людей, и исчезнет твоя резвость, твоя веселость! Твое неведение бесценно; это так редко, так ново, им налюбоваться нельзя.

Варя. Так ничего и не знать, ничего не понимать? Да ведь это страшно. Жить, как ночью.

Ашметьев. Не ночь это, не ночь; это весеннее майское утро, полное свежести и блеска.

Варя. Да, хорошо, как ничего не случается такого… особенного, а вот теперь я… вот и ничего не знаю, и понять не могу… Он… что он? Добрый, злой, дурной, хороший? Просто хоть плачь.

Ашметьев. Спроси у сердца своего, оно тебе скажет, оно иногда лучше ума.

Варя. Ну, скажет мне сердце, — да ведь должна же я уметь передать то, что сердце-то говорит.

Ашметьев. Кому?

Варя. Ну, хоть отцу. Он говорит, чтоб я привыкла к Вершинскому, а я чем дальше, тем все больше от него отвыкаю. Ну, что я скажу отцу? Что Вертинский мне не нравится? А он спросит: «чем?» «отчего?» Что же мне сказать? Что Вертинский — птица! Ведь я больше ничего не умею. Отец рассердится, скажет, что я глупа, что я вздор говорю, ну, и… и кончено, и мне итти за Вертинского.

Ашметьев. Нет, зачем же, дитя мое, коли он тебе не нравится. Ты ничего не делай, ни на что не решайся, не спросясь меня. Со мной ты можешь говорить обо всем, нисколько не стыдясь, совершенно откровенно. Ну, что такое я для тебя? Старый друг, старый дядя, я ведь тебе другой отец.

Варя. Отец! *(Смеется.)* Я так тебя и буду звать «папка» — папка! папка! *(Хохочет; нежно.)* Папочка, папка!

Ашметьев. А я — моей дикаркой! Только будь откровенна со мной, все, все, что есть на душе, на сердце, все передавай мне. Какое наслаждение: проникнуть в такую юную, свежую душу! Я буду руководить тебя, оберегать, охранять.

Варя. От кого охранять?

Ашметьев. Ото всех и от всего.

Варя. А если отец обижать будет?

Ашметьев. Я — твой адвокат и защитник и перед отцом.

Варя. Папка, золотой! Вот тебе за это! *(Обнимает и целует.)*

Ашметьев. Какой огонь, какой огонь! Вот счастье! А уж я думал, что для меня нет больше радостей!

Варя. Ну, хорошо, папка, я буду с тобой откро-

венна, да только вот что!.. Я часто и сама не знаю, что со мной бывает, делается что-то, а что такое — не понимаю. Так как же сказать-то?

Ашметьев. Ничего, ты мне только намекни, одно словечко; а я уж пойму, я разберу, я неловок опытный в этом деле.

Входят Анна Степановна и Марья Петровна.

Явление одиннадцатое

Ашметьев, Варя, Анна Степановна, Марья Петровна.

Марья Петровна *(подходя к Ашметьеву)*. Успокой маменьку, она расстроена; она думает, что ты у нас скучаешь и уехать собираешься.

Ашметьев. Что за вздор такой! *(Подходя к матери.)* Тебе показалось, что я скучаю? Нет, нисколько. Да разве я могу скучать подле тебя, моя милая старушка, подле моей Маши? Разве мне не рай с вами? Я прогощу у вас все лето.

Анна Степановна. Ну, вот, благодарю тебя, друг мой! В самом деле, погости у нас! Чего тебе недостает? Мы все за тобой будем ухаживать, будем нежить тебя, на руках носить.

Действие второе

ЛИЦА:
Ашметьев.
Марья Петровна.
Зубарев.
Варя.
Вершинский.
Мальков.
Боев.
Мавра Денисовна.

Комната в доме Зубарева. Направо дверь; в глубине растворенная дверь на террасу, по сторонам ее два окна; мебель старинная, грубой работы.

Явление первое

Входят Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна. Скоро ли этот ваш съезд кончится? Как там шумно.

Варя. Сейчас все разъедутся, останутся только наши милые Боев да Мальков.

Марья Петровна. Что с тобой сделалось? Три Дня мы тебя не видали.

Варя. Ах, не говори! Варенье это противное… пачкайся с ним. Да и отец не пускает! Ходит, ворчит: «Сиди дома»… Жди жениха. А жених пропал, пятый день не является. Только и твердит мой батя: «Все это ваше фырканье, сударыня!» Уж я притихла, молчу.

Марья Петровна. А мы как скучали по тебе.

Варя. Кто «мы»?

Марья Петровна. Будто не знаешь!

Варя. Он?.. твой?

Марья Петровна. Кому же больше!.. Только и разговору: «Как она мила, как она мне нравится». Он просто влюблен в тебя без ума.

Варя *(хватается за голову)*. Ах!

Марья Петровна. Что с тобой?

Варя *(вздыхает)*. Не скажу я тебе, что со мной!

Марья Петровна. Да о чем ты вздыхаешь?

Варя. Решится… сегодня решится.

Марья Петровна. Что решится?

Варя. Так или так… судьба моя решится, Маруся.

Марья Петровна. Что ты задумала?

Варя. Тогда узнаешь.

Марья Петровна. «Судьба решится» — ведь это страшно, ты такая сумасшедшая.

Варя. Ты очень умна! Сама виновата, а меня же

сумасшедшей называешь.

Марья Петровна. Варя, я виновата? Да в чем, в чем? Как! Неужели ты?

Варя. Да что ж я — рыба, что ли! Эх! Ну, пропадать, так пропадать.

Марья Петровна. Ах, Варя, Варя! Я не думала, не ожидала…

Варя. Да не бойся, ничего страшного не будет. Погоди, сюда идут.

Входят Ашметьев, Зубарев, Вертинский, Боев, Мальков.

Явление второе

Варя, Марья Петровна, Ашметьев, Зубарев, Вершинский, Боев, Мальков.

Вершинский. Хороша ваша интеллигенция! Это не съезд, не дебаты цивилизованных людей: это мирская сходка у кабака.

Ашметьев *(Варе тихо)*. Строг!

Варя *(Малькову тихо.)* Поспорьте с ним.

Мальков. Боюсь, — засудит.

Зубарев. А какое равнодушие-то-с к общественным делам, Виктор Васильич, — помилуйте! Им хоть трава не расти! Да вот вам, недалеко ходить, вот соседи наши: Михайло Тарасыч и Дмитрий Андреич! Ни в какую их службу не запряжешь.

Вот Михайло Тарасыч, ученый человек-с, математик, астрономией занимается, третье трехлетие в почетные мировые судьи выбираем, — отказывается.

Боев. Не могу против принципа. У меня принцип — не осуждать никого. Вершинский *(пожимая плечами)*. Не осуждать пьяниц и воров! Странные принципы!

Боев. А как бы вы думали! Да и притом я очень жалостлив. Ну, представьте меня, красну-девку, судьей! Вызывается Глеб Архипов. — Вы Глеб Архипов? — Мы. — Украли вы топор у Егора Афанасьева? — Точно, батюшка, ваше высокоблагородие, Михайло Тарасыч, я его… топор этот взял. Как перед богом, так и перед тобой — все одно. Что уж, ежели… — И заложили в кабаке? — И заложили. — Как же вы это сделали? — Вот что, батюшка, ваше высокоблагородие, господин прокурон! Накануне-то мы праздновали, моленье, значит, у нас; ну, обыкновенно, очнулись на другой день; ну, она, душа-то, и горит… *(Зубареву.)* Скажи на милость, ну, как я его осужу! Ты только подумай, каково человеку, когда у него душа горит!

Зубарев. У тебя все шутки, Михайло Тарасыч; а нам не до шуток. Вот тоже Дмитрий Андреич,

человек образованный, и химию знает, а в гласные не хочет.

Мальков. Да не у чего гласным-то быть.

Вершинский. Как не у чего? Такие важные вопросы.

Мальков. Вопросы-то важные, да денег нет.

Зубарев. Вот Михайло Тарасыч и гласный, да что от него проку, коли он на земские собрания не ездит.

Боев. Ишь, чего захотели! Деньги вам плати по окладным листам да еще на собрания езди. Я не гласный, а согласный! Ведь я плачу деньги, — не спорю с вами, не отказываюсь, кушайте на здоровье! Чего ж вам еще? Вам хочется, чтоб я сам приехал рассуждать с вами, под каким соусом их приготовлять: под соусом ли народного образования, или здравия, или путей сообщения. Да вот кстати — о путях сообщения! Вы дайте прежде возможность приезжать к вам, да потом уж и приглашайте. Вот мы сейчас к вам ехали, так на Берендеевском мосту чуть было жисти своей не решились…

Зубарев. Да ведь и тарантас у тебя! Наполовину его уменьшить, так и то пятерых усадишь.

Боев. И ты тоже в реформаторы лезешь, тарантасы преобразовывать задумал? Нет, уж останься

лучше исполнителем при заготовке лесных материялов да с подрядчиками — оно теплее.

Зубарев. Вон он какой, вон он какой зловредный!

Боев. Нет, уж вы или дороги почините, или сделайте мне на земский счет такой тарантас, в котором бы можно было ездить по вашим дорогам. Да вот кстати об лесных-то матерьялах… *(Ашметъеву.)* Я вам лес сосватал, завтра мы вам деньги привезем.

Ашметьев. Благодарю вас.

Боев. Мне, красной девке, словесной благодарности мало.

Ашметьев. Что же вам?

Боев. Магарыч.

Ашметьев. Какого рода?

Боев. Завтрак хороший.

Ашметьев. С удовольствием.

Мальков. Что бы вам, Александр Львович, ту рощу продать, которая за парком.

Ашметьев. Что вы, помилуйте! Такой старый лес.

Мальков. Молодые-то леса красивее старых.

Ашметьев. Вот странно, в первый раз слышу. Почему же это?

Мальков. Во-первых потому, что все молодое

лучше старого, а во-вторых, в молодых лесах большой прирост, много процентов приростом дают; а старые уж не растут.

Ашметьев. Особенный взгляд на природу, новая теория ландшафта.

Мальков. Ландшафты-то хороши, да убыточны: не по деньгам нам; мы, по глупости, больше со стороны доходности смотрим… Мекаем да по пальцам рассчитываем.

Ашметьев. Как ни смотрите, а прекрасное все-таки останется прекрасным; законы изящного неизменны.

Мальков. Ну, виноват! Вперед не буду. Нет, я к тому, что доходные-то имения прочней!

Боев. Да, они долго хозяев не меняют.

Мальков. А ландшафтами-то любуются, любуются, ан глядишь — и сукцион.

Боев. А с укциону-то купит купец; через полгода, вместо ландшафтов, всё полусажёнки стоят.

Вершинский. Нет, господа, не доросли мы, далеко нам! Где нам общественные вопросы, экономические задачи решать: съедемся об деле говорить, а начнем об ландшафтах. Ведь нельзя ж мне одному все взвалить на плечи! Шилом моря не нагреешь. Ведь если мы хотим себе добра, мы должны всю свою энергию употребить, — нам

придется все вновь, с самого начала начинать. Один мой знакомый говорит, что в России, чтоб завести что-нибудь порядочное, нужно прежде — все урочища, все деревни назвать иначе, хоть по-немецки, а старые названия строго приказать забыть.

Ашметьев. Довольно радикальная мера.

Вершинский. Оригинально — это правда, но тут есть смысл. Чтобы сеять новое, нужно старое вырвать с корнем и сравнять местность. Что такое все эти урочища, все российские обыкновения и обычаи? Стоит ли их жалеть? Они продукт нашей милой старины, а русская старина и невежество — синонимы. А у нас апатия, лень или расчет на наживу, а зачастую и просто враждебное отношение к делу и всяческие тормозы. Один шутит, другой отдыхает.

Ашметьев *(Варе тихо)*. Это на мой счет.

Варя *(Малькову серьезно)*. Что лучше: отдыхать или новое сеять?

Мальков. Отдыхать.

Варя. Почему?

Мальков. Во-первых, покойнее, а во-вторых, меньше глупостей наделаешь.

Боев. Про меня грех сказать, чтоб я никакой пользы не приносил земству. Я составляю ней-

тральную почву; всех я — и отсталых, и передовых — обнимаю и лобызаю, как друзей и братьев. И отсталые и передовые без разбору милы моему сердцу; да нынче и разобрать-то нет никакой возможности, кто отсталый, кто передовой. У меня перевязочный пункт; я после ожесточенных битв врачую их раны наливками и настойками… А вот у меня аптекарь. *(Указывая на Малькова.)* Такие специи знает…

Вертинский. Да, действительно между вами много общего.

Боев. Как вы проницательны! Не только много общего, но полное сходство. Он дело делает с утра до ночи, а я баклуши бью; он наживает, а я проживаю; у него свои деньги в кармане, а у меня чужие; он больше молчит, а я болтаю безумолку; он скоро богат будет, а у меня скоро только один тарантас останется.

Зубарев. Ах, Михайло Тарасыч, все-то тебе весело, и когда-то ты над чем-нибудь задумаешься?

Боев. Сейчас задумывался, душа моя! Денег нет, а нужны дозарезу; хорошо, что твои как раз попались, я и взял.

Зубарев. Какие у меня деньги, откуда! Где ты их нашел?

Боев. Не веришь? *(Вынимает бумажник.)* Вот

смотри: три радужные! Это мое «хрестьянство православное» платит тебе за аренду Кривого луга. Понял? Ты с них очень дорого берешь: ну, вот за это я оставляю деньги у себя, на некоторое неопределенное время; они мне нужны очень. *(Прячет бумажник.)*

Зубарев. Нет, этого нельзя, Михайло Тарасыч, этого нельзя. Отдай, пожалуйста! Мне самому нужно.

Боев. Поди ты! Господа! Вот в какой форме возможно только в наше время заключение займа! Это называется «самопомощь»!

Вершинский *(Зубареву)*. Кирилл Максимыч, на два слова.

Зубарев. К вашим услугам. *(Уходят.)*

Явление третье

Ашметьев, Марья Петровна, Варя, Боев, Мальков.

Варя *(Малькову)*. Что ж вы не спорите с Вертинским? А еще мужчина!

Мальков. Что мне за охота беспокоиться! Себе дороже.

Боев. Да, пожалуй, и не сговоришь.

Мальков. Да и то не сговоришь: они разговаривать-то учились, особенно о высоких предметах.

Варя. А вы чему учились?

Мальков. А мы учились маленькое дело делать.

Варя. Что же лучше: разговаривать о высоких предметах или маленькое дело делать?

Мальков. Разговаривать лучше.

Варя. Почему?

Мальков. Благороднее.

Боев. Да и чище; от купоросного масла — ногти желтеют. *(Малькову.)* А как ты думаешь, не покупаться ли нам с тобой?

Мальков. Пойдем пополощемся малым делом.

Боев. Зима хоть два года продолжайся, я и «ох» не молвлю, а уж летом нет несчастней девушки меня. *(Боев и Мальков уходят.)*

Марья Петровна. Варя, пойдем гулять! *(Берет мужа за руку.)*

Варя. Мне надо подождать отца. Идите, я после. *(Ашметьев и Марья Петровна уходят. Варя подбегает к двери и прислушивается.)* Идут, идут! Ну, была не была!

Входят Вершинский и Зубарев.

Явление четвертое

Варя, Вершинский и Зубарев.

Зубарев. Так соскучилась, так соскучилась,

Виктор Васильич, не поверите! Три дня не изволили быть; мы думаем, уж не гневаетесь ли за что на нас.

Вершинский. Что вы, помилуйте! За что мне гневаться, какое право я имею?

Зубарев *(указывая на Варю)*. Вот-с, очень желала вас видеть.

Вершинский. Значит — к лучшему, что я не был: явилось желание видеть меня. Это всегда так бывает.

Зубарев. Вы ее хорошенько, Виктор Васильич, коли она в чем провинилась. А она должна понимать и чувствовать, благодарить должна за внимание. *(Варе.)* А ты ребячество-то в сторону! Конечно, тебе, по необразованию твоему, прощают, а уж пора и поумней быть! *(Вертинскому.)* А я на луг сбегаю: косят под самым домом. *(Уходит.)*

Явление пятое

Вертинский и Варя.

Вертинский. Вы обо мне соскучились?

Варя. Не очень.

Вертинский. Однако хотели меня видеть?

Варя. Да, хотела.

Вертинский. Значит, вы имеете что-нибудь сказать мне?

Варя. Да.

Вертинский. Я жду, давно жду и, признаюсь, мне это ожидание порядочно надоело; выходит что-то глупое в моем положении.

Варя. Ну, вот теперь это положение кончится. Я хотела сказать, что я не пойду за вас.

Вертинский *(отшатнувшись, изменившимся голосом)*. Как вы сказали?

Варя. Так: «Не пойду за вас».

Вертинский *(подумав)*. Гм! Что же вы медлили, чего вы дожидались, чтоб сообщить мне такую приятную новость?

Варя. Думала.

Вертинский. Думала, ого! Интересно бы знать тот умственный процесс, который вы принимаете за думанье.

Варя *(обидясь, сквозь слезы)*. Нет, я думала, много думала.

Вертинский. Мне кажется, что барышни в таких случаях жизни всего меньше думают, а только верят в какую-то судьбу, которая где-то написана.

Варя *(с сердцем)*. А я вот думала.

Вертинский. И что же вы думали? Любопытно.

Варя. Я нашла, что я очень проста и глупа… не гожусь вам.

Вертинский. Такое сознание делает вам честь, но я, в свою очередь, подумал именно об этом еще прежде вас. И странно было бы мне не подумать! Вам в ваших недостатках признаваться незачем, — они не тайна для меня. Если я взглянул на них, может быть, слишком снисходительно, так уж это мой проигрыш.

Варя. Я не хочу ни проигрыша, ни выигрыша, я не хочу никакой игры; я хочу жить… Я не хочу снисхождения… *(Сквозь слезы.)* Мне обидно… Я думаю, что я найду у людей другое что-нибудь, а не снисхождение… Слышите! Вот я о чем думала.

Вершинский. Не ожидал, не ожидал… Это делает вам честь.

Варя. И вот что! Я вас буду просить — пожалуйста, сделайте, пожалуйста, так, что будто вы сами отказались от меня. Так будет лучше и вам, и мне! Мало ли что… я глупа, без образования, деревенщина; я капризная; а вы… вы совсем другое.

Вершинский. Мне все равно; да мне кажется, что дело еще не получило огласки и не стоит заботиться об этих тонкостях!

Варя. Нет, все-таки… а главное, мой отец: он будет сердиться на меня, что я отказалась от такой, как это говорят-то? *(Старается припомнить.)* Да… от такой блестящей партии.

Вершинский. Блеску тут никакого нет. А если вам угодно, извольте. Я собирался в Петербург, я только ускорю мой отъезд и пробуду там месяца два, а потом вернусь сюда просто вашим знакомым, искренно желающим вам всего лучшего…

Варя. Отлично.

Вершинский. Помилуйте, что тут…

Варя *(подает ему руку)*. Благодарю! Ей-богу, благодарю от души… Вы не подумайте. *(Уходит.)*

Вершинский. Каково, а! Не ожидал, вот уж не ожидал. Она — думала! У ней является что-то похожее на мысль и на чувство собственного достоинства… она приходит к заключениям, к выводам. Хм! Эта дикая деревенская девочка… непонятно! Нет, быть не может, тут постороннее влияние, непременно. Уж не он ли? Не этот ли старый поэт, этот кающийся идеалист и отдыхающий грешник… Он, как видно, намеревается отдыхать с комфортом и каяться не вдруг; а все-таки я взбешен… Главное, совершенно неожиданно. И с внешней стороны она мила очень, и огня много. Фу ты, подлость какая!.. Мне отказ, и от кого же! Я уеду лучше. *(Уходит в дверь.)*

Варя входит с террасы.

Варя. Ушел… *(Отворяет дверь в другую комнату.)* И там нет… Да вон он уехал… Отлично!

Какой умник!

Входит с террасы Ашметьев.

Явление шестов

Варя, Ашметьев.

Варя. Папка, откуда ты?

Ашметьев. Все на лугу, я к тебе, моя милая дикарка! Им там весело, а мне скучно без тебя; да по дороге встретился с твоим отцом, он просил меня вразумить тебя насчет жениха.

Варя. Поздно, уж все кончено.

Ашметьев *(взволнованным голосом)*. Что же?

Варя. Я иду за него. Что ты так смотришь? Ты испугался?

Ашметьев. Нет, только… непонятно мне.

Варя. Тебе жаль меня, папка?

Ашметьев. Мне трудно поверить, это что-то не так, тут есть что-то невероятное.

Варя. Так ты меня любишь?

Ашметьев. Да, признаюсь, мне было бы жаль так скоро расстаться с тобой!

Варя. Золотой, золотой мой папка!

Ашметьев. Да что же, что же? Говори!

Варя. Поздравь меня, я теперь ничья, я своя; что хочу, то с собой и делаю; а то мне все представлялось, что я чужая, точно связанная, точно камень

на шее был. Я ему прямо: «Я такая дурочка, я, мол, не гожа для вашей милости».

Ашметьев. Как это мило: «Не гожа для вашей милости». Действительно, не гожа; да и он для тебя не гож.

Варя. Ты доволен, папка?

Ашметьев. Я доволен за тебя; он не живой человек, у него никакого чутья, он не способен оценить такое сокровище, как ты, моя дикарка.

Варя. Как это нехорошо, тяжело быть чужой; вот я теперь, как птичка, — кажется, выше облака залетела бы.

Ашметьев. Ну, это высоко очень: садись-ка ты, птичка, со мной, щебечи мне о своих золотых снах, о своих мечтах и грезах девичьих.

Варя *(садясь)*. Я снов почти не вижу, я коли усну, так сплю крепко и просыпаюсь веселая; а иногда бессонница, сердце бьется; я оденусь да в сад уйду… Что со мной случилось!.. Я никогда не плачу, всегда весела; а ночью в саду вдруг один раз как зарыдаю… с чего — сама не знаю…

Ашметьев. Это внутренний огонек: он теплится, теплится тихо, да вдруг и вспыхнет, и вскипятит всю кровь, и брызнут слезы. Только ты этих слез не бойся; это не слезы даже, а гроза весенняя, жемчужные брызги, золотой дождь.

Варя *(прилегая к плечу)*. Папка, а ведь хороша жизнь? Много в ней радости и веселья?

Ашметьев. Для тебя хороша; все радости, все наслаждения — только умей пользоваться, брать то, что нужно. А для меня уж все сладкое кончено, остается горькое, остается расплата с старыми долгами.

Варя. Ну, что это! Зачем такие слова говоришь! Ты со мной, ведь ты со мной, папка. Посмотри, как все хорошо: солнце светит… сад… луг… Вон посмотри — сено косят, парни с девками играют… вон один погнался за девушкой… догоняет, ай, ай! Схватил *(смеется)*, как целует! Ну, разве не хорошо это, папка, а? Хорошо ведь?

Ашметьев. Да, хорошо… Какой воздух из саду, как легко дышится, я давно не чувствовал такой отрады… и с тобой, милая дикарка.

Варя. Ты ведь, папка, только притворяешься, а ты совсем не старик: ты хитрый! «Я старичок, старичок», да и подыгрался; а сам еще молод… Ну, что ж… мне так лучше.

Ашметьев. То есть с молодым лучше?

Варя. Не с молодым, а вот с таким, как ты, с тобой мне лучше.

Ашметьев. Да, вот теперь, в эту минуту, я не старик, я молод, мне даже страшно, что я молод.

Варя. Да нет, зачем, отчего страшно? Нет, отлично! Я рада, я очень рада!

Ашметьев *(с волненьем)*. «Очень рада, очень рада». Да понимаешь ли ты, что говоришь? Я могу забыться… Для меня на свете теперь нет ничего, только ты одна… одна ты.

На террасе показывается Марья Петровна.

Варя. Ах, как хорошо это, как хорошо! Вот оно, я никогда еще… Ах, как хорошо!

Ашметьев *(страстно обнимая Варю и осыпая поцелуями)*. Варя, дикарка, бесенок! *(Освобождаясь.)* Уйди, уйди скорей от меня!

Варя. Нет, я не пойду от тебя; чего мне бояться, мне так хорошо с тобой, отлично! *(Испуганно.)* Папка, что ты? Как ты побледнел! Что это?

Ашметьев. У меня закружилась голова; я пойду, я пройдусь по саду.

Варя. Ах, а я сама-то вся горю, и сердце… ах, как бьется! Я сейчас велю подать тебе воды.

Ашметьев. Нет, я сам пойду спрошу. Иди туда, к гостям… я догоню…

Варя *(уходя)*. Приходи скорей, папка!

Ашметьев. Что это? Или внезапный прилив сильного чувства, или года сказываются! И как я изнемог, я едва стою на ногах. *(Уходит в дверь направо.)*

Входит с террасы Марья Петровна.

Явление седьмое

Марья Петровна, потом Мавра Денисовна.

Марья Петровна *(садится у стола и опускает голову на руку).* Что это, как женщина-то нехороша! Ну что мне в нем? А внутри закипело, не успокоюсь никак. Ломаешь, ломаешь себя; думаешь, как бы умнее жить да покойнее, а все не выломаешь… Сколько дряни в душе у человека от природы-то! А все оттого, что ничего не делаешь, так живешь, точно в шутку, негде душе выправиться-то… Все лжешь, вот и душа-то фальшивит. Ну, какая я любовница, а ревную; ну, какая я жена, а женой числюсь; ну, какая я барыня, а живу в палатах.

Входит Мавра Денисовна.

Мавра Денисовна, поди-ка сядь со мной.

Мавра Денисовна. Что, матушка, угодно?

Марья Петровна. Присядь, присядь! Мне хочется поговорить с тобой: больно люблю я ваш разговор.

Мавра Денисовна. Какой наш разговор, самый дурацкий.

Марья Петровна. Вот такого-то мне и нужно; умного-то уж я много наслушалась.

Мавра Денисовна. Какого ж вам, матушка, от меня разговору нужно?

Марья Петровна. Знаешь ты, что такое ревность?

Мавра Денисовна. Что вы, матушка! Бог с вами! Да пропадай она пропадом.

Марья Петровна. Да не пропадает, Мавра Денисовна, не пропадает. Вот я с мужем и врозь живу, а все-таки ревную.

Мавра Денисовна. Хоть и врозь, а все-таки в законе… Да ужли что-нибудь… Кажись, барин степенный…

Марья Петровна. Конечно, не серьезно; а вот увидела, что он вашу Варю очень ласкает, ну и защемило сердце.

Мавра Денисовна. Ах, вертушка, ах, вертушка! Зародится ж этакая озорница!

Марья Петровна. Вертушка-то еще молода очень, ей простительно, а тому, кто в законе-то живет, — пятьдесят лет.

Мавра Денисовна. С мужчины взыску нет, они несудимые, уж это ты извини. Мужчина, он все одно как конь на воле: кто его обуздать может? А почему они так воюют? Потому, что слабо живем. Кабы наша сестра себя наблюдала, так им бы повадки-то и не было. А распустишь себя, так уж

нечего… он конь.

Марья Петровна. Да неужели ты никогда не ревновала?

Мавра Денисовна. Да когда ревновать-то было? Я и замужем-то жила без году неделю.

Марья Петровна. Ну, а если б случилось?

Мавра Денисовна. Убила б до смерти, так бы и расказнила на части.

Марья Петровна. А коли сила не возьмет?

Мавра Денисовна. Так меня убей! Коли бы уж очень я любила мужа-то.

Марья Петровна. А коли не очень?

Мавра Денисовна. Так плюнула бы. А то неужто ж мне, ни в чем-то не повинной, да за чужие грехи, за чужие глупости, себя мучить! Как же, была оказия! Плюнула бы, да и все тут.

Марья Петровна. Вот спасибо; только мне от тебя и нужно было.

Мавра Денисовна. Ну, уж, матушка, не взыщите, говорим не по-ученому, а что в голову придет, то и болтаем.

Марья Петровна. Я поеду домой. Скажи мужу, что я уехала.

Мавра Денисовна. Хорошо, матушка. *(Уходит.)*

Входит Варя.

Явление восьмое

Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна. Прощай, Варя, я поеду домой!

Варя. Что с тобой? Тебе нездоровится?

Марья Петровна. Нет, так, — немножко будто озябла: это пройдет.

Варя. Останься, Маруся; мы сейчас едем в рощу чай пить, — все едем; мне так весело, так весело.

Марья Петровна. Ты давеча не то говорила, давно ли тебе весело стало?

Варя. Недавно. Теперь уж все кончено, — я отказала Вершинскому.

Марья Петровна. Вот как?

Варя. Моя судьба решилась, — теперь я ничья…

Марья Петровна. Ну, и моя скоро решится. Прощай!

Варя. Я провожу тебя.

Уходят. Входит Ашметьев.

Явление девятое

Ашметьев, потом Варя.

Ашметьев. Счастливая, неожиданно счастли-

вая встреча! Опять счастье манит меня… Неужели бежать от него или разыграть моралиста? Нет, уж это будет очень пошло. Да она и не послушает моей морали, — она оскорбится, расплачется и бросится к другому. Много на моей душе таких… погрешностей, так уж одна-то куда ни шла! Глупо отступать… всегда глупо, а особенно теперь, когда мне предстоит, вероятно, последняя и уж, наверное, самая приятная шалость в моей жизни.

Вбегает Варя.

Варя. Маруся уехала, а тебя не пущу, — до ночи не пущу, до утра не пущу. Мы сейчас все едем в рощу чай пить. Едем, папка!

Ашметьев. Едем, едем! *(Берет ее за руку.)*

Варя. Вот как сжал! Ой, какая у тебя сила-то! А говоришь — старик. Эх, папка! Обманщик! Я нынче так весела, так весела… так весела… я не знала прежде, а теперь знаю, что такое радость.

Ашметьев. А что ж такое радость?

Варя. Ты хочешь, чтоб я сказала? Изволь, скажу. Когда одна, так нет радости; а когда двое, как мы с тобой, вот так *(обвивая руками шею Ашметьева и прилегая к нему на грудь)* — вот и радость. Так ведь, папка?

Ашметьев *(изнемогая от чувств)*. Так, так, Варя, так.

Варя. Папка, давай поживем сегодня! Чтоб не думать ни о чем, чтоб никакой мысли! Как будто на всем свете только ты да я. *(Теребит Ашметьева.)* Да ну, папка! Так, так, папка?

Ашметьев. Так, так.

Варя. Едем!

Уходят.

Действие третье

ЛИЦА:
Ашметьев.
Зубарев.
Варя.
Мальков.
Боев.
Мавра Денисовна.

Запущенный старый сад в усадьбе Зубарева. Площадка, на ней кругом несколько старых скамеек, в глубине — аллея. Ночь, полная луна.

Явление первое

Мавра Денисовна, потом Варя.

Мавра Денисовна *(громко)*. Варвара Кирилловна, Варя, Варенька, Варвара Кирилловна!

Варя *(входя)*. Ну, что тебе? Что ты?

Мавра Денисовна. Где ты пропадаешь? Гостей одних оставила.

Варя. Да я сейчас с ними была; мы только что вернулись из лесу, с прогулки.

Мавра Денисовна. Знаю, что приехала, да нешто гостей бросают? Какая ж ты хозяйка после этого!

Варя. Я мечтаю.

Мавра Денисовна. Какая такая еще мечта у тебя? Мечта-то грех, от мечты-то люди открещиваются; а ты, стыда на тебя нет, ночью в сад уходишь — мечты свои разводить. Папенька-то вон сердится.

Варя. За что еще?

Мавра Денисовна. Так уж и не за что? Во всем ты правая. Отчего Марья-то Петровна уехала?

Варя. Не совсем здорова.

Мавра Денисовна. Да, как же! Дуришь, дуришь, да уж и повесничать начала. На-ка! Вешается на шею женатому! У!! Повеса, право повеса!

Варя *(строго)*. Что ты сказала?

Мавра Денисовна. Да чего тут «сказала»?! Хорошего-то немного. Аль, по-твоему, хорошо?

Варя. Нет, что ты сказала?

Мавра Денисовна. «Что сказала, что сказала?»

Сама напроказит, да к людям придирается.

Варя. Нет, что ты сказала?

Мавра Денисовна. Повеса, говорю, вот что сказала.

Варя. Что это за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Какую женщину бесподобную ты огорчаешь! Ты подумала бы прежде.

Варя. Нет, что за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Что ты против нее? Ничего, вот что.

Варя. Нет, ты говори, что за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Слово как слово. Что пристала?

Варя. Бранное это слово.

Мавра Денисовна. Так неужто ж хорошее? Обыкновенно, бранное.

Варя. Как же ты смеешь браниться?..

Мавра Денисовна. Не за дело, что ли? По головке тебя, что ли, гладить?

Варя. Нет, как ты смеешь браниться?

Мавра Денисовна. С тобой и говорить-то свяжешься, так жизни не рад будешь.

Варя. Нет, как ты смеешь браниться?

Мавра Денисовна. Кому ж и бранить-то тебя, как не мне, — я тебя вынянчила, вырастила…

Варя. Что ты меня манной кашей кормила да

пальцем мне рот утирала, так и думаешь, что вырастила.

Мавра Денисовна. А то кто же?

Варя. Ты воображаешь, что от твоей каши такая выросла?

Мавра Денисовна. А что ж, каша! Ты не брезгай! И каша — божий дар!

Варя. Меня природа вырастила.

Мавра Денисовна. Да какая такая твоя природа, чтоб тебе повесничать? Что ты — цыганка полевая, что ли? Не от цыган родилась, а от благородных родителев: папенька твой и маменька-покойница были дворяне как следует.

Варя. Погоди, погоди, еще заплачешь обо мне.

Мавра Денисовна. Да уж не раз плакала и об тебе, и от тебя — не редкость мне.

Варя. Еще не так заплачешь.

Мавра Денисовна. Что об тебе плакать-то? В солдаты тебя не возьмут.

Варя. Заплачешь, заплачешь.

Мавра Денисовна. А хоть и замуж отдадут, так, авось, не за тридевять земель, а здесь где-нибудь, по соседству.

Варя. Ух! Улечу далеко, далеко!

Мавра Денисовна. Ну, еще когда-то улетишь, а теперь ступай, папенька ищет, сердится.

Варя. За границу, в Париж, с Александр Львовичем.

Мавра Денисовна. С женатым-то? Ах, озорница, ах, озорница! Что это, батюшки, ни силы, ни власти нет над тобой. Да вот сам к тебе идет. Что уж мне тут! Я и руки врозь! Ну тебя! *(Уходит.)*

Входит Зубарев с письмом в руке.

Явление второе

Варя и Зубарев.

Зубарев *(потрясая письмом)*. Вот оно-с, вот оно-с, дождались, дофыркались! Вот, сударыня, и радуйтесь.

Варя. Да что такое?

Зубарев. Письмо от Виктора Васильича, письмо! Вот как громом, как громом! Пишет: уезжаю в Петербург на два месяца, а может быть, и более, и желаю всего лучшего Варваре Кирилловне. Вот-с, получайте! Довольны вы?

Варя. Я его не гнала.

Зубарев. «Не гнала»! А я вам скажу, я вам все объясню, сударыня: все это ваше фырканье.

Варя. Да что такое фырканье? Я не знаю, я не фыркаю.

Зубарев. Нос кверху да ехидство — вот и фырканье! Отчего он три дня не был у нас, а сегодня

повернулся, да и след простыл, почти не простясь уехал? Скажите мне, что это значит?

Варя. Почем же я знаю.

Зубарев. Ехидничать изволите. Уж я вас вызнал хорошо: как вы этакой невинностью, таким херувимчиком — уж это значит, в голове у вас непременно какое-нибудь ехидство. Уж и тут было… было, — так, без причины, он бы не уехал.

Варя. Я не знаю, я всегда одна и та же. Не могу же я чего-то показывать из себя, чего у меня нет.

Зубарев. «Не могу, не могу»! Что это такое: «не могу»? Позвольте вас спросить! Отчего ж ваш отец, все может, все несет, все глотает! Кланяется, гнется, ломается на все лады и манеры! Ну да, конечно, вам как возможно… Вы принцесса… ассирийская! Вот и дофыркались!

Варя. Что ж! Так, значит, тому и быть.

Зубарев. «Так и быть» — а! «Так и быть»! Как разговаривает! Все, все погибло, а она: «так и быть»! Как чашечку чайку не очень сладко выкушать изволила, а другую, дескать, послаще можно.

Варя. Что ж, если б и вышла за него, да без любви, так какая это жизнь? Зубарев. Любовь, любовь! Какая там еще любовь! Вышла замуж, вот тебе и любовь. Откуда тебе любовь знать?

Варя. Кто ж ее не знает? Да я и в книгах читала.

Зубарев. Да ведь книжки-то для увеселения пишутся; почитал, да и бросил. Не по книгам живут, а по наставлениям родительским. А от вас велико утешение! Вот и плачь отец-то!

Варя. Зачем же плакать?

Зубарев. С вами не то что заплачешь, а заревешь, белугой заревешь, сударыня. Нет, уж теперь, как найду жениха, так и выдам без разговору; а не то, так крашенинный сарафанчик да на скотный двор — за коровами ходить не угодно ли, принцесса… ассирийская… Поди похлопочи об ужине; гости в карты играют, сейчас кончат.

Варя уходит.

Дофыркались! Что ушло-то, что рухнуло-то! А тут еще крестьянишки чужие в мой луг закосились и сено увезли, — теперь ищи с них! Там потрава — овес потравили; Боев деньги взял, просто отнял: когда с него их выцарапаешь! Беда за бедой…

Входит Боев.

Явление третье

Зубарев и Боев.

Боев. Ты вот где! Что ты тут философствуешь?

Пойдем в карты играть! Александр Львович сыграл пульку, да больше не хочет; меня, краснудевку, обыграли. Пойдем; уж так и быть, проиграю и тебе, жиле, рублей пятнадцать в рамсик.

Зубарев. Да не пятнадцать, ты, сделай милость, мне триста отдай сегодня, крайне нужны.

Боев. Отстань! Какие триста? Я уж и забыл. А ты неужто все помнишь еще?

Зубарев. Помилуй, помилуй, при свидетелях… так взял.

Боев. То есть без расписки? Так ты боишься забыть, что ли? Ты запиши у себя где-нибудь для памяти. А ты вот что, ты мне еще рублей пятьсот приготовь, я к тебе завтра заеду.

Зубарев. Да что за шутки! У тебя все глупости на уме! Я так расстроен, а ты тут с деньгами… Отдай, убедительно тебя прошу… Сено украли, овес потравили… с дочерью все ссорюсь…

Боев. А ты, чтоб не ссориться с дочерью, отдай ее замуж поскорей!

Зубарев. За кого, за кого? Было, да сплыло.

Боев. Чем далеко ходить, отдавай за Малькова.

Зубарев. Не за тебя ли уж лучше! Эк вывез!

Боев. Как знаешь.

Зубарев. Да рассуди, рассуди милостиво, Михайло Тарасыч! У ней от матери есть приданое,

так надо такого, такого человека, чтоб и отцу была польза, чтоб он значил что-нибудь в губернии. От вас с Мальковым какой прок! На неутральной-то почве немного высидишь.

Боев. Уж это твои расчеты; а только ты не зевай, а то плохо дело! Я нынче на нее в роще-то посматривал: глазки горят, щеки пылают, в голосе воркованье какое-то… Ну, шабаш, приметы известные.

Зубарев. Влюблена? А? Влюблена?

Боев. Без ума, без памяти.

Зубарев. Ну, так и есть. Вот оно… вот оно… вот отчего фырканье! Так и есть, так и есть. А в кого, в кого? Отец родной, говори!

Боев. Соберись с умом и рассуждай таким образом: нас, кавалеров, перед ней трое: Ашметьев, я, красна-девка, и Мальков. Ашметьев ей в дедушки годится; я тоже на горячую любовь со стороны девственных сердец шансов немного имею; остается третий. Теперь призовем на помощь логику! Если она влюблена в кого-нибудь из трех, но ни в первого, ни во второго, значит…

Зубарев. В третьего.

Боев. Верно. Решили, слава богу; теперь пойдем в рамсик.

Зубарев. Я голову потерял, я несчастнейший че-

ловек! Всё на меня вдруг, всё вдруг: сено украли, овес потравили… Ступай! Я сейчас. Вон Александр Львович. Я с ним только два словечка, я сейчас.

Боев уходит, входит Ашметьев.

Явление четвертое

Зубарев и Ашметьев.

Зубарев. Александр Львович, письмо-с, письмо-с.

Ашметьев. Какое письмо?

Зубарев. В Петербург уезжает-с.

Ашметьев. Да кто?

Зубарев. Виктор Васильич-с. Помилуйте, такой администратор! Дофыркались!

Ашметьев. Так вот что!

Зубарев. Помилуйте, помилуйте, какой человек-то! Сила, ум, быстрота, сообразительность… А она что? В лесу родилась, с пнями выросла…

Ашметьев. Ну, что ж! Не один Вершинский на свете!

Зубарев. А тут сено под носом воруют, потрава…

Ашметьев. Какая потрава?

Зубарев. Разоренье-с, разоренье сущее: так полдесятины ярового лоском и положили… курице взять нечего…

Ашметьев. Сочувствую вам, весьма сочувствую.

Зубарев. Истинно жалок, истинно жалок-с: что в руках-то было, какие мечты были! И все ушло… А тут еще… скажите на милость: ведь Михайло Тарасыч денег не отдает.

Ашметьев. Каких денег?

Зубарев. Мои триста рублей; в вашем присутствии… за луг-то мне следовало. Поговорите, Александр Львович: может, он вас посовестится; мне крайне нужны-с. Не поверите, Александр Львович, голова кругом. Тут хозяйство, убытки, нужда, там — эти огорчения. Побежишь туда, сунешься сюда, как оглашенный… Ну, собака гончая, и та, помилуйте… А ведь уж лета мои…

Ашметьев. Да вы об чем же собственно?

Зубарев *(разводя руками)*. Влюблена!

Ашметьев. Теперь уж ничего не пойму. Кто, в кого?

Зубарев. Мне сначала-то и невдомек, а потом уж и сам вижу. Будьте отцом-благодетелем.

Ашметьев. Да в кого, кто?

Зубарев. Дочь моя, дочь-с… Помилуйте, посторонние стали замечать… Да в кого!.. в Малькова-с!.. А Боев уж сватать готов. Слезно вас прошу, как отец.

Ашметьев. Да я-то тут что же могу?

Зубарев. Внушите! Она вас слушает, она вас уважает… внушите ей, чтоб она оставила эти глупости; почтение, послушание к отцу втолкуйте ей… в пустую-то голову!

Ашметьев. Хорошо, постараюсь.

Зубарев. Сейчас ее пришлю к вам… Уж вы извините, что беспокою вас такими глупостями… Плохой я отец, несчастный отец, сам вижу. *(Уходит.)*

Явление пятое

Ашметьев (один).

Ашметьев. Нет, это вздор! Не может быть… Она меня обманывать не станет. А как меня кольнуло… Неужели опять серьезное увлечение? Опять муки ревности? Да… кажется, что так… У меня соперник, здесь… Нет, это невозможно… А если?.. Я не отдам ее… я убью… застрелю его…

Входит Варя.

Явление шестое

Ашметьев и Варя.

Варя. Папка, ты здесь?

Ашметьев. Здесь.

Варя. Ты гуляешь?

Ашметьев. Тебя жду, Варя.

Варя. Ах, милый папка! Я сама так и рвалась к тебе.

Ашметьев. Я просил тебя, Варя, быть откровенной со мной, говорить мне всё, что ты думаешь и чувствуешь.

Варя. Я и так говорю.

Ашметьев. Да все ли?

Варя. Всё, папка, всё.

Ашметьев. Ты от меня ничего не скрываешь?

Варя. Я не знаю… нет, я ничего не скрываю.

Ашметьев. Тебе, кроме меня, никто из мужчин не нравится, то есть особенного расположения ты ни к кому не имела и не имеешь?

Варя *(потупясь)*. Я не знаю… нет… кто же? Я ничего не чувствую.

Ашметьев. Ну, Мальков например.

Варя. Ах, папка, ты ревнуешь. Как я рада! Как весело!

Ашметьев. Отчего же тебе весело?

Варя. Да как же, папка! Кто ж меня здесь за человека считает! Ну, и сама я думала, что я просто девочка, которую одни по доброте ласкают, гладят по головке, как ребенка, а другие бранят да уму разуму учат, как отец да Вершинский. А

теперь меня ревнуют, как настоящую женщину, да еще кто ревнует-то — папка! Ну, как же не весело.

Ашметьев. Это нисколько не весело, по крайней мере — мне. Но ты не отвечаешь на мой вопрос. Мальков тебе нравится?

Варя. Ничего, что ж, он человек хороший.

Ашметьев. Хороший?

Варя. Очень хороший.

Ашметьев. А если б он за тебя посватался?

Варя. Ну, что ж за беда.

Ашметьев. И ты бы пошла за него?

Варя. Не знаю. Как ты скажешь, папка?

Ашметьев. И ты меня послушаешь?

Варя. Послушаю.

Ашметьев. Так я тебе скажу, что вообще тебе еще рано выходить замуж; а если уж выходить, так никак не за него, никак не за него.

Варя. Отчего же?

Ашметьев. Он не только любить тебя, он даже оценить тебя не может.

Варя. Да отчего же?

Ашметьев *(горячо)*. Он грубый материалист, человек бесчувственный.

Варя. Нет, он добрый человек.

Ашметьев. Вот ты споришь! Ты не знаешь

жизни, не знаешь людей и споришь с человеком опытным. *(Ходит в волнении взад и вперед.)* Значит, ты действительно к нему неравнодушна?

Варя. Да он, папка, добрый.

Ашметьев *(подходя к ней)*. Друг мой, дитя мое, они притворяются, они нарочно притворяются добрыми, особенно перед простым народом, чтоб об них хорошо говорили, а в душе у них, о! Один расчет, один расчет.

Варя. Нет, он не притворяется, он хороший человек.

Ашметьев. Они грязные люди, и физически, и нравственно.

Варя. Ай, папка, что ты говоришь!

Ашметьев. Он ужасный человек, он развратит твою душу, он погубит в ней все благородное, все возвышенное, все святое.

Варя. Напрасно, папка, напрасно, он отличный человек.

Ашметьев. Так ты его любишь? Так бы ты и говорила, я бы не стал и толковать. Зачем говорить правду про любимого человека, зачем огорчать тебя! Я бы тебе лгал, я бы хвалил его.

Варя. Ах, папка, да я тебе верю, во всем верю; мне хотелось тебя помучить. Я вижу, что ты ревнуешь, вот я нарочно и говорю напротив.

Ашметьев. В таком случае извини, что я усомнился в твоей искренности. Ты мне так дорога, я так берегу, жалею тебя, что одна мысль расстаться с тобой навела на меня ужас. Я, может быть, несколько даже преувеличил недостатки Малькова, может быть он действительно не совсем дурной человек; но он не для тебя, не для тебя, прелестное дитя!

Варя. Я тебя послушаюсь; если он посватается, я прямо, наотрез скажу, что не пойду за него!

Ашметьев. Оставайся как можно дольше такой дикаркой! Жен, матерей, экономок много, а ты, милая дикарка, ты редкость, ты дивное создание, счастливая случайность в будничной жизни. Но надобно иметь очень чуткую душу и тонкие нервы, чтоб уметь понять тебя и наслаждаться тобой.

Варя *(обнимая Ашметьева)*. Ах, папка, милый папка!

Ашметьев. Мне страшно представить, что ты окунешься в прозу жизни, в это болото, которое опошляет и грязнит… Хороша бабочка, когда она порхает с цветка на цветок, а возьми ее в руки, изомни — куда денется ее красота. Варя, дикарка! Ты так мила, так очаровательна своей прелестью. Мне страшно подумать, что с тебя облетят и золо-

тые блестки, и жемчужная пыль.

Варя. Я при первой встрече скажу ему, чтоб он не смел и думать. Да погоди, он в саду; поди в аллею, я сейчас с ним поговорю. Ты будешь доволен мной, золотой мой папка.

Ашметьев уходит в аллею. Выходит Мальков.

Явление седьмое

Варя и Мальков.

Мальков. Варвара Кирилловна, поди-ка сюда на минутку.

Варя. Что вам угодно?

Мальков. Учтивости пошли? Ну, ладно, будем по-учтивому разговаривать. Вершинский в Петербург уезжает?

Варя. Да, уезжает.

Мальков. Не солоно хлебал… Это не вредно.

Варя. Я сказала ему, что он мне не нравится.

Мальков. Чему тут нравиться! Мамай какой-то! Беспардонный совсем: сечет, и рубит, и в полон берет. Ну, как же теперь?

Варя. Что «как же»? Я не понимаю вас.

Мальков. Вот тебе раз! Понимать перестала! К Кириллу-то Максимычу итти мне?

Варя. Зачем?

Мальков. Миндальничать изволите. «Зачем

итти»! Дочку просить в замужество, чтоб законным браком… Поняли теперь?

Варя. Прежде, я думаю, нужно меня спросить.

Мальков. Да ведь уж тебя-то я спрашивал, ты с полным удовольствием.

Варя. Прежде я глупа была…

Мальков. А теперь поумнела? Скажите, пожалуйста! Незаметно что-то!

Варя. Я прежде не знала, что вы — грубый материалист.

Мальков. Что за вздор такой! Да ты знаешь ли, что такое материалист?

Варя. Конечно, знаю.

Мальков. Ну, что же это: зверь, птица, рыба?

Варя. Совсем нет. Материалист значит — который всё грубости говорит.

Мальков. Вот так! Час от часу не легче!

Варя. Вы не только любить, вы не можете даже понять меня.

Мальков. Ну, будет же, уж довольно дурачиться.

Варя. Как вы смеете?

Мальков. Что, что я «смею»?

Варя. Так говорить со мной.

Мальков. Да как же разговаривать-то с тобой, по-латыни, что ли?

Варя. Я не девка деревенская, это неучтиво.

Мальков. Да, вот что!

Варя. Ведь все-таки я барышня.

Мальков. А коли ты хочешь барышней быть, так веди себя, как барышням подобает. Сиди сложа ручки, читай умные книжки, parlez frangais, tenez vous droit! говорите по-французски, держитесь прямо! Тогда уж я не только так, я и никак с тобой разговаривать не буду.

Варя. Да и не нужны мне ваши разговоры, не нуждаюсь я в них. Я мила своей простотой, я очаровательна — с меня и довольно. Кто меня любит, тот должен желать, чтоб я всегда оставалась такой.

Мальков. Сохрани господи!

Варя. Вы человек грязный и нравственно, и физически.

Мальков. Что такое, что такое?

Варя. Вы можете развратить мою душу, убить в ней все высокое, все святое.

Мальков. А! Вот оно откуда это! *(Хватаясь за голову.)* Ах, боже мой! И принесло ж его!

Варя. Кого «его»?

Мальков. Приехал, встретил необразованную деревенскую дурочку и обрадовался, распустил губы-то. Эка прелесть, говорит, эка поэзия!

Варя *(с сердцем)*. Как вы смеете!

Мальков. Оставайся, говорит, милой дурочкой, утешай меня, прыгай козой! Это так мило, так грациозно! У нее и так нет ума, а он еще дурачиться заставляет.

Варя. Я вас слушать не хочу, я уйду сейчас.

Мальков. Да сделайте милость. Уж, разумеется, от меня ты таких конфетностей не дождешься. Я не скажу тебе: оставайся всегда шальной девчонкой; я скажу: тебе умной бабой быть пора, детей нянчить и учить их уму-разуму.

Варя. Это проза жизни!

Мальков. Ну вот, изволите видеть! «Проза жизни»! И смех и горе с ней! Ах, бедная! Как скверно без ума-то на свете жить! Вот и набежит на этакого самоучителя.

Варя. У меня есть ум *(топая ногой)*, есть, есть!

Мальков. Должно быть, немного, коли позволяешь себе быть игрушкой старого развратника.

Варя. Как вы смеете! Он в миллион раз лучше вас; он лучше меня понимает, больше любит.

Мальков. Очень верю. Для старика ты, конечно, находка; здоровая пища ему не по зубам, ему нужно пикану, перцу побольше, а это в тебе есть.

Варя. Ну, довольно. Желала б я знать, откуда это вы такую власть взяли надо мной?

Мальков. Откуда? Ты забыла? Ты сама, своей волей, уступила мне власть над собой. И я рад был, за тебя рад был, этой моей власти.

Варя. Когда же это? Я не знаю; этого не было… это вздор…

Мальков. Ты забыла свои поцелуи? У меня еще и теперь горит лицо от них. Да не один раз… помнишь, когда я тебя завез к Ашметьевым? Если это было, так я имею власть говорить тебе все, что считаю нужным и полезным для тебя.

Варя. А если…

Мальков. Что «если»?

Варя. Если это была шутка?

Мальков. Так пустая ты девчонка, об которой и жалеть не стоит! Поди утешай своего старичка, ему, бедному, скучно без тебя. *(Уходит.)*

Варя. Ах, противный! Так бы и убила его! Папка, папка!

Входит Ашметьев.

Явление восьмое

Варя и Ашметьев.

Варя *(бежит ему навстречу)*. Папка, папка, ты правду говорил, он грубый человек, он меня обидел. Теперь я знать никого не хочу, кроме тебя, ты у меня один, папка. Ты мой, папка! *(Кидается*

ему на шею.)

Ашметьев. Приди в себя, дитя мое, успокойся.

Варя. Нет, папка, нет! Я задушу тебя, зацелую.

Ашметьев *(освобождаясь)*. Зачем такие порывы! Во всем должна быть мера. Варя. Я не хочу знать никакой меры, никаких границ; я хочу забыть всех и все для тебя.

Ашметьев. Варя, я не юноша, на твои порывы я не могу отвечать тебе такими же порывами. Твоя страсть палит меня, но не зажигает. Пора восторгов прошла для меня безвозвратно.

Варя. Папка, не говори так, я заплачу.

Ашметьев. Для меня возможны только кроткие, художественные наслаждения. Для меня неисчерпаемое блаженство — любоваться тобой.

Варя. Папка, ты только любуешься мной, ты меня не любишь? Я не картина, чтобы мною любоваться! Я живой человек! Я хочу любви горячей, настоящей! Ты мой, скажи мне, ты мой? Так ведь, милый, золотой мой папка?

Ашметьев. О, если б десять лет назад, я бы умер от такого счастья.

Варя. А теперь, папка?

Ашметьев. Теперь безумные страсти затихли, и разум вступает в свои права… И вот что всего обидней, оскорбительней: весь пыл страсти ис-

трачен даром, в напрасных поисках того счастья, которое теперь само просится ко мне.

Варя. Папка, что ты говоришь! Я бросаюсь к тебе, я жду твоей ласки… Неужели у тебя нет никакой ласки для меня?

Ашметьев. Ласки, Варя, ласки! Но, бедное дитя мое, мои ласки слишком холодны для тебя. О, разве я мог ожидать от тебя такой бешеной страсти! Нет, Варя, наша встреча не простая случайность, тут ирония, тут есть что-то очень, очень злое! Это насмешка судьбы надо мной. И эту пытку мы называем жизнью, и дорожим ею, бережем ее!

Варя. Какая пытка, какая ирония? Все так хорошо, радостно. Папка, ты сердишься на что-то! Да чего тебе, ведь я с тобой? Чего тебе?

Ашметьев. Успокойся, Варя! Я желаю только, чтоб ты успокоилась… и простимся до завтра. Завтра мы встретимся радостные, веселые… Буря утихнет в твоем сердечке, и ты покойно, кротко будешь мне ворковать про любовь свою. Прощай!

Варя. Нет, я не пущу тебя; я не могу остаться одна; я с тобой куда хочешь, хоть на край света, но только с тобой… Уедем! Убежим!

Ашметьев. Варя, Варя, ты меня пугаешь, я боюсь всего чрезмерного. Ты заставишь меня

бежать от тебя.

Варя. Ну, беги, беги! А я сейчас же или кинусь в омут, или брошусь на шею первому встречному.

Ашметьев. Опомнись, опомнись, Варя, образумься! Что ты говоришь! Как можно! Тебе нужно успокоиться, непременно нужно. Пойдем, я тебя провожу до дому…

Варя. Я не знаю дома, я его забыла… Я брошу дом, отца…

Ашметьев. Успокойся, успокойся, дитя мое! Ну, вот идут сюда… нехорошо, нехорошо. Ах, Варя, Варя! Ну, прощай, прощай, мое дитя! Ты завтра будешь умнее… До свиданья. *(Идет в аллею.)*

Варя. Папка, воротись! Воротись, говорю я!

Ашметьев уходит.

Папка! Папка! Ну! Пожалеешь ты меня, да будет поздно.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Ашметьева.
Ашметьев.
Марья Петровна.
Зубарев.
Варя.

Мальков.
Боев.
Мавра Денисовна.
Сысой.

Комната в доме Ашметьевых; три двери: дверь направо — в кабинет Ашметьева. налево — в комнаты Марьи Петровны, прямо — растворенная дверь в залу.

Явление первое

Сысой в дверях; Ашметьев входит из кабинета.

Ашметьев. Встала Марья Петровна?

Сысой. Оне уехали-с.

Ашметьев. Так рано?

Сысой. К обедне поехали-с.

Ашметьев. Значит, скоро приедет.

Сысой. Да, должно быть, сейчас-с, последний звон был; завсегда часам к одиннадцати приезжают.

Ашметьев. Так скажи мне, когда приедет. *(Направляется к двери кабинета.)*

Сысой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Зубарев.

Явление второе

Ашметьев и Зубарев.

Зубарев. Александр Львович, ваше здоровье-с?

Ашметьев. Благодарю вас, ничего.

Зубарев. Уж извините, я ранним гостем к вам.

Ашметьев. Я очень рад.

Зубарев. В город на базар ездил, к сестре заезжал.

Ашметьев. Как вы сегодня рано поднялись.

Зубарев. Рано-с… Да схватился. свою птицу-то… а ее и дома нет, и ночь не ночевала… укатила, значит, с вечера. У сестры ее нет…

Ашметьев. Вы это про Варю?

Зубарев. Да, про нее-с… Простите, Александр Львович! Я думаю, уж она ивам надоела-с. Чуть не каждый день у вас…

Ашметьев. Да ее у нас нет. Я вчера от вас поехал, так она дома была.

Зубарев *(испуганно)*. Как-с? Боже мой! Что ж это такое? Где ж она?

Ашметьев. Я не знаю.

Зубарев. Александр Львович, Александр Львович, не бывало этого, не бывало, не пропадала она у меня совсем-то: все либо у тетки, либо у вас в доме найдется… Что думать, что думать?

Заступница!.. А голова горячая, горячая голова… Придет какая мысль… А я, признаться, поточил ее это время, погонял за фырканье.

Ашметьев. Вы ее видели после моего отъезда?

Зубарев. Не видал-с, до того ли?.. День-то деньской смотаешься с заботами да с убытками… Народ, сами знаете, окаянный! Угодники великие!

Ашметьев. Да погодите ныть-то!

Зубарев. Только бы нашлась, только бы найти-то ее, живую да здоровую!..

Ашметьев. А что бы вы сделали?

Зубарев. Молебен отслужу-с, а ее запру, запру на замок, с глаз не спущу.

Ашметьев. Не было бы хуже.

Зубарев. Как же, помилуйте, Александр Львович, ведь единственная-с, одна на свете у меня — все тут! А какие времена-то, что на свете-то делается! Газеты возьмешь: там человек повесился, там застрелился, а то уж стали под дорогу под железную бросаться живьем: голова на одну сторону, а ноги на другую отскочат. Какая смертность-то! У меня в доме, положим, ничего этого смертоносного нет, одна пищаль старая, да и та не стреляет, да вот разве мышьяк держу для крыс… А вода-то, а река-то-с! Теперь все придет в

голову… Коли уж человек захочет это… Ах, угодники великие!..

Ашметьев. Да что вы, как баба!.. Найдется, вероятно… да непременно найдется.

Зубарев. Ах, боже мой! Ведь единственная, всё тут… а смертность, смертность… ужасно! *(Обора-чивает против себя палец.)* Пю! — и нет человека, вот как стало!

Ашметьев *(ходит по комнате)*. Всё вы глупости говорите! Ничего такого нет… конечно… ну, конечно… конечно… и быть не может.

Зубарев *(хватая за руку Ашметьева)*. Александр Львович, бога ради! Может быть, вы что-нибудь такое знаете за ней, — может, вам что известно? Ведь сердце отца… знаете, молю вас, скажите! Хоть что-нибудь скажите!

Ашметьев. Я… я ничего не знаю. Одно могу сказать, что, конечно, найдется.

Входит Анна Степановна.

Явление третье

Ашметьев, Зубарев, Анна Степановна.

Зубарев. Анна Степановна, мое почтение-с, здравствуйте! *(Целует ей руку.)*

Анна Степановна. Здравствуй, Кирилл Максимыч! Что это ты, батюшка, какой взъерошенный!

Рожь-то жать начали?

Зубарев. А ну ее, рожь! Не до жнива мне теперь! Смертность, Анна Степановна, смертность убийственная! Возьмешь газеты: там человек повесился, там застрелился!

Анна Степановна. Что это ты, батюшка! Я про рожь, а он про какую-то смертность! Откуда ты ее взял? У нас, кажется, все, слава богу, тихо, благополучно, так нам-то что за дело!

Зубарев. Нет-с, Анна Степановна, разлилась, распространилась повсеместно эта зараза теперь-с! *(Оборачивает палец против себя.)* Пю! — и нет человека.

Анна Степановна. Что ты, что ты! Александр, да что это он, что ему чудится?

Ашметьев. Разные глупости придумывает Кирилл Максимыч, и меня-то расстроил.

Зубарев. Ах, Александр Львович, ах, Александр Львович! Единственная, всё тут… и вдруг!

Анна Степановна. Да что это? Бог с ним! Уж в своем ли он разуме? Зубарев. Неизвестны вам мои приключения, Анна Степановна, вот вы так и говорите.

Анна Степановна. Просто у тебя ум за разум зашел; а все это, скажу я тебе, от твоих денег: много очень ты о них думаешь.

Зубарев. Да будь они прокляты! В огонь все брошу, коли только… если она у меня…

Анна Степановна. Ну, пойдем отсюда! Видишь, Александр что-то расстроен, не будем надоедать ему. Пойдем, я тебя чайком угощу! Поболтаем. *(Встает и идет к двери.)*

Зубарев. Благодарю покорно, Анна Степановна! Да-с, какие времена! Пю! — и нет человека.

Анна Степановна и Зубарев уходят.

Явление четвертое

Ашметьев (один).

Ашметьев. Где она может быть? Куда она делась? Вчера она грозила мне, что или кинется в омут, или бросится на шею первому встречному. Судя по ее характеру и по всем обстоятельствам, скорее можно предполагать последнее, потому что топиться, собственно, не из чего. Значит, бросилась на шею… но кому — вот вопрос! Во всяком случае, она для меня потеряна. Беда с этими бурными характерами! Неудобство большое… И с чего это она так вдруг?.. Нет, такие отношения не по мне… беспокойно, очень беспокойно… Из чего тревожиться? То ли дело моя жена! Кроткая, покойная, любящая натура, это тихая пристань, у которой я отдыхаю и успокаиваюсь после бурь

житейских. И странное дело, после каждой неверности, после каждого увлечения я все более и более люблю жену. Когда начнешь ее сравнивать с теми женщинами, которыми я увлекался, всегда находишь, что она много лучше их. Вот и теперь: я почти влюблен в мою Машу. Да, еще несколько недель я могу провести здесь с приятностью: я снова начну ухаживать за женой. Немножко воображения — и мне будет легко представить ее совсем другой женщиной; я так давно не видал ее, так давно не любезничал с ней, что она для меня будет иметь почти прелесть новизны… Эта перспектива мне улыбается… Никаких тревог и волнений *(улыбаясь)*, неуспеха бояться нельзя. Чего бы лучше! Что может быть удобнее и спокойнее!

А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!

Входят Марья Петровна, одетая просто, покрытая большим платком, и Мавра Денисовна.

Явление пятое

Ашметьев; Марья Петровна останавливается недалеко от дверей; Мавра Денисовна что-то шепчет ей на ухо, разводя руками.

Марья Петровна *(Мавре Денисовне)*. Ну, хорошо, подожди меня в моей спальне. Я сейчас. *(Спускает, платок с головы на плечи.)*

Мавра Денисовна. Слушаю, матушка. *(Уходит в дверь налево.)*

Ашметьев *(целуя жену)*. Здравствуй, Marie. Слышала ты новость, весьма неприятную? Варя пропала.

Марья Петровна. Не пропадет, найдется.

Ашметьев. Однако ее искали везде…

Марья Петровна. Не иголка, не затеряется. Не беспокойся, пожалуйста.

Ашметьев. Если ты покойна, так и мне беспокоиться нечего. Ты уезжала?

Марья Петровна. Да, я у обедни была.

Ашметьев. Что так часто?

Марья Петровна. Есть о чем помолиться, Александр Львович.

Ашметьев. Ты вчера что-то нехороша была, тебе о здоровье надо молиться. Ты в таком возрасте, когда наступает полное цветение пышной, роскошной женской красоты.

Марья Петровна. Ничего, я здорова теперь. Мне нужно поговорить с тобой. Ашметьев. Сделай милость! Я давно уж не чувствовал такой нежности к тебе, какую чувствую сегодня… Ты мне доста-

вишь своим разговором большое удовольствие.

Марья Петровна. Тем лучше, я очень рада. Я буду говорить коротко; прошу тебя не перебивать меня и выслушать до конца. Садись!

Ашметьев *(садясь)*. Прекрасно. Говори, я слушаю.

Марья Петровна. Не знаю, замечаешь ли ты, что мое положение в вашем доме для меня не скажу — невыносимо, а все же очень тяжело. Анна Степановна хоть и любит меня, но никак не может помириться с моим, как она говорит, мещанским происхождением. На людей и на жизнь мы с ней смотрим совершенно различно; из уважения к ее старости я не спорю с ней и потому должна молчать. А я уж не пансионерка, мне хочется и говорить, и делать то, что я думаю, что мне нравится. Еще скажу тебе: я здесь барыня, но не хозяйка; я не могу распорядиться ничем; я, как несовершеннолетняя дочь или как приживалка, должна довольствоваться тем, что мне предложат, и благодарить за все, что мне ни дадут.

Ашметьев *(вставая)*. Marie, Маша!..

Марья Петровна. Садись.

Ашметьев садится.

Я умею жить и хозяйничать сама, и у меня есть свои средства — так сам рассуди, что мне за ра-

дость жить в неволе, на чужих хлебах и смотреть каждый кусок из чужих рук. Все это я переносила так долго из любви к тебе… Ашметьев. Благодарю тебя, благодарю.

Марья Петровна. Теперь, если хочешь, я скажу тебе, что сталось с моей любовью. Я постараюсь не сказать ничего обидного для тебя; а если скажется и обидное, так потерпи: я терпела же. Я тебя любила очень; вскоре после свадьбы ты охладел ко мне и, нисколько не стесняясь, стал ухаживать чуть не за каждой красивой женщиной; я ревновала, плакала, рвалась; и когда ты, после заграничных странствий или в антрактах между своими интрижками, возвращался ко мне, я принимала тебя со слезами радости!

Ашметьев. Правда, правда…

Марья Петровна. Потом мне стало все это скучно; а теперь, когда ты увлекся, как мальчишка, моей Варей, мне уж стало просто противно. Все это я говорю тебе для того, чтоб ты знал причину, почему я оставляю ваш дом. Я завожу свое хозяйство и переезжаю на свою ферму.

Ашметьев. Но, Marie, послушай…

Марья Петровна. Нет, ты не трудись ни возражать мне, ни советовать; мое решение твердо. Впрочем, ты не беспокойся, я перееду на ферму

только после твоего отъезда.

Ашметьев. Извини меня, извини! Я ошибался в тебе, я причислял тебя совсем к другому типу женщин; ты много лучше, чем я думал о тебе.

Марья Петровна. Благодарю. Ну, а теперь ты меня к какому типу причислишь? Я уж не вялая, молчаливая, полусонная, скучная барыня. *(Накидывая платок на голову.)* Вот перед тобой молодая, довольно богатая фермерша, живая, веселая. Посмотри, как я бойко заговорю на своей ферме.

Ашметьев. Тип довольно привлекательный. А что, если я вздумаю поволочиться за молодой, богатой фермершей?

Марья Петровна. Ты ведь шутишь; ну, и я тебе отвечу в шутку. Если б я была из таких женщин, которые позволяют за собой волочиться, я бы тебе сказала, что для мужа ты еще, пожалуй, ничего, так себе, а в любовники к молодой фермерше не годишься, — ей нужно помоложе и помолодцеватее.

Ашметьев. Правда, Marie, правда.

Марья Петровна. Ты, вероятно, скоро уедешь?

Ашметьев. Да, теперь уж мне незачем оставаться. Я жду денег; а теперь мне нужно подумать и изменить кое-какие распоряжения. *(Уходит в*

кабинет.)

Явление шестое

Марья Петровна, потом Мавра Денисовна.

Марья Петровна *(у двери в спальню).* Мавра Денисовна, поди сюда.

Входит Мавра Денисовна.

Рассказывай порядком, что у вас за история?

Мавра Денисовна. Срамота головушке. Вчера у нас гости чуть не до свету в карты играли. Вот, проводивши их, иду я наверх тихонько, без свечки, чтоб не разбудить ее; а Дуняша мне навстречу. «Пожалуйте, говорит, барышня, я вас раздену поскорей, спать смерть хочется». Какая, говорю, я тебе барышня. А она: «Так где ж, говорит, Варвара-то Кирилловна?» Я сейчас в сад; бегала, бегала, нет ее; я к реке — там пусто, я в рощу, и там ничего. Побегаю, побегаю да домой прибегу, а зубы — так и стучат, лихорадка так и бьет; сижу дожидаюсь, не придет ли, да опять побегу по всем местам. Бегала я так-то до свету до белого; а в доме все огонь горит, потушить-то не догадаюсь, все мне еще ночь представляется. Да тут только мне в голову пришло, что как Михайло Тарасыч уезжали с Дмитрием Андреичем, ждали они на дворе тарантаса, кучер-то заспался,

так разговор промеж них был; слышала это я с крыльца-то: Дмитрий-то Андреич все бранил барышню, сердился, а Михайло Тарасыч все смеется: «Погоди, говорит, очувствуется, сама к тебе прибежит». Как вспомнила я эти слова, сейчас села в телегу да марш на завод. Свернула с дороги в кусты, телегу там оставила, а сама тихонечко в сад. Что ж, матушка моя, сидят на балконе за самоваром, чаек попивают, а она, и горюшка ей мало, песенку поет.

Марья Петровна. Как же она туда попала?

Мавра Денисовна. А вот каким манером. Что ей в голову пришло, уж неизвестно, только выбежала она на дорогу вперед гостей, потом прыг к ним в тарантас: «Я, говорит, кататься хочу». Завезли сначала домой Михаила Тарасыча, потом в том же тарантасе к Дмитрию Андреичу; так и проколесили всю ночь. Да мало ли места, верст тридцать объехали! Я ее звать домой, не едет. Я и бранью, и слезами — ничто не берет. «Пожалуй, говорит, поеду к Марье Петровне, а домой — ни за что». Я ее в телегу да закутала своим платком от стыда, чтоб не узнал кто. Привезла ее сюда; в комнаты нейдет, стыдится, что ли, — кто ее разберет! Пошли в сад, окошки у вас в спальне растворены, — она прыг в окно…

Марья Петровна. Так она в спальне у меня?

Мавра Денисовна. Там, матушка. Сидит на стуле, в углу за кроватью, точно каменная, слова не добьешься.

Марья Петровна. Ну, поди успокой ее да и сама-то не беспокойся и не разговаривай ни с кем, а уж мы постараемся уладить дело без огласки.

Мавра Денисовна уходит. Марья Петровна подходит к двери кабинета Ашметьева.

Александр Львович! На одну минуту.

Входит Ашметьев.

Явление седьмое

Марья Петровна, Ашметьев.

Марья Петровна. Пропажа отыскалась.

Ашметьев. Где, где нашли?

Марья Петровна. На заводе, у Малькова.

Ашметьев. У Малькова! Не ожидал… Это чорт знает что такое!

Марья Петровна. Ну, положим, что тут нет ничего удивительного; да дело не в том: не нужно давать пищи для разговора. Я приму похищение на себя; я ее увезла. Понимаешь?

Ашметьев. Понимаю, понимаю.

Марья Петровна уходит в спальню.

Одна на ферму, другая на завод!.. Надо уезжать!

Эту поездку в деревню я не могу считать удачною; в наших барских захолустьях, в наших Отрадах, Монплезирах и Миловидах, повеяло меркантильным духом. Я здесь точно трутень между пчелами. Конечно, эти пчелы еще немного меду собирают, но уж шевелятся, хлопочут и начинают жалить трутней и выгонять их из своего улья.

Входит Марья Петровна.

Марья Петровна *(в дверь)*. Я сейчас уверю твоего отца и Анну Степановну, что ты была у меня. А что нам дальше делать, после подумаем. *(Уходит в залу.)*

Варя *(из-за двери)*. Папка!

Ашметьев. А! Ты здесь! Поди сюда, не бойся, никого нет.

Входит Варя.

Явление восьмое

Ашметьев и Варя, потом Сысой.

Варя. Папка, ты виноват, ты виноват…

Ашметьев. Ни душой, ни телом.

Варя. Нет, ты, ты, я тебе говорила… помнишь? Я говорила…

Ашметьев. Мало ли что ты говорила!

Варя. Ты отчего не остался со мной? Я тебе кричала: воротись, воротись; ты не захотел. Ну,

вот я…

Ашметьев. Так за то, что я не воротился, ты и убежала к Малькову?

Варя. Да, за то. Ведь я тебе говорила, что или в омут кинусь…

Ашметьев. «Или на шею к кому-нибудь»! И кинулась на шею?

Варя. Да. А тебе хотелось, чтоб я в омут бросилась? Ишь ты какой! Вот как ты меня любишь!

Ашметьев. Нет, в омут зачем же! Сохрани бог! Уж если выбирать непременно из этих двух решений, так на шею лучше.

Варя. И конечно, лучше.

Ашметьев. А если б ни то, ни другое?

Варя. Нельзя.

Ашметьев. Уж будто?

Варя. Невозможно.

Ашметьев. Да почему же?

Варя. Если б я не говорила, так другое дело; а я тебе сказала, так уж и исполнила…

Ашметьев. Резонно. *(Смотрит пристально на Варю.)*

Варя *(серьезно)*. Ну, что ты на меня смотришь? Сам виноват, да еще… смотрит.

Ашметьев. Все же я виноват?

Варя. Да, разумеется, ты; а то кто же?

Ашметьев. А я думаю, что виноват Мальков. Он не должен был пользоваться твоим, как бы это сказать… ну, хоть неразумием. Коли он честный человек, он должен был прогнать тебя.

Варя *(с сердцем)*. Прогнать? Вот уж тогда я наверное была бы в омуте. Нет, он не такой злой, как ты.

Ашметьев. Добрее?

Варя. Гораздо. Он не материалист, ты лжешь.

Ашметьев. Почем же ты знаешь?

Варя. Он совсем не грубый.

Ашметьев. Значит, ласковый?

Варя. Очень ласковый, очень. Это ты, папка, материалист… Ты убежал от меня, а он…

Ашметьев. А он что?

Варя. Обыкновенно. Зачем тут бежать, коли…

Ашметьев. Коли что?

Варя. Ах, папка, какой ты глупый! Коли любят друг друга.

Ашметьев. Да как же это так? Только что ты уверяла, что, кроме меня, для тебя на свете никого нет, а через полчаса уж вы с Мальковым друг друга любите?

Варя. Да что ж, коли ты такой обидчик, материалист. Ты сам виноват, ты виноват, ты…

Входит Сысой.

Сысой. Господин Мальков желает вас видеть.

Варя. Ай! *(Убегает в спальню. В дверях.)* Ты виноват, ты виноват, ты уж… *(Уходит.)*

Ашметьев. Проси!

Сысой уходит.

Сам приехал. Ну, пусть не взыщет: много горького придется ему выслушать от меня.

Входят Мальков и Марья Петровна.

Явление девятое

Ашметьев, Мальков и Марья Петровна.

Мальков *(Марье Петровне)*. Я вам такого битюка доставлю — на редкость. В шарабанчике, сами будете править, любо-дорого.

Марья Петровна. А цена?

Мальков. Чуть не даром, полтораста рублей.

Марья Петровна. Благодарю вас. *(Уходит в спальню.)*

Мальков *(Ашметьеву)*. Честь имею кланяться!

Ашметьев *(подавая руку)*. Представьте, я ждал вас; мне казалось, что вы непременно должны приехать.

Мальков. Мудреного нет; мало ли что на свете бывает.

Ашметьев. Вы очень хорошо сделали, что пожаловали ко мне.

Мальков. Да, бесподобно; я сам знаю.

Ашметьев. Грубого приема вы не встретите, я человек цивилизованный…

Мальков. Еще бы!

Ашметьев. Вероятно, вы не рассердитесь на меня, если в нашем разговоре вам придется выслушать от меня несколько очень горьких для вас истин.

Мальков. Нет, зачем же это! Совсем не надо.

Ашметьев. Я старше вас, больше жил на свете, больше испытал…

Мальков. Нет, вы не в ту силу.

Ашметьев. Я знаю, что нынче принято за правило: не пропускать ничего, что плывет в руки; но едва ли, не греша против совести, можно применить это правило к молодой девушке, которая, не понимая и не помня, что делает, бросается к вам под влиянием минутного порыва, очертя голову, что называется, а может быть, и под влиянием каприза…

Мальков. Про какую это девушку вы так красно расписываете?

Ашметьев. Про Варю.

Мальков. Так это не ваше дело, а попово; и попа не вашего, а чужого.

Ашметьев. Отшучиваться, конечно, легче, чем

оправдываться; но…

Мальков. Извините… Я согласен, что из вашей философии и морали я, как молодой человек, могу извлечь много пользы, но мне некогда, — это уж в другой раз, как-нибудь на досуге; и я приехал за другим…

Ашметьев. Что же вам угодно?

Мальков. Во-первых, я привез вам деньги за лес.

Ашметьев. Как, разве вы купили?

Мальков. Что ж тут удивительного? Кому нужен лес, тот его и покупает; кому лес не нужен, а нужны деньги, тот его продает. Все это в порядке вещей.

Ашметьев. И привезли деньги… как это кстати! Благодарю вас.

Мальков. За шестьдесят две десятины с саженями, по семьдесят пять рублей за десятину, четыре тысячи семьсот. Получите, сочтите и дайте расписочку.

Ашметьев *(берет деньги)*. Гм?. Не много же однако.

Мальков. Нехватает вам, расчет не выходит?

Ашметьев. Да, если б еще тысячи три…

Мальков. Продайте рощу, что за парком-то!

Ашметьев. Гм! За парком, вы говорите?

Мальков. Сто рублей за десятину дам.

Ашметьев. Не хотелось бы…

Мальков. Сто десять.

Ашметьев. Жаль. Откровенно вам говорю, жаль.

Мальков. Сто двадцать.

Ашметьев. Я подумаю.

Мальков. Начнем думать, так либо вы раздумаете, либо я раздумаю. А по-нашему, в два слова, не сходя с места… *(Ашметьев в раздумьи.)* Завтра и деньги привезу… По рукам, что ли? *(Протягивает руку.)*

Ашметьев *(подавая руку)*. Извольте.

Мальков. Вот так-то лучше. Я его и срублю, а тот поберегу: он в настоящем возрасте три процента приросту дает. Одно дело кончено, теперь другое.

Ашметьев. Я вас слушаю.

Мальков. Вам угодно было назвать меня материалистом, человеком бесчувственным, грязным и физически, и нравственно, способным развратить молодую душу и погубить в ней все высокое и благородное. Если бы вы говорили это так, для провождения времени, я бы махнул рукой; тешьтесь, сколько угодно. Но вы говорили это с злым умыслом, с намерением повредить мне в глазах

девушки, которую я люблю, жалею, которую я хотел вырвать из дурацкой обстановки, где она ровно ничего не делает, а только повесничает. А вы меня чернили перед ней! Как это называется, позвольте вас спросить?

Ашметьев. Извините: это я вообще о людях вашей профессии…

Мальков. Коли вообще о людях, так и ступайте читать публичные лекции! А нашептывать, указывая прямо на лицо… Для этого по крайней мере нужно знать его….

Ашметьев. Я и оправдываться не стану… Но поймите, что под влиянием сильной страсти человек может иногда…

Мальков. На стену лезть, об печку головой биться. Это я понимаю; а клеветать на человека — уж это что ж такое!

Ашметьев. Ну, я прошу у вас извинения.

Мальков. Да что мне в вашем извинении! Не шубу из него шить. Это чорт знает что такое! Живешь смирно, никого не трогаешь, и вдруг тебя обзывают как нельзя хуже.

Ашметьев. Я прошу вас извинить меня, чего вы еще можете желать от меня? Мальков. Да нет, позвольте! Вы приезжаете в имение любоваться ландшафтами — выходит, вы честный человек; а

я приезжаю, вооруженный наукой, извлекаю из имения пользу себе и людям, я за это — грязный материалист. Вы разоряете имение и бросаете деньги за границей — вы, значит, человек с чувством; а я на свои трудовые завожу школы и учу людей хлеб добывать, я за это — бесчувственный материалист.

Ашметьев. Но что же вам угодно от меня?

Мальков. Нет, помилуйте! Я полюбил девушку и хочу жениться на ней: это, по-вашему, «проза жизни, так поступают материалисты...» В чем же поэзия-то, и как поступают в таких случаях благородные идеалисты?

Ашметьев. Довольно. Вы желаете удовлетворения?

Мальков. Нет, не желаю.

Ашметьев. Чего же вам?

Мальков. Я считаю себя вправе требовать от вас, и требую, чтобы вы сейчас же сказали господину Зубареву, что нельзя бросать дочь без всякого призрения и что лучше всего он сделает, если отдаст ее за меня замуж.

Ашметьев. Извольте, с большим удовольствием.

Мальков. С удовольствием или без удовольствия, это ваше дело; а вот если вы этого не

сделаете, тогда уж другой разговор будет.

Ашметьев. Нет, отчего же!.. Извольте… Я каюсь, я ошибся в вас… Я припоминаю теперь, вы похожи на один тип у Занда…

Мальков. Я похож сам на себя и ни на кого больше. Что там за типы! Живем, как живется! Пожалуйте мне теперь расписочку.

Ашметьев. Сию минуту. Прошу вас ко мне в кабинет.

Мальков и Ашметьев уходят в кабинет. Входят Марья Петровна, Варя и Мавра Денисовна.

Явление десятое

Марья Петровна, Варя и Мавра Денисовна.

Мавра Денисовна *(Варе)*. Поедем-ка домой, будет странничать-то!

Варя. Ни за что, ни за что! Это опять к тебе наверх? Знаешь ли, Маруся, мою спальню всё еще детской называют. Каково это, Маруся! Она хочет, чтоб я опять в детскую отправлялась! Поздно, нянюшка, поздно! Тебе скучно, нянчить некого? А вот подожди, когда у меня дети будут…

Мавра Денисовна. Что это, как посмотрю я на тебя, какая ты озорница становишься! Час от часу хуже.

Дверь из кабинета отворяется. Ашметьев и

Мальков останавливаются в дверях, не входя в комнату.

Варя *(обнимая Марью Петровну)*. Ах, Маруся, как он меня любит, как он меня любит!

Марья Петровна. Как же это ты так скоро узнала?

Варя. Он меня вчера так бранил, так бранил; никто в жизни так не бранил меня… Кому ж до меня дело, кроме его!..

Мавра Денисовна. Мало ль тебя бранят, да ничего толку от тебя нет. Варя. И все он правду говорил, все правду. *(Задумывается.)* Знаешь, Маруся, я одного боюсь…

Марья Петровна. Чего?

Варя. Что он прибьет меня как-нибудь, когда моим мужем будет.

Марья Петровна. И отлично сделает.

Мавра Денисовна. Вот бы расчудесно, в ножки бы ему поклонилась за это.

Варя. Да нет… Я его слушаться буду, только его одного и больше никого в жизни.

Ашметьев и Мальков входят.

Явление одиннадцатое

Марья Петровна, Варя, Мавра Денисовна, Ашметьев, Мальков.

Мальков *(входя)*. Довольно, пойдемте! А то они бог знает до чего договорятся.

Варя. Так вы нас подслушивали?

Ашметьев. Виноват, это я полюбопытствовал. Чтоб узнать от женщин правду, единственное средство — подслушать, что они между собой разговаривают.

Входят Анна Степановна и Зубарев.

Явление двенадцатое

Марья Петровна, Варя, Ашметьев, Мальков, Анна Степановна, Зубарев, Мавра Денисовна, потом Боев.

Марья Петровна *(Зубареву)*. Позвольте вам представить жениха с невестой. Это я сватаю, тут уж отказа быть не может.

Зубарев. Господи!.. Варя!.. Александр Львович, скажите мне, пожалуйста, что же это такое?

Ашметьев. Ее выбор, он ей понравился.

Зубарев. Александр Львович, Александр Львович, да как же это-с? Помилуйте, ведь единственная, всё тут… и вдруг!..

Ашметьев. Да об чем вы толкуете! Держать дочь дома вам нельзя; у вас за ней присмотра нет.

Зубарев. Это вы правду изволите говорить. А

все ж таки ведь я отец, каково ж это видеть и перенести. *(Прикладывает платок к глазам.)* А впрочем, как вам угодно, вы лучше меня знаете…

Ашметьев. Ну, так я вам вот что скажу: благодарите судьбу, что она вам послала такого зятя, — вам лучше не найти.

Зубарев. В таком случае, что же мне говорить? Я не имею слов-с, я должен только благодарить Марью Петровну.

Входит Боев.

Боев. Вот беда-то, не опоздал ли я к пирогу?

Ашметьев. Как раз поспели. Деньги за лес я получил от Дмитрия Андреича, и магарыч вам будет приличный.

Боев. Из того только и бьемся.

Зубарев *(Ашметьеву)*. Александр Львович, вот при вас взял, при вас-с, а не отдает.

Боев. Да ты слышал? Лес продан, так сочти за комиссию.

Зубарев. Какая комиссия! Помилуйте!.. Грабеж… жить нельзя.

Боев *(подает вексель)*. На! Отвяжись только.

Зубарев. Что это, вексель? Ты деньги брал, а не вексель… Ну, все равно, давай, давай… Вот, Анна Степановна, вот моя жизнь! Вчера сено

украли, овес потравили, он деньги силой отнял, а теперь дочь-с… Был жених — Виктор Васильич… Какой человек-то! Сила, быстрота, соображение… и вдруг…

Варя. Папаша, да ведь уж все кончено, к чему еще разговоры!

Зубарев. Разве кончено?

Варя. Еще бы! Смешно даже. Ты бы раньше хватился.

Анна Степановна. Да что ты, в самом деле, очень разборчив стал! Ведь не принцесса у тебя дочь-то, проживут как-нибудь.

Варя *(Малькову)*. Так мы будем жить «как-нибудь»? Я этого не знала. Мальков. А вот погоди, годика через два-три мы с тобой купим у них это имение, и с парком, и с Миловидой!

Светит, да не греет*

Драма в пяти действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Анна Владимировна Ренева, землевладелица, девица под 30 лет.

Семен Семеныч Залешин, ее сосед, средних лет.

Авдотья Васильевна, его жена.

Денис Иваныч Дерюгин, зажиточный крестьянин.

Даша, горничная Реневой.

Ильич, старик, дворовый человек из крепостных Реневой.

Степанида, его жена, старуха.

Борис Борисыч Рабачев, молодой человек, небогатый землевладелец, ближайший сосед Реневой.

Оля Василькова, молоденькая девушка, дочь бывшего управляющего имением Реневой.

Старый, запущенный сад; площадка; налево от

зрителей старая, пострадавшая от времени, тесовая терраса дома, направо и прямо за площадкой деревья и кусты; подле террасы круглый стол, покрытый белой скатертью; кругом несколько стульев.

Явление первое

Ильич с самоваром сходит с террасы на площадку, за ним Степанида с подносом, на котором чайный прибор, потом Даша.

Степанида. Потише, не спотыкнись, скороход!

Ильич. Слава богу, служили, никогда не спотыкались! *(Ставит самовар на стол.)*

Степанида *(ставит поднос и обмахивает полотенцем самовар)*. Эх, ты! Вычистил самовар, весь сизый какой-то — страм!.. Говорила: дай, сама, — не видит сослепу-то, а еще берется!

Ильич. Да, как же, у тебя поучиться! Чистили мы их довольно, знаем! *(Хочет расставлять чашки.)*

Степанида *(отстраняя его)*. Пусти! Еще чашки перебьешь! Давеча уж блюдо покончил.

Ильич. А кто подтолкнул? Ты же вышибла из рук… Не так расставляешь, чайник не туда… Мужичка!

Степанида. Ох, какой дворянин! Скажите!

Ильич *(перестанавливает стулья)*. Почище тебя; на господском дворе родился, свет видал; а ты из деревенской избы по моей милости в дворовые-то произведена. Небось, барышня сегодня как приехала, сейчас спросила: «Где Ильич? Чтоб явился!»

Степанида. И меня позвала: «Пошлите, говорит, ко мне тоже Степаниду».

Ильич. Пошла на кухню, знай свою стряпню! А я комнаты убирать.

Степанида. Уберут без тебя! Уж сиди на одном месте, коли ноги оттоптал.

Ильич. Деревня!

Степанида. Старый сыч! Право, слепой сыч!

Даша *(с чайницей в руке)*. Что это вы, старички, никак ссоритесь!

Ильич *(указывая)*. Да вот все она, деревня-то моя!

Степанида. Вот и смотрите на него, на полоумного!

Ильич. Деревня!

Степанида. Старый сыч!

Ильич. Ты слушай! Я комнаты убирать, а ты на кухню! *(Идет.)*

Степанида *(следуя за ним)*. Еще разбить тебе или сломать что-нибудь.

Уходят.

Даша. При нынешних понятиях таких антиков надо за деньги показывать.

Готовит чай. Входит Дерюгин. Кланяется.

Явление второе

Даша, Дерюгин.

Даша. Здравствуйте! Вам кого?

Дерюгин. Нам, собственно, барышню нашу, Анну Владимировну. А что, ежели повидать их, можно?

Даша. Можно; она скоро выйдет сюда.

Дерюгин. Отдыхать изволят, устали?

Даша. Да, устала; мы ведь только три часа, как приехали.

Дерюгин. Как же! Мы так и встрепенулись, вся деревня, услыхамши колокольчик-то! Нежданно-негаданно! Как же, мы их бывшие крестьяне; а я, признаться, и старостой ходил еще при их родителях.

Даша. Присядьте пока.

Дерюгин. Ничего, постоим. А вы, следственно, при них, при барышне нашей?

Даша. При ней.

Дерюгин. На каком же, то есть, положении, аль как?

Даша. Я — прислуга, горничная ее.

Дерюгин *(почесав затылок, надевает картуз)*. А, да… так вот что оно! *(Садится.)* И давно при них?

Даша. Шестой год; за границей мы были, с княгиней вместе. Княгиня умерла — так мы сюда!

Дерюгин. Мы наслышаны; тогда в их вотчинную контору письмо пришло за черной печатью.

Даша. Да, всего три месяца назад, в Париже.

Дерюгин. Ну, что ж, царство ей небесное! Стара уж была.

Даша. Ну, только одна моя привычка к Анне Владимировне, а то бы, кажется, ни за какие деньги не поехала в этакую глушь. Ни света, ни людей, окромя помимо мужиков.

Дерюгин. Да, конечно, кому как! А барышня наша душевный человек; бывало это, разговорится с тобой, как с своим братом.

Даша. Ну уж зато как найдет на нее хандра, такая — тоже не подступайся.

Дерюгин. Ну, само собой, господа!.. Причудность эта у них тоже иногда, со временем… Видали мы тоже. Недолго тогда барышня у нас пожила, с год время, не больше; тут померла, по лету, мамаша их, а по суседству, верст отселева с пяток, село Отрада есть; там это княгиня наездом

проживала летнее время, крестная она барышне-то была. Ну, приехала она тогда на похороны, схоронили, да и взяла нашу барышню, заместо дочери, и увезла от нас. С той поры и не видали мы барышню свою. Что?.. Да шестой год, — так шесть лет скоро будет тому.

Даша. Мы больше жили в Италии, в Швейцарии тоже; в Париже только последний год, потому так как княгиня все лечилась у тамошних докторов.

Дерюгин. Ну, как же теперь барышня наша? Здесь, значит, думает поселиться?

Даша. Избави нас боже! Мы только сюда так, взглянуть, ну и по делам.

Дерюгин. А какие-такие дела будут у них?

Даша. Не знаю, право. Что-то о деньгах. Деньги Анне Владимировне нужны теперь.

Дерюгин. Деньги?.. Так. Ну, неужто ж, спрошу я вас так, княгиня своей крестнице-то, от своего богатства, ничего уж?

Даша. Ничего. Несколько вещей, платьев — и только. Княгиня все думала жить, не ожидала скорой себе смерти, а вдруг умерла и даже без всякого завещания.

Дерюгин. Оказия!

Даша. Все досталось сыну; а он такой человек, что завсегда почти в долгах.

Дерюгин. Н-да… и наша барышня тоже — подумаешь и о ней. Вот доли своей не нашла до сей поры.

Даша. Какой это доли?

Дерюгин. Обыкновенно, под венец чтобы, закон получить, гнездо свить.

Даша. Очень нужно! Не хотела просто себя связывать и воли своей решаться! Посмотрели бы вы, сколько всяких женихов было там за границей, даже один из иностранных графов!

Дерюгин. Видимое дело, что не хотела, а то, кажется, как бы не найтись жениха такой барышне! Есть и тут один барин, зовут его Семен Семенычем, Залешин прозывается; промеж дворовых разговор был, что будто жених. Мы так и полагали, что быть свадьбе — ан нет! Барышня уехала, а Семен Семеныч и по сей час здесь.

Даша. Нынче даже и наша сестра не очень так кидается, чтоб непременно замуж; можно и без этого, и даже оченно свободно, прожить! А то еще навяжется на шею какой, жисть свою проклянешь!

Дерюгин. Уж это что говорить! А бывает ведь тоже копоть и в женском сословии; ну а и наш брат, коли угарный попадется, так не накажи, господи!

С террасы сходит Ренева.

Явление третье

Ренева, Даша, Дерюгин.

Ренева. Денис Иваныч, кажется?

Дерюгин *(сняв картуз)*. Ах, барышня матушка, узнали. Дозвольте ручку! *(Целует руку.)*

Ренева. Здравствуйте, здравствуйте! Даша, отворить все окна в доме! Воздуха, воздуха больше, света! Такой там мрак… Проснулась — ужас: темно, гнилью пахнет, как гроб!

Даша уходит.

Дерюгин. Чего же тут! Дом назаперти, живой души нет. И на дворе-то пусто: один Ильич с своей Степанидой в хибарке караул содержат.

Ренева. Здесь, в саду, лучше. *(Оглядываясь.)* Но и сад-какое запустение кругом!

Дерюгин. Без хозяина, барышня, дом — сирота… Изволили приехать, и нас-то всех как солнышком осветило! Бог привел увидеть: пожаловали в родное гнездышко!

Ренева. Да, опять на родине! *(Садится к столу.)* Но как тут все печально, как все печально! Садитесь, Денис Иваныч, да надевайте шапку.

Дерюгин. Нет, как можно-с!

Ренева. Я вам приказываю, без церемонии.

Дерюгин. Слушаю-с. *(Садится.)* Гм… Человек-то, господи ты боже мой! как там где ни хорошо, э все хочется глянуть на свое родное.

Ренева. Давайте пить чай и расскажите мне про свое житье-бытье. *(Наливает.)*

Дерюгин. Благодарим покорно, матушка барышня.

Ренева *(пододвигая чашку)*. Пейте и рассказывайте. *(Медленно пьет сама.)*

Дерюгин. Да что наше житье, барышня; света не видим, так копошимся, как червь в земле. Не стоит и разговора наше житье.

Ренева. А я повидала свет, пострaнствовала, Денис Иваныч. Пейте же чай, пожалуйста!

Дерюгин. С вашего позволенья, коли… и имеем честь проздравить с приездом.

Ренева. Благодарю. А вот в чем дело, Денис Иваныч, деньги мне очень нужны.

Дерюгин. Кому они не нужны, матушка барышня?!

Ренева. Но мне особенно. Я осталась в настоящую минуту, после смерти княгини, без всяких средств; аренды, которую вы, крестьяне, платите за землю, мне недостаточно; должна же я чем-нибудь жить. Что мне делать?

Дерюгин. Н-да… Такое дело! *(Пьет чай.)*

Ренева. Грустно, а придется навсегда расстаться со своим родным уголком; я думаю продать имение.

Дерюгин. Продать!.. А ведь жаль, поди? Свое, родное!

Ренева. Делать нечего!.. Вот и покупайте всем обществом вашим или один.

Дерюгин. Ах, барышня, рады бы мы в рай, да грехи не пущают! Голутвенный мы совсем народ, переколачиваемся изо дня в день.

Ренева. Ну, полно вам бога гневить! Я знаю: у вас-то есть деньги.

Дерюгин. Деньги? Какие у меня деньги! Шутить изволите, барышня; грош какой-нибудь для смертного часа, на помин души.

Ренева. У вас, я помню, сыновья такие молодцы; где-то там подрядчиками… в Одессе, кажется.

Дерюгин. Захотели вы, барышня, от сыновей нынче! Давно уж отбились. Так разве иной пришлет когда малость на наше убожество к празднику.

Ренева. Так ищите мне покупщика.

Дерюгин. А покупщика можно найти, и будто он уж есть на глазах. *(Пьет чай.)*

Ренева. Только не барышника какого-нибудь. А то ведь порубит и рощи, и эти старые деревья.

Мне бы не хотелось.

Дерюгин. По вашему желанью-с, такой он, кажись, покупщик и будет: барин он из Петербурга, в больших чинах, ну и, по видимости, с капиталом. Ему имение больше требуется для воздуха, чтоб, по своему нездоровью; он и сейчас проживает недалечко здесь, вроде как на даче. Коли приказание ваше будет, можно переговорить.

Ренева. Отлично, переговорите.

Дерюгин. Слушаем-с. Может, они и сами к вам наведаются.

Ренева. Очень рада буду; скорей бы это устроить!

Дерюгин *(допивает, опрокидывает чашку и кланяется)*. Благодарим покорно, барышня, за чай за сахар, за милость вашу.

Ренева. Не хотите ли еще?

Дерюгин. Нет, уж достаточно с нас-с.

Ренева. А что наши соседи? Жив ли старик Васильков, наш бывший управляющий?

Дерюгин. Жив Трофим Федорыч, жив-с, да все что-то прихварывает; овдовел он, дочка у него, Ольга Трофимовна, подросла. *(Встает.)*

Ренева. Ах, а что Залешин?

Дерюгин. А Семен Семеныч ничего-с, поживает себе в своей Тиновке. Да вот шел я к вам, а они,

вижу, за деревней проехали к себе на мельницу, должно, разгуляться вздумали. А как узнают теперьча, что вы, барышня, пожаловали, так не заехали бы к вам. Это заедут, беспременно заедут на обратной дороге… И с супругой своей проехали.

Ренева *(встает)*. Он разве женат?

Дерюгин. Как же-с, года уж с три; и детки есть.

Ренева. Вот как! На ком же?

Дерюгин. А будет она купеческая-с, рощи у отца-то и скотиной торгует. А вышел-то тоже из нашего брата.

Ренева *(отходя, как бы про себя)*. Что было шесть лет назад, и что теперь!..

Дерюгин *(присматриваясь направо)*. Барышня, Семен-то Семеныч легок на помине: вон они подъехали.

Ренева. Так прощайте, Денис Иваныч, похлопочите.

Дерюгин. Слушаю-с, буду стараться.

Ренева уходит. Входят Ильич и Степанида. Ильич берет поднос с чашками.

Явление четвертое

Дерюгин, Ильич, Степанида.

Ильич *(спотыкается, одна чашка разбивает-*

ся). Ах ты, чтоб тебе!

Степанида *(поднимает черепки и кладет на поднос)*. И кто его просит! Отдай!

Ильич. Брысь! Отойди от греха! *(Уходит.)*

Степанида. Наказанье ты мое!

Берет самовар и несет. За сценой еще что-то падает и разбивается вдребезги.

Вот так, кроши мельче! Ах, наказанье! *(Уходит.)*

Дерюгин. Эх, кабы мне этого барина посадить здесь, подходящий он нам: в нашем крестьянском деле все одно, как младенец. За его спиной я бы сам барином был. Забыл я барышне одно дело сказать; а теперь вон она с гостями идет… Ну, все одно, — после.

Уходит в глубину сада. Входят с террасы Ренева, Залешин и Авдотья Васильевна.

Явление пятое

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна.

Ренева. Но это ужасно, это непозволительно, Семен Семеныч, как вы растолстели! Ха, ха, ха! Я вас не узнаю, это кто-то другой!

Залешин. Другой и есть, Анна Владимировна, совсем другой; не рыцарь, нет; одно только христианское имя и осталось у меня от прежнего.

Авдотья Васильевна. Я уж им советую сыворотку от полноты пить; потому у меня папаша тоже, даже одышка у них, так они все эту сыворотку.

Залешин. Ну да и ты, моя дражайшая, не из худеньких.

Авдотья Васильевна. Все ж таки я худее вас! Как вы скажете, как на ваши глаза, Анна Владимировна?

Ренева. Гм… право, не могу сказать!

Залешин. Парочка, одно слово!

Авдотья Васильевна. Извините, пожалуйста! Вы вспомните, как мы в прошлом году на весы становились: в вас полтора пуда больше.

Залешин. Неопровержимо!

Авдотья Васильевна. А как в девушках, так я была очень тонкого сложения и даже кашляла. Ах, что ж это у вас за сила яблоки нынешний год! Проходили мы по саду.

Ренева *(рассеянно)*. Яблоки? Да, кажется.

Авдотья Васильевна. Ну, и вишня, так это тоже на редкость — какая крупная! Уж позвольте мне с кустика попробовать?

Ренева. Сделайте одолжение.

Залешин. Любительница она всяких плодов земных!

Ренева. Так, пожалуйста, сколько угодно! Я еще

не знаю, где у нас там вишни.

Авдотья Васильевна. Вы не беспокойтесь, я знаю; там, в конце сада. Мне попробовать, а то бы я на варенье попросила. *(Уходит.)*

Явление шестое

Ренева, Залешин.

Залешин. Варенье, соленье, настойки и наливки — это мы не имеем соперниц; но дальше уж ничего не требуйте от нас! Вообще незатейливый человек моя супруга, извините! *(Садится.)*

Ренева. Да!.. Как же вы женились?.

Залешин. Э, стоит толковать! Женился как-то в минуту жизни трудную, под веселую руку!

Ренева. Что же вы делаете в деревне?

Залешин. А что? Хозяйничаем немножко; иногда проедешь на земство, позеваешь, подремлешь там среди наших доморощенных ораторов.

Ренева. И счастливы?

Залешин. Ну, об этом помолчим! Живем себе изо дня в день, погружаемся в болото постепенно, без борьбы, Не то что волноваться, а и думать-то подчас лень.

Ренева. Некрасиво! По крайней мере вспоминается иногда прошлое? Помните, шесть лет назад, этот сад, нашу молодость, лунные вечера? Какие

обеты, клятвы!

Залешин. Зачем? К чему? Я ясно увидел, когда схлынул первый жар, что в действительности и быть-то ничего не могло; больно велика разница между нами.

Ренева *(подумав)*. Да, пожалуй.

Залешин. Вот все смотрю на вас.

Ренева. И что же находите?

Залешин. Вы не переменились; пожалуй, еще лучше.

Ренева. Может быть, но и моя песенка тоже спета. Весна моя и лето прошли, настает уж осень.

Залешин. Да ведь и осенью бывают бури.

Ренева. Пожалуй, могут быть, я такая!

Залешин. Что вы за границей?.. Вы ведь думали петь на сцене?

Ренева. Думала, да; серьезно думала. И какой у меня развился голос; мне предсказывали славу, и я уж слышала шопот удивления и восторга!.. И вдруг заболело у меня как-то горлышко, сделалось там что-то, и он, мой голос, моя надежда и мечта, пропал!

Залешин. Ай, ай!

Ренева. Плакала я, металась, как безумная, просила у бога смерти, но нет, — осталась жива и теперь не знаю, что я, зачем я?.. Порой такая

тоска и злоба на себя и на все, а то жить хочется, жить, не глядя ни на что.

Залешин. Ведь это в самом деле злейшая обида! Помню я ваш голосок.

Ренева. Не говорите лучше, а то сейчас расплачусь!

Залешин. А что еще там было с вами? Можно спросить-то?

Ренева. Спрашивайте! Отвечу на все, все скажу: у меня про себя какая-то злобная откровенность накипела.

Залешин. Ведь было что-нибудь?

Ренева. Не ошиблись, было. Но герой мой оказался дрянью: он думал, что я богатая невеста или по крайней мере будущая звезда сцены; но когда увидел, что, увы, ни того, ни другого, он оробел; я возненавидела его и прогнала от себя. Было много и еще поклонников, обожателей, которые готовы были целовать мои ноги… нет! даже следы моих ног, в надежде, что княгиня даст мне большое приданое, и которые все потом под более или менее благовидными предлогами сначала сконфузились, а потом удалились.

Залешин *(ходит и мычит)*. Долго пробудете у нас?

Ренева. Не знаю. Нет, недолго; вот продам име-

нье и улечу. А куда — бог весть! И больше уж вы меня не увидите. Только что я буду здесь делать пока-то, пока это продастся? Мне уж и теперь скучно: дом мрачен, сад тоже уныл, и одна я… Разве от тоски за вас взяться?

Залешин. Нет, ради бога! Вот я уж чувствую: и во мне что-то нарушено, разлад пошел внутри. Не буду ужинать, как всегда ужинал. Нет, куда уж!..

Ренева *(смеясь)*. А вы думаете, я бы так и оставила вас в покое, если бы нашла вас прежним? Нет, я бы помучила, потешилась. Ведь я вообще страшно зла, я не могу без желчи глядеть на людское спокойствие, мне так и хочется хоть каплей отравить чужое счастье. От меня добра не ждите!.. Ох!.. Да!.. Так что же мне делать здесь пока? Давайте мне что-нибудь, кого-нибудь укажите! Наконец у меня даже здесь нет кавалера, а мне хотелось бы вот, в последний раз, осмотреть все родные места, покататься по реке! Вы не годны… отяжелели.

Залешин. Я не годен, это верно! А кавалера я вам представлю, есть у меня приятель.

Ренева. Кто же это?

Залешин. А не помните ли, был здесь ближайший сосед у вас, в версте, не больше, майор Рабачев?

Ренева. Это чудак какой-то? Самодур?

Залешин. Он самый; а это его сын, Борис: молодец, вырос на чистом воздухе; был отдан в гимназию, но взят из четвертого класса, ибо майору как-то, при посещении гимназии, швейцар не отдал подобающей чести. Он разругался там со всем начальством и взял сына. Теперь майор умер, Борис живет в деревне, изучил мужицкое дело; сам и пашет и орет — и барин и крестьянин.

Ренева. Это интересно!..

Залешин. Только как его вытащить? А, я придумаю: У вас в именье есть спорная межа; еще майор затеял дело; я скажу, что вы желаете окончить этот спор, чтоб он немедленно явился. Завтра же будет у вас!

Ренева. Хорошо!

Входит Авдотья Васильевна.

Явление седьмое

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна. Ну, вишня! Ах, какая вишня! Уж попрошу у вас, Анна Владимировна!

Ренева. С удовольствием. Завтра же пришлю вам.

Авдотья Васильевна. А я вам за это варенье

сварю.

Ренева. Благодарю вас.

Авдотья Васильевна. Пора нам и ко дворам. О чем задумались, Семен Семеныч? *(Реневой.)* Вы не удивляйтесь! С ним это часто бывает, найдет на него что-то, и ходит истуканом по целым дням. А что нам еще нужно, чего недостает? Всего довольно. Вот приезжайте-ка к нам, Анна Владимировна, увидите: дом у нас новый, большой, какой скотный двор, все хозяйство! Сад разводим!.. Беспременно приезжайте.

Темнеет.

Ренева. Как-нибудь побываю.

Авдотья Васильевна. Семен Семеныч, домой пора!.. Ночь на дворе, тучи заходят; ишь как вдруг стемнело, не было бы грозы. А я смерть боюсь!

Залешин *(как бы очнувшись)*. Едем, едем… да!..

Авдотья Васильевна. Слава богу, очнулся! Ну, прощайте-с, Анна Владимировна, уж поцелуемтесь с вами.

Целуются.

Ренева. Прощайте!

Авдотья Васильевна *(поспешно уходя)*. Скорей, Семен Семеныч, а то гроза захватит.

Залешин *(протягивая руку Реневой)*. До свиданья! Так заглянете на наше житье-бытье?

Ренева. Нет, зачем? Благоденствуйте! Что мне у вас делать! А зевать до истерики я могу и здесь, дома.

Залешин. А коли ежели да это самое благоденствие и с этого самого раза вдребезги полетит?

Ренева *(с ядовитой улыбкой)*. Успокойтесь, успокойтесь!

Залешин. Нет! *(Ударяя себя в грудь.)* Тут что-то у меня неловко вдруг сделалось!

За сценой голос Авдотьи Васильевны: «Семен Семеныч, да что же вы там?»

Ренева. Слышите, зовет. Идите, поспешите к ней, к своему закону!

Залешин. Какой тон, сколько яда! А все-таки вы очаровательны!

Уходит. На сцене темно.

Ренева. Нет, уж к нему ничего чувствовать нельзя, кроме сожаленья. Бедный!

Вдали раздаются редкие удары церковного сторожевого колокола.

Звон… вечерний звон! «Как много дум наводит он!..» Поброжу по саду.

Уходит направо. Рабачев и Оля выходят, обнявшись, из глубины.

Явление восьмое

Рабачев и Оля.

Оля *(робко оглядываясь)*. Смотри, огонь в доме, еще не спят. Как страшно!

Рабачев *(прижимая ее)*. Со мной-то страшно! Что ты! Не бойся ничего!

Оля. Нет, уж больше не пойдем сюда. Здесь нельзя нам видеться; она приехала, будет гулять по вечерам. Лучше где-нибудь в другом месте.

Рабачев. Приходи ко мне. Отчего ты не хочешь? Чего боишься?

Оля *(припадая к нему на грудь)*. Ах, Боря, как-то неловко еще, стыдно! Никто еще не знает. Ну, увидит кто-нибудь…

Рабачев. А что ж такое? Ничего. Ведь ты моя невеста.

Оля. Невеста — да! *(Смеется.)* Ты когда сватался-то?

Рабачев. Эка важность, что не сватался! Не успел еще. А вот приеду к твоему отцу, скажу два слова, и сейчас свадьба.

Оля *(смеется)*. А когда это случится? После дождика в четверг?

Рабачев. Да куда торопиться-то, Олюшка? Еще наживемся в браке-то: надоест, канитель ведь

это. Вон посмотри на Залешиных! А теперь думаешь, где бы свидеться, крадешься, чтобы люди не видали, сердце бьется. Хорошо ведь это?

Оля. Да, тебе-то хорошо.

Рабачев. А тебе?

Оля *(смеется)*. И мне хорошо… да только…

Рабачев. Что?

Оля. Стыдно, вот что… да и грех.

Удар колокола.

Ай!

Рабачев. Что с тобой!

Оля. Ох!.. Погоди!.. Знаешь что? Иногда, вот так-то повидавшись с тобой, бегу я домой через погост ночью, и вдруг сторож в колокол… Мне все мерещится, что мать грозится из могилы, сердится.

Рабачев. Полно пустяки-то! Живой об живом и думает, а мертвым до нас дела нет.

Оля. Ах! *(Прижимается к Рабачеву.)*

Рабачев. Что ты?

Оля. Там кто-то ходит.

Рабачев. Да и то. Уйдем отсюда.

Оля. Куда же?

Рабачев. Пойдем ко мне.

Оля. Ах, нет, что ты!

Рабачев. Ну, Оля! ну, пойдем. Ну, милая, пой-

дем ко мне.

Оля. Ах, Боря, нет, право… Нехорошо… Ну, увидят?

Рабачев. Эх, Оля! Не ломайся ты, сделай милость! Знаешь, терпеть я не могу. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Оля. Ну, миленький, пойдем, пойдем! Ну, прости меня, миленький, миленький!

Уходят в глубину. Ренева выходит справа.

Явление девятое

Ренева *(одна)*. Кто это? Вот счастливцы!. Какое воркованье, какая ласка! Ведь есть же счастье: зачем же оно другим, а не мне? Зачем я их видела? Разве не могли они со своим счастьем итти в другое место? Или затем, чтобы зависть и злоба не умирали во мне, чтоб они душили меня постоянно? *(Опускается на скамью.)* О, проклятие!

Действие второе

ЛИЦА:
Ренева.
Залешин.
Рабачев.

Оля Василькова.

Худобаев, значительный чиновник в отставке, 50 лет.

Дерюгин.

Даша.

Большая мрачная комната в доме Реневой; мебель старая; с одной стороны дамский письменный стол, кресло; с другой — круглый стол, диван и кругом кресла; на стенах почерневшие портреты. Две боковых двери и одна — прямо, стеклянная, отворенная на балкон; виден сад; направо, сбоку, окно.

Явление первое

Ренева сидит за письменным столом, Даша стоит подле.

Ренева. Это в Венецию. *(Задумывается.)* Ах, Венеция!..

Даша. Умрешь — не забудешь, Анна Владимировна!

Ренева. Это в Париж, доброму старичку Пэно, нашему банкиру. Париж, милый Париж, когда-то я снова увижу тебя!

Даша. Лучше города, кажется, нет и на свете!

Ренева. Даша, а вдруг мы с тобой останемся

здесь: придет осень с дождем, настанет зима, вьюги.

Даша. Анна Владимировна, лучше не пугайте! Без оглядки убегу! Вот день всего пробыли здесь — а уж и терпенья нет никакого.

Ренева. Нет, я шучу, укатим с тобой во что бы то ни стало!.. Вот и письмо в Ниццу, нашей старой хозяйке, чтобы ждала.

Даша. Ах, кабы скорей отсюда, барышня!

Ренева. Не является до сих пор Денис противный с своим барином, а обещал сегодня.

Даша. Уж мне не добежать ли в деревню, узнать?

Ренева. Подождем еще немного. Ах, все это так: ну, продам я теперь именье, получу деньги, несколько лет проживем, а там что, чем жить? Вот страшный вопрос!

Даша. Э, барышня, что загадывать? Это вот если б семейство, дети, — а то вы одне!

Ренева. И то правда; авось с голоду не умру! Ну, сделаюсь учительницей пения или еще чего-нибудь; а то пойду на сцену — буду актрисой.

Даша. Да конечно, неужели нельзя прожить! Вот и я так-то о себе: живи, пока молода, а старость придет, тогда все равно, знай только кайся в грехах!

Ренева. Так, так! Отправь же скорей письма! *(Отдает.)*

Даша. Сию секунду! *(Взглянув в окно.)* Анна Владимировна, посмотрите, красавчик какой явился, ходит по двору! Ха-ха-ха!

Ренева *(взглянув)*. Ай, что это за чудак? Кто это?

Даша *(убегая направо)*. Не знаю, пойду спрошу! *(В дверях.)* А вот и староста, барышня!

Входит Дерюгин.

Явление второе

Ренева и Дерюгин.

Дерюгин. Дозвольте, барышня, войти?

Ренева. Ах, входите, входите; я вас жду с нетерпением! Что скажете?

Дерюгин. Дело идет на лад, барышня.

Ренева *(весело)*. Отлично!

Дерюгин. И даже они здесь сами приехамши со мной. По двору там гуляют.

Ренева. Так это он на дворе?

Дерюгин. Они-с! Коли угодно…

Ренева. Давайте, давайте его сюда!

Дерюгин. Слушаю-с. Но только вот что, барышня: какая, примерно, цена от вас будет?

Ренева. Вот уж задача-то для меня! Я решитель-

но ведь ничего не понимаю в этом. Вы скажите мне, сколько просить?

Дерюгин. Как сказать-с! Дело оно такое: много запросить — не дадут, мало взять — будто себе обидно!

Ренева. Ну, да говорите по крайней мере приблизительно, сколько назначить!

Дерюгин. Хм… Ох-хо-хо!.. Пораскинуть надо умом, сообразить.

Ренева. Ну?

Дерюгин. Здесь это, под усадьбой, пахоти десятин двести будет, там широкий луг… ну, леску…

Ренева. Да скорей, пожалуйста!

Дерюгин. А коли скорей приказываете, так будет вот так верно: пятнадцать тысяч рублей извольте просить.

Ренева. Пятнадцать тысяч? Так мало? Я думала, иного больше, так тысяч тридцать.

Дерюгин. Помилуйте! Тридцать тысяч! Хм!.. Что вы это, барышня! Нет-с, коли пятнадцать тысяч даст, — это в самом аккурате будет! Земли теперьча по нашим местам в продаже объявлено страшное дело. Куда ни повернись, все продажа. Тут только что ему место подходящее по его здоровью, для дыхания, значит, вольный воздух.

Ренева. Мало, очень мало; но делать нечего, я

согласна.

Дерюгин. А коли что, барышня, заупрямится, так вы обождите, скидки сразу не делайте.

Ренева. Нет, уж ни за что не уступлю ничего, и так немного очень. Ах, да! Ведь нужен будет план именья… Он у меня, кажется, есть где-то.

Дерюгин. План, как же-с, потребуется в таком случае.

Ренева *(уходя)*. Так я сейчас отыщу его. Просите его сюда.

Дерюгин *(один)*. Чудно, господа эти… говори им, что хочешь! *(Заслышав шорох в передней, заглядывает в дверь.)* Пожалуйте, сударь, оне сейчас войдут.

Входит Худобаев.

Явление третье

Дерюгин, Худобаев.

Худобаев. Н-да… хорошо!.. *(Осматриваясь кругом.)* А дом, повидимому, старый!

Дерюгин. Он старый, а еще постоит; потому лес здоровенный и стройка хорошая.

Худобаев. Н-да… *(Хватаясь за голову.)* Как мне сегодня дурно!.. Голова!.. *(Хватаясь за бок.)* И здесь что-то!..

Дерюгин. Какая, сударь, примерно, болесть в

вас заключается?

Худобаев. Весь организм расстроен, мой милый: головокружение, спинное страдание и внутри…

Дерюгин. Ишь ты, дело какое! Заберется же такая дрянь в человека, чахлость эта самая!

Худобаев *(про себя)*. Нет, надо пить декохт, непременно декохт.

Дерюгин. Декоп — это первое дело. Я в третьем году расхворался с натуги, поднимал тяжело; так в городе фершал знакомый велел мне настоять этот декоп на вине на простом; и чтобы по два стакана поутру, натощах, и на ночь. В нутре тогда очень мне облегчение было, и весь я развязку получил, ваше превосходительство. Бог даст, здесь у нас поправитесь, особливо ежели еще будет тут у вас свое имение. Воздух у нас очень легкий, все господа одобряют, и погулять есть где!

Худобаев. Н-да… место недурно.

Дерюгин. Золотое донышко это имение, только в руки его взять!.. Ну, пришли мы, сударь, теперьча с вами торговать, надо нам цену свою объявить.

Худобаев. Хм… надо; но я полагаю, что прежде должен объявить продавец.

Дерюгин. Так-то оно так, а и нам надо в голове

свое содержать, чтоб было готово.

Худобаев. Я не знаю, какие здесь земли и условия хозяйства; со всем этим надо ближе познакомиться.

Дерюгин. Понимаем-с. Да вам что же, ваше превосходительство, так оченно уж затруднять себя насчет хозяйства — вам, главное, прохлада чтоб, воздух.

Худобаев. Н-да… конечно; но вместе с тем я желал бы заняться и хозяйством.

Дерюгин. Так-с. Что ж, можно и это испробовать, дело хорошее; и мы бы, дураки, поучились у вас. Кажись, кабы у меня капитал, я бы и думать не стал, двадцать тысяч выложил.

Худобаев. Н-да… Нет, нет, как можно! Нет, тысяч десять так, или около того, меньше, я полагаю.

Дерюгин. Десять тысяч, сударь? Скуповато! И двадцать пять тысяч дадите, и то в барышах будете. А земли по нынешнему времени, ох, дороги!.. Потому, главная причина, купец кинулся на землю, скупает, и наш брат, мужик, норовит, как бы тоже собственником стать.

Худобаев. Нет, более десяти тысяч я не могу, так по моему расчету; да и не стоит!

Дерюгин. Ваше дело, сударь. Вот и оне сами-с!

Отходит в сторону, пощипывая бороду. Входит Ренева.

Явление четвертое

Худобаев, Дерюгин, Ренева.

Ренева *(в руках у нее сверток плана. В дверях, обращаясь назад).* Даша, кто там?

За сценой голос Даши: «Какая-то девушка вас спрашивает».

Так попроси подождать.

Худобаев *(расшаркиваясь).* Имею честь представиться: Худобаев, ваш сосед.

Ренева. Очень приятно. Прошу садиться.

Садятся.

Вы из Петербурга?

Худобаев. Так точно-с. Двадцать пять лет состоял на службе, но в настоящее время, по расстроенному здоровью, вынужден был просить увольнения в отставку и, согласно совету врачей, уехать из столицы для поправления в деревню.

Ренева. И желаете, как я слышала, купить именье?

Худобаев. Н-да… отчасти имею желание приобрести собственность, где бы можно было отдохнуть, завести небольшое хозяйство. Притом же я очень люблю природу-с: тишину лесов и

аромат полей.

Ренева. Так вот и отлично, я продаю, вы желаете купить. И покупайте, владейте! Вы осматривали имение?

Худобаев. Н-да… Нет-с, в точности еще не ознакомился.

Дерюгин. Да по межам здесь поблизости прошли-с мы, едучи сюда, а дальних местов, луг тоже, не осматривали.

Ренева. Имение в хорошей местности.

Худобаев. Вообще… н-да… местность довольно живописная. А как вы думаете, сударыня, какую сумму взять за ваше имение? Его стоимость по-вашему?

Ренева *(к Дерюгину)*. Денис Иваныч, как вы думаете?

Дерюгин. Ваше именье, барышня, ваша и воля.

Ренева. Пятнадцать тысяч и ни копейки меньше! А больше дадите — возьму!

Дерюгин. Ах, барышня, отчего не взять, коли дадут.

Худобаев. Пятнадцать тысяч!.. Н-да!.. Сумма!.. Очень много-с, очень много!

Ренева. Помилуйте, это-то дорого! Нет, именье стоит много больше, только мне нужны деньги теперь. Что вы скупитесь? В этом именье вы

находите все, что вам нужно, здесь все к вашим услугам: рощи, луга, река и город недалеко, если понадобится доктор.

Худобаев. Н-да-с… Советы врачей мне необходимы. Вот и теперь у меня миланские мушки: головные боли у меня, головокружение, притом же спинные страдания и разное внутреннее расстройство.

Ренева. Здесь вы воскреснете.

Дерюгин. У нас отгуляетесь, ваше превосходительство, потому прохладность необнаковенная.

Ренева. Вы одинокий человек?

Худобаев. Совершенно; два года назад схоронил единственную сестру-девицу уже немолодых лет.

Ренева. Женитесь вот здесь на какой-нибудь соседке и заживете наславу.

Худобаев. Женитьба — предмет такой, который требует серьезного размышления. Думал, намеревался когда-то, но не встретил в жизни своей…

Ренева. А вдруг здесь и встретите; может быть, она уже близко, около вас.

Худобаев. Хм… н-да-с… конечно… все может быть. Ренева. А в саду моем вы не были?

Худобаев. Еще нет-с.

Ренева. Там много фруктовых деревьев; не

хотите ли взглянуть?

Худобаев. Очень будет приятно.

Ренева. Денис Иваныч, покажите сад! А меня извините, я вас не надолго оставлю, меня кто-то ждет.

Худобаев. Сделайте одолжение, не беспокойтесь.

Дерюгин. Мы уж кстати скотный двор посмотрим, ваше превосходительство.

Ренева. Так вот через балкон, прошу вас!

Худобаев. Очень хорошо-с.

Дерюгин. Пожалуйте, сударь.

Худобаев и Дерюгин уходят.

Ренева. Ах, скорее бы это кончить… Какая тоска! *(Отворяет дверь налево.)* Кто меня там спрашивает?.. Ах, кто это?

Входит Оля.

Явление пятое

Ренева и Оля Василькова.

Оля. Здравствуйте, Анна Владимировна!

Ренева. Позвольте… Оля? Дочь Трофима Федорыча Василькова?

Оля. Да-с.

Ренева. Как выросла!

Оля. Папаша не так здоров, сам не мог, так

прислал меня вас поздравить. *(Подает букет.)* Из нашего садика.

Ренева *(берет цветы)*. Благодарю, благодарю! Прелестные цветы, а вы еще лучше этих цветов. Вы что же, где-нибудь учились?

Оля. Нигде-с, только у папаши.

Ренева. Какая миленькая! У вас есть жених, сватался за вас кто-нибудь?

Оля. Да нет-с… не знаю. *(Вздыхает.)*

Ренева. Отчего же вы так вздохнули?

Оля. Ничего, это я так-с.

Ренева. Не может быть. У вас какое-нибудь горе?

Оля. Нет-с, что ж бога гневить, горя у меня нет никакого. А ведь у всякого человека есть что-нибудь на душе.

Ренева. Ну да, именно. И у вас если не горе, от которого сохрани вас бог, так, должно быть, что-нибудь очень интересное на душе.

Оля. Для кого же это может быть интересно, кроме меня?

Ренева. Вот для меня например.

Оля. Вам это только из любопытства из одного.

Ренева. О нет, мой друг, из полного сочувствия к вам. Ну, да мы еще потолкуем как-нибудь на досуге. Вы мне все расскажете?

Оля *(подумав)*. Не знаю-с… зачем же! *(Вздыхает.)*

Ренева. Ну, вот опять. Нет, нет, я все, все выпытаю.

За сценой колокольчик.

Это еще кто?

Входит Даша.

Явление шестое

Ренева, Оля, Даша.

Даша. Какой-то господин Рабачев.

Ренева. А, знаю. Проси!

Даша уходит.

Оля *(в смущении)*. А я… мне уж пора домой…

Ренева. Нет, нет, минутку подождите, у меня кое-что есть для вас.

Оля. Так позвольте… я в саду.

Убегает. Входит Рабачев.

Явление седьмое

Ренева, Рабачев.

Ренева. Очень рада, очень рада! Здравствуйте!

Рукопожатие.

Садитесь.

Садятся.

Рабачев. Вы хотели поговорить о спорном владении?

Ренева. Да, да; но об этом после; да, вероятно, я вам уступлю, что там… я не знаю!

Рабачев. Зачем же уступать? Я не хочу от вас подарка.

Ренева. Ах, извините! Нет, я не то хотела сказать… Ну, мы сделаемся как-нибудь. А прежде всего мне просто хотелось с вами познакомиться; это спорное владение — только один предлог, чтобы вас вызвать; иначе, я слышала, вы такой нелюдим, что и не показались бы никогда.

Рабачев. Да-с, я вообще больше дома… я никуда.

Ренева. Я вижу, вы уж хмуритесь, вы недовольны!..

Рабачев. Нет-с, а только я совсем не светский человек, со мной скучно.

Ренева. Все эти светские мне надоели, и разговоры их тоже; а вы для меня человек новый, интересный.

Рабачев. Не знаю, ничего во мне нет; я простой, необразованный человек и с барышнями разговаривать совсем не умею…

Ренева. «С барышнями»! Ха, ха, ха! Ну, я не такая барышня, каких вы видели, я другая, совсем

особенная. Вот вы увидите, какая я барышня! И уж я вас не выпущу теперь. Я здесь одна, вы будете моим кавалером.

Рабачев. Да я пожалуй, только вам будет скучно со мной, уж я это знаю.

Ренева. Что вы потупляетесь, как красная девица? Вот диковина для меня! Ведь вы прелесть что такое! Не бойтесь, я вас не съем, и не беспокойтесь за меня, мне скучно не будет, а будет очень весело с вами: будем гулять, кататься… Лодкой вы умеете править?

Рабачев. Хитрость небольшая.

Ренева. Отлично! Как-нибудь мы на лодке, подальше, и затянем песенку! А лошади у вас есть?

Рабачев. Тройка есть съезженная, да и одиночки есть.

Ренева. Править умеете?

Рабачев. Ничего, ездить умею, да у меня и кучер хороший.

Ренева. Вы теперь-то на тройке?

Рабачев. На тройке.

Ренева. Знаете что: поедемте сейчас на дальний луг, там будем чай пить.

Рабачев. Извольте!

Ренева. «Извольте»! А сам проклинает!

Рабачев. Ну, что ж? Пожалуй, поедемте.

Ренева. Да уж так, так! Но знайте, я не из тех, которые отступают: сказала — не выпущу, и не выпущу!

Рабачев. Нет, я ничего, я готов.

Ренева. И вот что: знаете, я ведь продаю свое именье, и покупщик уже явился, он здесь, осматривает сад, так захватим его кстати. Он поедет за нами со старостой, пусть посмотрит луга. Таким образом мы соединим приятное с полезным. Хотя, признаться, я терпеть не могу этой смеси приятного с полезным, но что делать? Нужда! Ах, еще у меня тут одна бедная девушка, но премиленькая!.. Вот я вам покажу. *(Подходит к балкону и зовет.)* Оля, Олинька!

Входит Оля и, потупясь, останавливается у дверей.

Явление восьмое

Ренева, Рабачев, Оля.

Ренева *(к Рабачеву)*. Да вы, может быть, уже знакомы?

Рабачев. Мы видались иногда…

Оля. Мы знакомы.

Ренева. Вот вспомнила: вообразите, вчера ночью я была невольной свидетельницей какого-то свиданья у меня в саду! Да, какая-то парочка,

очень горячая! А ночь славная была, и как же они любовно обнялись на моих глазах. Покаюсь, так тошно мне стало мое собственное одиночество и так досадно на эту парочку — так бы взяла да и разбила сейчас это чужое счастье!.. За что же я-то одна? Вот какие у человека минуты бывают. *(Оле.)* Идите туда, ко мне. *(Рабачеву.)* Я сейчас буду готова, и мы едем.

Уходят.

Рабачев. Вот она какая! Откуда такая проявилась? Вот что значит образование и ловкость-то: Оля-то моя какая перед ней кажется невидная и простенькая! Зачем я ей? Не знаю. Ну, какой я кавалер для нее! Ей совсем не такого нужно.

Входит Залешин.

Явление девятое

Рабачев и Залешин.

Залешин. Ты здесь?.. Видел?

Рабачев. Видел.

Залешин. Какова?

Рабачев. Ничего!

Залешин. Ах ты, чурбан! *(Передразнивая.)* «Ничего»! Да ты и во сне-то не видал таких женщин! Жизнь, понимаешь ты, — всю жизнь можно отдать за ласку такой женщины. К чорту тогда

всё…

Рабачев. Эко ты разогрелся как!

Залешин *(опускаясь на стул)*. Да, братец, разогрелся!.. Думал — угасло все, конец; ан нет. *(Ударяя себя в грудь.)* Тут еще шевелится что-то. А меж тем аз есмь схороненный уже человек на сем свете! Пойми ты это! Можешь ты понять эту штуку, раскусить? Жив и мертв!

Рабачев. Понимаю, не совсем глуп. Штука скверная!

Залешин. А-а, вот то-то и есть!.. Подло, братец, оченно подло!.. Жив и мертв! Ну, и закурили мы, так закурили, что не скоро угар этот выйдет! Со своей Авдотьей Васильевной разругался… А чем она виновата? Гадость с моей стороны, а ничего не поделаешь: видеть ее не могу! И работы, покос — все побросал, нигде не был сегодня. А попаду на покос — перепою мужиков, сам нарежусь, песни будем драть, — гуляй, душа российская!

Рабачев. Чорт знает что такое! Зачем же сюда-то явился в таком виде?

Залешин. А сюда… взглянуть на нее, вот зачем; раз увидел, и тянет теперь… ничто не мило! *(Встает.)* Взгляну — и бежать, потому для меня все кончено, — жив и мертв! А ты оставайся, будь здесь и все, что она прикажет!.. Слышишь ты?

Рабачев. Дела-то, кажется, мне здесь нет никакого. И не знаю, зачем я здесь?..

Залешин. Да как ты смеешь?.. Урод!., Дело ему!.. Тебе мало быть подле нее, с ней, видеть ее, эту женщину! О!.. А если еще приглянешься ей, так уж лучше, слаще ничего в жизни твоей не будет. А я… нет, я сейчас исчезну; лучше не видеть, а то с ума сойду, в пропасть загремлю! *(Быстро уходя.)* Кланяйся ей!

Рабачев. Да уж и помешался!

Входит Оля с соломенной шляпкой в руках.

Явление десятое

Рабачев и Оля.

Оля *(показывая шляпу)*. Видишь — подарок!.. Да я не буду носить, не хочу!.. А ты приехал познакомиться с ней?

Рабачев. Нет, я было по делу, о спорной даче переговорить; а теперь вот зовет ехать с ней на луга.

Оля. Поедешь?

Рабачев. Не хочется, а отказаться нельзя, на тройке просит прокатить.

Оля. Какая она образованная!

Рабачев. Еще бы! Из-за границы! Светская!

Оля. Не то, что мы здесь; вот я совсем дурнушка

перед ней.

Рабачев. Всякий сам по себе хорош.

Оля. Видела она нас, Боря, вчера в саду-то, только не узнала!

Рабачев. А хоть бы и узнала, что ж такое, скрываться теперь нечего!

Оля. Ах! Знаешь, как меня кольнуло в сердце, как она это сказала: «Так бы взяла, говорит, да и разбила сейчас это чужое счастье!» Зачем это она так говорит? Какое ей дело до чужого счастья!

Рабачев. Пусть говорит. Надо же ей говорить-то что-нибудь.

Оля. Пришло мне в голову вдруг: вот возьмет она да и разобьет наше с тобой счастье.

Рабачев. Это как же так?

Оля. Так! Полюбишь ее и бросишь меня!

Рабачев. Вот еще вздор какой!

Оля. Ты-то полюбишь, а тебя-то уж нет, — никто не полюбит так, как я люблю. Нет, уж больше любить нельзя.

Рабачев. И что ты выдумываешь! Пожалуй, вон она приглашает меня быть ее кавалером: гулять с ней всегда, кататься, везде чтобы вместе!..

Оля. Вот так и начнется, и пойдет, дальше да больше.

Рабачев. Не очень-то я податлив! И не желаю

я с ней путешествовать. Барыне делать нечего, забавы ищет, — больше ничего! Нет, вот прокачу ее, а там и прощай! Некогда нам, свои дела есть.

Оля. А затянешься понемножку, и забудешь все.

Рабачев *(насмешливо)*. Нуда, как же, непременно!

Оля. Да! Она вот какая, она уговорит, кого хочешь! Вот со мной сейчас так заговорила, что даже слезы у меня; не могу с собой совладать, чуть-чуть всего ей не сказала!..

Рабачев. Это ты, а нас не скоро в чувствительность приведешь!

Оля. А если случится это, Боря?

Рабачев. Да перестань же, Оля, наконец! Какая глупость!.. Я не ожидал от тебя…

Оля. И правда, какая я глупая, что выдумала! Да за что наше счастье разбивать? У других людей там деньги большие, богатство, а у нас что? Только любим мы друг друга, так кому же до нас дело!

Рабачев. И выкинь ты из головы, чтобы никогда я от тебя не слыхал этих глупостей!

Оля. Прости, не буду. Нет, ничего! Гуляй, катайся с ней! Никто не отнимет тебя у меня… Так ведь?

Рабачев. Я думаю! Кому я нужен? Вот еще!

Оля. Она собирается, сейчас выйдет, а я садом пробегу домой. Я увижу, как вы поедете. *(Прислушиваясь.)* Вот идет! *(Быстро целует Рабачева.)* Прощай! *(Убегает в сад.)*

Рабачев. Придумает же! Ишь что ей в голову пришло!

Входит Ренева.

Явление одиннадцатое

Рабачев и Ренева.

Ренева *(надевая перчатку)*. Покупщик с старостой уехали. Послушайте, мне хочется догнать и перегнать их. Можно это?

Рабачев. Еще бы! Конечно, перегоним.

Ренева. Мы шибко поедем?

Рабачев. Шибко не шибко, а кому с непривычки, так дух захватывает.

Ренева. Знаете ли вы, что вы очень красивый молодой человек?

Рабачев. Я знаю, что много есть лучше меня и что я самый обыкновенный…

Ренева. А зачем конфузитесь?

Рабачев. Да не. надо совсем этого говорить. Что за разговор?

Ренева. Послушайте… донесите меня на руках

до тарантаса!

Рабачев. Это зачем? Разве у вас своих-то ног нет?

Ренева. Я пошутила… А вы думали, что я серьезно?

Рабачев. Нет, не шутили, а попытать хотели.

Ренева. Что попытать?

Рабачев. Нельзя ли оседлать меня.

Ренева. Вот фантазии!

Рабачев. Да уж это верно! Только вот что: на лошадях моих катайтесь сколько угодно, а на мне — зачем же!

Ренева. Вы любили когда-нибудь?.. А может быть, любите и теперь?

Рабачев. Ведь я говорил, что вам другого кавалера надо.

Ренева. Почему же?

Рабачев. Вы всё про любовь; а я про любовь разговаривать не умею.

Ренева. Да, конечно, кто умеет любить, тот разговаривать про любовь не любит.

Рабачев. Да я не знаю, умею ли и любить-то. Поедемте!

Ренева. Не знаете, так узнать надо. Уж я узнаю. *(Идет к выходу.)* Непременно узнаю.

Рабачев. Ну, хорошо, ладно, узнавайте!

Действие третье

ЛИЦА:
Ренева.
Рабачев.
Оля.
Залешин.
Авдотья Васильевна.
Дерюгин.

В усадьбе Рабачева спустя три дня. Палисадник, цветы и кусты; направо небольшое крыльцо дома; в глубине невысокий забор с калиткой.

Явление первое

Рабачев сидит на ступеньке крыльца, отбивает косу, после нескольких ударов встает и начинает точить бруском. Авдотья Васильевна входит.

Авдотья Васильевна. Здравствуйте, Борис Борисыч!

Рабачев *(не оставляя дела)*. Здравствуйте, Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна. Моего Семена Семеныча нет у вас?

Рабачев. Не водится и не был сегодня.

Авдотья Васильевна. Где ж это он, мои матушки? На мельнице была — нет; на хуторе — тоже! Вчера явился ночью, а нынче опять с ранней зари из дому! Верно, опять закатился на охоту свою… Потому вижу: нету дома этого ружьища поганого, сумки — тоже…

Рабачев. Ну, значит, на охоте!

Авдотья Васильевна. И что выдумал, — охоту какую-то! Допрежде, бывало, во весь круглый год-то раза два, не больше, по осени сходит, постреляет для скуки; а то уж, господи! — каждый божий день заладил, из дому совсем пропал, и не видно его. А вернется, дети на глаза не показывайся; со мной тоже ни слова; ходит, молчит, как убитый, знай только глотает рюмку за рюмкой! Пил он и прежде, да в меру, а уж это без всякой пропорции! Ох, жили три года мы, не было горя у нас, а теперь вот оно! Злые люди позавидовали, али уж попущение такое! Не знаю, что с ним только поделалось! Борис Борисыч, как вы думаете?

Рабачев. Я-то откуда буду знать?

Авдотья Васильевна. Ну все ж таки вы его приятель: может, что и говорил вам?

Рабачев. Так нашло на человека. Пройдет.

Авдотья Васильевна. Уж пора бы пройти,

четвертый день это у нас идет. И в рабочую пору, — все дела стали у нас, в доме тоже всё врозь — такое расстройство! Глаза бы мои не глядели! Ох, думаю так, не завелось ли уж чего-нибудь у него на стороне?

Рабачев. Это вы про что?

Авдотья Васильевна. Знаете, ваш брат-мужчина, глаза у него завсегда не сытые, особенно касательно женского полу: своего мало, ищет чего другого.

Рабачев. Придумывайте еще!

Авдотья Васильевна. Нет, не выдумываю, Борис Борисыч, мне верный человек сказал.

Рабачев. Кто же этот верный человек?

Авдотья Васильевна. Андревна, что на картах гадает. Так-таки просто указывает на трефовую даму! Не я же трефовая, я — бубновая. Я-то от него по картам за версту ложусь, ко мне-то он задом, а на нее так и воззрился. Ну вот, что вы мне на это скажете?

Рабачев *(с расстановкой)*. Скажу я вам, что это глупость.

Авдотья Васильевна. Нет уж, кому другому, а Андревне завсегда поверю, потому не первый раз. Тогда еще, как замуж вытти мне, выгадала ведь; а там, как заболеть папаше, опять — про пожар

тоже, как сарай у нас сгорел с хлебом, — вперед сказала! А теперь вот про трефовую эту!.. Жива не останусь, а дознаюсь!

Рабачев *(указывая налево)*. Вон он, радуйтесь, на помине легок. Отыскался!

Авдотья Васильевна *(встает, отирает глаза)*. Так и есть, с охоты своей! Слава богу, хоть тверезый, кажется!

Входит Залешин с ружьем за плечами; садится на скамейку и опускает голову на руки.

Явление второе

Рабачев, Авдотья Васильевна, Залешин.

Авдотья Васильевна. Посмотрите, видите, Борис Борисыч… как у нас являются! На жену и не взглянул, как ее и нет; а два цельных дня не видались.

Залешин. Шатался, шатался!.. Жажда мучает; нет ли у тебя чего, Борис?

Рабачев. Воды, квасу, что ли?

Залешин. Нет, уж это можешь сам потреблять, а нам чего-нибудь поживительней! Водки нет ли?

Рабачев. Водки нет у меня, не держу.

Залешин. Ну, коньяк, вино?

Рабачев. Ничего этого нет.

Залешин. Скверно! Вперед всегда имей все на

случай для жаждущих, странных и убогих.

Авдотья Васильевна. Как же! Наготовишься на вас таких! Винный завод надо завести. Заливайте, заливайте ум-разум свой! Что только выдет из этого?

Залешин. Перемелется — какая-нибудь мука да будет! А вы, Авдотья Васильевна, по какому же случаю сюда отъявились? Зачем?

Авдотья Васильевна. Зачем?.. Я уж не знаю, куда мне броситься, куда деваться, куда голову свою приклонить, бедную!

Залешин. Гм!.. Чего же вы так уж очень беспокоитесь?

Авдотья Васильевна. Семью бросили вы, дом забыли. Все врозь да в сторону у нас пошло! Бога вы не боитесь и людей не стыдитесь! Вот что!

Залешин *(Рабачеву)*. Аль во зеленый луг собираешься?

Рабачев. Нет, хотел сад выкосить.

Авдотья Васильевна. Вы что ж, домой-то собираетесь или нет? До завтра здесь будете сидеть?

Залешин. Собираюсь, собираюсь.

Авдотья Васильевна. Так уж пора, кажется, вечер на дворе. Поедемте, что ли!

Залешин. Можете отправляться; сейчас буду. Я верхом!

Авдотья Васильевна. А если опять пропадете, так и знайте: я завтра уеду к папаше! И детей возьму, — довольно я намучилась!

Залешин. Так и будем знать!

Авдотья Васильевна *(уходя)*. Прощайте, Борис Борисыч!

Рабачев. Прощайте, Авдотья Васильевна!

Явление третье

Залешин и Рабачев.

Залешин. Таскался по болоту, дичь стрелял, да в голову вдруг и пришло: не лучше ли вместо бекаса-то в себя! Вся хандра разом пройдет!

Рабачев. Чорт знает что городишь!

Залешин. Из всякой колеи выскочил, весь в разладе!.. Мерзость!

Рабачев. Пора опомниться да за ум взяться; хорошего не выйдет!

Залешин. Всё мы, братец, знаем и понимаем; да вот поди-ка угомони себя, как со дна души-то буря поднимется-да перевернет все! Эх!.. А тебя я, кажется, в добрый час познакомил с ней: вы подружились!.. Сегодня видел ее?

Рабачев. Нет, и вчера не был.

Залешин. Что так?.. Или надоел ей, турнула?..

Рабачев. Напротив, очень ласкова! Гуляли, ка-

тались, в лесу были; раз ночью разложили костер, пели; она мне рассказала про свое житье-бытье за границей. А теперь больше мне некогда, дела много дома.

Залешин. Продажа имения подвигается?

Рабачев. Потеха!.. Покупщик этот, Худобаев, тогда поехал с нами луга осматривать; я с ней на тройке, а он с Дерюгиным сзади; я пустил во весь дух, Дерюгин не отставал; приехали на луг, так Дерюгин его едва ссадил с телеги, совсем развалился. После, слышно, слег, и до сих пор нет его; она уж писала, чтоб дал решительный ответ; не знаю, получила ли!..

Залешин. А про меня спрашивает?

Рабачев. Удивляется, что ты совсем исчез, не бывал у нее.

Залешин. Кланяйся, как увидишь, и скажи, что боюсь! Можешь рассказать о моем поведении и прибавить: боится-де, что будет еще хуже.

Рабачев. Да я тоже не буду у нее больше, довольно гулять.

Залешин. Это что?.. Тоже боишься?

Рабачев. Бояться!.. Чего тут бояться? А просто от дела отбился совсем, в голове что-то перепуталось.

Залешин. Не в ретивом ли закипело? Что ж,

это хорошо. И не беги от нее! Ты молод, свободен, отдавайся весь страсти; а там что будет, то будет. О, боже!.. Да я... вот отпетый уже и схороненный, а помани она меня хоть взглядом, я бы за ней на край света ушел — все побросал, все прочь!..

Рабачев. Ну, а я не хочу безумствовать. Ты еще не знаешь, я еще не говорил тебе... Мне есть что беречь и чем я должен дорожить больше всего в мире!

Залешин. Женщина, другая женщина?

Рабачев. Да! И я люблю ее, крепко люблю!

Залешин. Однако скрытен же ты!

Рабачев. Нечего было болтать прежде времени.

Залешин. Девушка?

Рабачев. Девушка; хорошая, простая душа, милая.

Залешин. Жениться думаешь?

Рабачев. Непременно. А вот эти дни с барышней этой все путаемся, совсем было забыл про нее. Теперь опомнился, — скверно, совесть грызет! Нет, шабаш, — кончено!

Залешин. И на грех она приехала к нам! Жили бы мы без нее в своих потемках; а то осветила она нам наши болота, а согреть не согрела!

Рабачев. Не пойду я больше к ней... не увижу

ее никогда, вот и конец! Незачем мне! *(Взглянув на крыльцо.)* Оля!.. Вот она, видишь, вот кого я люблю!

Бежит к крыльцу, на котором показывается Оля.

Залешин. Так вот кто!.. Ну, прощай, брат! Счастливо оставаться! А я *(махнув рукой)* домой, в свою тюрьму! *(Уходит в калитку.)*

Явление четвертое

Рабачев и Оля.

Рабачев. Сама пришла, вот умница-то! Вот умница!

Оля. Да уж теперь бежала к тебе без стыда и без страха: люди смотрят, а мне все равно. Одно в голове было, чтоб узнать что-нибудь о тебе, — видеть-то уж и не чаяла.

Рабачев. Как ты меня обрадовала! Ну, вот твое хозяйство! Смотри, хозяйка моя милая!

Оля *(припадая к Рабачеву)*. Я к тебе третьего дня и ночью прибегала, да тебя не было дома.

Рабачев. На лодке катался.

Оля. С ней?

Рабачев. Да, с ней.

Оля. Ты все с ней, я-то… уж я думала, думала. Как же ты это… не пожалел?

Рабачев. Уж теперь кончено, довольно. Потешил ее, и сам подурачился, и будет с меня. Нет, уж теперь калачом не заманишь.

Оля. Ты ведь и тогда то же говорил, а потом…

Рабачев. Ах! Да разве я хвалю себя! Молод — вот беда-то моя! Словно как я охмелел!.. Ну, да вот очнулся, конец!

Оля. Нет, ты мне вот что скажи: ты меня все любишь… все еще так же, как прежде?

Рабачев. А то кого же, кого же еще мне любить-то? Ее, что ли? Так ты только подумай; что мне она, на что! И что я для нее? Так, потеха одна, баловство.

Оля. Вот точно камень с души свалился; а то было ведь я что думала-то! Ты не сердись! Тоска меня одолела; ну вот грызет день и ночь. Думала, коли уж он меня покинул, так пойду взгляну на него последний раз, да и… страшно и подумать, не то что вымолвить! Ты сам посуди: как мне жить без тебя и для чего жить?

Рабачев. Ольга, довольно; пора кончить этот разговор!

Оля. Ты ведь не пойдешь к ней больше?

Рабачев. Сказано тебе, не сто раз повторять!

Оля. Ну, так вот видишь: у меня даже слезы от радости, так мне хорошо!

Рабачев. И мне так хорошо, что и домой тебя отпускать не хочется.

Оля. И мне уходить не хочется.

Рабачев. Так оставайся! Что тут еще бобы-то разводить! Вот и хозяйничай!

Оля. Нет, нет, что ты! Как можно! Ты поезжай поскорей к отцу-то!

Рабачев. Завтра же поеду! Да скажу ему, что, пожалуйста, мол, поскорей свадьбу, я церемоний не люблю; а то, мол, я и так увезу.

Оля. Ты только отцу-то скажи; а то, пожалуй, увози. Ох, что-то уж и не верится такому счастью!

Рабачев. Осенью у меня будут деньги, выстрою новый дом, небольшой; комнатки маленькие, чисто, светло, цветов побольше…

Оля. Да!.. А окнами чтобы выходил на реку… весело: ходят барки, народ…

Рабачев. На реку и будет. Потом сад побольше разобьем; в саду будем работать вместе.

Оля. Буду; я очень люблю копаться в саду… Ах!

Рабачев. Что ты?

Оля *(указывая налево)*. Смотри — она! Идет сюда… Я спрячусь!..

Уходит в дом. В калитку входит Ренева.

Явление пятое

Рабачев и Ренева.

Ренева. Хорош, хорош! Как же вы смели два дня не являться? Видите, сама пришла.

Рабачев. Я был очень занят-с.

Ренева. Могу спросить, чем?

Рабачев. Рабочая пора, мало ли дела!

Ренева. Ну, вот сегодня, сейчас, например, что вы делали?

Рабачев. Собирался косить в саду.

Ренева. Собираться не значит еще делать!

Рабачев *(указывая)*. Вон косу точил.

Ренева. С вами никого не было?

Рабачев. Когда?

Ренева. Сейчас?

Рабачев. Никого. Я один.

Ренева *(с улыбкой)*. А мне послышался чей-то голос.

Рабачев. Что это, допрос, что ли? *(Садится.)*

Ренева. Так что же, хоть бы и допрос!

Рабачев. Права-то у вас нет, кажется!

Ренева. А если есть, если я интересуюсь вами, как, может быть, никем и никогда?

Рабачев. Полноте шутить! Какой интерес, и на что я вам?

Ренева. А вот какой: я волнуюсь, тоскую; я умирала эти дни и все ждала вас. А у него, видите ли, какие-то дела важные!

Рабачев. Не важные, а насущный хлеб.

Ренева. Фи, стыдитесь! Такой молодец и толкует о насущном хлебе, как старик о богадельне! Умрете, что ли, с голоду? Одним словом, как хотите, а на несколько дней еще вы мой. Вы не можете, не смеете отказать!

Рабачев. Эх!.. Право, ведь… знаете… *(Ходит.)*

Ренева. Ничего не знаю и не хочу знать!.. Что это!.. Мне даже стыдно за вас!.. Но вы поймите, ведь только на несколько дней! Если сегодня Худобаев не ответит решительно, то есть попросту, тогда я продам имение крестьянам, за что бы только ни продать и не медля уеду, и прощайте навсегда!.. А вы уж рады, что исчезнет, испарится эта досадная женщина, которая так тревожит вас!

Рабачев. Нисколько. А признайтесь, что сами вы желаете поскорей уехать отсюда, скучно вам здесь с нами.

Ренева. Скучно, да, смертельно скучно! А тут вы еще, жестокий, отталкиваете меня. Погодите, уеду, так вспомните, может быть, и не раз!

Рабачев. Вспомню, конечно; уж наверно вспом-

ню.

Ренева. Как? Злом или добром?.. А? Злом?

Рабачев. За что же мне вас вспоминать злом?

Ренева. И я так думаю. Женщин вы, конечно, встретите еще много в жизни; полюбите, пожалуй женитесь; будет у вас хорошая жена и поинтересней, получше, нежели у Залешина Авдотья Васильевна; но все же такую, как я, вряд ли уже увидите! Я для вас новость, как и вы для меня. Женщина вольная, как птица! Есть ли у вас такие?

Рабачев. Да, у нас тут таких не встретишь.

Ренева. Вот и насмотритесь на меня хорошенько! Не все же одни и те же лица, одни и те же чувства. Эх, господа, как посмотрю я на вас да подумаю над вашим благоденствием! Нет, не хочу, не променяю я своего бездолья и бесприютности на него! Я живу, а вы здесь прозябаете!.. Да, а что же Залешин? Неужели он не приедет даже проститься со мной?

Рабачев. Не знаю; я думаю, что приедет.

Ренева. Что он?

Рабачев. Не хочется говорить! Хандрит и дурит!

Ренева. Как я довольна за него, что он хандрит! Авось похудеет; а то он очень толст и близок к

удару. И осиротеет его Авдотья Васильевна!.. А, вот и мой Денис Иваныч шествует ко мне.

Рабачев. А меня уж извините, я на минуту, мне нужно в дом. Позвольте!

Ренева. Позволяю!

Рабачев уходит в дом. В калитку входит Дерюгин.

Явление шестое

Ренева и Дерюгин.

Дерюгин. Был у вас, барышня, сюда послали.

Ренева. Что скажете?

Дерюгин *(подает письмо)*. Вам от барина-с.

Ренева *(быстро распечатывает и пробегает)*. Что такое?.. Ничего не понимаю! *(Читает вслух.)* «Неведомое мне до сей поры чувство охватило все мое существо! Дни и ночи я провожу в смятении и думах: то блеснет луч надежды, то угаснет, и я снова во мраке и страдаю! По долговременном и зрелом размышлении я, наконец, решаюсь и завтра буду иметь честь явиться, дабы выслушать свой приговор. С чувством наиглубочайшего уважения…»

Дерюгин. Ишь ты как! Только это насчет чего же-с он, примерно?

Ренева. Не знаю!.. Я вас спрашиваю.

Дерюгин. Мы не могим знать!

Ренева. Да он здоров?

Дерюгин. Он не то чтобы вполне, а ничего, кажись; встал с постели это, похаживает.

Ренева. Нет, я не то спрашиваю! А что его голова, то есть не помешался ли он?

Дерюгин. Хм! Незаметно; а будто только что-то он держит в голове такое, особенное.

Ренева. Да что же это наконец? Ничего он не говорил вам?

Дерюгин. Ни-ни, сикрет! А только наказывал доложить вашей милости, что завтра сам явится и будет у него объяснение с вами наедине.

Ренева. Нет, он свихнулся! Как же? Жду, жду, наконец пишу, спрашиваю коротко: покупает он или нет? И вдруг ответ: неведомое чувство, смятение и думы! И в заключение — еще какое-то объяснение наедине!

Дерюгин. Да вот завтра узнаем, барышня; надо до завтра уж подождать.

Ренева. Только до завтра, — больше я не жду! Так ему и передайте.

Дерюгин. Слушаю-с.

Ренева. Ну, уж благодарю, отыскал покупщика, Денис Иваныч!

Дерюгин. Ах, барышня, я и сам не рад, что свя-

зался: замучил он меня своей канителью!

Ренева. И я уверена, что с ним пива не сваришь, как говорится! Я еще раз предлагаю вам: покупайте вы именье!

Дерюгин. Барышня, денег нет у нас.

Ренева. Есть у вас деньги, Денис Иваныч! Хотите, я сделаю вам рассрочку? Не упускайте!

Дерюгин. Гм!.. Коли ежели скидочку изволите…

Ренева. Ну! Торговаться!.. Ступайте и подумайте; а завтра чтоб и у вас был готов ответ на случай, да и деньги.

Дерюгин. Вашей милости мы рабы верные, должны покоряться! Подумать можно. А пока, барышня, просим прощения!

Ренева. Прощайте! Так помните, завтра!

Дерюгин. Будем помнить-с!

Уходит. Входит Рабачев.

Явление седьмое

Ренева и Рабачев.

Ренева. Так вы и не скажете мне?

Рабачев *(задумчиво)*. Чего? Что вам угодно?

Ренева. Мне все сдается, вы не одни были, когда я пришла, что у вас был кто-то и я спугнула. Может быть, и теперь здесь…

Рабачев. Ну, был, был… и теперь здесь.

Ренева. Женщина, конечно?

Рабачев. Да.

Ренева. Любимая?

Рабачев. Любимая.

Ренева. И очень любите?

Рабачев. Очень.

Ренева. Так вот как вы! Наконец-то я узнала!.. Да нет, неправда, вы шутите; такой тон…

Рабачев. Как хотите, так и думайте!

Ренева. Я хочу думать, что ée нет… такой женщины. Ну, пусть она есть; пусть даже в эту минуту она видит и слышит нас, но по крайней мере в этот вечер она не должна существовать. Сегодня вы мой! Слышите?

Рабачев. А если невозможно?

Ренева. Ни слова!.. Ужли же это такая страшная жертва? Нет, этот вечер мы вместе, вдвоем, и никто нас не разлучит. Мы пустимся сейчас на лодке туда… куда-нибудь подальше! Прокатимся в последний раз!.. В последний раз вы с этой странной женщиной!.. Уеду, тогда успеете любить и наслаждаться, не уйдет ваше сонное счастье! Собирайтесь! Я бегу к лодке и там жду!

Уходит. Оля показывается на крыльце.

Явление восьмое

Рабачев и Оля.

Оля *(с крыльца)*. Звала?

Рабачев. Звала.

Оля. Ты не пошел?

Рабачев. Нет, иду.

Оля. Как? Куда?

Рабачев. Кататься на лодке.

Оля. Да ведь как же… ты сказал мне…

Рабачев. Ничего это не значит. В последний раз потешу ее, и кончено!

Оля. Боря, голубчик! Ради бога, не ходи, умоляю тебя! Пожалей ты меня!

Рабачев. Так, значит, ты мне не веришь! Не веришь теперь, и после, и дальше так будет — что ж это выйдет у нас за жизнь? Без конца мученье!

Оля. Нет, клянусь тебе, я верю, верю! Но страшно мне что-то, страшно!.. Вот боюсь до смерти!..

Рабачев. Не ребячься, Оля, прошу тебя, не огорчай меня!

Оля. Я верю тебе, я понимаю, что ничего… Да вот сердце-то, сердце-то мое… Что ж ты с ним сделаешь?

Рабачев. Да что такое, не съест же ведь она меня в самом деле! Покатаюсь, да такой же при-

еду. А ты вот сбегай домой да, как все уснут у вас, прихода ко мне.

Оля. Пряду, приду, милый! Как же не притти, разве утерпит сердце! Все будет думаться, где ты, да что ты!

За сценой голос Реневой: «Борис Борисыч, я жду!»

Рабачев. Ну, прощай! Приходи же! *(Убегает.)*

Оля *(с крыльца, вслед Рабачеву)*. Убежал! Воротить бы надо на минутку. *(Кричит негромко.)* Боря, Боря!.. Нет, не воротишь! Да нет, что же я! Ведь он знает, знает, что мне расстаться с ним все равно, что с жизнью. *(Приподнимается на крыльце и кричит громко.)* Боря, Боря! Так ты и знай! Что с тобой расстаться, что с жизнью — мне все равно!

Действие четвертое

ЛИЦА:
Ренева.
Залешин.
Рабачев.
Оля.
Дерюгин.
Худобаев.

В глубине высокий берег реки, на котором разбросано несколько бревен; по обе стороны лес. Светлая лунная ночь.

Явление первое

Дерюгин, потом Худобаев.

Дерюгин *(выходит слева; один).* Ишь закатывают песни на той стороне; должно, робята в ночном! *(Подходит к берегу.)* На реке тихо, и плоты мои целы. *(Садится на бревно в размышлении.)* Что-то будет у нас завтра? Да пожалуй, что так выдет: от барина ничего настоящего не дождешься, а развязывай-ка кису, Денис Иваныч, да выкладывай! А хоть и в рассрочку — много денег, ох, много! Стоитто оно стоит… вдвое стоит — что говорить, клад сам в руки дается, да деньги-то отдавать, ох!.. Нож это мне вострый! Не ндравится!.. Забарствует тогда Денис Иваныч, узнают его!.. Ну, и скручу ж я вас, други милые, миряне православные. Полно вам, ребятушки, баловаться; подвяжу я вам хвосты, это не то, — что у господ вы!.. *(Зевает.)* Ох, хо, хо, господи, помилуй нас грешных! *(Встает и смотрит, направо.)* Живой человек объявляется… Кто ж бы это такой?

Идет навстречу, показывается Худобаев, в теплом пальто, с меховым воротником, с головой,

обвязанной шарфом.

Барин!.. Да это вы?.. Не почиваете еще?

Худобаев. Не мог заснуть — бессонница! Но вообще я чувствую себя теперь довольно хорошо и бодро. Вышел освежиться! Доктора говорят, что деревенский воздух располагает ко сну.

Дерюгин. Это действительно, потому воздух легкий.

Худобаев. Ночь прекрасная; немного сыро, в левой ноге ощущаю ревматизм.

Дерюгин. Ничего, сударь, оделись вы тепло, впору ходить зимой так! А далеконько-таки вы изволите гулять! Версты, чай, две будет от дому.

Худобаев. Не заметил; задумался. *(Садится на бревно.)*

Дерюгин. Это так-с; за этой думой можно уйти далеко. У нас так-то мужичок есть, Панкратом зовут, случилось с ним летось, лошадь у него увели; вот и пошел он искать, да дорогой и задумайся, идет да и думает. Шел, шел так, да в чужую губернию и зашел. Ну, обыкновенно, за бродяжничество в остроге посидел там, сколько ему следует, да уж на третий месяц так-то по этапу и вернулся. И теперь смеются ему: «А что, Панкрат, лошадь нашел?» — Как шибко ругается за это, страсть!

Худобаев *(про себя)*. Н-да, многое еще надо сообразить.

Дерюгин. Да что тут, сударь, соображать! Дело все на глазах. Надо решение какое-нибудь от вас.

Худобаев. И решимость есть, но меня несколько форма затрудняет: в какой форме?

Дерюгин. А ежели без формы, безо всякой пока сделать, ее на после отложить?

Худобаев. Нет, вы не знаете, о чем я думаю.

Дерюгин. Конечно, сударь, мы люди темные, вы нас простите! Мы брякаем так, от своего необразования. Я полагаю так, что это вы насчет то есть купчей крепости?

Худобаев. Ах, нет, совсем не то!

Дерюгин. А завтра надо нам, сударь, являться; уж то ли, другое надо барышне сказать.

Худобаев. Завтра… да… непременно завтра.

Дерюгин. А мне тоже что-то не послалось: лег это на сене… пес его знает, точно кусает что-то; встал и пошел; да вот, кстати, лес тут свой на реке посмотреть, цел ли. Купил у плотовщиков, а убрать не успел. Ну, и берет опаска. Народ у нас — выжига, свой же сосед не постыдится убрать, что плохо лежит. Спуститься, привязать хорошенько. *(Скрывается.)* Я тотчас-с, а там хоть и провожу вас.

Худобаев. Мне кажется… да… нет сомнения, ведь сама же намекнула: «Может быть, ваше счастье близко, здесь!» Какая милая женщина! Она теперь в сладком сне, с улыбкой на устах! Какая картина! *(Напевает.)*

На заре ты ее не буди,

На заре она сладко так спит!

Дерюгин *(показываясь)*. Прикрутил крепко! Вот как, барин песенки распевает! Слава богу, поправились!

Худобаев. Ночь очень хороша, невольно что-то чувствуешь!.. И притом… да… мне несравненно лучше, я очень бодр!

Дерюгин. Всякое дыхание радуется, к примеру! Такая погода стоит! И уборка у нас важная, что бог даст дальше! А как рыба плещется, нет, нет, да и ударит, ровно поленом! Что ее здесь, этой рыбищи! Вот кабы невод хороший, пудов пятьдесят зацепить можно.

Худобаев. Но все-таки я чувствую, что сыро; надо домой. *(Идет.)*

Дерюгин *(следуя за ним)*. Да, уж поберегайтесь, сударь, а то опять бы не расклеиться!

Уходят. Слышен плеск весел, но лодки за берегом не видно. Удары весел замолкают. Входит на

берег Ренева, за ней Рабачев.

Явление второе

Ренева, Рабачев.

Ренева. Фу!.. Хорошо!.. Хорошо ведь?

Рабачев. Хорошо!

Ренева. Вот теперь сядем здесь, поговорим, отдохнем. *(Садится на бревно.)* Вы не думайте, мы еще покатаемся! Вы не устали грести?

Рабачев. Нисколько не устал.

Ренева *(оглядываясь)*. Где это мы? Я этого места что-то не помню. Мы не отсюда поплыли?

Рабачев. Нет. *(Встает и указывает налево.)* Вон ваша деревня; а поплыли мы вон — ниже, от моей усадьбы.

Ренева *(встает, одной рукой опирается на плечо Рабачева, а другой показывает вдоль по реке)*. А вон это? Где это огонек светится?

Рабачев. Это у купца Горбина во флигеле, тут ваш покупщик Худобаев обитает на даче.

Ренева. Вот он где! Ха, ха, ха! Не спит! Что-то он делает? Верно, банки ставит. Чем-то он меня завтра утешит?.. А вот еще близко огонек. Вдруг мигнул и погас. Заметили?

Рабачев. Заметил.

Ренева. У кого это?

Рабачев. У Василькова в доме.

Ренева. Ах, так вот где Васильков живет! Миленькая эта Оля у него. Забежала ко мне раз, да и пропала. Теперь я осмотрелась и узнаю местность. *(Указывая налево.)* Там дальше, за рощей, кажется, Тиновка Залешина?

Рабачев. Да, там.

Ренева. Залешин!.. *(Задумывается.)* Когда-то и с ним проводили мы ночи в горячих беседах!.. Почивает он теперь после сытного ужина на душном пуховике! А бог весть, может быть, и хандрит!.. А ночь-то, ноченька! Да, хороша она; а всё не то, что там, далеко, под другими небесами!

Рабачев. Хорошо и здесь; особенно тому, кто не видал другого.

Ренева. Да; но здесь, когда хорошо, то все куда-то манит тебя — улетел бы; а там бывают такие минуты, что никуда уж не хочется. Впрочем, мне сегодня, вот сейчас, и здесь хорошо; так хорошо мне, как давно не было: и грустно, и сладко! И никуда не манит… Одного бы мне теперь…

Рабачев. Чего же?

Ренева. Чего? *(Смотрит на Рабачева, решительно.)* Чтоб вы любили меня!

Рабачев *(с испугом)*. Зачем вам? Что вы хотите от меня? Ведь вы забавляетесь и больше ничего!

Ренева. Нет, в эту минуту я вас страстно люблю!

Рабачев. Что вы говорите! Это фантазия, минутное увлечение.

Ренева. Пускай минутное, но оно горячее, искреннее…

Рабачев. Завтра уедете, и все исчезнет!

Ренева. Завтра уеду, а сегодня хочу жить! Что хорошо, то всегда коротко!.. Ох!.. *(Встает.)* Поедем еще… вон туда! Что это там?

Рабачев. Остров.

Ренева. А что там сверкает?

Рабачев. Вода между ракитником; там всё заливы. А вон дальше белеет — это песок; это он от луны кажется белым.

Ренева *(восторженно)*. Вода, ракитник, белый песок! Там русалки, — пусть они нас вместе защекочут. Я сама хочу быть русалкой! Едем!

Рабачев. Нет, я домой. Пустите меня, пора!

Ренева. Она ждет?

Рабачев. Ну да, ждет!

Ренева. Нет же, нет, не будет этого, не пущу. Я задушу вас! Видите, я плачу! *(Рыдает.)* Борис Борисыч, что со мной?.. *(Убегает.)*

Рабачев *(хватаясь за грудь)*. Ах!.. А со мной-то что!.. *(Следует за ней.)*

Залешин выходит слева, сильно выпивши.

Явление третье

Залешин, потом Оля.

Залешин. А что?.. Не пошел? «Не буду у нее больше, не пойду!» Дудки, брат! Либо ты меня, либо сам себя обманывал!..

Справа выходит Оля, закутанная в платок, робко озираясь.

Кто идет?

Оля. Ах!.. Кто это?

Залешин. Я!.. Уж простите… Ну что ж, каков есть!.. А это вы, барышня! И знаю куда, и знаю к кому! Я все знаю!.. А вы не бойтесь меня, ничего, не скрывайтесь… И скажу вам, — не ходите, подождите, его нет; я сейчас был; он гуляет и, пожалуй, долго прогуляет!.. Гуляли и мы!

Оля, пошатнувшись, едва не падает. Он подхватывает ее под руки.

А это вот нехорошо. Стой, не шатайся! А вот мы сядем с вами здесь, это будет лучше.

Ведет, сажает ее на бревно и садится рядом.

Оля. Ох, ох! Как у меня голова что-то!

Залешин. Ничего, пройдет. Кто там где, а мы здесь. А ночь… она одна над всеми. И фонарик этот небесный, он сверху светит всем: и радост-

ным, и печальным. Геката… да, Геката! Давайте поплачем, что ль, вместе!.. Иль посмеемся!.. Нет, смеяться лучше… Видали вы уродов-то? Не видали? Так смотрите! Вот он перед вами!.. Люди гуляют, а он бесится!.. Ничего до него не касается, посторонний он человек, а он ревнует. Вы только это поймите! Каков урод! А! Эко безобразие-то в людях бывает!

Оля *(вскакивает)*. Постойте! Мне послышалось на реке…

Залешин *(встает и смотрит на реку)*. Ни-ни, ничего нет. Игра воображения, милая барышня…

Оля *(опускаясь)*. Дурно мне, дурно.

Залешин *(садится)*. Ну, это ничего, это пройдет… Все войдет в свою колею!.. Пустяки! Вот завтра взойдет солнце, новый день настанет…

Оля. Солнце взойдет, день наступит, а если счастья-то уж нет, так на что день, на что это солнце? Не надо его.

Залешин. Ну, завтра и увидим, тогда и подумаем; потому утро вечера мудреней. *(Встает.)* Эка штука какая, скажу вам! Вот поди ж ты! Ведь вы мне на счастье попались, милая барышня… барышня милая. *(Стучит в лоб.)* Тут-то вот, на чердаке-то, у меня словно светлей стало! А то чисто одержимый; к чорту на кулички меня несет,

вот куда!.. Так вот оно!.. Да, так!.. Коли, значит, слабый человек станет поднимать другого слабого, так берется у него тогда, невесть откуда, сила! Так!.. *(Садится.)* А вы милая, вы милая барышня. Вижу, вижу теперь, где я вас… я вас в церкви только и видал… Вы зачем в церковь? Молиться?

Оля. Да, молиться.

Залешин. Отлично! Возвестим печали своя! Я и забыл, когда я молился… а сейчас могу. За вас могу, а за себя… не умею.

Оля. Что это со мной, у меня как будто все окостенело внутри?

Залешин. Это… это нехорошо…

Оля. Вы никому не скажете, что видели меня?

Залешин. Я-то? Я-то, пустой человек, да буду про других рассказывать! Чудно! Я и с собой-то не разберусь, не соображу никак!

Оля. А то все равно, хоть всему свету расскажите!

Вдали раздается сторожевой церковный звон.

Ах! Это на погосте!

Залешин. Вот где покой-то, вот где спят-то крепко!

Оля. Послушайте!.. Вот что!.. Вот что я хотела у вас спросить…

Залешин. Спрашивайте.

Оля. Про смерть… как вы думаете, страшно умирать?

Залешин. Умирать-то?.. Хм!.. Я и сам вот на охоте про то же размышлял. Ничего, мне кажется, только бы покороче, поскорей чтобы!

Оля. Как это, живешь и вдруг — куда? Где человек очутится? Вот что страшно-то, что не знаешь!

Залешин. Материя темная для нас, смертных. Обидно то, что кто ушел-то туда, так не возвращается и не сказывает! Да что за разговор мы затеяли? Ведь не сейчас же мы в неизвестность!..

Оля. Нет, я так это. Ударил колокол, пришло в голову… Ах! *(Закрывает лицо платком.)*

Залешин. Да бог с вами, что это вы? Плакать, что ли? Ну, плачьте, пожалуй, — это лучше. То есть говорят, что будто лучше; а по-моему, что в слезах хорошего? А уж отчаиваться и вовсе не годится… в молодых летах. Мы… ну, мы дело другое. А у вас еще все впереди. Так горе-то как тучка, мимолетом, налетит и пройдет, опять разъяснится. Зачем серьезничать прежде времени!

Оля *(вскакивая)*. Ах, не утешайте, не жалейте меня! Не хочу я!.. Как мне душно, душа рвется.

Залешин. Ну, не надо, не буду.

Оля. Не нужно верить никому, не нужно наде-

яться; меньше горя будет.

Залешин. То есть оно, пожалуй, с одной стороны…

Оля *(подумав)*. Что мне в голову пришло! Ведь я напрасно плачу, я глупа. Погуляет, да и домой придет. Ведь прежде гулял же он до рассвета. Подожду, так и дождусь.

Залешин. Да, конечно, давно бы так.

Оля *(помолчав)*. Скоро наша свадьба. Он завтра поедет к отцу… Ведь отец согласится?

Залешин. Еще бы!

Оля. Ну, сейчас и свадьба.

Залешин. И чудесно!

Оля. Он хочет новый дом выстроить, окнами на реку… Веселенький домик будет. Я и отца к себе перевезу. Мы будем смеяться, а старик ворчать на нас. Отец меня очень любит; какое он мне хорошенькое платье подарил к Троицыну дню! *(Прислушивается.)* Чу! Слышите теперь?

Залешин. Теперь слышу, плывет кто-то. *(Подходит к берегу.)*

Оля. Это они — он с ней!

Залешин. Может быть.

Оля *(убегая в кусты)*. Они, они!

Залешин. Они… да!.. И близко уж!.. *(Отходит.)* Куда ж она убежала?.. А мне-то тут что делать,

какую фигуру из себя изображать? Нет, уж коли стал дураком, так дурачься один на один с собой, про себя; а людей тешить своей глупостью… нет уж, зачем же!

Уходит. Входят Ренева и Рабачев.

Явление четвертое

Ренева и Рабачев.

Ренева. Ну что, милый Борис Борисыч, довольны ли вы прогулкой?

Рабачев. Да что говорить! Ваш теперь! Возьмите меня себе!

Ренева. Что ж, можно. *(Садится на бревно.)*

Рабачев. «Можно»! Нет, это не то слово, это не так. Непременно! Я вас не оставлю, теперь мы неразлучны. Я брошусь за вами, куда вам угодно. Я оставлю все, я буду учиться, я буду достоин вас. Я хочу видеть свет.

Ренева. Об этом завтра, милый Борис Борисыч. А теперь подите сядьте подле меня, я хочу поиграть вашими кудрями.

Рабачев. Нет, что за игра! Теперь уж мы неразлучны… говорите, неразлучны?

Ренева. Хорошо, хорошо; но до завтра мы все-таки расстанемся.

Рабачев. Нет. Вы лучше б уж меня не трогали;

а то вы разбудили такую силу, от которой уж вам не уйти. Нам уж или жить вместе, или умирать вместе!

Ренева *(с испугом)*. Как умирать? Зачем умирать?

Рабачев. Да так! Если вы не хотите быть моей навсегда, так смерть нас повенчает.

Ренева. Что вы говорите!

Рабачев. Да, схвачу вас сейчас, да вместе в воду!

Ренева *(отступая)*. Вы с ума сошли?

Рабачев. Нет, так; так и будет.

Ренева. Кто-то идет. Вон народ! До завтра, до завтра! Не идите за мной! Вон народ! *(Убегает.)*

Рабачев *(вслед ей)*. До завтра? Хорошо, я подожду до завтра, я перенесу эту разлуку; но и завтра я буду такой же, как теперь. *(Садится на бревно.)* Так вот она, любовь-то, вот страсть-то настоящая!

Опускает голову на руки. Оля выходит из лесу.

Явление пятое

Рабачев, Оля.

Рабачев *(поднимая голову)*. Оля?

Оля. Я.

Рабачев. Пришла?

Оля. Да, ты велел; я ждала тебя долго, только уж теперь прощай!

Рабачев. Ты здесь была?

Оля. Здесь.

Рабачев. Видела?

Оля. Все видела.

Молчание.

Рабачев. Да говори же что-нибудь скорей, говори! Только не слезы.

Оля. Нет, слез не будет.

Рабачев. Ну! Ведь я жду! *(С жаром.)* Да проклинай же ты меня!

Оля. Нет, зачем! Дай тебе бог радости и счастья.

Рабачев. Да ну! А ты как? С тобой что будет?

Оля. Со мной-то? Да я еще не обдумала хорошенько. Да что и думать-то! Дело обыкновенное.

Рабачев. Что же, что же?

Оля. Я замуж пойду.

Рабачев. Не может быть!

Оля. Боря, после того, что я видела, что случилось Сейчас, все может быть.

Рабачев. За кого же ты пойдешь?

Оля. За кого отдадут, кто посватается.

Рабачев. Так, не любя, как же это?

Оля. Да какая любовь, Боря! Любви нет. Уж я как

верила, что ты меня любишь; а где ж эта любовь? Отчего же мне нейти? Мне все равно теперь, мне нечего жалеть, нечего беречь, у меня ничего нет. Мне как-то легко, и как будто я веселая. Только эта легкость какая-то особенная: как будто все с меня свалилось, ничего у меня нет, ни горя, ни радости, ну, ничего — и души нет.

Рабачев *(хватаясь за голову).* Нет, Оля, плачь лучше! Пусть душа страдает, а так хуже.

Оля. Да ничего, ты не бойся! А как это пришлось странно: здесь, на этом берегу, мы в первый раз встретились с тобой и теперь тут же расстаемся навеки. Помнишь?

Рабачев. Помню.

Оля. Только тогда было утро, а теперь ночь: как короток наш день-то был, как скоро он прошел!

Рабачев. Ах! Да, прошел.

Слышен звон сторожевого колокола.

Оля. Чу! Слышишь, зовут меня? Пора мне.

Рабачев. Что ты говоришь, Оля? Опомнись!

Оля. Да, пора, пора. Прощай, жених мой ненаглядный! Прощай, Боря, голубчик, дорогой мой! *(Бежит направо.)*

Рабачев *(идет за ней).* Оля, Оля!

Оля *(останавливается).* Нет… ничего, ничего… не надо.

Удар колокола.

Слышишь? *(Уходит.)*

Рабачев. Прощай, Оля! Не так бы прощаться-то надо; что-то холодно это. Да что же делать-то, у нее души нет, и у меня отнята. Выпросил ли я у нее прощенье-то? Простила она меня, кажется! Золото, золото я теряю, — что-то найду! Пойду коротать скучную ночь до веселого утра!

Уходит налево. Справа выходит Дерюгин.

Явление шестое

Дерюгин один.

Дерюгин *(прислушиваясь)*. Ишь ты, как плещет, ишь, как бултыхнулась! *(Подходит к берегу.)* С нами крестная сила! Уж не водяной ли шутит? Ну, а коли рыба, так уж рыбища редкостная. Завтра же утром скомандую своим парням в этом самом месте неводом закинуть!

Действие пятое

ЛИЦА:

Ренева.

Залешин.

Авдотья Васильевна.

Худобаев.
Дерюгин.
Рабачев.
Даша.
Ильич.
Степанида.

Декорация второго действия; в комнате следы сбора в дорогу: на полу чемодан, на столе сумка, плед и картоны.

Явление первое

Даша укладывает картон, Ренева входит.

Ренева. Все готово, Даша?

Даша. Кажется, все-с. *(Смеется.)* Одного вот нет, — денег не несут; за ними дело.

Ренева. Деньги будут; с минуты на минуту жду Худобаева. А не он, так Денис. Мне чтобы сегодня непременно уехать.

Даша. А пожалуй, и до завтра останемся. Уж делать нечего; ждали больше.

Ренева. Нет, сегодня же; я не хочу здесь оставаться дольше.

Даша. Что же так, барышня?

Ренева. Так мне нужно.

Даша. А как же, барышня, Борис-то Борисыч?

Он влюблен в вас до страсти. Я это сразу заметила: как говорит с вами, так все вспыхивает.

Ренева. Да, я знаю, что он ко мне неравнодушен, и даже очень; но зачем же напрасно возмущать людей! Я не хочу! Пусть после меня останется здесь мир и тишина; пусть их живут, как жили.

Даша. А жаль, барин-то хороший и такой молодец!

Ренева. Да, он молодцеват; но у него странный характер: он как-то беспокоен и даже страшен бывает, он может испугать, так что мне сегодня не хотелось бы даже и видеть его; лучше без лишних объяснений.

Входят Ильич и Степанида.

Явление второе

Ренева, Даша, Ильич и Степанида.

Ренева. А, старички! Даша, поди, пожалуйста, в переднюю, подожди там. Кто придет — доложишь.

Даша уходит.

Что скажете?

Степанида *(с поклоном)*. Матушка наша, барышня, отъезжать изволите?

Ренева. Еду. Жаль мне вас, бедных; какая старина!

Степанида. Стары мы, барышня, оченно мы стары; уж и перед добрыми людьми совестно даже, что чужой век живем, — а на все воля божья!

Ренева. Поживите; вам все-таки не скучно, вы вдвоем.

Степанида. Вдвоем, вдвоем, барышня; да уж оченно ругатель он у меня, и такой-то злющий стал тебе!..

Ильич *(огрызаясь)*. Ты добра!

Ренева. Ничего; поссоритесь и помиритесь.

Степанида. Это-то что, помиримся! А вот пропитанье-то не знаем, где теперича добывать себе, чем свой хлеб оправдывать, где нам голову приклонить. *(Подталкивает Ильича.)* Что ж стоишь столбом? Говори барышне.

Ильич. Говори ты; у тебя язык длинней.

Степанида. Вот он, перед вашею милостью, барышня, облаял! Ах ты, полоумный!

Ильич. Молчи, дурова лапотница!

Степанида. Бессовестный! Сам старый сыч!

Ильич. Замолчишь ты?.. Как же будет, барышня, у нас, как вы отъедете, стало быть, и нам отправляться со двора долой, куда глаза глядят? Потому как продажа эта в настоящее время...

Ренева. Что вы! Что вы!.. Вы останетесь по-старому; я распоряжусь, я сделаю условие с

покупщиком.

Степанида *(толкая Ильича)*. Кланяйся в ножки барышне.

Ильич. Постой, не толкай!

Ренева. Ах, пожалуйста, не надо! За что это вы? Вы, кажется, заслужили!

Ильич. Усерднейше благодарим, барышня! А что заслужили, это действительно, мы заслужили.

Ренева *(уходя налево)*. Пойдемте, я дам вам кое-что из вещей!

Степанида *(следуя за ней)*. Чурбан! Как следует поблагодарить не умеет! *(Передразнивая.)* «Мы заслужили»!

Уходят.

Даша *(пробегая через сцену)*. Слава богу, приехали!

Входит Худобаев во фраке, с шляпой в руке.

Явление третье

Худобаев, потом Дерюгин и Ренева.

Худобаев. Да, минута, можно сказать, единственная в жизни человека! У меня несколько дрожит сердце, но буду тверд. Форма же объяснения и самое изложение, мне кажется, хороши; лучше не мог придумать: «Человек — это стран-

ник, плывущий по морю житейскому!» Очень живописно! Очень удачное сравнение!

Входит Дерюгин.

Дерюгин. Барышня, верно, сию минуту пожалует. Насчет здоровья, сударь, смею вас спросить?

Худобаев. Н-да… Немножко в боку что-то и спина отчасти; но вообще хорошо, много лучше! Я бодр!..

Ренева входит и окидывает взглядом Худобаева. Дерюгин молча кланяется.

Худобаев *(расшаркиваясь)*. Имею честь кланяться, Анна Владимировна!

Ренева. Здравствуйте, садитесь.

Худобаев. Благодарю-с.

Садится. Дерюгин садится у дверей.

Ренева. Прежде всего, поправились ли вы? Я слышала, что вы пострадали от нашей поездки на луга.

Худобаев. Да-с, очень быстрая езда. Признаюсь, я не могу выносить, не люблю. Вынужден был некоторое время остаться дома.

Ренева. Простите! Это я виновата, я тогда вас пригласила.

Дерюгин. Помилуйте, барышня, где же им за вами поспевать! Им ежели легкой рысцой…

Худобаев. Нет-с, не извольте беспокоиться: я

оправился, вполне окреп, совершенно здоров-с!

Ренева. Зачем это вы во фраке? Что за церемонии?

Худобаев. Так-с, такой случай!.. Минута, можно сказать, для меня торжественная!

Ренева. Извините, не понимаю. Что ж, вы покупаете мое имение?

Худобаев. Н-да… нет-с… У меня, видите ли, есть соображение, то есть я бы желал… *(Откашливается.)*

Ренева. Пожалуйста, только скорей объясняйтесь, — я так спешу в дорогу.

Худобаев. Н-да-с… но именно я бы желал наедине…

Ренева. Что за тайны! Впрочем, извольте: Денис Иваныч, выйдите на минуту.

Дерюгин. Слушаю-с! *(Кашлянув в руку, выходит.)*

Явление четвертое

Ренева и Худобаев.

Ренева. Говорите, я вас слушаю.

Худобаев. Н-да-с… именно, минута торжественная для меня, и я первый раз в жизни решаюсь! Я долго думал-с!

Ренева. Но только короче и ясней, прошу вас,

сообщайте ваши думы, если это идет к делу.

Худобаев. Вы изволили сказать, что уезжаете отсюда?

Ренева. Еду сегодня же.

Худобаев. Н-да!.. И имеете решимость продать ваше имение?

Ренева. Кажется, это вам известно более, нежели кому другому!.. Что же мы будем толковать, о чем уже сто раз говорили!

Худобаев. Нет-с, но ваш отъезд и эта продажа могли бы устраниться, могли бы совершенно не состояться в случае…

Ренева. В случае, если я сегодня внезапно умру, да?

Худобаев. Нет-с; и при других обстоятельствах…

Ренева. Послушайте, вы меня решительно ставите втупик!

Худобаев. Сейчас-с, позвольте, сейчас будет ясно… Н-да-с… я много думал!.. Вообще человек… его можно сравнить с странником, который волею судеб плывет по океану; он переносит различные треволнения, страждет; но, наконец, обретает тихую пристань, источник чистого счастья и успокоения.

Ренева. Что за риторика! К чему все это?

Худобаев. Позвольте-с, позвольте! Вы сейчас увидите! Я много думал… Н-да… Странник!.. Вот и я-с: тридцать пять лет беспорочной службы, немало тяжестей и лишений; в заключение, — я не могу, конечно, пожаловаться, — служба меня вознаградила: я имею ордена, полную пенсию; притом же благоразумною бережливостью я составил накопление, — у меня около пятидесяти тысяч денег. Но… но все же я еще тот странник, пловец, не обретший еще тихой пристани.

Ренева. Нет, извините, я теряю всякое терпенье!

Худобаев. Позвольте, сейчас-с! И вот я случайно приезжаю сюда, для поправления расстроенного по службе здоровья, и вдруг… встречаю!.. Я долго думал! И мне кажется, я именно здесь нахожу…

Ренева. Свою пристань?

Худобаев. Да-с.

Ренева. Что же, и прекрасно, желаю вам…

Худобаев. Но все будет зависеть от вас-с, Анна Владимировна.

Ренева. От меня?

Худобаев. Единственно от вас-с; вы, так сказать, можете решить мою судьбу: или я получу блаженство земное, или останусь вечным пловцом, вечным странником!

Ренева. Да что же вам угодно, наконец, от меня?

Худобаев. Анна Владимировна, я уже имел честь письменно изложить вам…

Ренева. Да, я получила ваше письмо; но оно для меня так же странно, как и ваше настоящее объяснение.

Худобаев. Мое письмо — в нем именно мои чувства; при первом же знакомстве, с первого взгляда на вас, Анна Владимировна, я сказал себе: вы — моя судьба! Анна Владимировна, чувства мои глубоки и искренни, и в сию минуту я прошу… Н-да… прошу…

Ренева. Чего?

Худобаев. Я прошу вашей руки.

Ренева с удивлением смотрит на него.

С своей стороны, я сделаю все зависящее от меня для вашего счастья!

Ренева. Что же именно? Вы желаете взять меня и в придачу мое имение; что же за все это вы сами можете предложить мне?

Худобаев. Мой чин, мои ордена, — они дадут вам положение в обществе; потом я могу вам преподать некоторые нравственные правила, необходимые для молодой женщины.

Ренева. Немного. *(Встает.)* Нет, батюшка мой,

я не тихая пристань, вы ошиблись, я бурное море! И ваш челнок, нагруженный нравственными правилами, сразу бы разбился вдребезги, да и от вас самих не осталось бы ничего, кроме чина да орденов ваших. Нет, в несчастную минуту вам пришла эта мысль в голову!

Худобаев. Я долго думал!.. Это было вполне искренно; но если… то я прошу извинить, что посмел.

Ренева. Извиняю, ради ваших немочей! А теперь последнее слово: покупаете вы имение?

Худобаев. Именье-с… собственно именье… н-да… нет, видите ли, я еще не сообразил. Такая сумма!

Ренева. Ах, да! Вы думали взять его в приданое, но ошиблись в ожиданиях!

Худобаев. Нет-с, вовсе нет!..

Ренева. Засим, между нами все кончено. Извините меня, мне некогда; я желаю вам обрести где-нибудь в другом месте вашу тихую пристань.

Худобаев. Нет-с, отныне я — вечный странник!

Ренева. В таком случае приятных вам странствий желаю.

Худобаев. Благодарю-с!.. Я ухожу; но не могу умолчать: я страдаю и еще долго буду страдать.

Ренева. Сочувствую!.. Компрессы, почаще ком-

прессы на вашу больную голову!

Худобаев. Имею честь кланяться!

Ренева. Прощайте, всего хорошего!

Худобаев *(выходя, очень взволнованный)*. Нет-с… вечный странник!

Ренева. Еще одно приключение! Внесем его в дневник под заглавием: «Странник в челноке».

Входит Дерюгин.

Явление пятое

Ренева и Дерюгин.

Дерюгин. Анна Владимировна, да что ж это с барином-то нашим? Выскочил от вас, как ошпаренный, слова не сказал; на тройке я его привез, парадно, — так и на лошадей не глянул, задул на своей паре без оглядки!.. Али уж с радости, что покупку сделал выгодно?

Ренева. Он вовсе не купить хотел, а взять в приданое.

Дерюгин. Это то есть как же в приданое?

Ренева. Так, за мной: он хотел жениться на мне!

Дерюгин. И связался ж я, одной возки что было!

Ренева. Ну, с ним кончено; теперь я с вами буду дело иметь: значит, вы покупаете имение?

Дерюгин. Да уж, видно, в таком разе, что делать, — надо вас выручать, барышня! Но только и вы нас пожалейте, а мы завсегда рабы ваши верные!

Ренева. Что вам еще?

Дерюгин. Сбавьте, барышня, скиньте тысчонку-другую; верьте нашей совести, — непомерная тягость! Притом же покупаю, а не знаю, что еще будет от сыновей; а деньги их пойдут, — мне где взять!..

Ренева. Извольте, я сбавлю одну тысячу; четырнадцать тысяч в два срока; семь тысяч сейчас и семь через полгода.

Дерюгин. Махина денег! Не зарезаться бы и с именьем этим, — пойдешь с сумой!..

Ренева. Что это, опять запел Лазаря!

Дерюгин. Такое дело, матушка, дело большое! И главная причина — вдруг это… не подумамши хорошенько!

Ренева. Деньги готовы?

Дерюгин. Да уж сколотимся; деньги… дойти только до дома.

Ренева. Хорошо. Вы довезете меня до города, там мы сделаем акт, какой будет нужен. Сейчас давайте деньги и лошадей, — я готова.

Дерюгин. Барышня, да что ж вы так-то? И про-

ститься с нами, как следовает, вам не угодно. А я было и рыбки послал наловить. Сейчас парни мои ловят. Ушицу хотел приготовить, и другое что, и вашу милость, барышня, попросить.

Ренева. Нет уж, Денис Иваныч, благодарю, спешу очень; когда-нибудь после приеду к вам в гости.

Дерюгин. Просим милости, барышня! А то бы изволили малость обождать; и кони подкормятся, резвей докатим.

Ренева. Не жду часа; отправляйтесь.

Дерюгин. Есть воля ваша, подаю! На этой же тройке, не перепрягая, только валдайчик подвязать.

Ренева. Отлично; идите.

Дерюгин. Только до дома мне. Ну, а рыбку, коли уж хорошая попадется, на ваше счастье, барышня, так хоть на дорогу вам уложу. Вчера ночью какая трепеталась!

Ренева. Хорошо, хорошо, только скорей!

Дерюгин. Живой рукой-с.

Уходит.

Ренева *(одна)*. Ох! Сделано, кончено… Как я устала с этими хлопотами! Пойти собираться!..

Уходит налево. Входят Залешин и Авдотья Васильевна.

Явление шестое

Залешин и Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна. Слава богу, образумились! Хоть в люди-то можно показаться, а то страм на себя напустили.

Залешин. Образумился, образумился, Авдотья Васильевна, радуйся! Провожу соседку и буду жить для вашего удовольствия: будем по субботам блины печь, баню топить…

Авдотья Васильевна. Да, конечно; чего нам не жить, все у нас есть!.. А блины да баня, что вы смеетесь? Разве это не христианское дело?

Залешин. Выпаримся, выпаримся; весь чад из головы выйдет.

Авдотья Васильевна. Первое средство: папаньха завсегда после запоя… Любо-дорого смотреть на вас, Семен Семеныч, как вы так-то.

Залешин. Как «так-то»?

Авдотья Васильевна. Да коли вы умный!

Залешин. О, я очень, очень великатен и тонок! Вы только постигните, раскусите меня хорошенько, Авдотья Васильевна!

Авдотья Васильевна. А я разве не раскусила? Ума у вас палата и характера вы доброго! Вот только, как задурите…

Залешин. Человек — не машина, Авдотья Васильевна, и на грех мастера нет.

Авдотья Васильевна. А никто уж вас так не пожалеет и не побережет, окромя как жена!

Залешин. Никто, никто, мое сокровище!

Авдотья Васильевна. Потому что кому вы нужны? Ведь вы только про себя что-то воображаете, а уж поверьте, что никто, кроме меня, на вас не польстится.

Залешин. Понимаю, понимаю.

Авдотья Васильевна. Да, понимать и чувствовать должны. Вот вы похудели за эти дни; а кто вас пожалеет?

Залешин. Действительно.

Авдотья Васильевна. Кабы не я, так бы и некому.

Залешин. Да и вы не жалейте! Скоро опять в настоящую меру войду.

Авдотья Васильевна. Кабы не я, вы бы не догадались и к Анне Владимировне побывать; так бы она и уехала. Хоть она и погордилась, не была у нас, а мы всетаки честь-честью…

Залешин. Именно, мой друг. Да что она не выходит?

Авдотья Васильевна. Ах, ведь вы слышали, что уезжать сбирается; значит, укладка идет.

Входит Ренева.

Явление седьмое

Залешин, Авдотья Васильевна, Ренева.

Авдотья Васильевна. Погордились, погордились, Анна Владимировна!

Ренева. Простите. Я и сбиралась, да как-то не удалось. Семен Семеныч, вы только встречать меня да провожать являетесь.

Залешин. И меня простите; мне тоже как-то не удалось.

Ренева. Что же вы делали, где пропадали?

Залешин. Чертил.

Ренева. Это что же значит?

Залешин. Вот видите ли, где людям есть развлеченье, есть постоянная работа для ума, там они и живут по-человечески; а мы здесь, в глуши, прозябаем, прозябаем, да вдруг и зачертим.

Авдотья Васильевна. Ах, уж и не говорите!

Ренева. Ведь это, я думаю, вредно для здоровья.

Авдотья Васильевна. И я то же говорю.

Залешин. Ничего; напротив, это нам на пользу. Надо ж в чем-нибудь если не человеческую, то хоть животную жизнь проявлять; а то растительные процессы совсем одолеют; это еще хуже.

Ренева. Да, пожалуй.

Залешин *(указывая в окно)*. Вон и теленок стоял, стоял смирно, да вдруг и запрыгал боком, боком, нескладно таково! Все-таки ему развлеченье. А вон собака на него залаяла: «стой, говорит, смирно, порядку не теряй!»

Авдотья Васильевна. Так это вы меня с собакой равняете? Покорно благодарю. А уж я полагала, Анна Владимировна, что его испортили злые люди. Вы не подумайте… это бывает.

Ренева. В самом деле, вас не испортил ли кто?

Залешин. Что меня портить! Я с самого рождения порченый.

Ренева. Я вас попрошу, Семен Семеныч, передать мой поклон моему любезному кавалеру Борису Борисычу Рабачеву.

Залешин. Да он сам, чай, явится.

Авдотья Васильевна. Дома их нет, мы заезжали.

Ренева. Не знаю. Не имеет, вероятно, желания; да и к чему? Дальние проводы, лишние слезы.

Залешин. Простое дело-то: проспал, лег поздно. Я вчера видел его невесту.

Ренева. Как, разве он женится?

Залешин. Да, уж это, кажется, дело решенное. По крайней мере она мне говорила, что свадьба скоро, что они хотят дом новый строить.

Ренева. Вот как!

Задумывается. Слышен почтовый колокольчик.

Вот и лошади. Прощайте, улетаю. *(Громко.)* Даша, едем!

Авдотья Васильевна. Счастливого пути, Анна Владимировна, всего хорошего!

Ренева. Благодарю! Не поминайте меня лихом!

Авдотья Васильевна. Помилуйте, как можно!

Залешин. За что лихом? Спасибо! Осветили нас.

Входит Даша, одетая по-дорожному, в руках у нее пальто, различные платки и шляпка Реневой; Ильич и Степанида выносят чемодан.

Явление восьмое

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна, Даша, Ильич, Степанида, потом Дерюгин.

Ильич. Не так берешься, лапотница.

Степанида. Простите-извините, господин-дворянин, ваше благородие!

Даша. Там еще узлы и коробки остались.

Ильич. Всё мигом вынесем!

Входит Дерюгин.

Дерюгин. Барышня, у нас в деревне неблагополучно!

Ренева. Что такое, что случилось?

Дерюгин. На реке. Такое дело! Вот поди ж ты!

Ренева. Говорите толком!

Дерюгин. Парни мои неводок закинули, ан грех и вышел!

Ренева. Да что же, что?

Дерюгин. Вытащили, да не то, что нужно!

Вбегает Рабачев, одежда и волосы в беспорядке, глаза блуждают.

Явление девятое

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна, Даша, Ильич, Степанида, Дерюгин, Рабачев.

Залешин. Вот он! Я говорил, что придет.

Рабачев. Да, я пришел… Я пришел сюда, а там на берегу, на песке, видел ее… Она лежит на берегу, на песке… белая…

Залешин. Ах, несчастный! Что с ним!

Дерюгин что-то шепчет на ухо Залешину.

А!.. Вот что! Ах, несчастный!

Рабачев. Я посмотрел на нее, долго смотрел… Я хотел бежать от нее… Я бежал, а она, не двигаясь, шла за мной… Или я еще все там, на берегу, подле нее; или она здесь подле меня… *(Опускается на стул, хватаясь за голову.)*

Ренева. Что-то случилось страшное!.. Выдьте

на минуту, выдьте все! Ему нужно успокоиться; я с ним поговорю.

Залешин и Дерюгин выходят направо, остальные налево.

Явление десятое

Ренева и Рабачев.

Ренева. Что с вами? Кто за вами идет? Успокойтесь!

Рабачев *(встает)*. Ах, нет, нет, я с ума сошел. Она там, на берегу… лежит… белая… Пойдемте к ней, посмотрите на нее.

Ренева. Хорошо, мы пойдем. Вы скажите, что случилось? Кто там?

Рабачев. Боже мой! Кто! Да она, Оля моя… Оля Василькова.

Ренева. Что же с ней?

Рабачев. Да она в реке… сейчас вытащили… она на берегу лежит…

Ренева. Да что же… отчего это?

Рабачев. Мы ее погубили. Помните, в тот вечер, как вы приехали, мы с ней были в саду у вас…

Ренева. Так это вы были?

Рабачев. Да. На другой день вы сказали ей прямо в глаза, что вы видели двух счастливцев и что вам было бы очень приятно и весело разбить это

чужое счастье. С той поры она и затосковала, и все твердила мне: «Она разобьет наше счастье».

Ренева. Но я ведь не знала…

Рабачев. Вчера еще она ворковала о счастье; мы хотели на-днях обвенчаться; новенький домик хотели построить… Вы пришли ко мне…

Ренева. Ах, не мучайте меня, говорите скорее!

Рабачев. Она, бедная, испугалась, спряталась, а я пошел с вами. Мы катались на лодке, нам было весело; а она в смертной тоске бродила по берегу.

Ренева. Мне больно слушать!..

Рабачев. Вам больно слушать, а каково ей было переживать те часы, пока она додумалась до самоубийства? Пойдемте!

Ренева. Куда? Зачем?

Рабачев. Отдайте мне ее, воротите!

Ренева. Это невозможно.

Рабачев. А невозможно, так пойдемте к ней! Я не знаю, кто из нас виноват, кто убийца. Мы будем судиться перед ней. Если вы виноваты, так я вас утоплю в той же реке и на том же самом месте. Пойдемте!

Ренева. Нет, постойте! Ваше обвинение слишком серьезно и тяжко, чтоб я могла принять его! Я желаю, я могу оправдаться.

Рабачев. Так говорите, я хочу знать правду, всю правду.

Ренева. На нашу с вами встречу и на все, что потом произошло между нами, я смотрела, как на счастливую случайность, на веселое приключение, о котором останется более или менее приятное воспоминание, и только. Мне казалось, что с моим отъездом у вас все пойдет по-старому, что я ничего не нарушу. Когда вчера я увидела у вас дикие порывы страсти, я убежала от вас, я не хотела более встречаться с вами, — я думала, что ваша вспышка сама собой погаснет. Эти порывы, эта экзальтация никогда не ведут к добру. Надо уметь жить. Как же вы не заметили с первого взгляда, что я на серьезную страсть неспособна.

Рабачев. Да, вам хотелось, чтоб я, всей душой любя мою несчастную Олю, умел еще любить и вас на день, на два, на полчаса… Как же вы не заметили с первого взгляда, что я серьезный человек?

Ренева. А если вы серьезный человек, как же вы, любя страстно свою невесту, могли через полчаса увлечься другой женщиной?

Рабачев *(пораженный, садится на стул)*. Да… да… да… Ах, я сумасшедший! Я ищу виноватого, а он здесь, на глазах! *(Громко.)* Идите сюда, люди

добрые, пожалуйте все, все, кто там есть, идите сюда!

Входят: Залешин и Дерюгин справа; слева: Авдотья Васильевна, Даша, Ильич, Степанида.

Явление одиннадцатое

Ренева, Рабачев, Залешин, Авдотья Васильевна, Дерюгин, Даша, Ильич и Степанида.

Рабачев. Люди добрые! Там… на берегу, на песке, лежит мертвая девушка; чистая душа, ни в чем неповинная. Ее убили. А убийца — я! *(Падает на колени.)* Кланяюсь вам всем, кланяюсь всему свету белому. Кланяюсь матери сырой земле! Простите меня! *(Встает.)* Сам я виноват, сам я себя и казню. *(Убегает.)*

Дерюгин *(смотрит вслед ему)*. Барышня, он побежал не дорогой, он побежал садом; а там яр, обрыв поболе двадцати сажен. Тут не то что человек, а и камень разобьется вдребезги.

Ренева. Ах, бегите, бегите за ним!

Дерюгин убегает в сад. Все остаются в ожидании. Дерюгин возвращается.

Дерюгин. Нет уж, молитесь за него! Добрый был барин Борис Борисыч, а христианской смертью умереть бог не привел.

Совместно с П.М. Невежиным

Блажь*

Комедия в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Серафима Давыдовна Сарытова, вдова-помещица, пожилая женщина, молодится не по летам, попечительница и крестная мать своих сестер.

Ольга, Настя } сестры и крестницы Сарытовой.

Семен Гаврилыч Бондырев, богатый помещик.

Прасковья Антоновна, жена его, сестра отца Сарытовой, пожилая женщина.

Степан Григорьевич Баркалов, управляющий имением Сарытовой, молодой человек.

Гурьевна, уездная сваха и комиссионер, переносчица вестей и попрошайка.

Марья, горничная Сарытовой.

Действие происходит в имении сестер Сарытовой.

Сад. С правой стороны (от актеров) видна часть большого помещичьего дома, выход в сад из

нижнего этажа через стеклянную дверь с одним приступком. Перед домом площадка, которая ограждена редкими решетками из вьющихся растений с большим полукруглым навесом над площадкой. Решетка доходит до половины сцены. На площадке садовая мебель: скамья, кресла и столики. Налево густой сад; в глубине, в левом углу, выдается часть флигеля, от которого идет через всю сцену садовая изгородь, с калиткой посредине.

Явление первое

Гурьевна и Марья.

Марья. Так-таки и отнял?

Гурьевна. Отнял… вырвал из рук и шабаш.

Марья. Какую волю забрал!

Гурьевна. Да уж сокол — нечего сказать!

Марья. Жаль даже глядеть на барышню, как она мучится!

Гурьевна. Да что уж! Сладко ли!

Марья. Барышни ехали из пансиона, думали, что сестрица так им на шею и бросится, думали царствовать здесь по-старому, ан теперь вон что в доме-то!

Гурьевна. А что же прежде-то было?

Марья. Да помилуйте! Серафима Давыдовна в

них души не чаяли. Ведь уж до чего! Одевать их, бывало, никому не позволяют, сами на них чулки надевали! Как, говорит, хотите, да как прикажете; вы, говорит, здесь хозяйки, а я ваша экономка!

Гурьевна. Да, да, да! Ну как же, помню!

Марья. Так как это имение молодых барышень, а у Серафимы Давыдовны хоть и есть свое небольшое, только хозяйничать там не у чего!

Гурьевна. Да знаю, знаю!

Марья. Так вот и судите! Барышня Настасья Давыдовна сказывали: я, говорит, из пансиона-то как на крыльях летела, думала, маменька мне так на шею и бросится, так и замрет от чувств, а на место того выговор получила.

Гурьевна. За что же выговор?

Марья. Серафима Давыдовна желали, чтобы барышни на вакансию не приезжали и еще на год в пансионе остались, чтобы тверже всякие науки знать, а они не послушались и приехали.

Гурьевна. А Ольга Давыдовна что ж дома не живет?

Марья. Оне у тетеньки у Прасковьи Антоновны гостят. Серафима Давыдовна желают, чтоб оне там подольше погостили, так как у них дом богатый и приезд большой, так чтоб обращению занимались.

Гурьевна. А не проще ли сказать, моя милая, что для простору их спроваживали из дому, чтоб на глазах не вертелись — тоже, чай, стыд-то ведь есть!

Марья. Ну, уж мы про это рассуждать не можем. Вон Настасья Давыдовна идут. *(Уходит.)*

Явление второе

Гурьевна и Настя (входит).

Гурьевна. Барышня, ведь беда!

Настя. Что такое?

Гурьевна. Вырвал из рук письмо-то ваше! Каково это вам покажется?

Настя. Кто вырвал, кто?

Гурьевна. Кому ж, кроме его! Все он же, управляющий ваш! Иду я, рот-то разинула, а письмо в руках держу, вдруг, откуда он ни возьмись, налетел, да и цап из рук! Вырвал, прочитал, да и заливается-смеется, так и заливается.

Настя *(сквозь слезы)*. Ах, отвратительный!

Гурьевна. Как я теперь Серафиме Давыдовне покажусь? Ну, нажила я с вами хлопот, барышня! Вон он идет! Уйти от греха! *(Уходит.)*

Настя. Обида невыносимая! Долго ли ж это будет продолжаться! Ну, да пускай читает, я его расписала там отлично; пускай он узнает, как я

о нем думаю.

Явление третье

Настя и Баркалов (входит).

Баркалов. А! Вы здесь? Вот и кстати! Знакомо вам это рукописание? *(Показывает письмо.)*

Настя. Знакомо. Но кто вам позволил читать? Это не к вам, как же вы смели распечатать?

Баркалов. По почерку я думал, что это какой-нибудь горничной.

Настя. Все-таки вы не имели права…

Баркалов. Ну, уж права свои я сам знаю, не вам меня учить. Вам самим-то бы еще доучиться надо, больно рано со школьной скамейки соскочили!

Настя *(быстро)*. Это не ваше дело! Ах, какая обида! Что же это? И заступиться некому.

Баркалов. Ну да как же, все обижают, все. Заплачьте! Трогательней будет!

Настя. Не шутите со мной, я не маленькая! Я и говорить-то с вами не хочу!

Баркалов. Конечно, где мне такой чести дождаться! Вот с прислугой, с скотницей Хавроньей по углам шептаться — это ваше дело. Наслушаетесь их умных речей, да и хмуритесь, как курица перед дождем!

Настя *(строго)*. Что вам угодно от меня?

Баркалов. Да вот хочется узнать, что говорят обо мне Хавронья и прочие?

Настя. Так у них и спрашивайте!

Баркалов. Не скажут; это вы только пользуетесь их откровенностью, только вам такое счастье!

Настя. С кем хочу, с тем и разговариваю; никто мне не запретит.

Баркалов. Ну и разговаривали бы по душе, коли это вам приятно, а вы этим не довольствуетесь; вы все их сплетни и глупости сестре прописываете. *(Указывает на письмо.)* Да еще ругаете меня, бранитесь… Вот уж это нехорошо, барышне браниться стыдно.

Настя. Правду писать не стыдно.

Баркалов. И какого комиссионера выбрали — Гурьевну! Стыдитесь! Вот вам мой совет: в другой раз, если вздумаете писать к сестрице, отдавайте письмо мне, я поправлю грамматические ошибки и пошлю.

Настя. Я лучше вас знаю грамматику: сами-то вы неуч!

Баркалов. Отлично! Вот так барышня! Ах вы, моя паинька! *(Подходит.)*

Настя. Не подходите, закричу! Как вы смеете! Вот нахал!

Явление четвертое

Те же и Сарытова (входит).

Сарытова. Что у вас тут такое?

Баркалов. Вот полюбуйтесь, как ведут себя образованные барышни!

Настя. Запрети этому господину приставать ко мне.

Сарытова. Что это за вечные капризы! Ах, Настя, как тебе не стыдно!

Настя. Да какие капризы? Я в своем доме нигде себе места не нахожу; он смеется, издевается надо мной… я и так по целым дням сижу безвыходно в своей комнате.

Сарытова. И сочиняешь письма к сестре. Ты слишком молода для того, чтобы осуждать кого-нибудь, а тем более меня, твою вторую мать!

Настя. Я не осуждаю.

Сарытова. Хуже, ты бранишься!

Настя. Я писала правду.

Сарытова. Ты вот даже и со мной огрызаешься, а еще на людей жалуешься. Если Степан Григорьевич с тобой шутит, так ты должна это ценить! Что ты такое? Дрянная девчонка и больше ничего! Тебе оказывают внимание, следовательно, ты должна быть благодарна!

Настя. Не надо мне никакого внимания, я не хочу ни говорить с ним, ни видеть его.

Сарытова. Ну, Настя, не хотелось мне, но ты сама заставляешь меня ссориться с тобой. Ты сделаешь то, что мне будет противно видеть тебя.

Настя. Будет! Тебе уж и теперь противно, это я вижу, вижу… Что я за несчастная! *(Убегает со слезами.)*

Явление пятое

Сарытова, Баркалов, потом Марья.

Сарытова. Друг мой, будьте с ней поласковее.

Баркалов. Да невозможно! Видите, какой она перец. Живем в одном доме, нельзя же не встречаться и не разговаривать… с ней пошутишь, а она огрызается. Нет, ее надо отучить от этого.

Сарытова. Ну, я вас прошу, будьте поласковее с ней. Хорошо ли вы обедали?

Баркалов *(целуя ее руку)*. Благодарю вас. Как вы меня балуете! Что за обед, что за вино!

Сарытова *(садится)*. И подкутили?

Баркалов. Немножко.

Сарытова. Гости ваши что делают?

Баркалов. Козыряют. Я их усадил в карты играть, а сам пришел отдохнуть к вам, подле вас. Фу! Жарко… устал… *(Садится.)*

Сарытова. Я боюсь, что Настя напишет Лене и та приедет.

Баркалов. Пусть приезжает, беды особенной я не вижу!

Сарытова. А как хорошо было все устроилось: Лена гостит у тетки, Настя в пансионе, ничто не мешало бы нашему счастью!

Баркалов *(ероша волосы)*. Все это вздор, пустяки! Пускай приезжает кто хочет… я управляющий, живу во флигеле, что тут подозрительного? Что я, кучу, живу не по средствам? Так всякий управляющий имеет подразумеваемое обыкновение воровать; вот в этом пускай меня и обвиняют, а в чем другом…

Сарытова *(закрывает ему рот рукою)*. Шалун!

Баркалов. Молчу, молчу! *(Целует ее руку.)*

Сарытова. Будете ли вы любить меня так, как бы я хотела: долго, долго, всегда?

Баркалов. Разве сомневаетесь?

Сарытова. Я гораздо старее вас, а лета…

Баркалов. Вы очаровательны и до сих пор, такие женщины всегда молоды.

Сарытова. Вы мне льстите!

Баркалов. Я говорю правду. Что такое лета? Жизнь, страсть, доброе, горячее сердце — вот что влечет человека. Молодых много. А много ли

женщин с такой пылкой душой, как вы?

Сарытова *(зажмурясь)*. Ах, мой друг, как хорошо мне, когда вы так говорите! Да, когда я вас вижу, слушаю, ко мне возвращаются дни молодости и увлечений.

Входит Марья.

Марья. Гурьевна чаю напилась, сбирается в город, так спрашивает, можно ли вас видеть?

Сарытова. Как некстати! А делать нечего — и она человек нужный. *(Марье.)* Позови!

Баркалов. Пойду к гостям, посмотрю, что там делается. Я не засижусь с ними, прибегу к вам скоро!

Отходит, встречается с Гурьевной, строго взглядывает на нее и уходит.

Явление шестое

Сарытова и Гурьевна.

Гурьевна. Что это как он глаза-то выпучил на меня?

Сарытова. Значит, ты стоишь! Давно ли ты в почтальоны-то записалась?

Гурьевна. В почтальоны? Нет, матушка, Серафима Давыдовна, я на это не согласна.

Сарытова. А Настино письмо?

Гурьевна. Так неужели б я не сумела отпра-

вить его, если б захотела? Не несла б я его, как нищий суму, чтоб все видели. Отказаться-то было неловко, а попалась я, так что ж делать, мол, грех попутал.

Сарытова. Плут ты, Гурьевна!

Гурьевна. Ах, матушка, наша должность такая. А письма переносить от барышень я не согласна, за это затылком ответишь. Вышла замуж, чепец надела, ну, тогда пиши к кому хочешь; а покуда ты девица, так сиди да облизывайся…

Сарытова *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Ведь и ты девица, значит и ты облизываешься?

Гурьевна. А то как бы вы думали! Нет, матушка, это теперь свободно стало, а прежде куда как строго было: чуть что заметят, сейчас ножницами косу бжик — вот и кулафюра испорчена, и ходи стриженой. Да и закрыть нечем было, хвостов-то на голову не наматывали!

Сарытова. А воспитанник твой откуда взялся?

Гурьевна. Приемыш, матушка, чужой, чужой. Так взяла его, что ребенок очень занятный был. И вырастила, грех пожаловаться, истинно себе на утешение.

Сарытова. Что ж он, при месте при каком-нибудь?

Гурьевна. Дома покуда. Место для него самое

настоящее — управляющим быть. И так он крестьянское положение и крестьянскую нужду понимает, что дешевле его никто у мужика ничего не купит. Холст ли, масло ли, али что прочее, чуть не даром берет; мужик-то плачет, а продает: крайность, ничего не поделаешь. Вот этаким манером и перебиваемся.

Сарытова. Я его иногда здесь вижу.

Гурьевна. Да он везде бродит, любит очень; и сейчас у Степана Григорьевича сидит, гостей забавляет; потому как он много смешных слов знает и на гитаре играет.

Сарытова. Ну, довольно о пустяках-то! Денег достала?

Гурьевна. Не знаю, как сказать. Никак его не уломаешь; туг он очень на деньги-то!

Сарытова. Да кто «он-то»?

Гурьевна. Фарафонтов. Был чиновник, да за шкапом остался.

Сарытова. Как за шкапом?

Гурьевна. А так, за шкапом; по-нашему, с места долой, а по-ихнему — за шкапом!

Сарытова *(хохочет)*. За штатом, а не за шкапом.

Гурьевна. Ну, уж я по-ученому не знаю, а все одно и то же выходит, что не при должности.

Сарытова. Это твой друг-то, что ли?

Гурьевна. Да какой друг! Я, конечно, пользуюсь от него крупицами за маклерство; вот вся и дружба.

Сарытова. Какие же его условия?

Гурьевна. Три процентика в месяц и заклад.

Сарытова. Да вы оба с ума сошли! Какой заклад?

Гурьевна. Бриллиантики есть у вас, я знаю.

Сарытова. Да ведь они детские!

Гурьевна. Что ж за беда? Выкупите!

Сарытова. Ну, я подумаю; только проценты очень велики.

Гурьевна. И то час целый торговалась — подай четыре, да и все тут. Да вам когда нужны деньги-то?

Сарытова. На-днях: надо Лизгунову отдавать.

Гурьевна. Да, уж этот не помилует. Вот, матушка, дедушка его лакеем был, тарелки лизал, оттого у них и фамилия-то пошла: Лизгунов; отец пуды да четверики на стене мелом чертил, а он у нас первый листократ.

Сарытова. Почему ты его аристократом называешь?

Гурьевна. Как же его назвать-то? В колясках ездит, на всех пальцах перстни. Одна его беда,

невесты все не найдет!

Сарытова. Отчего же?

Гурьевна. В хорошие, дворянские дома не пускают, да и пускать нельзя: глаза очень бесстыжие.

Сарытова. Какой язык у тебя, Гурьевна!

Гурьевна. Что ж, матушка, язык? Я своим языком очень довольна: он меня кормит! Если бы я была вредная какая, вы бы первая меня на порог не пустили. Нет, матушка, коли я что говорю, так говорю человеку, к которому я всей душой; а то — так хоть все зубы повыдергай — ничего от меня не узнаешь. А вот для вас, что ни спросите, так и отпечатаю!

Сарытова. Спасибо. А что говорят про моего управляющего?

Гурьевна. Хвалят, матушка, хвалят. Отважный молодой человек, и поступки его все такие еройские.

Сарытова. Какие «еройские»? Говори ты по-человечески!

Гурьевна. Ну, известно, какие в холостой компании бывают. Как в город приедет, так у них и компания. Сначала все здоровья друг другу желают, а уж как совсем станут здоровы, надо это здоровье куда-нибудь девать. Сейчас тройки и

кататься, и женский пол с ними!

Сарытова. И часто это у них бывает?

Гурьевна. Да как в город поедет, так и компания,

Сарытова. А не врешь ты?

Гурьевна. С места не сойти, коли лгу. Третьего дня меня самоё чуть впрах не раздавили, маленько бог помиловал. Гаркают, свищут…

Сарытова. Ну, довольно! Денег ищи, Гурьевна, скорей, нужно очень! На три процента я согласна.

Гурьевна. Искала, матушка, искала. Обгложи меня тараканы, искала! Все ноги оттоптала, все башмаки износила!

Сарытова. Вижу, к чему ты подговариваешься!

Гурьевна. Мучки бы…

Сарытова. Найди денег — дам!

Гурьевна. Теперь бы хоть осьминку.

Сарытова. Хорошо. Вон Степан Григорьевич, ему скажу! Подожди!

Гурьевна. Благодарю, матушка, подожду. *(Уходит.)*

Явление седьмое

Сарытова, Баркалов, потом Марья.

Баркалов. Что с вами? Вы расстроены?

Сарытова. Вы еще спрашиваете! Это ужасно! Чему же верить после этого?

Баркалов. «Ужасно»? «Чему верить»? Не на мой ли уж это счет?

Сарытова. Какое притворство! Вы думали, что ваши городские похождения всегда останутся тайной для меня?

Баркалов *(смеется)*. Так вот в чем дело!

Сарытова. Он еще смеется… Я думаю, мне кажется, вам нужно оправдываться…

Баркалов. Оправдываться? И не подумаю! В чем оправдываться? В том, что я в городе кучу?

Сарытова. Неужели этого мало?

Баркалов. Да ведь все это делается для вашей пользы.

Сарытова. Для моей пользы? Право, вы считаете меня сумасшедшей или дурой!

Баркалов. Ни то, ни другое. Выслушайте спокойно! Хорошо ли будет, если я буду избегать общества, сторониться от каждой женщины? Подумают, что я боюсь какого-то невидимого глаза и именно вашего. Хотите этого? Извольте, я готов! Теперь же если я кучу, то ведь я управляющий, а какой же управляющий не крадет? Ну, и пускай думают. Но если вы не верите мне и хотите стеснять мою свободу, я должен буду вас покинуть. Я

не перенесу такой обиды!

Сарытова. Друг мой, я желала бы только, чтоб вы воздержались от этих прогулок и пирушек. Мне начинают ставить в вину ваши неумеренные расходы. Опека придирается, уж слишком внимательно просматривает отчеты. Вот до чего дело дошло. Я уж сто рублей обещала, чтоб только не привязывались с отчетом. Вам необходимо быть осторожнее, необходимо!

Баркалов. Нет, Серафима Давыдовна, довольно; я не могу быть игрушкой вашего каприза.

Сарытова. Как вы безжалостны! Если бы я не любила вас, я бы слушала про ваши кутежи равнодушно! Но я люблю вас страстно, безгранично, как нынче не умеют любить; как же мне не ревновать вас? Вы все для меня! Моя молодость прошла без радостей, и я не растратила моего чувства! Я знала только одну привязанность к моим сестрам, и только теперь, когда встретила вас, я узнала, как можно любить! Как же мне не огорчаться от таких слухов?

Баркалов. Я знаю, что ревность происходит от любви, да мне-то от этого не легче.

Сарытова. Я не знала в жизни, что такое счастье, и если оно так поздно улыбнулось мне, как же мне не беречь его? Пощадите же меня и не

говорите о разлуке! Я готова на все для вас!

Баркалов. Если б не ваши капризы, и я для вас готов на все!

Сарытова. О, не столько, сколько я! Нет жертвы, какую бы я не принесла для вас.

Баркалов. Посмотрим. Я буду помнить ваши слова.

Сарытова. Меня не страшит ни молва, ни опека, ничто на свете! Я только молю вас, любите меня!

Марья *(входит)*. Барыня, пожалуйте; барышня приехали. *(Убегает.)*

Сарытова. Ах, как некстати! *(Уходит.)*

Баркалов. Кто это ей сплетничает? Это непременно Гурьевна! Погоди, голубушка, я с тобой расправлюсь! Экая досада, не успел денег попросить! Игра начинается, а у меня хоть шаром покати! *(Уходит.)*

Явление восьмое

Бондырев, Бондырева, Сарытова, Ольга и Настя (входят все).

Бондырева. Знаю, что не ожидала, да нужно, так и приехала!

Бондырев. Что, Серафима, я еще молодец? Хоть ты похвали!

Сарытова. Потолстел-таки.

Бондырев. Ну, уж едва ли! Все меня моционят: посидеть всласть не дают, а уж не то чтоб соснуть после обеда! Боятся, что ожирею.

Бондырева. Не жиру боятся, а кондрашки!

Бондырев *(лаская Настю)*. Э, брат! Ты все еще такая же куцая?

Настя. Да какая же я куцая, дядя? Я уж давно длинные платья ношу.

Бондырева *(Сарытовой)*. С покосом управились, а рожь еще не поспела; вот улучила времечко и приехала!

Бондырев. У вас полон двор экипажей. Ты ступай к гостям, об нас и племянницы позаботятся.

Сарытова. Это гости у управляющего, а не у меня.

Бондырева. Ах, да! Ну так вот что: есть хочу!

Бондырев. Да, червячок-то, того, шелестит. Моционьте, да хоть кормите!

Сарытова. Пойдемте в столовую, сейчас подадут! *(Уходит с Бондыревыми.)*

Явление девятое

Ольга и Настя.

Ольга. Настя, скажи, ради бога, что у вас тут делается? До нас дошли такие слухи, что верить

страшно.

Настя. Ах, Оля! Я совсем измучилась! Уж теперь мы не хозяйки; меня никто не слушает; этот отвратительный Баркалов забрал все в свои лапы. Ну, понимаешь, без него ничего не делается, ничего! Что он скажет, то и свято! А он такой ужасный, отвратительный! Ох, Оля, что тут было, я тебе и передать не могу. Чего я только не перенесла! Пристает, смеется, глумится, а пожалуешься — я же виновата: видишь, характер у меня непокойный! И каждый-то день я тут плакала. До того доплачусь, что губы себе искусаю до крови от злости!

Ольга. Постой, Настя, постой, я так ровно ничего не пойму. Пожалуйста, не волнуйся, а спокойно расскажи все. Отчего этот господин забрал такую власть?

Настя. Как отчего? Мало ли отчего! Подольстился! О, он мастер на это — она и растаяла!

Ольга. Это мы слышали, а больше ты ничего не знаешь?

Настя. Что знать-то? Что ж больше? Просто мама нас разлюбила! Противная! Ах, Оля, если б ее хорошенько, хорошенько! Да мы и примемся! Вот будет хорошо!

Ольга. Да постой же, Настя! Скажи мне по край-

ней мере, что говорят об управляющем?

Настя. Говорят очень нехорошо!

Ольга. Что же именно?

Настя. Нехорошо и даже страшно. Говорят: пустит он по миру Серафиму Давыдовну, да и барышнев. Раздеваясь, я спрашиваю Марью, как идет у нас хозяйство, а она мне на это: «Хватит управителя ублаготворять!» Как тебе это нравится? *(Подумав.)* Еще как нехорошо-то! Я все окна проглядела, ожидая тебя!

Ольга. Присматривалась ли ты к ним, Настя, когда они между собою разговаривают?

Настя. Конечно.

Ольга. Что же ты заметила?

Настя. Знаешь, Оля, она белится, румянится, рядиться стала… мне кажется, она влюблена в него. Как ты думаешь, правду я говорю?

Ольга. Может быть. Это мы всё увидим!

Настя. Только я боюсь, Оля, не наделал бы он тебе дерзостей, если ты вмешаешься. Надо осторожнее. Он такой буян.

Ольга. Настя, меня не испугает никакой Баркалов. Мы должны быть ко всему готовы и, конечно, более к грустному, но… но я не уступлю… Я поняла теперь все! Ах, Настя, мне тяжелее, чем тебе!

Настя. Отчего же?

Ольга. Я скажу тебе по секрету: у меня есть жених; он умный, ученый, только небогатый. Мне хотелось, чтоб он управлял нашим имением; он бы привел все в порядок!

Настя. Ты мне его покажи!

Ольга. Да как ему явиться сюда, что он здесь увидит? Прежде надо прогнать управляющего.

Настя. Да вот мы с тетей за него примемся, вот посмотри!

Ольга. Нет, уж ты не мешайся; я и тетю попрошу, чтоб она была потише. Я скандалов не люблю! Что хорошего, только себя же срамить. Надо дело устроить мирно.

Настя. С ним-то мирно? Это невозможно! Ты посмотри, какой он нахал!

Ольга. Можно, Настя, можно! Мне сейчас одна мысль в голову пришла.

Настя. Какая? Скажи!

Ольга. Нет, еще рано, после скажу. Вот что значит полюбить-то, сейчас и поумнеешь. Мне бы прежде никогда такой штуки на ум не пришло!

Явление десятое

Те же, Бондырева, потом Сарытова и Баркалов.

Бондырева. Еды не дождешься, только тарелками стучат.

Настя. Тетя, я сейчас пойду прикажу.

Бондырева. Погоди, не юли! Ну, уж порядок, нечего сказать! Некому стола накрыть, никого не дозовешься. Да кому у вас прислуга-то служит — барыне али управляющему?

Настя. Ах, тетя, заступитесь за нас, у нас в доме такое безобразие, такое безобразие! Она бы должна нам пример подавать, у нее сестры взрослые девушки, а она вон что…

Ольга. Ну, что она, что? Ведь сама не знаешь, а болтаешь!

Настя. Я не знаю, да люди так говорят!

Ольга. А не знаешь, так и не болтай, пожалуйста!

Бондырева. Я слышала, что и Лизгунов здесь, и Гурьевну видела. Это уж последнее дело. Их ни в один порядочный дом не пускают, это ростовщики самые лютые: где они покажутся, там разорение верное. Ну, друзья мои, теперь я вам скажу, зачем я сюда приехала. Я приехала, чтобы закончить все это безобразие.

Настя. Хорошенько их, тетя, хорошенько!

Ольга. Только, пожалуйста, тетя, без шуму! Погодите немножко!

Бондырева. Нет уж, матушка, годить я не хочу. Я с этим управляющим так управлюсь, что он

отсюда горошком выкатится.

Сарытова *(входит)*. Прошу закусить. Готово.

Бондырева *(идет)*. Иду. Отощала.

Входит Баркалов.

Сарытова. Позволь тебе представить: Степан Григорьевич Баркалов.

Бондырева. Слышала.

Сухо кланяется и уходит; за ней Ольга и Настя.

Явление одиннадцатое

Сарытова и Баркалов.

Баркалов. Денег! Ради бога, денег!

Сарытова. Опять у вас игра? Опять проигрыш? Посмотрите на себя, на что вы похожи! Ведь вас все видят.

Баркалов. Даю клятву! Последний раз… молю вас! Проиграл… Вы не захотите осрамить меня.

Сарытова *(дает деньги)*. Ох!.. возьмите. Это последние. Вы знаете, зачем она приехала? Выжить вас отсюда.

Баркалов. Еще это старуха надвое сказала. Я ее скорей прогоню! Бегу метать на ваше счастье! Благодарю! Не браните! *(Целует руку и убегает.)*

Сарытова *(с любовью смотрит вслед ему, уходя)*. И надо бы бранить, да не могу…

Действие второе

ЛИЦА:
Сарытова.
Ольга.
Настя.
Бондырев.
Бондырева.
Марья.
Лизгунов, очень богатый молодой человек, сосед Сарытовой.
Баркалов.

Декорация первого действия.

Явление первое

Марья (входит) и Баркалов.

Баркалов. А, фрелина, пожалуйте с вестями!

Марья. Вестев даже очень довольно.

Баркалов. Ну, и катай по порядку!

Марья. Приезжая барыня ходила по всем местам, и на скотную, и в поле, и везде вас ругательски ругала и проходимцем-то и прощалыгой!

Баркалов. Ладно, ладно! Эка у тебя ума палата!

Ты бы еще что-нибудь!

Марья. Сами же приказывали, чтобы все!

Баркалов. В доме-то что говорила?

Марья. А в доме… этого и сказать никак невозможно, потому неблагородно и даже конфузно!

Баркалов. Ха, ха! Ишь какая конфузливая! Ты не ломайся, говори! Не было ли разговору о каких-нибудь намерениях?

Марья. Намеренней никаких не слыхала, а уж, кажется, как слушала: и к окну подкрадывалась, и за дверью стояла. А если бы что, так я бы сейчас. Потому мы все за вас готовы куда угодно.

Баркалов. Ну и молодцы! Будет мне хорошо, будет и вам хорошо, особенно тебе… *(Берет за подбородок.)* Востроглазая!

Марья. И, ух, какие вы бесстыдники! А ну, увидят?

Баркалов. И то правда, стыдливость ты воплощенная!

Марья. Да не то что стыда, на вас и страха нет.

Баркалов. Разумеется, нет.

Марья *(кокетливо)*. Так-таки ни стыдочка, ни страха?

Баркалов. Ни того, ни другого. Можно прожить и без этого.

Марья. Да уж, на вас глядя, и мы думаем, что

можно.

Баркалов. Ну, так смотри же, не проронi словечка! За это тебе к свадьбе самое пунцовое платье в подарок.

Слышен громкий разговор.

Марья. Слышите? Скорей уйти от греха!

Уходит в дом, Баркалов во флигель.

Явление второе

Бондарева и Сарытова (входят).

Бондырева. Ты это другому рассказывай, а не мне. Репу от печенки отличу. Какое это хозяйство? Француз ходил. Непорядок, запущенье, разгром.

Сарытова. Кое-что и не в порядке, у всех так.

Бондырева. Кое-что? Одолжила! Что в порядке-то, ты скажи! Сколько у вас скота?

Сарытова. Штук пятьдесят!

Бондырева. А было?

Сарытова. Было больше.

Бондырева. Вот это хорошо, «больше»! Втрое больше!

Сарытова. Он переменяет породу.

Бондырева. Скажи лучше — переводит. Это значит из шляпки бурнус делает! Пропадешь!

Сарытова. Ну, пускай, уж это мое дело!

Бондырева. Не будь у тебя опеки, никто бы тебе и не мешал на старости пустить себя по миру; но у тебя младшие сестры, все равно что дочери.

Сарытова. А разве я забыла?

Бондырева. Забыла, а то не держала бы в доме такого прощалыгу!

Сарытова. Послушай, ведь я не езжу к тебе с наставлениями?

Бондырева. Еще бы! Я живу по-божески, как совесть велит, а на тебя только-только что пальцами не показывают!

Сарытова. Что такое?

Бондырева. А ты как бы думала? Шила в мешке не утаишь!

Сарытова. Ну, всему есть предел! Прошу не передавать мне глупых разговоров.

Бондырева. Какие разговоры! Дело видимое для всякого: скота мало, лошади не те, экипажи проданы!

Сарытова. Экипажи проданы за ненужностью.

Бондырева. Отчего же, когда у тебя не было управляющего этого, все нужно было, а теперь не нужно стало? А где лес? Я сегодня поглядела, как косой покошено!

Сарытова. Лес был нужен для ремонту, для поправок хозяйственных строений!

Бондырева. Да какой ремонт, какие поправки? Нигде даже новой подпорки не видать: все валится, все рушится.

Сарытова. Порубки, крестьяне воруют.

Бондырева. Воруют, да только не крестьяне.

Сарытова. Я не желаю больше продолжать этот разговор.

Бондырева. Ну, так я тебе, Серафима, коротко скажу: чужим нельзя так распоряжаться. Ведь это хорошо, пока у вас предводитель разиня, а наскочишь на другого, так не ту песню запоешь. Теперь ты протоколистам овес да масло посылаешь, так все шито да крыто.

Сарытова. Ты мне угрожаешь?

Бондырева. Я пока не угрожаю, я говорю, потому что люблю и жалею своих племянниц и сердцем болею, глядя, как расхищается наше родовое добро. За них, бедных, заступиться здесь некому!

Сарытова. Ты меня обижаешь; они ближе мне, чем тебе, роднее.

Бондырева. Да что толку, что ты родня, коли ты не хозяйка у себя в доме? Здесь есть другой хозяин: он задает пиры, сдает землю без смысла, скот, экипажи летят за бесценок… А куда деваются деньги — неизвестно. Сама ты живешь скромно,

а у него картежная игра, кутеж! Управляющий! Скажите, пожалуйста!

Сарытова. Прошу тебя, потише!

Бондырева. На что тебе управляющий? Возьми хорошего мужика старостой — и чудесно! Дело во сто раз лучше пойдет; а этот проходимец тебя и сестер с сумой пустит. Только я этого не допущу!

Сарытова. Что ты кричишь? Это ни на что не похоже!

Бондырева. На площади скажу, что он проходимец! Любя говорю.

Сарытова. Ах, да не нуждаюсь я ни в любви твоей, ни в попечениях! Оставь меня!

Явление третье

Те же, Бондырев (входит), за ним Ольга и Настя.

Бондырев. Ну вас, отвяжитесь! *(Ольге и Насте.)* Отстаньте! Ну вас!

Сарытова. Что вы тормошите дядю?

Ольга. Нельзя, на месте преступления пойман.

Бондырева. Опять заснул?

Ольга. Еще как сладко, если б вы видели и слышали!

Бондырева. Ему неймется! Дождешься ты!

Бондырев. Напророчь еще! Отстаньте! Нигде

нет покою! А все ты, куцая!

Настя. Дядя, пойдемте в сад!

Бондырев. Еще куда? Опять моционить! Нет, уж довольно, я здесь посижу. *(Садится на скамью.)*

Бондырева. А ты, Серафима, подумай, хорошенько подумай!

Сарытова *(тихо)*. Хоть при них-то оставь!

Бондырева. А ты смотри на них, чаще смотри; может быть, жалость придет.

Сарытова уходит, Бондырева за ней.

Настя. Оля! Вот тетя молодец-то! Так и отчитывает. Я готова прыгать от удовольствия.

Ольга. Какая ты злая. Нет, Настя, я не чувствую никакого удовольствия, а напротив, сердце болит, плакать хочется. Я только и жду случая поговорить с ней.

Настя. Говори, пожалуй, толку не будет. Нет, тетя молодец у нас, молодец! Откуда у ней что берется? Так и отчитывает, так и отчитывает! Куда мама, туда и она! Вот хорошо-то, вот хорошо! Ты посмотри-ка маме в лицо, что с ней делается, а сказать ей нечего. А я думаю себе: что, хорошо тебе, хорошо? Вот послушай-ка, это, видно, не со мной!

Ольга. А ты рада видеть маму в таком положении?

Настя. А зачем она променяла нас на него, зачем меня не слушается, зачем разлюбила? Она думает, что все глупы, что все молчать будут!

Ольга. Только, Настя, право, тут радоваться нечему.

Настя. А не делай так! Ведь нехорошо она делает, нехорошо? Ну, скажи!

Ольга. Разумеется, нехорошо, да только…

Бондырев потягивается.

Настя. Ах, дядя опять заснул!

Бондырев. Ан и врешь! Ах ты, куцая!

Настя. Дядя, милый, ведь вам вредно!

Бондырев. Знаю, дружок, что вредно, да ничего не поделаешь. Как поел, так тебе подушка перед глазами и замелькала, так вот тебя и манит, как русалка в реку. Искушение, да и только!

Явление четвертое

Те же и Баркалов.

Баркалов. Мое почтение. Отдохнули после дороги?

Бондырев. Н-да, ничего-таки.

Баркалов. А вы, Ольга Давыдовна?

Ольга. Я и не устала!

Бондырев *(встает)*. Пойти покурить!

Баркалов. Не прикажете ли папироску?

Бондырев. Нет, мы со старухой трубочку.

Настя. Я вам, дядя, трубку набью, я умею!

Бондырев. Ну, ну, шустрая ты, я вижу!

Уходит с Настей.

Баркалов. Уходят от меня. *(Смеется.)* Думают, что огорчили!

Ольга. Никто ничего не думает. Тут съехались все родные, близкие родные; мы можем и ссориться, и мириться, это уж наше дело; вы для нас человек совершенно чужой и, следовательно, при всех наших разговорах и объяснениях совершенно, лишний!

Баркалов. Судя по вашему тону, вы, кажется, хотите петь главную партию в семейном концерте?

Ольга. Думайте, как вам угодно, но во всяком случае и несмотря ни на что, я буду вести себя прилично и соответственно тому положению, которое я должна занимать в этом доме. Вон идет моя сестра, моя крестная мать, я хочу с ней говорить; прошу вас удалиться!

Баркалов. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Явление пятое

Ольга и Сарытова (входит).

Сарытова. Скажи мне, Оля, неужели тетка

успела вооружить и тебя? Ты не подходишь ко мне, не приласкаешься.

Ольга. Меня никто не может вооружить против тебя; я живу своим умом. Я люблю тебя, но…

Сарытова. Что же?

Ольга. Я не могу притворяться и никогда не притворялась. Мы перестали быть для тебя тем, чем были прежде. Но, мне кажется, я всего говорить тебе не имею права!

Сарытова. Ты боишься в глаза осудить меня? Послушай, Оля! Ты девушка взрослая, я не хочу тебя обманывать, я также не хочу притворяться перед тобой! Но ты слишком молода, чтобы понять все; ты только слушай, и верь мне, и… пожалей меня. Ты думаешь, я счастлива? Я вас вырастила, я вас люблю, как детей своих, а вы бежите от меня, как от чумы. Все клянут меня за мою страсть, все смеются надо мною, а у меня нет сил бороться с собою. *(Плачет.)*

Ольга. Мама, мне жаль тебя, но я ничего не могу сказать тебе в утешение, ничего!

Сарытова. Да, потому что ты не знаешь, что такое любовь, что такое страсть!

Ольга. Может быть, я и знаю, что такое любовь…

Сарытова. Ты знаешь, и ничего не найдешь

сказать мне в утешение?

Ольга. Ничего. Я знаю любовь, только понимаю ее иначе. Женщина создана для любви: полюбить человека умного, образованного, от которого ждешь себе пользы, добра, очень естественно! Но за что ты любишь его, чем оправдать твою любовь?

Сарытова. Нет, ты еще молода. То, что ты говоришь, не любовь, а резонерство. Любовь слепа, страсть не рассуждает, она мучит, губит человека.

Ольга. Губит? Мама, ты губишь не одну себя, ты губишь и нас. Подумай, мы только начинаем жить, а что ждет їнас? Разорение и бедность. Когда я думаю об этом, я замечаю, что мое чувство к тебе пошатнулось; оно может совсем исчезнуть. Мама, соберись с силами, отрекись от него, это приведет нас всех к согласию и счастию.

Сарытова. Правда твоя, Оля; но что же мне делать, если он завладел моей душой! Если бы он покинул меня, я бы могла забыть его, но самой оттолкнуть… *(Сквозь слезы.)* Оля, я соберу все мои силы… я постараюсь… только прошу вас, не оскорбляйте меня и его.

Ольга. Мама, за себя я ручаюсь; я попрошу тетю и Настю быть поласковей с ним, только уж и ты

скажи ему, чтобы он вел себя с нами поприличней и поскромней. Я побегу к ним. *(Уходит.)*

Явление шестое

Сарытова и Баркалов (входит).

Баркалов. Что с вами? Растроганы вы или расстроены?

Сарытова закрывает лицо руками.

Даже вот как! Недурно! Значит-таки доняли вас! Остаться мне или уйти? *(Молчание.)* Что сей сон значит? Не хотите говорить? Ну, как угодно! *(Идет.)*

Сарытова. Послушайте!

Баркалов. А! Слушаю…

Сарытова. Мне нужно с вами много и серьезно говорить!

Баркалов. И много, и серьезно? Если серьезно, так нельзя ли покороче. Да вам не нужно ли, чтобы я убирался из вашего дома, — так об этом не стоит разговаривать, через час меня не будет, если вам угодно.

Сарытова. Зачем вы это говорите?

Баркалов. Я вижу, в чем тут дело. Ну, и бог с вами. Вы думаете, я заплачу?

Сарытова. Вам все равно, потому что вы меня не любите!

Баркалов. А вы меня любите? Хороша любовь, нечего сказать! Сестрица приласкала, тетка побранила — и прощай, любовь! Отлично! Что значили и чего стоили все ваши клятвы? Э, да лучше убраться поскорей, чем глядеть на эту фальшь.

Сарытова. Фальшь? Вы ошибаетесь. Если б вы знали мое сердце!

Баркалов. Не желаю. Я знаю, что там ничего не найду!

Сарытова. Он же меня оскорбляет! Как я несчастна!

Баркалов. Ну, так будьте счастливы и прощайте! *(Идет.)*

Сарытова. За что вы так грубы со мною? Что я вам сказала или сделала?

Баркалов. Я не глуп и не слеп. Я слышу, об чем на целый дом кричат ваши родные, а вы, при виде меня, закрываете лицо и молчите. Или мне дождаться, чтобы меня выбросили за окно? Вы задели мою гордость!

Сарытова. Человек, которому я отдала мою душу, не хочет понять меня. Я мучусь, терзаюсь, а он только думает о себе и о своей гордости.

Баркалов. Неправда. *(С жаром.)* Говорите прямо, без ужимок, что вам нужно от меня? Я готов

на все: по одному вашему слову я умру для вас. Скажите, какую жертву должен я принести? По одному вашему слову я погибну!

Сарытова. Зачем, зачем опять вы заговорили этим голосом? Он проникает мне в душу. Я не могу устоять против него. Лучше презирайте, ненавидьте меня и уйдите, уйдите!

Баркалов. Я уйду не с ненавистью, а с разбитым сердцем.

Сарытова *(нежно смотрит на него)*. Уйдете совсем? Нет, не могу. Послушайте, я скажу им, что вы изменитесь, будете скромнее, не будете расточительны. Да? Вы обещаете? Умоляю вас!

Баркалов. Клянусь вам, я изменюсь, и меня не в чем будет упрекнуть!

Сарытова. Благодарю, теперь я покойна!

Баркалов. Вон, кажется, Павел Спиридонович приехал.

Сарытова. Не за деньгами ли? Вот беда-то! У меня нет денег! Гурьевна обещала достать на-днях.

Баркалов. У меня есть основание предполагать, что он, несмотря на свою скаредность, согласится подождать!

Сарытова. Устройте как-нибудь! Хлопочите, спасайте меня! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Баркалов и Лизгунов (входит).

Лизгунов *(негромко)*. Здравствуйте! Скажите, вы ничего не предчувствуете, ничего?

Баркалов. Ровнехонько ничего. Что это вы так таинственно? Не пойдем ли ко мне?

Лизгунов. Нет, я хочу быть здесь, хочу видеть ее! Понимаете… ее!

Баркалов. Любовная муха укусила?

Лизгунов. И не говорите! Вчерашний день был для меня решительным. Рок совершился. Я не спал всю ночь… понимаете, видение… я и так, и эдак — не тут-то было. Стоит передо мной и не исчезает. Помогите!

Баркалов. Я! Как это я буду помогать вам? Вы красивы, богаты…

Лизгунов *(перебивает)*. Все это прекрасно, но я не люблю рисковать. Я должен знать, положительно знать ее мысли, ее мнение обо мне. Хотя я надеюсь… но чего не бывает? Вдруг отказ, при моей-то гордости! Да я не перенесу такого удара… как тогда мне смотреть на людей! И так, добрейший мой, я на вас надеюсь.

Баркалов. Для вас все и всегда!

Лизгунов. Скажите, ну что она? Как обо мне

отзывается?

Баркалов. Ничего — хвалит.

Лизгунов. Да? Очень рад! Но вчера… дорожное платье, маленький беспорядок… чудо, прелесть!

Баркалов. Вы не очень еще радуйтесь. Тут есть одно препятствие.

Лизгунов. Неужели соперник есть?

Баркалов. Ну вот, стоит о соперниках говорить! Нет, более существенное: Серафиме Давыдовне деньги нужны — четыре тысячи. Сочтетесь после, а теперь раскошеливайтесь!

Лизгунов. Она и то мне много должна, но это пустяки, лишь бы верно было.

Баркалов. Я ничего не знаю, это ваше дело! Вы просите помочь вам, я и указываю, с какого конца надо начинать.

Лизгунов. Благодарю от души. Если мне удастся, я готов сжечь ваш вексель. Я так тронут, что не пожалею…

Баркалов. Павел Спиридоныч, вы меня обижаете. Деньги? Мне? Я не богат, но подаяния не беру. Обед, стакан шампанского, да! Пойдемте-ка лучше любоваться на нее из моего флигеля.

Уходят.

Явление восьмое

Бондырева *(в очках, с работой в руках)*, Ольга и Настя *(все входят)*.

Ольга. Тетя, зачем вы завели этот разговор? Мама совсем расстроена; она плачет.

Бондырева. А что ж такое? Говорю, потому что правда. Не хвалить же мне ее! А что она расстроена, так это и прекрасно: одумайся!

Настя. Тетя, милая! Как я вас полюбила, как я вас полюбила!

Ольга. Погоди! Помолчи, Настя! Тяжело видеть, невыносимо тяжело, когда люди относятся друг к другу без жалости.

Бондырева. Какая тут жалость? Что за нежности! Она уходит да отмалчивается, думает, тем дело и кончится. Не придется. Дойму, ох, дойму! Я на все пойду! Коли словом ее не возьмешь, делом доедем.

Настя. Так, так, тетя милая!

Ольга. Ах, Настя, ты невыносима!

Настя. Вот, тетя, она меня всегда бранит, она меня глупой называет!

Бондырева. Ну вот еще! У нас глупых-то и в роду нет! Задорные водятся, а глупых нет. Нет, Олинька, дружок мой, ты вот что послушай. Ваш

отец точно предчувствовал, что не все будет ладно. Он просил меня не забыть его последней просьбы и помочь вам, если будет надобность. Ты думаешь, что Серафима потом не скажет мне спасибо? Ой-ой, как скажет!

Ольга. Тетя, да зачем вы горячитесь? Совсем не то нужно, нужно другое. Что за крики, что за брань! Они возмущают меня; ведь у меня есть сердце. Я придумала, как кончить это дело миром.

Бондырева. А придумала, так и делай; спасибо скажем!

Ольга. Да я одна не могу, мне нужна ваша помощь!

Бондырева. Какая еще помощь? В чем дело?

Ольга. А вот, во-первых, не расстраивайте маму и будьте поласковее с управляющим.

Бондырева. Зачем же это поласковее, коли я его видеть не могу?

Ольга. Так нужно, тетя! Вот вы увидите!

Бондырева. Посмотрим. Изволь, изволь!

Ольга. Вот он идет.

Бондырева. Так ты хочешь, чтобы я была с ним ласковее?

Ольга. Да, тетя, сделайте для меня это одолжение.

Бондырева. Изволь, изволь, у меня за лаской дело не станет.

Входит Баркалов и останавливается поодаль.

Явление девятое

Те же и Баркалов.

Баркалов. Прасковья Антоновна!

Бондырева *(не глядя на него)*. Что еще?

Ольга *(с упреком)*. Тетя!

Баркалов. Вы сегодня обходили хозяйство и остались недовольны?

Бондырева. Была, видела, насмотрелась! Ну, а вам-то что?

Баркалов *(смиренно)*. Я управляющий!

Бондырева. Так что ж, сударь? *(Ольге.)* Ведь ласково, Оля?

Ольга. Ах, тетя!

Баркалов. Вы опытная хозяйка, приятно поучиться у вас…

Бондырева. Эва что! Учить? Не желаю, понимаете, не желаю и не стоит!

Ольга. Тетя, разве это дурно, что молодой человек желает поучиться? Это делает ему честь. Зачем же отказывать ему в добром совете?

Настя. Да тебе что за дело? Зачем ты в чужие разговоры мешаешься! Тетя знает, что говорит.

Баркалов. Я хочу учиться для пользы ваших же родных.

Бондырева. Для этой пользы нужно совсем другое — так-то-с!

Баркалов. Что же именно? Может быть, я могу?

Бондырева. Вы? Можете, как не мочь! Стоит только запречь лошадей, а вам сесть да укатить совсем отсюда, тут вот и начнется действительная польза для моих родных. Другой пользы не знаю и прошу у меня не спрашивать, а то я человек тяжелый, неровен час, обмолвлюсь, скажу что-нибудь вам не по мыслям.

Ольга *(подойдя к Баркалову)*. Степан Григорьевич, вы не огорчайтесь на тетю. У ней уж такая манера говорить, а сердце у ней доброе и нежное.

Настя. А! Так ты вот как! Ну, хорошо же! *(Убегает.)*

Баркалов. Бог с вами! За что вы обижаете бедного человека?

Бондырева. Бог всегда со мной, это правда; а есть люди, что и бога забыли! Да вы маску-то снимите, полно Лазаря-то петь! Понимаем мы, не маленькие! *(Смеется.)* Управляющий!

Баркалов. Сударыня, воздержитесь! Только в

этом доме вы и можете так говорить со мной.

Бондырева. А в другом-то месте я на вас и не посмотрю. «Воздержитесь»! Туда же!

Он уходит.

Ольга. Ну что вы наделали! Теперь опять пойдет брань да раздор. А еще обещали быть ласковой!

Бондырева. Да что ж мне делать, коли я его видеть не могу. Как только увижу его мину богопротивную, так у меня даже колотья подступают.

Ольга. Тетя, я вас предупреждаю, он человек дерзкий, он ни перед чем не остановится.

Бондырева. Ну вот еще! Стану я его бояться!

Ольга. Да уж поверьте мне: будет скандал большой; а все это отзовется на нас, дурная-то слава про все семейство пойдет. Вы знаете, что у меня есть жених, так приятно ли мне, когда разговор о наших семейных дрязгах по всей губернии разойдется. Говорю вам, не мешайте мне, у меня дело хорошо обдумано.

Бондырева. Так что такое, скажи!

Ольга. После, после, тетя, а теперь подите к маме, успокойте ее хоть немного! Ведь жалко!

Бондырева. Ох ты, жалостливая! Что ж, я пойду, коли тебе надо, да будет ли толк?

Ольга. Будет, будет!

Бондырева уходит.

Явление десятое

Ольга и Настя (входит).

Ольга. Что ты убежала? Ты рассердилась на меня?

Настя. Нет, что ж сердиться! Только не ожидала я от тебя этого, не ожидала!

Ольга. Чего не ожидала?

Настя. Чтоб ты на его сторону перекинулась.

Ольга. Наконец это из рук вон! Чего ж тебе хочется от меня? Чтоб я вместе с тобой бранилась с ним? Этого ты от меня никогда не дождешься.

Настя. Да я знаю, знаю. Вас теперь трое против меня: она, он и ты!

Ольга. Какие глупости! Ты ничего не понимаешь.

Настя. Уж конечно! Я только и слышу от тебя, что я глупа и зла. Ну и отлично! Мы и без тебя обойдемся: за меня тетя заступится, да я и сама…

Ольга. Ты сама? Что ты выдумываешь? Что ты можешь сделать?

Настя. Что сделаю? Вот ты узнаешь.

Ольга. Ах, Настя, ты только мешаешь моему плану. Как это скучно! То тетя, то ты… не хотите

вы подождать немного!

Настя. Дождешься тебя; я измучилась. *(Утирает, слезы.)* Нет, уж я решилась!

Ольга. На что ты решилась?

Настя. Уж я знаю. Это мое дело.

Ольга. Ну, сделай милость, скажи! Разве хорошо от сестры скрывать?

Настя *(осматриваясь)*. Слушай! Я возьму… я возьму, у скотницы Хавроньи мышьяку и отравлю его.

Ольга. Что ты? Что ты? Ведь это уголовное преступление…

Настя. Я знаю. Я все расскажу на суде, все, я плакать буду, меня оправдают.

Ольга. Тебя оправдают, а грех-то? Ты и забыла?

Настя *(подумав)*. Так я сама отравлюсь.

Ольга. Ну вот еще! Кому же ты угрозишь?

Настя. Да я не могу так жить, не могу… понимаешь?

Ольга. Ведь уж долго ждала; подожди еще немного. Мне самой надоело.

Настя. Немного?

Ольга. До завтра.

Настя. И завтра ты его выгонишь отсюда?

Ольга. Непременно.

Настя. А если нет?

Ольга. Тогда делай что хочешь: отравляй его или сама отравляйся; я уж не скажу ни слова.

Действие третье

ЛИЦА:
Сарытова.
Ольга.
Настя.
Бондырев.
Бондырева.
Баркалов.
Лизгунов.
Гурьевна.
Марья.
Митрофан, воспитанник Гурьевны, лет 25.

Декорация та же.

Явление первое

Марья (входит) и Гурьевна (в руках небольшой ковровый мешок).

Гурьевна. Что, Машенька, можно видеть Серафиму Давыдовну?

Марья. Оне нездоровы, другой день из спальни не выходят.

Гурьевна. Что ж это с ней сделалось?

Марья. Да так, ничего важного; ежели оне расстроены, так у них всегда нездоровье от нервов.

Гурьевна. Так я прямо к ней в спальню и пойду.

Марья. Никак невозможно это. Подождите, когда выйдут.

Гурьевна. Что это у вас за новая мода? Я всегда прямо ходила.

Марья. Уж это не наше дело. Не велели никого допущать, ну, мы и не должны.

Гурьевна. Уж она не от родни ли запирается?

Марья. Мы этого знать не можем.

Гурьевна. Рано вчера управляющий-то из городу приехал аль вовсе не ночевал? Я его там видела!

Марья. Ишь вы как люты на расспросы-то! Нужен он вам, что ли? Так я его позову.

Гурьевна. Нет, нет, ну его, на что он мне! Так я пойду в девичьей посижу.

Идет к калитке. Входят Бондырева и Ольга. Гурьевна низко кланяется и уходит. Марья уходит в дом.

Явление второе

Бондырева и Ольга.

Ольга. Тетя, милая, ну что вам стоит?

Бондырева. Да что ты выдумываешь? Как это возможно!

Ольга. Одно средство, тетя, самое простое и самое верное.

Бондырева. Да что я тебе, кукла, что ли, досталась? Молода еще ты вертеть старухой теткой, как игрушкой.

Ольга. Тетя, пожалейте сирот!

Бондырева. Да как мне вывернуть-то себя? Всю жизнь правдой живу, а тут на-ка поди! Да я и слова-то такие забыла!

Ольга. Подумайте, так вспомните!

Бондырева. Отойди ты, греховодница!

Ольга. Так не хотите?

Бондырева. Еще бы ты заставила меня на палочке верхом кружить! Так тебя и слушать?

Ольга. На вас будем плакаться: могли, да не захотели.

Бондырева. Да отстань! Статочное ли это дело, чтоб я… да господи помилуй!

Ольга. Вам бы только браниться с утра до вечера, вот это ваше удовольствие, а пожалеть

племянниц, помочь им, так вас нет.

Бондырева. Пожалеть, пожалеть! Да как ты смеешь! Разве я вас не жалею? А уж кататься колесом под старость лет, матушка моя, заставить меня трудно!

Ольга *(отходя в сторону)*. Как хотите. Бог вам судья!

Входят Сарытова и Марья.

Бондырева. Вышла из заключенья?

Сарытова. Ах, оставь, пожалуйста! Полегче стало, ну, я и вышла подышать воздухом.

Бондырева. Ну, дыши, дыши! *(Ольге.)* А ты что губы-то надула? Пойдем потолкуем еще, хоть посмеюсь на твою выдумку!

Уходит с Ольгой.

Явление третье

Сарытова, Марья и Баркалов.

Сарытова. Степан Григорьич дома?

Марья. Дома-с.

Сарытова. Попроси его ко мне.

Марья уходит во флигель.

Какое невыносимое положенье! Прикидывайся больной, запирайся в спальне, лишь бы не видеть и не слышать ничего. Долго ли это продолжаться будет? Не прогнать же мне дядю с теткой, а сами

не догадаются, не уедут.

Входят Баркалов и Марья.

Баркалов *(Марье, на ходу)*. Распорядитесь-ка, чтоб мне закусочку прислали! Надо голову поправить, болит со вчерашнего!

Марья. Что прикажете?

Баркалов. Чего хочешь, все равно, только кислой капусты не забудь.

Марья. Это, по-нашему, бламанже называется. *(Уходит.)*

Баркалов *(Сарытовой)*. Наконец вы показались на свет божий.

Сарытова. Вы были вчера в городе?

Баркалов. Был.

Сарытова. Не видали вы Гурьевну?

Баркалов. Я ее никогда не вижу. Это она меня постоянно видит да вам сплетничает.

Сарытова. Ах, оставьте, мне она нужна.

Баркалов. Зачем вам? Ее надо гонять из усадьбы.

Сарытова. Она мне обещала денег достать.

Баркалов. Если вы об деньгах, то не беспокойтесь. Деньги есть, у меня во флигеле сидят, завтрака дожидаются.

Сарытова. Лизгунов? Да ведь я ему и так много должна.

Баркалов. Ничего не значит. Тут есть маленькое соображенье. *(Тихо.)* Влюблен…

Сарытова. Очень рада, но что ж из этого?

Баркалов. Да только и всего, что у него можно денег взять.

Сарытова. Я вас не понимаю. Я уверена, что из его любви не выйдет ничего серьезного. Леле он, кажется, не нравится.

Баркалов. И я уверен, что не будет ничего серьезного, но он этого не должен знать.

Сарытова. Что ж вы хотите, чтоб я обманом выманила у него деньги?

Баркалов. Зачем обманом — обман слово нехорошее; а ловкостью, умом — это другое дело. Вы только разберите…

Сарытова. Ничего не хочу я разбирать. Я вижу, что вы советуете мне что-то нехорошее, а я неблагородно не поступала никогда. Если бы я надеялась на что-нибудь серьезное, я бы могла решиться, взяла. Такие обстоятельства! Но я не надеюсь и поэтому прошу мне не говорить об этом.

Баркалов. Носитесь вы с своим благородством и доноситесь до того, что эта ноша вас придавит. С кем церемониться! Вы знаете ли, сколько вы ему должны?

Сарытова. Четыре тысячи с небольшим.

Баркалов. А с процентами будет и всех пять. Он молчит и не требует только потому, что надеется породниться с вами, а как узнает, что нет надежды, тогда распорядится по-своему. Не ждите пощады!

Сарытова. Это ужасно, ужасно!

Баркалов. Еще ужаснее будет, когда отнимут и продадут за бесценок ваше именье. Много ли у вас останется, за вычетом долга и разных проторей и убытков? И придется вам уж не опекуншей быть, а итти в приживалки или на хлебы к вашим сестрам или к этому бульдогу, к вашей тетушке.

Сарытова. Да, да, ужасно, ужасно представить! И отчего он ей и всем женщинам противен? Красив, богат…

Баркалов. Ну, уж это не наше дело. Теперь-то много ли денег вам нужно?

Сарытова. Мне необходимо тысяч около трех.

Баркалов. Так я и предполагал, что надо будет просить четыре. Вам около трех, мой векселишко рублей в шестьсот надо у него выкупить, а остальные мне на мелкие расходы. Да, так точно, четыре тысячи.

Сарытова. Да… но как же? Я, право, не знаю.

Баркалов. Вы не согласны? Хорошо! Я пойду,

так и скажу ему. *(Идет.)*

Сарытова. Постойте. Что же я должна делать?

Баркалов. Очень мало. Скажите, что вы и очень бы рады, но обстоятельства ваши и сестер ваших так дурны, что вы не можете об этом и думать, что нужны расходы, приличие требует… ну, и прочее… Он сейчас поймет и предложит; а как деньги получите, тогда пускай ведается сам с Ольгой Давыдовной. Что ж тут дурного? Чисто и аккуратно. Позвать?

Сарытова *(закрывая лицо)*. Дайте подумать!

Баркалов. Подумайте, это дело хорошее. *(Прохаживается и посвистывает.)* Ну, довольно, я иду звать!

Сарытова. Зовите!

Баркалов. Вот и хорошо подумать, а то как же это… не думавши. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Сарытова, потом Лизгунов.

Сарытова. До чего я дошла! Я падаю, падаю и не вижу дна этой пропасти! Что мне делать? Остается только закрыть глаза, пусть будет, что будет.

Лизгунов *(входит)*. Я счастлив, что вижу вас и могу выразить мое чувство расположения к вам!

Сарытова. Прошу.

Садятся.

Лизгунов. Я пришел искать и найти в вас такое же расположение…

Сарытова. Я всегда… Что могу…

Лизгунов. Буду краток и откровенен — это лучше всего. Считаете ли вы меня достойным быть вашим зятем? Я надеюсь…

Сарытова. Отчего же… но…

Лизгунов. Но? Что значит это «но»? Не пугайте меня. Зачем «но»?

Сарытова. Это касается меня, а не вас.

Лизгунов. Слава богу, а то мне показалось… я такой нервный. Что же такое?

Сарытова. Мои обстоятельства… приличие требует… я не могу решиться, я не отказываю в своем согласии, но…

Лизгунов *(смеется)*. Понимаю! Это такие пустяки. Напрасно вы затрудняетесь сказать прямо. Ведь будем же свои люди. Итак, я имею ваше слово?

Сарытова. Что касается меня, я очень рада. Это было всегда моим желаньем.

Лизгунов. И прекрасно. В расположении Ольги Давыдовны я, кажется, сомневаться не должен. Гордость моя не допускает этой мысли. Если человек с моим состоянием и с моими досто-

инствами… и притом не ищет приданого — тут долго не думают!

Сарытова. Уж это ваше дело! Я ходатайствовать за вас не берусь!

Лизгунов. О, не беспокойтесь, я сам… я красноречив. Позвольте вашу ручку. *(Целует.)* Сколько же вам нужно денег?

Сарытова. Тысячи четыре.

Лизгунов. Ого! Впрочем, что ж, я готов. Когда же вам нужно?

Сарытова. Если можно, теперь.

Лизгунов. С собой такой суммы не имею, но сейчас съезжу за ней, а вы приготовьте какой-нибудь незначительный документик, векселек, конечно.

Сарытова. Вы мне не верите?

Лизгунов. Помилуйте, верю… но порядок такой!

Сарытова. Нет, значит, вы не доверяете мне. Благодарю вас, не нужно.

Лизгунов. Прошу не горячиться! Брать документы у меня привычка, или, лучше сказать, правило моей жизни, от которого я уж ни под каким видом не отступлю. Я рубля не дам без документа даже отцу родному. Вас, может быть, бланк затрудняет, надо в город посылать? Так

вот, извольте. *(Достает из кармана и подает вексельный бланк.)* Со мной всегда есть!

Сарытова. Вы привезите мои старые векселя да Степана Григорьевича тоже, я за него заплачу; мы сделаем один вексель.

Лизгунов. С удовольствием. Лечу легкий, чтобы прилететь тяжелым. *(Уходит.)*

Сарытова. Наконец-то! Какая пытка!

Явление пятое

Сарытова, Марья, потом Ольга.

Марья. Гурьевна пришла, в девичьей дожидается!

Сарытова. Не до нее мне, пусть подождет. Где Олинька?

Марья. В гостиной сидят.

Сарытова. Одна?

Марья. Нет, с тетенькой-с.

Сарытова. Так попроси ее сюда ко мне.

Марья уходит.

Разве я могу, разве я посмею требовать от нее такой жертвы? А что, если она согласится? Ведь я погублю ее на всю жизнь. Я должна беречь ее, а не губить, ведь она мне сестра, крестница, почти что дочь. Господи! Да что же я все твержу себе: «я должна, должна!» А в душе-то нет ни любви к

сестрам, ни чувства долга, ни сознанья своих обязанностей, а только страх перед бедой и чувство самосохранения. За что бы ни ухватиться, только бы удержаться, хоть уж не спастись, хоть только отсрочить свою погибель!

Ольга *(входит)*. Мама, что тебе?

Сарытова *(с дрожью в голосе)*. Оля, спаси меня!

Ольга. Я рада, да как? Скажи!

Сарытова. Оля, за тебя сватается Лизгунов.

Ольга *(с испугом)*. Ах, что ты! Нет, нет!

Сарытова. Одно средство… последнее… я гибну…

Ольга. Нет, нет! Мама, не требуй от меня жертвы, я молода, я хочу жить… я люблю… у меня есть жених.

Сарытова. Как? Ты любишь, и я ничего не знаю… я от тебя не ожидала…

Ольга. Не говори, не говори! Ты не имеешь права судить меня!

Сарытова. Ты меня убиваешь!

Ольга. Я уйду… ты меня мучишь… за что? Что я тебе сделала? О чем ты просишь, подумай! Тебе нужны деньги, так ведь?

Сарытова *(со слезами)*. Да, Оля… крайность…

Ольга. Какой же ценой ты хочешь добыть эти

деньги? Ты хочешь отнять у меня счастье, загубить всю жизнь мою, чтоб добыть себе денег! Да ведь я тебе сестра, я дочь твоя… ведь ты нас растила, воспитывала, ты желала нам добра… ты забыла, ты все забыла… Нет, мама, ты подумай, подумай! Ты растерялась совсем!

Сарытова. Ах, прости меня! Да… я слабая женщина… Оля… Олинька…

Ольга. Что, мама?

Сарытова. Ты хоть не совсем отказывай-то ему, не вдруг. Скажи, что ты подумаешь, чтоб он подождал.

Ольга. Нет, лгать не стану. Да ты не беспокойся, мама! Ты уж очень расстроена, тебе все в черном цвете представляется. Будь уверена, что я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе. Ты успокойся, успокойся, все будет хорошо. Пойдем, я провожу тебя.

Уходят в дом.

Явление шестое

Гурьевна *(входит в калитку)*, потом Митрофан.

Гурьевна. Сказала, что барыня в саду, а ее нет. Что она, как молодой месяц, покажется, да и спрячется! Подожду. Как бы только на победителя-то

не налететь!

Митрофан идет из флигеля к калитке.

Митроша!

Митрофан *(оглядываясь)*. А?

Гурьевна. Что ты, как галка, рот-то разинул? Поди сюда!

Митрофан. По́ что? *(Подходит.)*

Гурьевна. Ишь ты, какой взъерошенный, точно шавка!

Митрофан. Так что? Кому нужно?

Гурьевна. Молчи ты, бестолковый! Здесь барышни ходят!

Митрофан. Ну и пущай! Я сторонкой, меня не увидят!

Гурьевна. А зачем сторонкой? Что ты, вор, что ли, украл что? От кого тебе прятаться? Ходи прямо, ходи браво! Разве ты свою планиду знаешь? А может быть…

Митрофан. Уж это ты грезишь! Не так я стачан, фасон не тот.

Гурьевна. Какой еще фасон нашел?

Митрофан. Фасон а ля мужик. От них мы кормимся, с ними нам и жить.

Гурьевна. Ну, не скажи: на грех-то мастера нет! *(Достает из мешка банку, мешок кладет на землю и засучает рукава.)*

Митрофан. Ты это что? Кого мыть собираешься?

Гурьевна. Помадить тебя хочу. *(Помадит.)* Вон она опять все деньги растранжирила… Не вертись! Опять за Гурьевну. Ну, я сказала, что Фарафонтова деньги, а свои даю, да по три процентика в месяц, да бриллианты под залог… Не вертись!

Митрофан. А как это хорошо, когда богатый человек проматываться задумает. Тут уж только карман подставляй.

Гурьевна. Говорят тебе, не вертись!

Легкая пощечина.

Митрофан. Ты что дерешься! Так вот на же! *(Ерошит волосы.)* Так и буду ходить. *(Отходит.)*

Гурьевна. Ну, Митроша, ну, поди сюда, причешу.

Тот подходит, она его причесывает.

Вот так-то помещичье добро и попадает в наши руки.

Митрофан. А кто ж виноват? Что ж нам, жалеть их, что ли?

Гурьевна. Зачем жалеть; я к слову говорю. Вот уж ты хуторок купил, а там и именье купишь, а потом можно и за барышню посвататься.

Митрофан. Только не очень высокого полету!

А я вчера три целковых выиграл.

Гурьевна. В карты? Да я тебя убью!

Митрофан. Нет, на гитаре. Заставляют пьяные ночью песни играть. Коли дадите, говорю, по гривеннику за песню, так стану играть, а то спать пойду. Дали. Я им на три целковых и наиграл!

Гурьевна. Вот и молодец — деньги-то годятся, а выспаться-то и днем можно. Ты куда идешь?

Митрофан. К писарю; нужно на мужиков условье писать. *(Уходит в калитку.)*

Явление седьмое

Гурьевна и Баркалов (выходит из флигеля, несколько румяней обыкновенного).

Баркалов. А! Это вы?

Гурьевна. Я-с.

Баркалов. Зачем пожаловали?

Гурьевна. Насчет делов-с.

Баркалов. К кому же это?

Гурьевна. Конечно, не к вам, а к благодетельнице своей.

Баркалов. А я полагаю, что к приезжим на бедность попросить. Вон мешок-то какой принесла!

Гурьевна. Это вы совсем напрасно.

Баркалов. Не ходи к приезжим господам, не советую, по дружбе не советую. Он индюк, а она

рычит, как бульдог, курит трубку, как фельдфебель, очки вот какие, чубук вот какой!

Гурьевна. Да мне все равно, какие бы ни были.

Баркалов. Нет, нет, не все равно. Попробуй-ка ей не понравиться, она сейчас чубук-то и приложит. Она говорит, что от зубов курит, ты ей не верь. Она для того и курит, чтоб на всякий случай чубук под руками был: как что не по ней — она и приласкает.

Гурьевна. Да какое мне дело! Я не к ним, я к Серафиме Давыдовне.

Баркалов. К Серафиме Давыдовне не пущу. Поворачивай оглобли назад!

Гурьевна. Да как же это возможно, бывши в усадьбе, да не показаться. У меня дело до них, за мной присылали.

Баркалов. Никаких дел не нужно; марш обратно; тем же трактом на старое место, откуда пришла!

Гурьевна. Что вы, Степан Григорьевич, проходу мне не даете, завсегда обижаете.

Баркалов. Полно казанской-то сиротой притворяться.

Гурьевна. Что я бедная, так и нападаете! Это вам должно быть совестно!

Баркалов. Ну да, как же, конечно, совестно,

очень совестно. А знаете, какая мне счастливая мысль в голову пришла?

Гурьевна. Почем же я могу чужие мысли знать.

Баркалов. Я вас как-нибудь собаками затравлю.

Гурьевна. За это ответите, нынче на всех закон есть.

Баркалов. Это вы совершенно справедливо изволите говорить. *(Смотрит на нее.)* Позвольте вас поцеловать.

Гурьевна. Всякие я от вас обиды видела, Степан Григорьевич, а уж такой не ожидала. Даже неблагородно.

Баркалов. Да разве я обижаю? Полно притворяться-то. Вас хочет поцеловать молодой человек приятной наружности. Признайтесь, ведь вы давно не испытывали такого удовольствия?

Гурьевна. Тьфу! Тьфу! Прости господи мои прегрешения! Ах, что вы, что вы? Можно ли такие слова девице говорить!

Баркалов. А что ж такое! Ведь я с благородным намереньем! Много ль у тебя денег припрятано? Откровенно скажи, не скрывай.

Гурьевна. Какие у меня деньги! Из-за хлеба на квас перебиваешься.

Баркалов. Когда у вас будет пятьдесят тысяч, я ваш жених, а пока… приди в мои объятья! *(Хочет ее обнять.)*

Гурьевна. Что вы, что вы, я закричу. Я сама благородная, у меня папенька был чиновник.

Баркалов. Да ведь я жених. Разве я не имею права сказать тебе: милая, очаровательная Гурьевна! — и задушить в своих объятьях…

Явление восьмое

Те же, Бондырев, потом Бондырева.

Бондырев *(входит)*. Молодой человек, что это вы на старушку-то польстились?

Баркалов. Вы нас не судите, мы старинные приятели.

Гурьевна. Господи помилуй! Да что он это такое?

Баркалов. Я ее люблю за остроумие. Вы ее послушали бы сейчас, она целый уезд перебрала. Вас назвала Индюком; жену вашу — бульдогом и фельдфебелем.

Гурьевна. Я? Да это вы назвали. Что это вы с больной головы да на здоровую?

Баркалов. Видите, вертится! У-у! Язычница! Вы ее также хорошенько, она в наши места вместо сибирской язвы послана. *(Уходит.)*

Гурьевна. Милостивый государь, вы ему не верьте! Провалиться в преисподнюю, никак вас не называла. Конечно, мне веры нет, я человек бедный. *(Плачет в голос.)* А с ним без вины виноват будешь!

Бондырева *(входит)*. С кем ты тут?

Бондырев. Ты послушай, что тут за история! Вот потеха-то!

Гурьевна. Матушка, не называла! О-ох! Не называла! Под очистительную пойду!

Бондырева. Кого? Как называла?

Бондырев. Управляющий сказал, что она меня назвала индюком, а тебя бульдогом и фельдфебелем. *(Хохочет.)*

Бондырева. Что ты зубы скалишь! Постыдись хоть немножко! Передаешь ты всякую гадость, очень нужно мне слушать. *(Гурьевне.)* Убирайся ты со своим управляющим! На кой шут вы оба-то здесь? Буду я разбирать вас, как же! Убирайся!

Гурьевна уходит.

А и ты хорош! Ввязываешься во всякие дрязги! Тебе нужно? Башка вся лысая, а ума не нажил. Ну, скажи ты, пристало ли тебе с ними связываться? Подумай ты хоть раз в жизни, бочка сороковая!

Бондырев. Чего тут думать? Если говорят, так как же! Уши заткнуть, что ли?

Бондырева *(перебивает)*. С тобой говорить, что мякину сеять. *(Уходит.)*

Бондырев *(один)*. Ишь ты, расходилась; должно быть, прозвание-то в самый раз попало. Меня и самого смех разбирает! *(Хохочет.)* Выдумал же, каторжный!

Явление девятое

Бондырев и Баркалов.

Баркалов. Ну, что, призналась? Я вам сказал, что язва. Помилуйте, чем вы индюк!

Бондырев. Ну, на старуху-то не напрасно ли? Не сами ли вы? А это нехорошо!

Баркалов. Вы думаете, что я и что это нехорошо? Значит, вы находите, что я оскорбил вас!

Бондырев. Да, если это вы!

Баркалов. Ну, я!

Бондырев. Вы? *(Про себя.)* Вот те раз, как же теперь быть? *(Вслух.)* Это, милостивый государь, весьма неблагородно! Ишь ты какой! Это вам не пройдет даром!

Баркалов. А что мне будет? Интересно знать. Может быть, вы меня на дуэль вызовете?

Бондырев. На дуэль! Вона! Эк куда махнул! Да с чего вы выдумали?

Баркалов. Да ведь вы мне угрожаете? Чем же,

позвольте спросить?

Бондырев. Разве дуэлью? И без дуэли вам хвост-то прижмут за безобразье в этом доме.

Баркалов. Я не индюк, хвоста у меня нет, значит и прижимать нечего; а безобразье в доме делаю не я, а ваша супруга. *(Подвигается.)*

Бондырев. Вы не извольте, однако, на меня так наступать!

Баркалов *(идет еще ближе)*. Нет, я вас словами покорнейше прошу!

Бондырев. Позвольте, позвольте, чего вы лезете? *(Отступает.)*

Баркалов. Будто я лезу? Я не лезу, а только покорнейше прошу.

Наступает. Бондырев скрывается в дверь.

Высадил! А старуху еще чище высажу. Вы у меня сегодня же уберетесь!

Бондырева быстро входит с чубуком в руке.

Явление десятое

Баркалов, Бондырева, потом Бондырев.

Бондырева. Это что такое? Что вы, в кабаке, что ли? Думаете, на вас управы нет?

Баркалов. Пощадите. За что? Не пугайте! Я человек нервный, робкий.

Бондырева. Нет, вы не робкий, а бесстыдный

человек.

Баркалов. Ну, хорошо, так и запишем. Что далее?

Бондырева. Оборванца взяли из милости…

Баркалов *(дерзко)*. Как? Кто меня взял из милости? Вы, что ли? Как вы смеете мне это говорить? *(Подходит.)*

Бондырева. Только шаг еще! Я не Семен Гаврилыч, я, коли на то пошло, для вас и чубука своего не пожалею!

Баркалов. Вы думаете, что если хозяйка деликатна, так вы и можете, как одичалая корова, реветь на всех в этом доме!

Бондырева. Ах, негодный!

Баркалов. Ну, еще что?

Бондырев *(в дверях)*. Да брось ты его!

Она поворачивается, чтобы уйти.

Баркалов. Позвольте!

Бондырева останавливается.

Вы или отправляйтесь, или сидите в доме смирно — я в усадьбе шуметь не позволю!

Бондырева. Ах, пропадай ты тут пропадом! Оставаться больше нельзя, Семен Гаврилыч!

Уходит с мужем.

Баркалов. Фу! Работа, кажется, не трудная, а как устал. Теперь надо похлопотать, чтоб Лизгунов

как-нибудь не встретился с Ольгой Давыдовной. Прежде с него денег возьмем, а потом пусть как хотят разговаривают. Хоть и придется уйти отсюда, — все-таки не с пустыми руками.

Явление одиннадцатое

Баркалов и Ольга.

Ольга. Позвольте мне с вами поговорить.

Баркалов. С большим удовольствием. Что вам угодно?

Ольга. Вы оскорбили наших родных.

Баркалов. Не будем говорить об этом. Ваши родные сами виноваты, а с вами я не имею ни малейшего желанья ссориться, с вами желал бы мира и согласия.

Ольга. Невозможно, Степан Григорьевич; вы выгоняете из нашего дома родных, компрометируете наше семейство.

Баркалов. Какой толк от этих разговоров? Вы будете доказывать, что я поступаю нехорошо, а я буду говорить, что меня вынудили на это.

Ольга. Я не буду касаться того, правы ли вы, или неправы; я вам скажу только, что мы не желаем, чтоб вы управляли нашим именьем. Мы убедительно просим вас отказаться от этой должности.

Баркалов. Очень жалею, что не могу исполнить вашей убедительной просьбы. Вы не желаете, чтоб я был управляющим, а Серафима Давыдовна желает; чье же желанье я исполнять должен?

Ольга. Но ведь она только опекунша, а хозяйки мы: я и Настя. Поймите, что нельзя же служить управляющим или чем бы то ни было против воли хозяев. Если бы мы не побоялись огласки, мы бы удалили вас, не обращаясь к вам с просьбой.

Баркалов. Так и действуйте! Желаю вам успеха.

Ольга. Вам все равно?

Баркалов. О, решительно!

Ольга. Сердца найти в вас я не надеялась, к нему и не обращаюсь, я рассчитывала на ваше самолюбие.

Баркалов. Самолюбия довольно, не беспокойтесь! На ногу себе наступить не позволю!

Ольга. В вас не самолюбие, а дерзость!

Баркалов. Барышня, потише!

Ольга. Смелость и дерзость тоже хорошие качества в глазах некоторых людей. Одну старуху уже свели с ума, теперь другая сходит.

Баркалов *(про себя)*. Это еще что за известие!

Ольга. Желаю вам успеха на этом пути!

Баркалов. Благодарю. Извините, я жду гостя.

Ольга. Я вас не удерживаю; я все сказала, что мне надо было.

Баркалов *(уходя)*. Про какую старуху она говорит? *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Ольга, Бондыревы и Настя входят, Марья у двери.

Бондырева. Мы сейчас едем. Ну, старик, собирайся!

Бондырев. Да что мне собираться, я готов; везите, куда хотите. Перевозите меня с места на место — я багаж; запакуют, налепят ярлык, уложат — и отправляйся по назначенью.

Бондырева. Ну, милые мои, мы отсюда к предводителю. Думала я уладить дело мирно, по-родственному — не удалось; не захотела она родных слушать, так давай ответ чужому. С опекунства ее долой и над ее именьем опеку назначить; она расточительница-это всему свету известно.

Настя. Да, тетя, расточительница, расточительница.

Бондырева. Она со вчерашнего дня сидит в спальне запершись, а мы ходи по комнатам да углы считай! Сбирайтесь!

Настя. Тетя, мы к вам поедем? Ах, как я рада!

Бондырева. Сначала к предводителю, а потом ко мне. Сбирайтесь!

Настя. Я, тетя, сейчас. *(Убегает.)*

Бондырева *(Ольге)*. А ты что ж?

Ольга. Я не поеду.

Бондырева. Что ты, что ты! Зачем ты останешься в этом омуте?

Ольга. Моя сестра, моя вторая мать гибнет, и мой долг — оставаться при ней!

Бондырева. Я знаю, что она задолжала еще немного, тысяч десяти не наберется, я бы и заплатила, да что толку! Сегодня заплати, а она завтра опять задолжает. Вот отчего она гибнет-то, и спасти ее нельзя!

Ольга. Можно, да вы не хотите.

Бондырева. Мало ль ты что еще выдумаешь, так мне по твоей дудочке и плясать?

Ольга. Так поезжайте, у меня есть средство спасти ее! *(Утирает слезы.)*

Бондырева *(с участьем)*. Какое, какое?

Ольга. Лизгунов просит руки моей.

Бондырев *(машет руками)*. Что ты, господь с тобой!

Бондырева. Не допущу, не допущу!

Ольга. Он скоро приедет, я должна дать решительный ответ.

Бондырева. Из-за нее да себя губить!

Ольга *(с участием)*. Так спасите нас обеих, сделайте то, что я вас просила!

Бондырева. Ох, тяжело, Оля, ох, трудно на старости-то! Ну, да уж что с тобой делать — изволь! *(Обнимает Ольгу.)*

Настя *(входит)*. Я готова. Едемте!

Бондырева. Не торопись, поспеем!

Бондырев. Перевозка меня, по непредвиденным причинам, отлагается.

Настя. Как, что такое? Вы уж все против меня, и дядя, и тетя? Ну, бог с вами! *(Плачет.)* Я одна к предводителю поеду! Прощайте!

Ольга. Настя, ведь я просила тебя подождать.

Настя. Ты просила подождать до нынешнего дня, я и ждала!

Ольга *(обнимая Настю)*. День-то еще не прошел!

Бондыревы окружают Настю.

Бондырева. Погоди, егоза, день-то еще не прошел!

Бондырев. Погоди, куцая, не прошел еще день-то!

Настя закусывает губу, топает ногой и задумывается.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Сарытова.
Ольга.
Настя.
Бондырев.
Бондырева.
Баркалов.
Лизгунов.
Гурьевна.
Митрофан.
Марья.

Декорация та же.

Явление первое

Гурьевна (выходит из калитки с небольшой корзинкой в руках), потом Митрофан.

Гурьевна. Вот и крадешься, как вор. Не знаешь, за что ухватиться, к кому подделываться, кому потрафлять-то! Кабы знать, кто здесь утвердится, уж я бы как-нибудь подладилась. А кажется, этому соловью-разбойнику не сдобровать. Да уж

и будет, пора честь знать; награбил, и довольно, дай место и другим. Вот бы Митрошу устроить на это место! Куда хорошо!

Из флигеля идет Митрофан.

Митроша, Митроша!

Митрофан *(подходит)*. А?

Гурьевна. Говорила тебе, не каркай, будь поучтивее, говори: чего изволите-с?

Митрофан. Ну, ладно, ладно!

Гурьевна. Вот тебе корзинка, ступай в рощу за грибами.

Митрофан. Вот нужно очень! Какой расчет? Я вчера полтора пуда купил за бесценок, по тридцати копеек на фунт наживу; вот ты и считай!

Гурьевна. Да, глупый, не в расчете дело. Ты покупать-то покупай, что под руками плывет, того пропускать не надобно, — а и вперед-то гляди!

Митрофан. А что там впереди-то?

Гурьевна. Барышня в рощу пошла; постарайся познакомиться да понравиться!

Митрофан. Все это журавли в небе, их руками не достанешь.

Гурьевна. С умом все достанешь. Ты слушай: я-таки пробралась в спальню к Серафиме Давыдовне. Ты, говорит, мне, Гурьевна, нужна будешь. Ты меня не оставляй. Что, говорит, делать, хоть

и обидят, уж как-нибудь перенеси… Да я, говорю, матушка, за вас рада побои принять. Я ей денег-то задам, да заберу в руки, тогда ты можешь здесь управляющим быть. А там, повремени, чем чорт не шутит, можно и за барышню посвататься. Понял ты?

Митрофан. Как не понять. Да насчет опойка-то я сомневаюсь.

Гурьевна. Какого опойка?

Митрофан. А физиономии-то?

Гурьевна. Полюбится и сатана лучше ясного сокола. Ты не из красавцев, да и не пугало воронье. Возьми корзинку-то, повесь на руку! Да ты ходи по-благородному, вот так! *(Идет покачиваясь и подняв голову кверху.)*

Митрофан. По верхам-то грибов не ищут, они по земле растут, да еще на сук наткнешься, глаз выколешь!

Гурьевна. Тебе грибы, что ль, нужны — корысть-то в них невелика; ловкость да благородные манеры — вот что тебе нужно. Ну, ступай! И я тоже пойду, издали на тебя смотреть буду.

Уходят.

Явление второе

Бондырева, Ольга (выходят из дому), Марья (в дверях).

Ольга. Я нарочно Настю с девушками за грибами отправила, чтоб она не мешала тут.

Бондырева. А лошадей я все-таки откладывать не велела, мало я на твои хитрости надеюсь.

Ольга. А вот увидим, отчаиваться никогда не нужно. Конечно, я еще молода, мало знаю людей, а говорят, что всякого человека можно на какую-нибудь удочку поймать.

Бондырева. Марьюшка, позови управляющего.

Марья уходит во флигель.

Ольга. Я подожду в зале, чем кончатся ваши переговоры. Тогда уж я буду знать, как с Лизгуновым разговаривать, он, того гляди, и приедет.

Уходит в дом. Из флигеля выходят Баркалов и Марья. Марья проходит в дом.

Явление третье

Баркалов и Бондырева.

Баркалов. Вы меня звали? Что вам угодно?

Бондырева. Прежде всего, чтобы вы сели здесь.

Баркалов. О! Это что-то новенькое!

Бондырева. Что ж с вами поделаешь, когда вы больно ершисты? Надо по-другому начать.

Баркалов. Напрасно будете стараться; я знаю, что вы хотите!

Бондырева. Едва ли знаете вы, чего вы сами-то хотите!

Баркалов. Расчудесно! У вас не спрошу!

Бондырева. А лучше бы спросить. Потому что вы петлю надели и себе, и ей. Долго не надышите.

Баркалов. Это до вас не касается. Что вам угодно? В участии вашем я не нуждаюсь.

Бондырева. Да его и нет! Что вы мне? Я хотела выпроводить вас, потому что вы тут не к месту. Понимайте, как знаете. И выпроводила бы, да обижать вас мне не расчет. Ну, и нашла я нужным посбавить тону и поговорить с вами откровенно.

Баркалов. Это любопытно. Должно быть, хороша откровенность будет. Денег хотите дать? Наверно, денег?

Бондырева. Вот и ошиблись. Я знаю, что вы денег от меня не возьмете. Я вас хорошо поняла. Вы сколько денег-то через руки пропустили, а ведь небось в кармане ветер свистит, все разбросано и ничего не припрятано. Вот вы какой!

Баркалов. Ну, я такой. Ну, что ж дальше? Разве вы обо мне доброго мнения? Не верю. Все-таки я вам противен, и вы меня или ненавидите, или презираете.

Бондырева. Нисколько. За что? Что вы безобразничали? Эва! Посердилась, правда, а как подумала, так даже одобрила вас. Всякий свою шкуру бережет. Мы на вас, вы на нас. И дошли мы до того, что всем нам может быть скверно. Неужели это вам любо?

Баркалов. А зачем меня трогаете? Я и теперь думаю, что не лучше ли нам разойтись подобру-поздорову, а то опять договоримся до войны. У вас горло — ой-ой, да и я не отстану... Вот и Мамаево побоище!

Бондырева. Нет, мы теперь будем тихим манером. Довольно! Полюбовную сделку сделаем!

Баркалов. Какую же вам угодно сделку мне предложить?

Бондырева. Да самую простую: хотите вы итти ко мне в управляющие?

Баркалов. Как? К вам? *(Хохочет.)* Вот одолжили! *(Хохочет.)*

Бондырева. Что вы горло-то дерете? И ничего-таки тут смешного нет. Да, ко мне!

Баркалов *(хохочет)*. Лопну!

Бондырева. Подожду и посмотрю!

Баркалов. Фу! Ну, так как же, в управляющие?

Бондырева. Я говорю серьезно.

Баркалов. Не верю.

Бондырева. Напрасно. Надо верить. и соглашаться поскорей, пока предлагают.

Баркалов. Подумайте! Что вы? Не вы ли говорили, что я дрянь и ничего не понимаю в хозяйстве, а теперь зовете к себе. Как же это согласовать?

Бондырева. Я и теперь говорю, что вы ничего не понимаете; а будете жить у нас в доме, волюшки такой вам не будет, станете делать, что я скажу, и человеком будете. Рассчитывайте: у меня в имении пять тысяч десятин, а тут полторы тысячи; у меня хлеб родится сам-двенадцать, а тут сам-друг; у меня тысяча рублей жалованья, а тут с сумочкой, да с богом по морозцу.

Баркалов. Гм! Странное предложение! Оно бы ничего, мне все равно, но я вам не верю.

Бондырева. Зачем верить? Мы контракт сделаем, задатку дадим хоть сейчас, вот и дело в шляпе. Да вы меня еще не знаете. Если бы вы мне по нраву пришлись, да будете угождать, да буду я вами довольна… *(Смотрит на него.)* Ведь и вам хорошо будет.

Баркалов *(смотрит на нее пристально)*. Гм…

Хорошо будет? Подумаем…

Бондырева. Подумать? Это на что лучше. Я к вам Семена Гаврилыча пришлю, а вы пока раскиньте умом. Да что тут? Как я вижу… Эх вы, перец! Подумайте, подумайте подите!

Баркалов *(в раздумье)*. Я вам скоро дам ответ. Мне прежде нужно видеться с одним господином, с которым у меня есть серьезные дела. Я его жду, он скоро приедет. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Бондырева, Ольга.

Ольга. Ну, тетя, как дела у вас?

Бондырева. Колеблется.

Ольга. Хорошо, что не отказался сразу.

Бондырева. Прежде чем дать ответ, хочет повидаться с каким-то господином, с которым у него дела.

Ольга. Я догадываюсь, он хочет повидаться с Лизгуновым и попробовать, нельзя ли занять у него побольше денег. Тогда он, конечно, откажется. Вот отчего он колеблется.

Бондырева. А ведь займут, пожалуй; и все на нашу же шею.

Ольга. Да, займут много, за большие проценты и…

Бондырева. И деньги размотают.

Ольга. А мы примем меры. Я постараюсь прежде их поговорить с Лизгуновым, тогда уж они не займут, и он колебаться перестанет. Тетя, навязала я вам управляющего, что-то вы с ним будете делать?

Бондырева. А что ж? Ничего. Дадим ему в задаток побольше денег и пусть живет да учится. Дела ему будет довольно: жатва, а потом молотьба. Пусть мешки считает да в амбары ссыпает. А задурит, так прогоним. Только и убыток, что задаток пропадет — так это еще беда невелика: здесь-то его оставлять, так дороже обойдется. А может, и за дело возьмется, может, и человеком будет. Еще молод, жаль его. Конечно, из десяти таких шелопаев только разве один поправляется, да, может быть, этот один-то он и есть. А не захочет по честной дорожке итти, так чорту баран, — так турну его, что и своих не узнает. Дам из милости пятьдесят рублей на дорожку, целуй ручку и убирайся!

Ольга. Тетя, кто-то подъехал… Это Лизгунов. Вот хорошо; я его сейчас и встречу.

Бондырева. Ну, я уйду!

Уходит. Входит Лизгунов.

Явление пятое

Ольга и Лизгунов.

Лизгунов *(позируя)*. Какая приятная встреча! Это вы? Мое почтенье!

Ольга. Здравствуйте!

Лизгунов. Очень рад, что вижу вас, я так желал этого.

Ольга молчит.

Позвольте мне вам так же откровенно высказать, как и вашей сестрице…

Ольга. Что же такое?

Лизгунов *(восторженно)*. Я… я люблю вас.

Ольга. Вы? Вот не ожидала!

Лизгунов. Не ожидали? Я этому не удивляюсь. Ухаживать я предоставляю другим, но если я имею намеренье, благородное намеренье, то я прямо… вы меня понимаете?

Ольга. Нет.

Лизгунов. Нет? Гм! Я прошу вашей руки. Сегодня я имел удовольствие говорить с вашей сестрицей, и она согласна.

Ольга. Это мне все равно. Я-то не согласна и прошу прекратить этот разговор.

Лизгунов. Вам даже неприятно мое предложение?

Ольга. Да, неприятно, потому что вы мне не нравитесь.

Лизгунов *(в изумлении)*. Это удивительно! Не нравлюсь? Помилуйте! Да мне только стоит посвататься, и за меня с радостью пойдет губернаторская дочка. Я слишком разборчив, я многих не удостаиваю своим расположеньем; за мной гоняются невесты, а не я за ними. Употребляют разные ухищренья, ставят мне ловушки, и, кроме того, сколько я вижу ухищрений…

Ольга *(перебивая)*. Извините, все это не интересно для меня. Вы слишком самонадеянны.

Лизгунов. Помилуйте, я еще никогда так не робел, как с вами.

Ольга. Хороша робость! Вы не дали себе труда узнать меня и даже полюбопытствовать, как я смотрю на людей, что желаю найти в своем муже. Вы удостоили меня вашего расположенья, пожелали жениться — и для вас довольно! Это мещанский обычай.

Лизгунов. Извините, я не знал вас. Вы мне позвольте надеяться… Когда узнаете лучше…

Ольга. Да ни теперь, ни после, никогда!

Лизгунов. А! Вот как! Интересно! Право, интересно! В таком случае извините… посмотрим.

Ольга. Вы, кажется, угрожаете кому-то?

Лизгунов. Да-а! Они узнают!

Ольга *(смеется)*. Кто же?

Лизгунов. Они должны были знать ваше мнение обо мне.

Ольга. Конечно, я его не скрывала.

Лизгунов. Но они меня обманули; они мне говорили, что вы меня…

Ольга. Что?

Лизгунов. Хвалите.

Ольга смеется.

Судя по их словам, я не мог сомневаться в вашем согласии.

Ольга. Как вы просты, как легко обмануть вас…

Лизгунов. О нет, я не прост. Они воспользовались тем, что я влюблен; влюбленные доверчивы… но я теперь разочарован и поступлю строго.

Ольга. Только прошу, не обвиняйте сестру: она вынуждена была!

Лизгунов. Уж я виноватого найду!

Баркалов выходит из флигеля.

Ольга. Вот и прекрасно! Найдите и поступите с ним как следует. *(Кланяется и уходит в дом.)*

Явление шестое

Баркалов, Лизгунов, потом Бондырев и Марья.

Лизгунов. А! Вы здесь! Очень кстати!

Баркалов. К вашим услугам.

Лизгунов. Благодарю-с, благодарю! *(Горячо.)* Вы думали, вы хотели…

Баркалов. Не горячитесь, не горячитесь, говорите толком!

Лизгунов. Но я не прост, нет…

Баркалов. Да ну, тише же! Я не люблю…

Лизгунов. Вы хотели поймать меня на такую пустую штуку!

Бондырев *(входит и подавая руку Лизгунову)*. Что это вы, Павел Спиридоныч, горячитесь?

Лизгунов. Помилуйте, какую было ловушку поставили! Да плохо разочли, соображенья нехватило. *(Хохочет.)*

Баркалов. Ну, да будет наконец! Довольно, говорю я вам…

Лизгунов. О, я этого не прощу! *(Ходит взад и вперед)*

Баркалов. Скажите вашей супруге, что я согласен.

Бондырев. Хорошо, скажу. К индюку служить желаете?

Баркалов. Ах, полноте! Поверьте, я сумею стать во всякие отношения.

Бондырев *(пожимая руку Баркалову)*. Очень приятно, очень приятно!

Лизгунов *(Баркалову)*. На-днях вы будете иметь честь принимать дорогого гостя, судебного пристава. Я представлю ко взысканью векселя Серафимы Давыдовны.

Бондырев. Я по ним заплачу.

Баркалов *(Бондыреву)*. И по моему, прошу вас: всего шестьсот рублей!

Бондырев. И по векселю господина Баркалова.

Лизгунов. Тем лучше, меньше хлопот. Честь имею кланяться… *(Уходит.)*

Марья *(входит)*. Степан Григорьич! Барыня приказала сказать, чтобы вы подождали здесь, они сейчас выдут. *(Уходит.)*

Бондырев. Поговорите с ней, а я пойду к жене, скажу, что вы согласны.

Баркалов. Сделайте одолженье.

Бондырев. Да и сбирайтесь! Мы напишем старосте приказ, чтобы вас приняли как следует, если вы раньше нас приедете. *(Уходит.)*

Баркалов. Похожденьям моим здесь приходит конец. Все-таки пожил. Пожил так, как другому и во сне не приснится.

Явление седьмое

Баркалов и Сарытова.

Сарытова. Наконец-то я вижу вас! Скажите, что Лизгунов?.. Она, верно, очень резко отказала ему? Он рассердился?

Баркалов. Ничего я не знаю. Знаю только одно, что в вашем доме мне оставаться нельзя.

Сарытова. Вам? Послушайте, друг мой, не пугайте меня, не шутите так неосторожно!

Баркалов. Это далеко не шутка, я говорю серьезно. *(Твердо.)* Я должен уехать отсюда и сегодня же исполню это намеренье.

Сарытова. Да? Вы должны? *(Совсем растерянная.)* Сон это, или я в бреду? Посмотрите на меня. Вы не улыбаетесь, вы смотрите зло!

Баркалов. Не зло, но и не с таким малодушием, как вы. Оставьте, прошу вас, все эти нежности и выслушайте меня. Вам необходимо со мной расстаться.

Сарытова. Почему это так сделалось вдруг необходимо?

Баркалов. Оттого, что обстоятельства переменились и вам нужно помириться с родными, а пока я здесь, это невозможно.

Сарытова. Я не прошу ваших забот обо мне,

родные отреклись от меня, и бог с ними; тем более дороги вы мне. Вы для меня все: и жизнь, и радость! Мне не нужно ваших забот, мне нужно ваше сердце!

Баркалов. Опомнитесь! Вам ли об одном сердце думать? Вы не молоденькая. Одним словом, мы должны расстаться — это решено, иначе невозможно. Расстанемся же как добрые друзья, без неудовольствия.

Сарытова. Как это легко и просто! Расстанемся! Нет, и не говорите мне!

Баркалов. А что ж такое? Можно было — жили дружно, а нельзя — разъехались.

Сарытова. Нужна была, хорошо, а не нужна стала, можно бросить — благородный расчет! Да где же все ваши клятвы, уверенья?

Баркалов. Вы никак не хотите расстаться без упреков?

Сарытова. Не я говорю, а мое разбитое и растоптанное чувство.

Баркалов. Какое чувство? Никакого чувства и не было.

Сарытова. Вы не смеете этого говорить! Я доказала, я очень доказала!

Баркалов. Что вы доказали?

Сарытова. Любовь свою к вам. Для вас я по-

жертвовала состояньем, родными.

Баркалов. Для меня? Позвольте, я тут ни при чем.

Сарытова. Боже мой! Я стыжусь, что приблизила к себе такого безумного человека. Он разорил, опозорил меня и надо мной же издевается!

Баркалов. Вы сами себе надели петлю, а я только затянул ее. Слышите: разорил! Мальчишке, недоучке-гимназисту, получавшему двадцать рублей в месяц, наполняют карман деньгами и говорят: трать! Я не был так умен, чтоб читать вам мораль и лекции о бережливости, и не был так глуп, чтоб отказаться от денег. Я стал хлестать направо и налево, да и дохлестался. Стал мотать, обманывать, одним словом вел себя достойно моей роли и не жалел вас, потому что ведь вы и не заслуживали сожаленья.

Сарытова. О, если б я поняла вас, всю вашу низкую, неблагородную душу!

Баркалов. Что нам с вами о благородстве говорить? При чем оно тут? Не к лицу мне говорить об чувстве, но теперь я чувствую, что говорю, глубоко чувствую. Если б вы действительно любили, вы бы не допустили меня пасть так низко. Если мне придется за свои дела ответ держать и каяться, горьким словом помяну я вас, Сера-

фима Давыдовна! Какое тут благородство, какая любовь? Эти слова нейдут к нам, это не любовь… Это — блажь.

Сарытова. Это выше сил! Бессовестный! Идите, и пусть проклятье мое преследует вас всю жизнь.

Баркалов. Проклинайте! А я так, напротив, желаю вам всего хорошего. Затем вам поклон, а сам вон! *(Уходит.)*

Сарытова. Какая жизнь, какая жизнь! В душе только тоска и горе! Больше нет ничего и вперед не видать, не видать ничего! Да еще трепещи, что у тебя все отнимут и не будешь знать, где голову приклонить. Лучше уж смерть! Я убита, я совсем убита… и что это такое… как я ослабела. У меня нет сил дойти до дому, подняться на лестницу…

Садится на скамью. За сценой звон колокольчиков.

Явление восьмое

Сарытова, Марья, потом Бондырева.

Сарытова *(слабым голосом)*. Маша, приехал, что ли, кто?

Марья. Никак нет-с. Степану Григорьевичу лошадей закладывают; коренная не стоит смирно, вот колокольчик и побрякивает, да и бонды-

ревские лошади запряжены стоят, того гляди, подавать велят.

Сарытова. Разве уезжают?

Марья. Уезжают и с барышнями; уж давно собрались, только Настасья Давыдовна еще гуляют в роще, да уж и они домой идут, их с крыльца видно за ригой.

Сарытова. Значит, я одна… Проводи меня хоть проститься.

Марья. Да вот Прасковья Антоновна сюда идут.

Входит Бондырева.

Бондырева. Ну, прощайте! Спасибо за щи, за кашу, за ласку вашу!

Сарытова. Все! Все вдруг меня покидают!

Бондырева. Что ж нам дожидаться, пока ты прогонишь?

Сарытова. Нет, ты прости, пощади меня! Помни, мы с тобой ровесницы и подруги, ты здесь жила у отца моего… мы с тобой вместе росли, вместе играли в этом саду. Протяни мне руку!

Бондырева. Гм… Да! Ну, что ж, известное дело. Крест на шее есть у меня. Что же тебе?

Сарытова. Спаси меня!

Бондырева. Да… «спаси»! Что ж… конечно, совсем-то погибнуть не дадим, ты не чужая.

Сарытова. Помири меня с сестрами.

Бондырева. Да что тут мирить-то? Что они такое? Девчонки! Приласкай — вот и все!

Явление девятое

Сарытова, Бондырева, Бондырев и Ольга.

Бондырева. Ну, вот тебе и Ольга!

Сарытова. Я не знаю, как и начать!

Бондырева. Начнем. Что тут Мудреного! Оля, вот твоя сестра и мать крестная думает, что она была виновата пред вами. Она об этом сокрушается, хочет помириться с вами.

Сарытова. Оля, мне нет оправданья, я знаю; но я прошу тебя, прошу…

Бондырева. Будет толковать-то да старую дрянь ворошить. Мир, так мир!

Оля *(обнимает Сарытову)*. Мама, я забыла, забыла!

Явление десятое

Те же, Настя, Митрофан и Гурьевна.

Бондырева. Ну, беги сюда, целуй сестру!

Настя *(запыхавшись)*. Нет, погодите, дайте дух перевести! *(Отдохнув немного.)* Я выхожу замуж!

Бондырева. Ах, батюшки мои! Чего только этой

егозе в голову не придет!

Ольга. Настя, что с тобой, в уме ли ты?

Бондырев. Вот одолжила! Ах ты, куцая!

Настя. Вот мой жених! *(Указывает на Митрофана.)*

Бондырева *(всплеснув руками)*. Матушки мои!

Ольга. Ах, Настя, Настя!

Настя *(указывая на Сарытову)*. Это я ей назло! Он хочет к предводителю просьбу написать, чтоб нам дали других попечителей, и будет управлять нашим именьем.

Бондырева. Нет, тебя нужно запереть. *(Строго.)* Полно глупости-то болтать, поди поцелуй сестру! Баркалова прогнали, теперь ты сама будешь полной хозяйкой.

Настя. И мама будет меня слушаться?

Сарытова. Буду, буду!

Настя *(бросаясь на шею Сарытовой)*. Ах, мама, мама!

Гурьевна. Что ж вы нами очень брезгуете? Он по хозяйственной части даже очень хорошо понимает.

Бондырева *(Гурьевне)*. Ты у меня смотри, я тебе такое хозяйство задам! Я до тебя доберусь! *(Сарытовой.)* Вот, Серафима, всегда так бывает в семействах, когда голова-то с пути собьется:

и поползут разные Лизгуновы да Гурьевны, а девушки хоть за волостных писарей рады, только б из дому вон!

Настя *(кланяясь Митрофану)*. Не надо, не надо! Прощайте!

Митрофан. Я говорил, что нам с тобой журавлей в небе не поймать. Пойдем, будем ловить синиц! *(Уходит с Гурьевной.)*

Бондырева. Все в сборе, только управляющего недостает!

Сарытова. Ах, прошу вас, не напоминайте мне!

Бондырев. Да не того, другого.

Бондырева. У Олиньки жених есть, он не нынче завтра приедет. Вот уж это будет законный, настоящий управляющий!

Настя. Оля, Оля, как я рада! *(Бросаясь к Сарытовой.)* Мама, мама!

Бондырева. А теперь на мировой, на радостях, шампанского выпьем; не все же он, окаянный, вино-то вылакал!

Бондырев. Важно! Ну, уж я теперь и кондрашки не побоюсь, выпью!

Старое по-новому*

Комедия в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Федосья Ивановна Семушкина, вдова, содержательница постоялого двора.

Пелагея Климовна, ее невестка, вдова.

Наташа, дочь Пелагеи Климовны.

Алексей Парфенович Медынов, землевладелец соседний.

Ефим Лукич Щемилов, прасол, с большим достатком, за сорок.

Семен Стойкий, по прозвищу Сенька рыжий, молодой парень, сын трактирщика.

Всеволод Петрович Пикарцев, землевладелец.

Пикарцева, его жена.

Евлампий Михайлович, его племянник.

Комната на постоялом дворе Федосьи Ивановны.

I

Федосья Ивановна *(в очках, сидит и читает)* и Пелагея Климовна *(входит)*.

Пелагея Климовна *(в дверях)*. Пропасти-то на вас нет! *(Оборотясь.)* Маменька, вы бы хоть курто с огорода спугнули. Останемся без гороху!

Федосья Ивановна. Ах ты, необразованная женщина! Разве не видишь, что я делаю?

Пелагея Климовна. То-то вижу… книжки божественные читаете, а за делом все я да я. У белоручки у нашей все из рук валится, а вы все о душе. С ног сбилась!

Федосья Ивановна. Подумай, что ты говоришь. Каменная! Такие потери… мужа лишилась, сына. Об чем же и думать мне, как не о душе?

Пелагея Климовна. Хорошо думать-то от сытости да у кого мужчина в доме. А у нас впору о куске позаботиться. У семи дел одна… разрывайся, как знаешь: и в поле, и в огород, и в кухню. Как в котле кипишь!

Федосья Ивановна. Глупая женщина! Да смеешь ли ты меня учить? Кто я тебе?

Пелагея Климовна. Э, маменька, этот форс-то надо оставить. Было ваше время, покомандовали! Дрожали перед вами, а теперь будет!

Федосья Ивановна. Да тогда только и порядок в доме был, как я командовала да тебя в страхе держала, А теперь что? От твоего бесовского языка и нам бежать из дому, да и добрые люди обегать стали.

Пелагея Климовна. Как раз! От меня! Эх, маменька! были соты медовые — были и гости; а осталась одна восчина, так и сесть не у чего. Летали-то вы куда как высоко, посмотреть, так шапка ломится… С господами компании, внучку в школу… А на бобах сели — и остался один смех. Чествователи ваши все врозь, а внучка ни к селу ни к городу. Уж куда нам нос задирать. А то книжки спасительные да о душе!

Федосья Ивановна. Я с тобой, с необразованной, и говорить не хочу. Грубиянка! Язычница! Можешь ли ты меня понять?..

Пелагея Климовна. Где понять! Понимала, понимала, да накладно стало. Вижу какой ни на есть умишко, да надо своим жить, а не вашим. Вы вон Сеньку рыжего прочите во двор взять, чтобы перед вами угодничал, так это дело не подойдет, нет-с, не подойдет. Нам надо не такого, а чтобы спокойствие предоставил. А то Сенька рыжий!

Федосья Ивановна. Что у тебя за затеи еще?

Пелагея Климовна. А те и затеи. Быть Наталье

за Щемиловым, и вся недолга.

Федосья Ивановна. Да ты что, враг, что ли, своей дочери? Слишком на двадцать лет он ее старше, человек души язвительной. Одно прискорбие, вот и вся ее судьба с ним. Семен не хорош, так свет не клином сошелся. Обожди!

Пелагея Климовна. Чего? Чтоб слава пошла? Эх, маменька! Вы вон смотрите в книжку, да много ль видите, не знаю, а я все кругом поглядываю, все кругом, так кой-что вижу. *(Тихо.)* С барином прогулки пошли… Хорошего ждать прикажете?

Федосья Ивановна. Аль ты и вправду заметила что?

Пелагея Климовна. Ничего пока. А будем ждать — так и дождемся. Вы баловали, вы всему потакали, а я нет-с не буду!

Входит Семен.

II

Те же и Семен.

Семен. С праздником.

Федосья Ивановна. Здравствуй, Сеня.

Пелагея Климовна. Что ты сегодня приглаженный какой, словно тебя корова языком прилизала?

Семен. А что ж, ничего. Быдто мы и не люди?

Пелагея Климовна. Еще бы. В такое место шедши, как не прилизаться! Эх ты, рыжий! Стало быть, цвет-то и красный, а не очень прекрасный, ха-ха-ха. *(Смеется и уходит.)*

Семен. Федосья Ивановна, это за что ж так?

Федосья Ивановна. Оставь, Сеня. Ты знаешь, она на язык какова. Всякого костит. Садись-ка. Что скажешь хорошего?

Семен. Я-то? Что-то уж забыл о нем, о хорошем-то, Федосья Ивановна, я, значит, по делу. Тятька прислал.

Федосья Ивановна. По какому?

Семен. Узнать, какое выйдет решенье; потому обнадежности с вашей стороны всегда было достаточно, а теперича вдруг другой оборот.

Федосья Ивановна. Эх, Сеня! Добрый ты парень, и очень бы мне хотелось тебя взять, да видишь, какие времена пришли. Нашему слову цены мало. Поговори сам с Наташей, поспроси, а уж на меня не надейся.

Семен. Затем и пришел, чтобы, то есть, развязка была… А то и самому мне лихо, и от батьки брань.

Входит Наташа.

III

Те же и Наташа.

Семен. Наталье Михайловне.

Наташа. Здравствуйте, Семен Иванович.

Федосья Ивановна. Наташа, вот он пришел насчет того… ну, сама знаешь… Было мое на то желание; потому росли вы вместе, семьи он хорошей… Ну, а теперь ты уж можешь сама рассудить. Дело это большое. И советовать-то взять на душу трудно, а не то что приказывать.

Семен. Да, уж это верно, Наталья Михайловна; сами ответ дайте.

Наташа. Да я уж вам сказала.

Семен. Сказать-то сказали, да это все равно, что так… потому с гневом было.

Наташа. И с гневом и без гнева одно услышите: не могу и не хочу. Довольно?

Семен *(вздохнув)*. Теперь довольно. Значит, только и всего? Ну, Наталья Михайловна, дай вам бог час на предбудущее… а мы, известно, мотай головой, встряхивай тоску, да и сиди за печью, утирай вот эти места *(показывает на глаза)*. Благодарим!

Наташа. Семен Иванович, ведь я, ей-богу, не хочу вас обидеть, а не пара мы. Вы найдете себе

и не такую, как я, лучше гораздо: красивую, полную. А меня забудьте.

Семен. Легко это, оченно легко! Ровно гвоздь в стенку: стукнет молотком — и есть, а там дерг клещами — и нет. Нет, Наталья Михайловна, теперича во мне этой самой постылости к жизни с пудовку. Одно только и осталось, что зелено стекло к губам… Матушка Федосья Ивановна, родненькая! Благодарю вас за ваше неоставление. Выходит дело так: коли мужиком пустили по свету, так на барышню и не зарься. А только тепериче *(утирает слезу)* чувства у нас много… и так надо сказать, что без всякой фальши *(ударяет себя в грудь)*. Прощенья просим.

Входят Пелагея Климовна и Щемилов.

IV

Те же, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Федосье Ивановне наше завсегдашнее. Наталье Михайловне.

Пелагея Климовна *(Семену)*. Батюшки, да он в слезы впал! По ком это?

Щемилов. Хе-хе-хе, ай да парень! Пришел в люди и нюни распустил.

Семен. А вам что? Ну и распустил. Туда ж смеяться. А вы лучше спросите, о чем плачу. Вас

увидал. От радости и прошибло.

Щемилов. А коли ты так — так не стоишь ты и разговору моего.

Семен. Вы чего стоите? Вам только там и цена, где на ваш карман взирают, а в ино место сунетесь, так и дверь на крючок.

Федосья Ивановна. Что это ты, Сеня, опомнись! Ступай себе; нехорошо. Ведь ты нас обижаешь.

Семен. Вас? Никогда я не согласен вас обидеть. Угодно — уйду. Э-эх, ну, значит, прощенья просим-с. *(Уходит.)*

Щемилов. Что это, матушка, Федосья Ивановна, как будто не рады гостю?

Федосья Ивановна. Ах, батюшка, ни радости, ни печали. Гость вы — ну и прошу покорно. Наташа, пойдем-ка в огород.

Уходят.

Щемилов. Старушка-то ваша как будто что не по ней… Я ли, или что прочее…

Пелагея Климовна. От книжной премудрости. Читает, читает — ну, омраченье и находит. Садитесь, гость дорогой!

Щемилов. Там, в тележке, ведерко очищенной…

Пелагея Климовна. Ах, что вы!

Щемилов. Полпудика баранок…

Пелагея Климовна. Ну, уж вы!

Щемилов. Сладенького фунтиков пяток…

Пелагея Климовна. Ах, и что ж это за вы!

Щемилов. Мы? Ничего, есть-таки. А главная причина, получайте и благодарите господа бога. Нам это плевое дело, а у вас расход.

Пелагея Климовна. Известно, что вам! Да не дорого добро, а дорога ласка.

Щемилов. Верно. Ласка всему почин. А что, Пелагея Климовна, не довольно ли нам друг друга языками лизать? Право. Надо и до делов доходить.

Пелагея Климовна. Что ж, доходить, так доходить.

Щемилов. А то, сколько ни лижи, только язык осмулишь. Коли дело, так дело и правь.

Пелагея Климовна. Послушаем.

Щемилов. Скажем. Гм, гм. Каждому человеку не равен час в жизни и на все предел. С прежней хозяйкой деньгу сколачивал, а теперь другая музыка подходит. Был мужик, а теперь на линию вышел. И не то чтобы там насчет чего прочего… а хочу, значит, настоящий обвиход завести. И чтоб жена насчет одеяния, образования и всякой видимости могла на манер как барыня. Вот какие мои помышления есть.

Пелагея Климовна. Что ж говорить, вам так и следует. Умный человек по-умному и рассуждает.

Щемилов. Вчера покойнице год минул, дотуда и ждал. Все как будто грех, да и зазорно. А теперь порешил не бобылем жить, а новую хозяйку облюбовать. И облюбовал. Подходит вам дело — просим, а не подходит — поклон отвесим. Кажется, из моих слов можете понять.

Пелагея Климовна. Как не понять! Что тут непонятного! Просьбу вашу принимаем, а за ответом дело не станет. Хорошему человеку — хороший и ответ.

Щемилов. На этом пока благодарим словом, а напредь будем благодарить и делом. Оченно обрадовали.

Пелагея Климовна. Уж мое-то расположение вам известное; а вот как насчет дочери теперь?

Щемилов. Как? Политику поведем. На слове-то я не очень занозист, а в таком разе не хуже другого оборудую. Потому, подъему много, Пелагея Климовна! Главная причина: подъем есть — и дух есть. Тут и быть делу. Как привезу из города на четыре платьеца, да эдак бурнусец… а особливо заблестят золотые сережки — ну тут сейчас и наша. Бери и владай.

Пелагея Климовна. Уж что говорить! Первое это средствие.

Щемилов. Сейчас барина Медынова обогнал; на своей тележке трясется.

Пелагея Климовна. Должно, в город едет. Хороший барин такой, милый, ласковый.

Щемилов. Ну что в нем хорошего! Ни мужик, ни барин; ни себе, ни людям. Служить бы шел, вот был бы барин настоящий. А что он тут, в именьишке, живет да в земле копается, какой корысти ждет? Из-за готового хлеба на квас. Нешто он дело делает? Одно времяпроведение. А я так считаю, что эти люди даже вредные.

Пелагея Климовна. Да чем же они, Ефим Лукич, вредные? Извините, наше дело глупое.

Щемилов. Мужика портят.

Пелагея Климовна. Да, вот что. Конечно, вам виднее; где же нам разобрать. Только какая же это порча, и от чего она?

Щемило в. А вот, к примеру, раздают мужикам в долг хлеб на семена; мужик как взял, так, весом и мерой, отдал ему и квит. А от этого от самого мужик балуется. У меня займи попробуй!

Пелагея Климовна. Уж что говорить про вас! Вы строгий человек.

Щемилов. Так долг-то долгом, уж он мне веч-

ный работник даровой.

Входят Медынов и Наташа.

V

Те же, Медынов и Наташа.

Медынов *(входя.)*. А, Лазарь Подхалимыч! Каково ваша душенька теплится? Каково ваши карманы отдуваются?

Пелагея Климовна. И что за шутник!

Щемилов. Милостью божьею живем, через добрых людей дышим. Что ж спесивы стали? Мимо ездите, а нет, чтоб во двор стукнуть.

Медынов. Запоры у вас крепки, скоро ли отворишь, а нам время дорого.

Щемилов. Хе-хе-хе, все-то вредные слова у него. Ну, Да ничего. Времечко подбежит, и ваша тележечка у наших ворот застучит. А вы, Наталья Михайловна, не обессудьте за малость… фунтиков с пяточек вам сладенького привез. Нашего сладенького откушайте и нас добрым словечком вспомните.

Наташа. Ах, пожалуйста, не нужно мне.

Пелагея Климовна. Давайте, давайте. Съест и спасибо скажет.

Щемилов. И чудесно. Будьте здоровеньки.

Уходит. Пелагея Климовна провожает его.

Медынов. Ишь расщедрился! Ну, теперь вам сладкой еды надолго хватит. При скучной-то жизни все занятие. Что поделываете?

Наташа. Ничего.

Медынов. Опять у вас ничего? Вы хоть бы как-нибудь иначе выражались. Самое это гнусное слово: ничего.

Наташа. Ну, делала, делала, много делала, слышите! Полола, сеяла, подсевала, поливала…

Медынов. Ого, так, так, хорошо. Хоть и не дело, а и не безделье. Все лучше, чем мечтанием заниматься. Вот уж это так самое пустое занятие, хуже, чем ничего.

Наташа. Да ведь не отгонишь от себя эти мысли. То да другое лезет в голову, а сама ответить не могу… Понимаю одно, что не к месту я здесь, а что делать — не знаю.

Медынов *(громко)*. Бросьте! Бросьте вы! Все это фантазии, ерунда какая-то! *(Хватаясь за голову.)* Гадость! Мерзость! Нет, лучше не говорите, а то пять фунтов крови испорчу.

Наташа. За что же вы сердитесь? Что я вам сделала?

Медынов. Разумеется, мне-то ничего. А злость так вот всего и поворачивает. Не хочу я, чтобы вы себя губили. Думать, думать! Ну, где вам думать!

Чтобы думать-то с пользой, надо хороший прочный инструмент иметь, то есть ум.

Наташа. Ау меня его нет?

Медынов. Да разумеется, нет. Да еще, кроме ума-то, надо иметь много знания да хороший опыт. И я думал, страсть как думал; хотел быть благодетелем не только отечества, а и всего человечества. И в результате от этого думанья вышла праздность со всеми ее скверными последствиями. Тут уж я хватился за ум; приехал в деревню, взялся за соху Андревну — и вышло дело, да и в благодетели попал. В самом деле, двое, не то трое мужичонков благодетелем зовут.

Наташа. У вас школа в имении?

Медынов. Да, сколотился, построил; да учительницы нет… Вот не хотите ли?

Наташа. Что вы, что вы! Ребятишек грамоте учить? Разве это дело?

Медынов. Что ж, профессором университета желаете быть?

Наташа. Ах, нет!.. Но ведь и в учительницы можно итти только из-за куска хлеба; а у меня, слава богу, есть.

Медынов. Знаю, что есть. И не только хлеб, а и щемиловские пряники… Грызите да мечтайте. Около работы живете, а белоручествуете. Гадко

это.

Наташа. Вы меня не понимаете. Гадко — ну и пусть будет гадко. Вам-то что до этого?

Медынов. Мне? Конечно. Обидно только за вас… ну, и смешно немножко, что без крыльев летать сбираетесь. Как тут смолчишь? Щемилову вот я ни слова не скажу, живи, как хочешь, ну, а мимо вас молча не пройдешь.

Наташа. Ну, не сердитесь! Я знаю, что вы от расположения, только я думаю по-своему, а по-вашему не могу.

Медынов. А будете думать и по-моему, когда жизнь научит… Все это будет, непременно будет… Да школа-то житейская… ох! очень мнет человека.

В окне слышится голос Евлампия: «Хозяюшка дома?»

Наташа. Дома, дома.

Медынов. Батюшки, да это паны, и толстопузые и тонконогие. Нет, надо уходить. Пойду в огород к Федосье Ивановне чай пить. А вы с ними деликатными разговорами позаймитесь! Уж чего приятнее!

Наташа. Да не ворчите вы…

Уходят. Входят Пикарцев и Евлампий.

VI

Пикарцев и Евлампий.

Пикарцев *(входя)*. Прелестной хозяюшке… А где же? Гм, сокрылась. Приладиться, пригладиться. Нельзя же перед своим предметом предстать как-нибудь.

Евлампий. Перестаньте! Какой там предмет! Вы знаете, что срок моего отпуска кончается, я скоро уезжаю, так стоит ли…

Пикарцев. Хитришь, птенец, хитришь! Послушай, дружочек, не огорчай уж меня. Зачем ты скрываешься? Разве это худо? Если бы я поверил, что ты можешь быть подле такой девушки и не ухаживать, я бы стал презирать тебя. Нежненькая, беленькая, этакие плечики, пальчики, этакая тальица… Знаешь, видна даже некоторая порода. Откуда бы, кажется?

Евлампий. Мне очень нравится, что вы рассматриваете человека по статьям, как лошадь.

Пикарцев. Это значит только, что я человек со вкусом. До души, мой друг, далеко; первое, что привлекает внимание эстетика, это изящество формы. Все прекрасное находит во мне ценителя, и преимущественно, разумеется, женщина как венец творения.

Евлампий. Сегодня же заведу об этом разговор с тетушкой.

Пикарцев. Ну, ну, ну, не изволь глупить. Ты ведь, я знаю, думаешь, что я ее боюсь. И это глупо. Неприятности избегаю. Надоело. К хорошенькой горничной ревновала, к скотнице ревновала, даже раз, представь, к попадье.

Евлампий. И, верно, всегда напрасно.

Пикарцев. Ну, как тебе сказать… не всегда. Видишь, как я откровенен, открыт, а ты словечка не проронишь. Поговори же, ну, прошу тебя, поговори, напомни счастливые дни…

Евлампий. Нет, дядюшка, не напомню. Эта манера доброго старого времени толковать беспрестанно о женщинах и хвастаться победами уж давно брошена.

Пикарцев. Что же теперь?

Евлампий. Делай, что можно, что умеешь, а говорить не должен ни о чем.

Пикарцев. Глупо и неприятно. Но по крайней мере какие вы приемы употребляете?

Евлампий. Новые; все новое, дядя, все новое. Вы очень много помады тратили и расточали любезностей; а теперь способ упрощенный и ускоренный.

Пикарцев. Ах, любопытно, любопытно…

Евлампий. Ну, да хоть и любопытно, а не скажу.

Пикарцев. Ты несносный, право несносный. Ну, однако, ты смотри не проговорись тетушке как-нибудь, а то не только мне, и тебе худо будет.

Показывается Наташа.

Идет. Удалиться? Хе-хе, удалюсь, удалюсь.

VII

Те же и Наташа.

Пикарцев. Хорошеет, цветет и все интереснее и очаровательнее.

Наташа. Куда уж. Видите, как загорела? Садитесь, пожалуйста.

Пикарцев. И рад бы, да не могу. Пойду искать вашу бабушку. Она, верно, где-нибудь копается, как муравей. Приятной беседы. *(Уходит.)*

Евлампий. Что поделываете?

Наташа. Что? Скучаю.

Евлампий. Верю. Вы не можете не скучать. Я жалею вас.

Наташа. Ах, я не люблю, когда меня жалеют. Я вовсе не несчастная какая-нибудь.

Евлампий. А разве я говорю, что вы несчастная? Вы не так поняли меня. Мое сожаление — это болезненное участие к вашему положению.

Осмотритесь! Где вы? Здесь ли вам место? Вы учились — и для чего же? Для того, чтоб отвешивать, отмеривать, насыпать, пересыпать и так далее. Да для этого годится всякая Хавронья или Фетинья.

Наташа. Не говорите со мной, пожалуйста, об этом.

Евлампий. Отчего?

Наташа. Так. Не говорите. Я не хочу.

Евлампий. Значит, не трогать за больное место.

Наташа. А если и так? Разве вам это удовольствие? Ведь вы не можете помочь мне.

Евлампий. Здесь? Конечно, нет. Но там, где вы должны быть, — всегда и охотно.

Наташа. Где же это, где?

Евлампий. Там, где вы можете найти применение ваших способностей и знаний. Первое, бегите отсюда, ищите жизни, ищите дела. Если вам будет нужна помощь, поддержка, вот вам рука моя. Вы еще не знаете всей прелести независимой, самостоятельной жизни.

Наташа *(потупясь)*. Зачем мне она?

Евлампий. Затем, чтоб жить, а не прозябать. Неужели вы думаете, что женщина непременно должна быть затворницей?

Наташа. Нет, я не думаю.

Евлампий. Женщина может быть таким же деятелем, как и мужчина. Да еще лучше, пожалуй, потому что женщина способнее на всякий подвиг, в ней больше самоотвержения.

Наташа. Все это я знаю и видала примеры.

Евлампий. И прекрасно… Так чего же вы сидите и глохнете в этой трущобе? Или русская неподвижность мешает?

Наташа. Да, я неподвижна, потому что… невозможно.

Евлампий. Невозможно! Вы чувствуете на себе цепи, думаете, что они очень крепки, а, поверьте мне, стоит только встряхнуться, и нет их. Эти цепи называются предрассудками.

Наташа. Но у меня мать, бабушка…

Евлампий. Ну, так что же? Вы решаетесь принести себя в жертву для их спокойствия, так, что ли?

Наташа. Хоть бы и так.

Евлампий. Таких жертв не приносят; это все равно, что самоубийство, все равно, что заживо похоронить себя.

Наташа. Однако мой долг…

Евлампий. Долг? Очень громкое это слово… Да уж не в самом ли деле вы думаете, что ваш един-

ственный долг утешать двух старух и отмеривать овес? Этот долг, эту священную обязанность, может исполнять каждая наемная баба за полтора рубля в месяц. Если вы будете думать только о долге и о своих обязанностях, так всегда будете жить для других, вечно будете в услужении у кого-нибудь. Вы не забывайте, что у вас есть права.

Наташа *(подняв голову)*. Какие?

Евлампий. Такие же, какие имеет всякое живое существо: право жить для себя, а не для других. Вам дает права ваше воспитание и ваш возраст. Ведь молодость-то один раз в жизни бывает. Придет пора, ваше сердце запросит любви, а кто откликнется вам, кто здесь поймет вас? А кто и поймет, тот пройдет мимо.

Наташа *(с некоторым испугом)*. Мимо? Отчего же мимо?

Евлампий. Да кому ж охота засиживаться в этой непросветной глуши? Люди умные, дельные стремятся к свету, к умственным центрам, а здесь остаются люди отсталые и ленивые, которые только воображают, что они дело делают, а в сущности, небо коптят да, в оправдание своей лени, философствуют и поучают нравственности.

Наташа. Как вы верно говорите, какая все это правда!

Евлампий. Пройдет молодость, что же будет тогда, Наталья Михайловна?

Наташа. Я думаю, что я буду жить так же, как и все здесь живут.

Евлампий. Нет, не так: они не плачут, а вы плакать будете. Озлобитесь, будете проклинать себя, что погубили молодость, не воспользовались ее радостями, загубили даром силы, молодые, хорошие, годные на благородный труд, годные для осуществления возвышенных стремлений.

Наташа. Да… да… вы правы… *(Порывисто.)* Зачем вы мне это говорите?

Евлампий. Для того чтоб вы думали, думали, тогда для вас будет легче первый решительный шаг.

Наташа. Ах, я и то думаю, много думаю, но что от моих дум! Остается одно в голове, что все это хорошо, но не для меня.

Евлампий. Почему не для вас? Именно для вас. Я говорю с вами, убеждаю вас совершенно бескорыстно. Вы видите, я не любезничаю, не ухаживаю за вами, я призываю вас к делу. Удастся мне пробудить вас от спячки, заронить в вас первые мысли о другой, новой жизни — вот моя и награда, я буду счастлив. Конечно, первая любовь девушки, первый огонь в ее глазах обаятельны,

но я прежде всего… человек дела.

VIII

Те же и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Евлампий Михайлович, дядюшка вас ожидает. Что это она насупилась так? Уж не на вас ли обиделась?

Евлампий. О нет!

Пелагея Климовна. То-то. А то ведь она у нас деревенская, простая, к вашим барским деликатностям не привыкла. Пожалуйте к дяденьке. Ну что за разговор с девчонкой, какой антирес?

Евлампий. Сейчас иду. До свиданья, Наталья Михайловна.

Уходит. Пелагея Климовна за ним, останавливается в дверях, смотрит молча на Наташу и, покачав головой, уходит.

Наташа *(стоит одна, задумавшись)*. Ах, да… какая разница!.. Вот поговоришь с умным человеком… как тяжело станет здесь, в этой избе, в этом огороде… точно тебя душит что… Не глядела бы ни на кого.

Входит Медынов.

IX

Наташа и Медынов.

Медынов. Убрались паны? Слава богу. Экий народец! Что он вам тут…

Наташа. Ах, нет, не говорите… постойте! У меня есть просьба к вам.

Медынов. Что вам угодно?

Наташа. Только обещайте, что вы ее исполните!

Медынов. Извольте.

Наташа. Вы очень хороший человек, мне не хотелось бы с вами ссориться…

Медынов. Да в чем просьба-то?

Наташа. Оставьте ваши нравоучения и всякую заботу обо мне! Представьте себе, что я совершеннолетняя и в уроках не нуждаюсь.

Медынов. Но, Наталья Михайловна…

Наташа. Нет, нет, ни слова больше… Вы обещали, так должны исполнить; а то я принуждена буду бегать от вас, а мне этого не хочется.

Медынов. Ну, бог с вами, прощайте!

Наташа. Не говорите так, я не люблю и боюсь этого слова. Скажите: до свиданья.

Медынов. До свиданья.

Действие второе

ЛИЦА:
Пикарцев.
Евлампий.
Федосья Ивановна.
Пелагея Климовна.
Наташа.
Медынов.
Семен Стойкин.

Декорация: площадка с редкими деревьями, отделяющая усадьбу Пикарцевых от постоялого двора Федосьи Ивановны, угол которого виден направо. На авансцене, направо, два ореховых куста; между ними столик и скамья.

I

Пелагея Климовна *(выходит в раздумье)*.

Пелагея Климовна. Вот вы, други мои, какие делишки завели… славно! На-ко, не наглядятся друг на друга! Нет, это дело надо прикончить поскорей.

Показывается Пикарцев.

II

Пелагея Климовна и Пикарцев, потом Евлампий.

Пелагея Климовна. Всеволод Петрович, батюшка, а я только что к вам хотела итти. Защитите!

Пикарцев. От кого это, матушка? Грудью стану, лишь бы только не против благоверной. Там уж я пас.

Пелагея Климовна. Племянник ваш сокрушает, — совсем скружил дочку у меня.

Пикарцев. Те-те-те, ну, так, ну, так.

Пелагея Климовна. Посудите сами, разве из этого что хорошее может выйти?

Пикарцев. Ну да… хорошего не выйдет… хе-хе-хе, не выйдет. Вот нынче какой народ-то стал. Это не то, что мы. Мы тоже, бывало, срывали цветы удовольствия, да только там, где можно, где запрету нет; а нельзя, ну и мимо. Разок, другой чмокнешь где-нибудь в укромном местечке… на память — и отойдешь. Мы совесть знали, а теперь разбору нет, теперь подряд…

Пелагея Климовна. Верно, верно. Креста на людях не стало. Так как же, батюшка?

Пикарцев. Насчет племянника-то? Пристыжу, пристыжу.

Пелагея Климовна. Что его стыдить. Это ему как с гуся вода.

Пикарцев. Ну, тогда другие меры найдем, смирим! Ведь это для вас, а чего я для вас не сделаю! Господи, господи, смотрю я на вас, та ли это щечка, которую я когда-то чмокнул?

Пелагея Климовна. Да, батюшка, время большое дело. Вот и я смотрю на вас, да думаю, та ли это щечка, по которой я когда-то… *(Делает удар.)*

Пикарцев. Да… да… помню, помню… Ох, вы!

Пелагея Климовна. Ну, уж тоже и вы! Да на вас и теперь еще угомону нет. Ишь глазами-то так и раскидывает!

Пикарцев. Мои глаза про душу говорят. Молоденькая она у меня!

Пелагея Климовна. Вижу, ох, вижу! Ну, так как же, батюшка, думаете вы об этом деле? Вот если б вы тетеньке сказали.

Пикарцев. Ну уж нет. Я ж буду виноват. Я у ней всегда виноват.

Пелагея Климовна. Батюшка, по старой памяти, сделайте вы для меня такую милость, объясните вы ей все, да чтоб и потатчицу-бабушку приструнила хорошенько, потому совсем отбила от меня дочку. Я со строгостью, а она заступаться. Вот своевольницу и вырастила. Все по

лесам, да все прогулки… да разговоры… совсем с толку сбил он девку.

Пикарцев. Гм, как бы это устроить? Если я начну говорить — испорчу только; а ступайте-ка вы сами, да этак, в слезы… А тут и я подвернусь. Что-нибудь и выйдет. Уж пусть же страдаю за вас. А ведь вы еще и теперь ничего… в аппетите.

Пелагея Климовна. Да будет вам. Ах, проказник!

Пикарцев. Нет, право! Вы еще… того… так что я и опять не прочь… *(Приближается.)*

Пелагея Климовна. А вон, смотрите-ка, племянник идет.

Пикарцев. Ах, чорт его возьми! Ну-с, я уйду, но только вы от меня не уйдете… Вспомним старину… и помолодеем, может быть, хе-хе-хе. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна *(вслед)*. Ну, еще бы. Самое время! Ах, старый шут! А вот и молодой!

Показывается Евлампий.

Ишь, порхает, ишь, порхает! А ведь неспросту. Здравствуйте, Евлампий Михайлович. Прогуляться вышли?

Евлампий. Да, пройтись немножко.

Пелагея Климовна. Хорошее дело. Одному-то, чай, скучно?

Евлампий. Да... конечно... А впрочем, все равно.

Пелагея Климовна. Погуляйте, погуляйте, что ж, дело молодое! А нам вот не до прогулок. *(Уходит.)*

III

Евлампий *(один)*, потом Семен.

Евлампий. Однако ее не видно. Обещала притти — и нет. Это довольно неприятно. Не мешало бы ей быть поаккуратней. Дожидаться здесь неудобно. Погуляю тут неподалеку.

Идет. Навстречу ему Семен с гармошкой в руках, играет и поет:

> *Парень речку перешел, свою любушку нашел.*

Семен. Здравствуйте, барин. Евлампий *(нехотя)*. Здравствуй.

Семен. Здравствуй! Что, барин, больно губы-то оттопырил? Я тебе учтиво, а ты фыркаешь?

Евлампий окидывает его взглядом и молча уходит.

Таращь, таращь бельмы-то! Не испугаешь, я не из пугливых. Эхма! *(Играет и поет.)*

Парень речку перешел, свою любушку нашел.

Входит Федосья Ивановна.

IV

Федосья Ивановна и Семен.

Федосья Ивановна. Что ты, беспутный, делаешь? Посмотри на себя.

Семен. А мне только и делов осталось, что фантазию свою успокаивать.

Федосья Ивановна. Глупый ты, глупый! разве этим поправишь? Не пришлось, ну и оставь, забудь.

Семен. Матушка, Федосья Ивановна, нешто скоро забудешь? Ни вовек. А я вот зелено стекло к губам, а фортепьян в руки — шлифуй, да и полно. Вот так-то как-нибудь, может, и ушибу себя! *(Наигрывает).*

Федосья Ивановна. Цыц ты! Надо бы тебя за волосы.

Семен. За волосы-то? Это было. И неоднократно. Видите, лезут? *(Показывает.)* Родительская ласка. А я говорю: клочь! Клочь, говорю! Дураком пустил по свету — и дошибай. Меня бы в науку да в полировку, а он за стойку. Теперь, стало быть, и

выходит, на что я Наталье Михайловне? Она вон манерная, а я дурак. Ну, значит, облизнись, да и зуди. Эх, ты! Ходи изба, ходи печь, чтоб хозяйке негде лечь…

Входит Наташа.

V

Те же и Наташа.

Наташа. Бабушка, что это у нас за срам? Подумают, кабак.

Семен. Извините. А насчет непристойностей мы нисколько.

Наташа. Чего еще хуже. Бабушка, прикажите ему уйти. Придет кто-нибудь, ведь совестно.

Семен. Эх, Наталья Михайловна, а вы пожалейте. Тепериче по моей склонности к вам — ходи да поглядывай, где омут поглубже.

Наташа. Какое мне до этого дело. Вам сказано все. Бабушка, прикажите ему уйти.

Семен. Наталья Михайловна! За что гоните? Вы во мне один только изъян видите, а не душу. А душа-то почище, чем у прочих, и даже много превосходней.

Федосья Ивановна. Уйди, Сеня, уйди.

Семен. Уж одно дело. У меня тепериче подперло В горле, ровно ком стоит, — так-то любо от этих

самых слов. А выходит, это малодушество. Надо вот как: это вот самое прочь *(утирает слезы)* — и шлифуй! Эх ты, травка, муравка моя! *(Идет к дверям, наигрывая.)* Зуди, знай! *(Уходит.)*

VI

Федосья Ивановна и Наташа.

Наташа. Бабушка, что вы нахмурились? Недовольны вы моим обращением с Семеном?

Федосья Ивановна. Всем я недовольна, голубка ты моя. Тяжело жить. Та ли я стала? Гордая я была. Муж был крутой человек, а при мне громко разговаривать не смел. Князья, графы ни к кому помимо меня заезжать не хотели на двор да с собой рядом саживали чай пить. Значит, стоила чего-нибудь. А теперь куда все пошло? Смотрю — и глазам не верю. Дом пустеет, порядка не стало, над советом моим смеются. Немила жизнь! Только ты, моя радость, и дорога мне. О тебе одной ноченьки напролет думаю, чтоб жила в счастье да со мной не расставалась. Вот и думала Семена во двор взять. А теперь и сама вижу, не пара ты ему, а кто тебе под пару — не пойдет к нам. Ну вот и горюю: неужели ж тебе в люди итти иль за немилого замуж отдать? Уж лучше мне закрыть глаза, чем дождаться этого.

Наташа. Бабушка! Не тоскуйте. Бог даст, все устроится, и может быть… скоро… скоро…

Федосья Ивановна. Утешаешь меня? Или… говори же, если есть что. Не скрой от меня, любушка моя.

Наташа *(опустив голову)*. Я еще не знаю… Бабушка! Я не могу сказать. Может быть, это одни мечты мои… может быть, это одни надежды… Я надеюсь… я жду… а будет ли… Да, бабушка! Отчего ж не быть? Разве я не стою счастья?

Федосья Ивановна. Скажи же, Наташа, хоть словечко, на что ты надеешься?

Наташа *(закрыв лицо руками)*. Нет, бабушка, нет! У меня так сладко на душе, так сладко, а слов нет.

Федосья Ивановна. Наташа, понять-то я поняла. Что ж… дело девичье… обыкновенное. Только меня сомнение берет.

Наташа. Какое?

Федосья Ивановна. Ответу да привету душа твоя ищет, да найдет ли?

Наташа *(молча смотрит на нее и потом тихо)*. Найдет!

Федосья Ивановна. Ну, давай тебе бог! О-ох, молодость, молодость! У всех ты одна.

Уходит. Входит Евлампий.

VII

Евлампий и Наташа.

Евлампий. А, наконец-то. Уж я в другой раз прихожу. Не грешно заставлять дожидаться? Да что с вами? Вы не рады, что я пришел?

Наташа. О нет, нет! Очень, очень рада.

Евлампий. Не вижу. Не заметно что-то.

Наташа. Ах, я немного расстроена.

Евлампий *(садясь)*. Понимаю. Домашние дрязги. Кошка съела молоко, собака утащила хлеб… ха-ха-ха.

Наташа *(с горечью улыбаясь)*. Ну да, ну да, что ж еще может быть у нас.

Евлампий. Нет, уж вы хоть при мне-то позабудьте, пожалуйста, как поют петухи, кудахтают куры.

Наташа. Ах, да не то, совсем не то. Ваши слова не выходят у меня из головы. И прежде мне было тяжело, а теперь я, право, не знаю, куда мне деться.

Евлампий. И прекрасно. Это большой шаг вперед. Можно надеяться, что скоро это стоячее болото вам окончательно опротивеет, и вы броситесь из него без оглядки.

Наташа. Да куда, куда броситься-то?

Евлампий. Туда, где люди дело делают и живут по-человечески.

Наташа. Ах, опять только намеки! Я не так хорошо образована, как вы, я не могу ясно понимать ваших слов, и это меня мучает, я ведь страдаю. Пожалейте меня! Скажите мне прямо, куда я должна итти и что делать!

Евлампий. Ишь чего вы захотели! Согласитесь сами, нельзя же о таких вещах разговаривать так, для провождения времени. Я могу говорить с вами серьезно, когда увижу в вас твердую и непоколебимую решимость. Иначе это выйдет профанация; болтать о серьезных делах я считаю непростительным малодушием.

Наташа. Моей решимости вам недолго дожидаться… Придется вам за меня богу отвечать… Вот что сделали со мной ваши разговоры!

Евлампий. А ваши разговоры, знаете, что со мной сделали?

Наташа. Что же? Надоели вам?

Евлампий. Нет. Я полюбил вас.

Наташа *(с испугом)*. Ах!

Евлампий. Чего вы испугались? Это нисколько не мешает делу. Эта любовь заставляет меня принимать в вас гораздо более участия, чем я ожидал, эта любовь заставит меня разделить

все ваши стремления… мы пойдем рука об руку. Что же тут страшного? Скажите мне, а вы-то?.. Неужели вы совсем равнодушны, неужели ваше сердце совершенно холодно ко мне?

Наташа. Нет… я давно думаю о вас.

Евлампий. Только думаете?

Наташа. Нет… Я вам благодарна… вы все для меня.

Евлампий. Говори, говори, Наташа! Дай волю своему чувству!

Наташа *(робко)*. Я люблю вас.

Евлампий. Ну, конечно, я так и ожидал. Я ведь зорок; я видел, что у тебя под тихой, спокойной внешностью таится горячее сердце, которое ждет только первой искры, чтобы вспыхнуть. *(Хочет обнять Наташу.)*

Наташа *(освобождаясь)*. Нет, позвольте… Я люблю вас, но…

Евлампий. Холодно, Наташа, холодно.

Наташа *(страстно)*. Я люблю тебя, очень люблю… Я решилась, я пойду за тобой, куда хочешь… Только не мучь меня, скажи мне яснее все, все…

Евлампий. Наташа, помилосердствуй! У меня в душе огонь, на языке слова ласки и любви, а ты о деле. Успеешь, успеешь… Дай пройти первым порывам страсти. *(Обнимает Наташу.)*

Наташа *(освобождаясь)*. Вот, кажется, подъехал Медынов. Он сейчас сюда придет.

Евлампий. Ты приходи сюда ужо вечером.

Наташа. Приду, приду.

Евлампий. Так до свидания, милая моя Наташа! *(Хочет поцеловать ее.)*

Наташа. Ах, нет, что ты! Нет, не надо.

Евлампий. Ну, вот уж и капризы, сейчас и капризы. Хороша любовь!

Наташа. Да нет… я такая робкая… Я люблю, люблю. Ну, вот тебе! *(Целует Евлампия и отбегает.)* А ты правду говорил, — жизнь хороша. *(Уходит.)*

Евлампий. Как женщины-то однообразны при всем своем разнообразии.

Входит Медынов.

VIII

Евлампий и Медынов.

Медынов. Здравствуйте. Кажется, Евлампий Михайлович?

Евлампий. Непременно.

Медынов. Гулять изволите?

Евлампий. Как видите.

Медынов. Странно довольно; люди по полям и рощам гуляют, а вы по задворкам.

Евлампий. Ничего нет странного. Это мой

вкус.

Медынов. Конечно. Мы живем в глуши, пням молимся, где же нам понимать ваши столичные вкусы? Давно я искал случая переговорить с вами.

Евлампий. Что ж к нам не жалуете? У тетушки в деревне всем двери открыты.

Медынов. Да не охота итти к вашей тетушке. Больно уж там на нашего брата смотрят свысока. А я этого терпеть не могу, когда люди, не имея никакого права, высоко нос держат. А вот здесь встретился с вами, ну и кстати. Не побрезгуете побеседовать?

Евлампий. Мне бы некогда, ну а впрочем… что вам угодно?

Медынов. Надолго вы к нам изволили пожаловать?

Евлампий. Я погостить приехал.

Медынов. Стало быть, на отдых?

Евлампий. На какой отдых? От чего мне отдыхать?

Медынов. Ну как от чего? Ведь делаете же вы что-нибудь? Ведь, поди, где-нибудь в канцелярии, в уголку, перушко в руках держите?

Евлампий. Знаете, я вам откровенно скажу, меня удивляет эта манера провинциалов вмеши-

ваться… в чужие дела.

Медынов. Уж с тем возьмите! Мы по-деревенски, попросту. Да и отчего не спросить? Какая в этом обида?

Евлампий. Я ничего не делаю, то есть не работаю, я не поденщик, не мастеровой, я просто живу. Живу в столице, приезжаю пожить и в деревню.

Медынов. И не скучаете?

Евлампий. И не скучаю.

Медынов. Удивительно.

Евлампий. Что?

Медынов. Ничего не делаете и не скучаете.

Наташа показывается из своего дома; с другой стороны Семен.

Это способность, хоть и не очень дорогая, а все-таки довольно редкая.

Евлампий. О занятиях и образе жизни просвещенных людей я говорить с вами, извините, считаю лишним. Не понятно это для вас. Вы, кажется, только одно дело, одно занятие признаете: землю копать да гряды полоть.

Медынов. А чем же дурно это занятие? Уж все-таки лучше и честнее, чем деревенских девок с толку сбивать.

Евлампий. Что за тон! Какое вы имеете право

мне это говорить?

Медынов. Будто все по праву делается. Я так, без права. Вы вот по какому праву глазами меня измеряете? Вы испугать, что ли, меня хотите, или стыд свой маскируете? Кабы вы не по праву, а по совести действовали, так бы и стыдиться было нечего.

Евлампий. Знаете, ваши рассуждения могут доставить удовольствие и позабавить.

Медынов. Ну, так и забавляйтесь скорей; дальше уж, пожалуй, не так забавно для вас будет.

Евлампий. Вас подослал кто-нибудь ко мне с этими разговорами?

Медынов. Что меня подсылать! Я и сам знаю, что хорошо, что дурно. А лучше вы уйдите от греха! Стыдно это и не благородно!

Евлампий. Чувствительно благодарен за совет.

Медынов. Это не совет.

Евлампий. А что же?

Медынов. Первое предостережение.

Евлампий. Так и будем знать. Наталье Михайловне мое почтение. *(Уходит.)*

IX

Наташа, Медынов и Семен.

Семен. Оглоблей его хорошенько да ноги переломать, так дело-то короче будет.

Наташа *(подходя в сильном волнении, но стараясь быть сдержанной)*. Позвольте! Кто же просил вас… наблюдать за мной?

Медынов. Что вы, что вы! У вас, кажется, слезы на глазах?

Наташа. Да, от стыда! Как вам не совестно, как вам не совестно! Что вам нужно? Вам уж сказано, что не надо мне вашего участия. А вы все-таки не оставляете меня в покое и обижаете людей, которые гораздо лучше вас и которых вы не понимаете.

Медынов. Вот как. Кого же я не понимаю?

Наташа. Евлампия Михайловича.

Медынов. Понимать его нетрудно; он так пуст, что насквозь видно.

Наташа. Вы не пусты! Что в вас особенного? Вы только представляете из себя проповедника… Да не обманете никого, всякий видит, что вы человек отсталый.

Медынов. Отсталый? Я-то? От чего же это я отстал? Разве кто-нибудь бежит уж очень шибко…

Так ведь за всяким не угоняешься.

Наташа. Уж, конечно, вам не угоняться! Оттого вы и злы, оттого вы и браните людей, которые умнее вас. Это зависть!.. Завидовать нехорошо, стыдно… гадко!..

Медынов. Так, так, отлично! Бранитесь, бранитесь! Только как вам будет совестно после, и уж вот как вы за эти слова будете у меня прощенья просить.

Наташа. Я? У вас? Да я и не увижу вас больше никогда.

Медынов. Вот так штука! Как же это так?

Наташа. Очень просто. Да я и не желаю вас видеть… Вы стали невыносимы для меня! Вы меня преследуете! Вы навязываетесь мне со своей опекой! Вы не даете мне жить! Я ненавижу вас! Я не могу видеть вас! Я… я… я сама не знаю, что мне делать! Оставьте меня! Оставьте! *(Уходит.)*

Семен. Не выгорает наше дело. Гармонию, барин, заведи себе, вот как я, и шлифуй.

Медынов. Да я было и то гармонию завел, да расстроилась она у меня; не знаю, Сеня, придется ли и настроить!

Действие третье

ЛИЦА:
Федосья Ивановна.
Пелагея Климовна.
Наташа.
Пикарцев.
Капитолина Евгеньевна, жена его.
Евлампий.
Медынов.
Семен Стойкин.

Декорация второго действия.

I

Входит Пелагея Климовна, за ней Пикарцев и Пикарцева.

Пелагея Климовна *(униженно кланяясь)*. Очень, очень я вами благодарна, что сами изволили пожаловать.

Пикарцева. Я этому не хочу верить. Неужели он решился? Mon cher[5] отчего же вы мне не сказали раньше? И теперь уверены ли вы вполне?

---

[5] Примечания: 5
Дорогой мой.

Пикарцев. Гм, то есть… Как сказать… очень вероятно *(Подмигивает Пелагее Климовне.)*

Пелагея Климовна. Матушка, верно. Неужели бы я пошла зря срамиться и беспокоить вас? А то сами посудите: материнское ведь сердце-то… дрожит, ох, как оно дрожит.

Пикарцева. Ах, любезная, мне совсем не нужно ничего знать о вашем сердце; но… ведь он мой племянник! Разве он мне не племянник?

Пелагея Климовна. Как же, как же, племянник.

Пикарцева. И он решился! Это ужасно! Живет в моем доме — и вдруг… *(Пикарцеву.)* А вы? Что же вы смотрите? Почему не прекратите?

Пикарцев. Я… я прекращу! Я… непременно прекращу!

Пикарцева *(окинув его презрительным взглядом)*. Ах, кому я говорю!

Пелагея Климовна. Матушка, Капитолина Евгеньевна, осмелюсь я доложить вам, без вас никто этого прекратить не может. Все ведь только перед вами страх и имеют.

Пикарцева. О да!

Пелагея Климовна. Опять же тут главная причина — бабушка потатчица. Я со строгостью, а она — заступаться. Верите, как это прискорбно, и

так это прискорбно, что даже и сказать не умею, только и терпеть мне больше нету силы-возможности.

Пикарцева. Фи, какие нравы! Mon cher, куда вы отходите? Будьте здесь.

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Безнравственности я не потерплю и племяннику моему, конечно, сделаю строгий выговор, но ведь, душа моя, если ваша дочь…

Пелагея Климовна. Матушка, о том и прошу, чтоб бабушку приструнить, потому через нее все. У нее от книжной премудрости в уме омраченье, она и внучке разные такие неподобные мысли внушает… насчет женитьбы…

Пикарцева. Mon cher, слышите! Вот куда пошло! Mesalliance![6] Это Пикарцев-то!

Пикарцев. Как же, слышу. Хе-хе… губа-то у них не дура; ну, да и он не дурак.

Пелагея Климовна. Ну, а уж где нам! Мы свое место завсегда должны понимать. Стало быть, кроме худой славы, ничего не выйдет. Матушка, облагодетельствуйте, сократите бабушку!

Пикарцева. Хорошо, хорошо. Так вот она какая святоша! *(Строго.)* Зовите ее сейчас.

---

[6] Примечания: 6
Неравный брак.

Пелагея Климовна. Матушка, только уж вы не дайте заметить про меня чего-нибудь.

Пикарцева. Зо-ви-те!

Пелагея Климовна. Бегу, бегу. *(Уходит.)*

Пикарцева. Что вы скажете?

Пикарцев. Я? Гм… ничего.

Пикарцева *(строго)*. Что вы скажете?

Пикарцев *(про себя)*. Ишь ты прилипла! *(Громко.)* Да что ж мне сказать? Ничего.

Пикарцева *(язвительно)*. Вы не знали? Вы? Да вы всякую шашню поощрять готовы и, может быть, даже советы давали.

Пикарцев хочет говорить.

Молчите! Так вы не знали?

Пикарцев. Уверяю…

Пикарцева. Молчите! Вы, который весь век безбожно обманывали меня? И вы не заметили?

Пикарцев хочет говорить.

Молчите, говорю я вам! Разве вы не ужасаетесь последствий?

Пикарцев. Н-да… последствия всякие бывают.

Пикарцева. Вы осмеливаетесь еще шутить? Mais c'est affreux![7]

Пикарцев. Молчу. Не буду.

---

[7] Примечания: 7
Это ужасно!

Пикарцева. Скажите ему, что я недовольна. Я бы сама могла, но это слишком грязно. Скажите, что он огорчил меня. Скажите, что он Пикарцев. Скажите, что я Пикарцева.

Пикарцев. И что я Пикарцев. Ух! Все скажу.

Входит Федосья Ивановна, за ней Пелагея Климовна.

II

Те же, Федосья Ивановна и Пелагея Климовна.

Федосья Ивановна. Здравствуйте, Капитолина Евгеньевна, доброго здоровья.

Пикарцева. Благодарю.

Федосья Ивановна. Подивилась, что сюда позвать изволили. Прежде не гнушались и мой угол осчастливить своим посещением.

Пикарцева. Я вами недовольна, очень недовольна.

Федосья Ивановна. Прошу извинить. Немножко делами порасстроились. Осень придет, продадим огородное — все сполна заплачу.

Пикарцева. Разве я говорю об аренде? Ma chere![8] Вы не говорили ли чего-нибудь?

Федосья Ивановна. Если не за это, так уж я и

---

[8] Примечания: 8
Дорогая моя!

не знаю, что такое неугодное мы вам сделали.

Пикарцева. Почему мой племянник бывает часто у вас?

Федосья Ивановна. Это уж вы его спросите, матушка. Мы каждому гостю рады.

Пикарцева. Гм, каждому! Так ли это? Я к вам всегда была очень добра, а вы как отблагодарили меня? Племянник мой молод, горяч, благороден, как все Пикарцевы, а вы смотрите сквозь пальцы на ежедневные прогулки его с вашей внучкой. На что это похоже: молодой человек… молодая девушка… и вдруг прогулки вдвоем! Что же вы смотрите? Почему не устраните?

Федосья Ивановна. Надобности не видела устранять-то.

Пикарцева. А! Стало быть, вы надеетесь на что-нибудь? Это хорошо, tres bien![9]

Пелагея Климовна. Вот, маменька, хорошо этакие выговоры-то выслушивать? Говорила я, все говорила…

Федосья Ивановна. Молчи, ступай прочь!

Пелагея Климовна *(ворча)*. Теперь ступай прочь… *(Уходит в дом.)*

Федосья Ивановна *(с волнением)*. Капитолина

---

[9] Примечания: 9
Очень хорошо!

Евгеньевна, никаких я мыслей на вашего племянника не имела, а что бывает он у нас и гуляет с внучкой, — в этом беды не видела. Не бесчестье вашему племяннику гулять с Наташей, и не мне бы слушать от вас такие ваши разговоры. Обеднели мы, придавили нас горе и несчастье, а то после ваших слов не осталась бы на вашем дворе.

Пелагея Климовна и Наташа выходят из калитки.

Пелагея Климовна *(тихо, Наташе)*. Полюбуйся-ка, что из-за тебя тут идет!

Пикарцева. Скажите, сколько гордости! И в ком же? В мещанке!

Пикарцев. Ну вот… зачем же вы так…

Пикарцева. Finissez![10] А вам, моя милая, в последний раз говорю *(с расстановкой)*, чтоб этого не было. Вы знаете, я шутить не люблю и не посмотрю, что вы так долго живете у меня, откажу вам.

Федосья Ивановна. Капитолина Евгеньевна…

Пикарцева. Больше никаких разговоров не нужно. Я вам сказала все. Вот ваша любезная внучка! Вот она, скромница! Нет, моя милая, напрасны ваши ухищрения. Чтобы в нашей семье,

---

[10] Примечания: 10
Оставьте!

в нашей фамилии… mesaillance!.. Это смешно! Ха-ха-ха! Этого быть не может, я не допущу. Mon cher, куда же вы ушли?

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Проводите меня.

Пикарцев и Пикарцева уходят.

III

Федосья Ивановна, Пелагея Климовна и Наташа.

Пелагея Климовна. Что? Хорошо? Каково это нам терпеть-то из-за тебя? Что выпучила глаза? У, бесстыдница.

Наташа. Не знаю, маменька, что тут у вас за разговоры, что этой барыне нужно… за что вы на меня напали, что я сделала дурного?

Пелагея Климовна. На что хуже. Да ты ласточку-то невинную из себя не строй. Я ведь не бабушка, мне глаза не застелишь.

Федосья Ивановна. Пелагея, оставь! Не время теперь брань заводить; нужно о деле говорить, да говорить толком, без гаму. Что пользы от крику-то!

Пелагея Климовна. Ну, вот и чудесно. Опять я виновата! Всего лучше. Ну, нет уж, маменька, теперь ау! Покорялась вам… Не еще ль покорять-

ся прикажете? Нет, Уж довольно… Видим мы, что из вашей команды-то вышло. А тебе вот мое последнее слово: чтоб ты об этом барине и думать забыла! И не вводи ты меня в грех! А то ты от меня то увидишь, чего и не ожидаешь. Никогда с тобой не шутила, а теперь и подавно. Шашни брось, слышишь! А коли память коротка, так завяжи узелок, да так из рук и не выпускай. *(Уходит.)*

Федосья Ивановна. Про какие она шашни говорит?

Наташа. Не знаю; я знаю только, что оскорбляют меня. *(Плачет.)*

Федосья Ивановна. Плакать-то не надо. Да из чего дело-то вышло?

Наташа. Да разве вы маменьку не знаете? Для нее лучше Щемилова человека нет на свете, вот из чего.

Федосья Ивановна. Понимаю теперь. То-то она все об спокойствии говорит. Уж на что спокойнее: выдала дочь за богатого мужика, кулака, и сиди целый день сложа руки да пей чай. Вот она о каком счастье для себя задумала. Она не понимает да и понимать не хочет, что деньги-то Щемилова — мирские слезы. Может быть, оно, по нашему званию, так и следует; а уж я-то, признаться, от этой жизни и от мужицких порядков отстала, да

и тебя-то отучила.

Наташа. Для меня эта жизнь хуже смерти.

Федосья Ивановна. Тебя отдала в школу, а сама взялась за книги… да за какие книги!.. Из всех книг книги!

Наташа. Бабушка, чему вы научились из этих книг?

Федосья Ивановна. Любить людей.

Наташа. Да ведь одной-то любви мало, надо делать для них что-нибудь.

Федосья Ивановна. Само собой, нешто я не понимаю. Закон-то нам велит не только что добро людям делать, а и душу свою положить, коли нужно. Ну, я что могу, делаю; а уж для большого-то дела стара стала. Вот как война была, так много женщин и девушек в сестры милосердия ушли; вот уж это святое дело, уж на что еще праведней! Кабы помоложе была, ушла бы непременно.

Наташа. И я с вами, бабушка.

Федосья Ивановна. Ты? Словно как рано тебе-то? А ведь и то сказать, как кому бог даст. Шли всякие: и старые, и молодые. Молодой-то итти на подвиг, за ближнего пострадать, еще угодней богу; старый-то человек уж отжил, его ничто не манит; а молодому-то еще пожить хочется, всего попытать. Ведь жизнь-то и радости дает челове-

ку, да не всегда грешные, есть и хорошие радости, богу не противные. Да ежели человек для рая и ближнего от всего этого откажется, уж чего еще лучше, так-то святые только жили.

Наташа. Бабушка, да ведь не одни сестры милосердия добро делают; можно и другое полезное дело найти.

Федосья Ивановна. Это я так, к слову сказала: а мало ль подвижников и в мирное время, и незнаемых, и не слышно о них; а добро-то их все у бога на счету.

Наташа. Бабушка, а что, если я чувствую призвание?

Федосья Ивановна. Какое призвание, Наташа?

Наташа. Послужить людям.

Федосья Ивановна. Что ж, это дело хорошее.

Наташа. Если я… уйду от вас?

Федосья Ивановна. Уйдешь? Куда уйдешь?

Наташа. Это все равно для вас… Я решилась, бабушка, твердо решилась; здесь мне делать нечего, а дело делать надо.

Федосья Ивановна. Постой, постой! Как же это? Ведь мне умирать скоро; кто ж мне глаза закроет? Я думала век с тобой не разлучаться. Я тебя вынянчила, вырастила, я в тебя всю душу положила.

Наташа. Знаю, бабушка, что вы меня любите, знаю. Так… уж коли любите, не удерживайте.

Федосья Ивановна. Нет, как удерживать! Смею ли я? Может, и вправду бог тебя благословил на доброе, на хорошее дело. Останавливать тебя нельзя: какой грех-то на душу примешь! А и пустить жаль, да и страшно: соблазну в мире много.

Наташа. Не бойтесь, бабушка, не такая я.

Федосья Ивановна. Конечно, я тебе не в укор говорю. Ты в страхе божьем воспитана. Да соблазн-то нынче больно хитер стал, всякую личину надевает, не скоро его разберешь. Какой еще у тебя ум, много ль ты жила на свете! Надо мне с тобой об этих делах житейских толком поговорить. Авось ты не сейчас от нас?

Наташа. Нет, бабушка… я еще не знаю.

Федосья Ивановна. То-то; уж тогда простимся как следует, оплачу я тебя.

Наташа. Бабушка, да ведь не в могилу; еще увидимся.

Федосья Ивановна. Как знать? Мои такие года, что за один день поручиться нельзя… У тебя колечко-то мое, что я тебе подарила?

Наташа *(с улыбкой)*. У меня, бабушка, вот оно!

Федосья Ивановна. Да ты не смейся! Дешевень-

кое оно, серебряное, а ты его носи — не снимай да посматривай на него почаще, оно с молитвой, вот бабушку и будешь вспоминать. А надоест оно тебе, так не бросай; больно обидишь меня. Ты мне его по почте пришли, так я и буду знать, что ни бабушка, ни молитвы ее тебе уж не нужны.

Наташа. Да, бабушка… да что вы! Я его никогда не сниму.

Федосья Ивановна. А отпустить я тебя отпущу с благословением… Ну, я в малинник пойду… словно как у нас поспела… погляжу. *(Уходит.)*

Наташа. Ну вот, у меня точно камень с души свалился, бабушка отпускает. Что ж теперь меня может удержать здесь?.. Ничто мне не дорого. Прощай, родное гнездо!

Входит Семен.

IV

Наташа и Семен.

Семен. Наталье Михайловне.

Наташа. А, это вы, Семен Иваныч. Я хочу вас просить.

Семен. С полным удовольствием. Что угодно?

Наташа. Сходите к Евлампию Михайловичу.

Семен. К ему? Вот так раз!

Наташа. Да. И попросите сейчас же притти

сюда.

Семен. А вот и другой! Это для чего же будет?

Наташа. А это уж не ваше дело. Сходите, если хотите мне сделать удовольствие.

Семен. Это мы можем, коли для вас удовольствие составляет. Только не вышло бы наоборот: заместо удовольствия-то неудовольствие.

Наташа. Ну, не нужно, если не хотите. И без вас обойдусь.

Семен. Наталья Михайловна, да что серчать-то! Видите, я пошел.

Уходя, встречается с Медыновым. Наташа уходит в дом.

V

Медынов и Семен, потом Федосья Ивановна.

Медынов. Что бежишь?

Семен. Послали.

Медынов. Куда?

Семен. За барином.

Медынов. Зачем он?

Семен. Стало быть, понадобился. *(Махнув рукой.)* Пиши пропало! *(Уходит.)*

Медынов *(в раздумчивости.)* Да, действительно пропало… Много тут кой-чего пропало: хорошая девушка пропала, счастье семьи пропало, мои

мечты пропали.

Федосья Ивановна выходит из кустов.

Федосья Ивановна. Вы еще, батюшка, не уехали?

Медынов. С мельником вашим все хороводились насчет подтопу.

Федосья Ивановна. Что вы как будто не в духе?

Медынов. Так, взгрустнулось… точно что от сердца отрывается… Хорошо, что я вас встретил… поговорить хочется. Не то чтоб я утешенья ждал, а так вот… хочется поговорить, да и все тут; скучно будет домой ехать, ни с кем не поговоривши.

Федосья Ивановна. Ну, что ж, поговорим, если угодно.

Медынов. Я виноват перед вами.

Федосья Ивановна. В чем это, батюшка? Вот уж не знаю.

Медынов. А вот в чем!.. Робок я и нерешителен; давно бы мне надо было поговорить с вашей внучкой, а я все ждал чего-то. А сказать было что.

Федосья Ивановна. Ну, теперь скажите.

Медынов. Поздно. Теперь уж она меня слушать не станет… не станет, бабушка, не станет.

Федосья Ивановна. Ну, что ж с ней? Я тут ни при чем. Не заставишь, коли не хочет.

Медынов. Ну вот, значит я и виноват. Давно бы мне надо было ей сказать, что я люблю ее; а я все ждал, когда она станет улыбаться мне послаще. Я ведь чудак; меня и барышни ловили немало, да на что мне они? В моей хате с длинным-то хвостом и повернуться негде. Вот я ждал, ждал, да и дождался: стала она сладко улыбаться, да только не мне.

Федосья Ивановна. Что ж делать! Насильно мил не будешь. А вины вашей я все-таки никакой не вижу.

Медынов. Вот какая моя вина: кабы я пораньше догадался, так, может быть, и не случилось бы того, что теперь вышло.

Федосья Ивановна. А что ж такое теперь вышло? Нет, вы позвольте… вы мне скажите!

Медынов. Скажу. Знаете ли вы, бабушка, что прежде девки попроще и поглупее были?

Федосья Ивановна. Знаю.

Медынов. Только о любви и думали.

Федосья Ивановна. Знаю.

Медынов. Ну, их на эту удочку и ловили.

Федосья Ивановна. И это знаю.

Медынов. Теперь девушки уж не так малодушны, теперь они поумнее.

Федосья Ивановна. Да, это правда ваша.

Медынов. Теперь стали рассуждать о высоких предметах, которых они не понимают. Ну, и ловцы удочку теперь переменили: ловят их на высокие предметы. А ловцы-то все те же, мерзость-то все та же: холодное, бессердечное обольщение. Это старая, скверная привычка, которую давно пора бросить. Как-таки человек не может пройти мимо девушки, чтоб петлю не закинуть, чтоб не попробовать запутать да с толку сбить? А еще образованными называются.

Федосья Ивановна. Да про что вы? Не понять мне тут ничего. Как это на высокие предметы ловить? Наташа у меня не такая; я ее пуще глазу берегу. Да и недолго мне любоваться-то на нее, уходит она от нас.

Медынов. Уходит? Так, так. Вы желаете знать, как это на высокие предметы ловят? А вот так и ловят, как вашу Наташу поймали. Коли это только угар, так он вылетит, тогда и меня вспомните! А коли серьезно, так простите мою вину, что не успел я, прежде других, запутать ее красивыми словами, я все-таки честнее. Прощайте, бабушка! *(Уходит.)*

Федосья Ивановна. Ну вот, что наговорил. И сам-то как полоумный, да и меня-то с толку сбил. А видно, очень видно, что любит Наташу-то. Вот

и мечется, бедный, и толкует бог знает что.

Уходит в дом. Входят Семен и Евлампий.

VI

Семен и Евлампий.

Семен. Тут была, сюда и звать велела.

Евлампий. Хорошо, я подожду… Ну, что же ты… Ступай!

Семен. Евлампий Михайлович, дозвольте пару слов молвить.

Евлампий. Что такое?

Семен Я к тому, что пожаловали вы к нам на время, а не наделать бы греха навек.

Евлампий. Ты о чем это?

Семен Да все о том же; я насчет Натальи Михайловны…

Евлампий. Ну, любезный, будь же поумнее! Не лезь не в свое дело! Я тебе советую.

Семен. Как не в свое? Собственное-с. Может, по вашему рассуждению такое дело для вас только одна забава, а для меня это погост. Известно, барская повадка завсегда одна, значит, насчет женского пола… чтобы слободно и без всякого разбору и без сумления; ну, а я через это самое тоску свою нашел.

Евлампий. А нашел свою тоску, так и тоскуй.

Мне-то что!

Семен. Однако позвольте… Но только ежели что-нибудь худое выдет, ну в те поры разговор у нас с вами будет необнаковенный.

Евлампий. Ну, уж будет! Поговорил, и довольно; пора и честь знать.

Семен. Жизни своей решусь, а уж и вашему здоровью от меня солоно придется… Работа будет знатная.

Евлампий. Что?

Семен. Только и всего! *(Громко.)* Наталья Михайловна!

Входит Наташа.

Доложил-с. Теперь, стало быть, наше почтение. *(Уходит.)*

VII

Наташа и Евлампий, потом Федосья Ивановна.

Наташа. Евлампий Михайлович, вы чем-то недовольны? Может быть, сердитесь за то, что я посылала за вами?

Евлампий. Нет… Но знаешь… неприятности там… дома; впрочем, все это пустяки. Ты подле меня — и чего ж мне еще желать, о чем думать! *(Берет Наташу за руку. Увидав кольцо.)* Что это? Серебряное кольцо? Какая наивность! Охота тебе

носить такую дрянь. Надо его бросить.

Наташа *(отнимая руку)*. Ах, нет… я не брошу.

Евлампий. Ну, подари мне.

Наташа молчит.

Жалко?

Наташа. Не жалко, а… зачем вам?

Евлампий. Затем, чтобы подарить первой попавшейся маленькой девчонке. Ну, носи, если тебе нравится… сама скоро бросишь. Но, Наташа, будь повеселей, довольно серьезничать-то!

Наташа. Да ведь я… я ухожу отсюда.

Евлампий. А, неужели? Решилась, Наташа? Отлично! И это уж окончательно, без повороту?

Наташа. Без повороту. Бабушка меня отпускает.

Евлампий. Браво, браво! *(Хочет обнять Наташу.)*

Наташа *(уклоняясь)*. Ах, Евлампий Михайлович! Нет… позвольте! В эту минуту ласкам нет места, она слишком торжественна для меня. Нарушать эту торжественность мне кажется очень легкомысленным. Ведь я делаю очень… очень смелый, решительный шаг. Я бросаю все, чем жила до сих пор… Здесь много пошлого, неприглядного; но здесь все родное мне, здесь мне все знакомо; а впереди у меня все неизвестное… по-

темки… Что там за люди, как там живут, я ничего не знаю… В этих потемках у меня один только свет… это вы, и я смотрю на вас, как на опору.

Евлампий. О, еще бы! Придет время… я… я… все сделаю… *(Обнимает Наташу.)*

Наташа. А уж я-то! Я буду работать, учиться… старательно, постоянно… Посмотри, я скоро сделаюсь достойной тебя. Дорогой мой, вся душа моя будет принадлежать делу и тебе. Я забуду весь мир, чтоб жить для тебя, чтоб дышать одним тобой! Да я… не знаю… всего этого мало за то, что ты сделал для меня. Ты воскресаешь меня, ты даешь мне новую жизнь, о которой я без тебя и мечтать бы не смела.

Евлампий. О, да какая ты умная, какая ты умная! И сколько огня! Прелесть! *(Горячо обнимает и целует Наташу.)*

Наташа *(освобождаясь)*. Ах, пожалуйста!.. Нет, нет… нехорошо.

Евлампий. Наташа, Наташа, это скучно наконец. Когда ты бросишь эту глупую деревенскую застенчивость?

Наташа. Ты думаешь, что это застенчивость?

Евлампий. Да, застенчивость, которую уж надо оставить.

Наташа. Да, конечно…

Евлампий. Что «конечно»?

Наташа *(стыдливо)*. Можно, пожалуй, и… оставить, когда знаешь… когда уверена…

Евлампий. Ну, и знай, и будь уверена!

Наташа. Помнишь ли, что ты сказал мне? А я все твои слова помню, ими только и живу. Ты сказал мне: мы будем трудиться, мы пойдем рука об руку. Это ты говорил.

Евлампий. Да, да, я… И мы сделаем это. Я скоро уезжаю. Вместе нам нельзя уехать отсюда, неловко; ты поедешь на другой день после меня.

Наташа. О да, я полечу на крыльях.

Евлампий. А я пока найму квартиру; ты приедешь, уж будет все готово. Жить на разных квартирах двойной расход, да и нет никакой надобности: Петербург ведь не уездный город, там всякий знает только сам себя, а до других дела нет; там это не в диковинку… Мы будем жить вместе.

Наташа. Как? Сейчас и вместе?

Евлампий. Что значит «сейчас»? А то когда же еще? И сейчас и не сейчас, всегда вместе.

Наташа *(с испугом)*. Что… это? Что вы говорите?

Евлампий. Да что ж мне еще говорить, милая моя? Я говорю, что чувствую, что знаю, что я и

сделаю.

Наташа *(отшатнувшись)*. Да вы подумайте!

Евлампий. Да что тут думать и об чем? Кто любит, тот не думает, а кто думает, тот не любит, а лжет.

Наташа *(горячо и со слезами)*. Да нет, нет! Я люблю вас… я клянусь всем, что есть для меня святого… только я люблю вас не так… я люблю вас, как брата.

Евлампий. Это что еще? Все это вздор, все это глупость. Кто любит, тот жертвует всем. И ты для меня пожертвуешь всем. Да, Наташа, да? *(Хочет обнять ее.)*

Наташа *(вырывается)*. Ах, оставьте! *(Слабым голосом.)* Бабушка!

Евлампий. К чему тут бабушка и зачем слезы? Вот твоя любовь, о которой ты так громко говорила! Кто хочет начинать новую жизнь, тот должен бросить все предрассудки; да не только бросить, а насмеяться над ними. Надо сжечь корабли, чтобы уж не было возврату к этой деревенской пошлости.

Наташа. Боже мой, «предрассудки»! И вы называете это предрассудками?

Евлампий. Да, предрассудки, которые так же глупы, как серебряные кольца, которые вы счита-

ете какой-то драгоценностью, чем-то священным. Нужно очень немного смелости, чтобы стряхнуть эти предрассудки и эти амулеты. И я знаю, что у тебя этой смелости достанет.

Наташа. Нет., нет…

Евлампий. Я помогу тебе, Наташа, милая Наташа. В моих объятиях ты забудешь все, кроме меня. *(Обнимает ее.)* Забудешь все, что надо забыть.

Наташа. Ах, бабушка!

Евлампий *(отходя)*. Удивляюсь Я на тебя. Ах, женщины! Кто вас разберет! Вы любите — и не любите; вы верите — и не верите.

Входит Федосья Ивановна.

Наташа. Боже мой, что со мной делается?.. Мне стыдно! Стыдно! Мысли путаются… в глазах мутится… Ах! *(Падает в обморок на руки бабушки.)*

Евлампий уходит.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Федосья Ивановна.
Пелагея Климовна.
Наташа.
Евлампий.
Медынов.

Щемнлов,
Семен.

Декорация первого действия.

I

Наташа (сидит у стола, опустивши голову на руки), Федосья Ивановна и Пелагея Климовна (входят).

Федосья Ивановна. Нездоровится тебе, Наташа?

Пелагея Климовна. Какое нездоровье, с чего? Привередничает сидит.

Федосья Ивановна *(Наташе)*. Головушка болит?

Наташа. Нет, мне теперь легче. Бабушка, вы не беспокойтесь, это пройдет, я скоро оправлюсь совсем.

Пелагея Климовна. Маменька, вам опять неймется. Вы и теперь с вашим баловством. Она нас оконфузила перед господами, а вы к ней же с утешениями!

Федосья Ивановна. Оставь ты, прикуси свой язык!

Пелагея Климовна. Ну уж теперь пускай другой кто прикусит. Я терпеть этого не стану. Я ей

покажу, кто я ей! Не хотела по чести сделать для матери, так я и власть имею. Ты думаешь, все стращать только буду? Нет, довольно!

Федосья Ивановна. Да, полоумная, что ты говоришь! Опомнись!

Пелагея Климовна. Вы-то придите в размышление, а я все помню. Добру выучили! Этакому-то рукомеслу, чтоб на шею вешаться, и без ученья можно ученой быть.

Федосья Ивановна. Что ты говоришь?

Наташа. Бабушка, не заступайтесь за меня.

Федосья Ивановна. Да ведь ты не чужая.

Пелагея Климовна. Она хуже чужой. Чужая-то больше пожалеет. Вот как по милости ее выгонят нас господа со двора — вот и надевай котомку.

Федосья Ивановна. Ну, не могу я слушать вздорных речей, не могу, лучше уйду от искушения. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна. И чудесно. Авось без вас-то что-нибудь лучше придумаем.

Наташа. Маменька, вы считаете меня виноватой? Ну, согласна, ну, я виновата; чего же вы от меня хотите?

Пелагея Климовна. Чего? А очень просто, вот чего: бредни все из головы вон — и за Щемилова замуж итти. *(Наташа отворачивается.)* Что, не

понравилось? Не по вкусу пришлось? А еще спрашиваешь: чего от меня хотите!

Наташа. Нет, маменька… я не отказываюсь, уж все равно, везде не слаще… все равно мне деться некуда. Так лучше уж я для вас угодное сделаю… по крайней мере вам польза будет…

Пелагея Климовна. Что ты, что ты! Да правду ль ты говоришь?

Наташа *(опустив голову)*. Правду.

Пелагея Климовна. Хоть и вижу, что не от радости ты идешь за него, ну, да радость тебе после придет. Уж ты поверь мне! Вот умна стала, — так и слова худого не услышишь, а еще ласку материнскую увидишь.

Входит Федосья Ивановна.

А вот без вас-то мы, слава богу, и поладили. Покорилась, так и разговору больше не будет, слова не услышите.

Федосья Ивановна. Ну, и давай бог!

Пелагея Климовна. За ум взялась, идет за Щемилова.

Федосья Ивановна. Ох, радость-то невелика.

Пелагея Климовна. Ну, уж пожалуйста, оставьте ваши воздыхания! Не сбивайте с толку, у ней и так немного. Что, в самом деле! Враг я ей, что ли? Небось, хуже вас об ней забочусь?

Федосья Ивановна. Не шуми, не шуми! Согласна, так и бог с ней, ее дело.

Наташа. Да, бабушка, я согласна. Для себя не пришлось, так надо жить для других. Хоть вас с маменькой успокою, хоть кому-нибудь от меня польза будет.

Пелагея Климовна. Видите, как правильно рассуждает.

Федосья Ивановна. Правильно ли, неправильно ли, не мне ее отговаривать.

Пелагея Климовна. Да, уж конечно.

Федосья Ивановна. Евлампий Михайлович опять пришел, желает повидаться. Уж я не знаю, как и быть теперь.

Пелагея Климовна. Как быть? Калитку на запор — вот ты и понимай!

Наташа. Нет, не делайте этого. Пустите его.

Пелагея Климовна. Что-о? Да никогда, да, кажется, я…

Наташа. Маменька, это нехорошо, неприлично! Не стыдите себя и нас! Чего вы боитесь? *(Твердо.)* Я вас прошу, маменька.

Пелагея Климовна. Ну уж, пожалуй. Так уж и быть. И что это за фасоны такие!

Федосья Ивановна и Пелагея Климовна уходят.

II

Наташа сидит задумавшись, входит Евлампий.

Наташа. Зачем вы пришли?

Евлампий. На тебя поглядеть. Скажи, пожалуйста, что с тобой сделалось вчера? Ты не так поняла меня, Должно быть.

Наташа. Я глупа для вас, Евлампий Михайлович.

Евлампий. Гм, не нахожу.

Наташа. Да как же! Вы, человек умный, толкуете мне, убеждаете меня, а я не понимаю; ну, значит, я глупа, или…

Евлампий. Что «или»?

Наташа. Или вы не очень умны, коли не сумели растолковать мне хорошенько.

Евлампий. Оборот ловкий.

Наташа. Ну, а так как уж всем известно, что вы очень умный и образованный человек, так глупа выхожу я.

Евлампий *(смеясь)*. Изволь, согласен.

Наташа. Видите, я себя не жалею, я готова признать ваше превосходство, готова признать за вами какие угодно достоинства, только бы вы…

Евлампий. Что?

Наташа. Оставили меня в покое.

Евлампий. А я хотел было еще раз попробовать, нельзя ли тебя убедить наконец.

Наташа. Нет, это напрасный труд.

Евлампий. Почему же?

Наташа. Потому что я ни одному вашему слову уж не поверю.

Евлампий. А ведь прежде верила же.

Наташа. Прежде вы были в моих глазах совсем другим человеком.

Евлампий. Я все тот же и никогда не был героем.

Наташа. Нет, вы были героем для меня. Вы воображаете, что мы уж совсем ничего не знаем, ни о чем не думаем, не мечтаем? Вы ошибаетесь. Когда вы сюда приехали, вы заговорили со мной именно о том, о чем я мечтала, да и многие из нас мечтают. То, что было неясно в моих мыслях и стремлениях, вы мне объяснили. Я ужаснулась той пошлости, в которой проходит здесь вся женская жизнь. Вы призывали меня к труду, указывали мне иные пути, указывали высокие цели, к которым многие из нас так рвутся. В своих собственных глазах я стала выше, лучше, благороднее. Этим я была обязана вам; как же мне было не увлечься, не полюбить вас? Я считала

вас пророком.

Евлампий. А теперь?

Наташа. Извините!.. Вы уж очень скоро обнаружили себя… Вчера я поняла свою ошибку; я увидала, что ваши проповеди — только слова и больше ничего, что убеждениями и чувствами, которые я считала святыми, вы играли, как игрушкой, пользовались ими, как приманкой, чтоб опутать доверчивую деревенскую простоту. Но вам это не удалось; я скоро поняла, что вы неискренни, что мне учиться у вас нечему, что я лучше вас, чище, а пожалуй, и умнее.

Евлампий. Ого, вот как!

Наташа. Да, правда. Я простая, мало ученая девушка, я знаю меньше вас, но то, что я знаю, я знаю твердо, я смотрю на жизнь и на свои обязанности серьезно, а для вас все шутки и забавы.

Евлампий. Все это высокопарно и смешно.

Наташа. Когда вы меня хотели обмануть, вы говорили еще высокопарней, и вам не казалось это смешно. Ну, пусть я останусь высокопарной, это нужды нет… Я высокопарна, да честная девушка, а вы смешны, потому что, при всей своей хитрости, не умели обмануть меня, неученую, простую.

Евлампий. Да я и не думал обманывать.

Наташа. Нет, нет, думали. Это вы теперь только отнекиваетесь, как вам не удалось. Что уж, не удалось обмануть, не удалось.

Евлампий. Как хотите, так и думайте.

Наташа. Да уж нечего, нечего… Не удалось, поняли вас.

Евлампий. А коли так, откровенность за откровенность. Вы сказали, что думаете обо мне, а я скажу, что думаю о вас. Вы набрались дешевой морали, которую в изобилии отпечатывают в азбуках и прописях, и воображаете, что выше этой премудрости ничего на свете нет. Все-то вам кажется грехом, от всякой малости вы открещиваетесь. Все ваше несчастие в том, что вы не знаете, как порядочные люди живут. Если б вы пожили в образованном обществе, вы бы увидали, что люди самые серьезные не боятся услаждать свою трудовую жизнь разными удовольствиями, что можно задаваться самыми возвышенными целями и в то же время, между прочим…

Наташа. Быть вашей любовницей.

Евлампий. Да хоть бы и так. А теперь пока, извините, для современного человека вы смешны, а главное, скучны: вы способны навести такое уныние, что убежишь от вас за тридевять земель.

Наташа. Так бегите, счастливого пути!

Евлампий. Прощайте! Может быть, и встретимся. Жизнь многому научает, может быть, и вы будете не так суровы.

Наташа. Довольно, довольно! Уходите!

Евлампий. Послушайте, так не говорят; это неучтиво.

Наташа. Уходите, уходите!

Евлампий *(пожимая плечами)*. Впрочем, чего ж и ждать от вас. *(Уходит.)*

Входит Федосья Ивановна.

III

Наташа (стоит в раздумье), Федосья Ивановна.

Федосья Ивановна. Что ты задумалась?

Наташа. Ах, мне и досадно и стыдно… и самой себя и людей стыдно. Как это я не догадалась!

Федосья Ивановна. Ну да где ж, какой еще разум!

Наташа. А теперь я виновата… и не знаю, куда ж деться от стыда…

Федосья Ивановна. Кто богу не грешен.

Наташа. Да виновата я не перед одними вами, а еще…

Федосья Ивановна. Перед кем же?

Наташа. Перед Медыновым. Я его обижала, и обижала совершенно напрасно… Он говорил мне,

что я буду у него прощенья просить, а я не верила, а теперь придется. А стыдно-то как!

Федосья Ивановна. Что ж не попросить, и попроси! Это дело христианское. Он здесь, у меня в огороде, чай пьет.

Наташа. Говорили вы обо мне что-нибудь?

Федосья Ивановна. Сказала, что ты идешь замуж за Щемилова.

Наташа. Что же он?

Федосья Ивановна. Только руками развел; даже слеза его прошибла. «Вот, говорит, охота хомут-то надевать. Кабы она умерла, говорит, так не знаю, больше ли бы я ее жалел, чем теперь».

Наташа *(сквозь слезы)*. Ох, правда.

Федосья Ивановна. «Уж теперь, говорит, я к вам ни ногой».

Наташа. А вы попросите, бабушка, чтобы он зашел на минутку; мне у него прощенья попросить только.

Федосья Ивановна. Хорошо, скажу.

Входит Пелагея Климовна.

IV

Федосья Ивановна, Наташа и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Знатно барина-то выпро-

водила. Я-таки не утерпела, у двери послушала. Только не по-нашему… Меня бы напустить, так я бы его отчитала.

Наташа. Оставьте, маменька, не поминайте мне об этом, прошу вас.

Пелагея Климовна. Уж теперь не буду. *(Ласково.)* Щемилов приехал, Наташа. Кончать, что ли?

Федосья Ивановна. Щемилов приехал, так я в огород пойду.

Пелагея Климовна. Да оно и лучше, мы и без вас обойдемся. Слава богу, за словом в карман не полезу.

Федосья Ивановна уходит.

Наташа, я думаю, что канитель-то тянуть нечего. Отрезал — и к стороне.

Наташа. Маменька! Я готова все сделать для вас, все, но ведь не могу же я так жить, как он живет. Такая жизнь противна.

Пелагея Климовна. О чем толкует! Да он для молодой жены все сделает.

Наташа. Все ли?

Пелагея Климовна. Все на свете; хоть каждый день балы давай. Как захочешь, так и будешь жить. Себя, говорит, заложу, а отказу ни в чем не будет. Звать, что ль?

Наташа. Зовите.

Пелагея Климовна *(целует ее)*. Давно бы так. Вот теперь вижу, что дочь. Ефим Лукич! Жалуйте-ка сюда.

V

Наташа, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Жалуем. Чем порадуете?

Пелагея Климовна. А вот уж пускай радость вам та скажет, от кого ее ожидаете.

Щемилов. Это ничего, пущай. Тем для нас приятнее.

Пелагея Климовна. Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а мы пойдем проздравление приготовим.

Уходит. Наташа и Щемилов садятся.

Наташа. Ефим Лукич, скажите, как вы на меня смотрите?

Щемилов. Чего лучше требовать нельзя. Вот как смотрю-с!

Наташа. Не в этом дело. Я знаю, вы живете хорошо…

Щемилов *(перебивая)*. Благодарим создателя. А будем еще лучше, как молодая хозяйка подле нас существовать будет. Это насчет съедобного или там нарядов каких… особенное будет.

Наташа. Мне ничего особенного не нужно. Я

хочу знать, чего вы требуете от вашей будущей жены?

Щемилов. Диковина! Как чего требую? Знамо, чтоб хозяйка своему дому была и чтоб насчет закону все как следует, — по заведенному. Сказано: муж и жена, ну чтоб так оно и было. Боле чего еще? Ну, чтоб из повиновения ни боже мой! А в случае, чего боже сохрани, — чтоб сейчас и повинная. Потому, кто винится — я мягок. Конечно, не в рассуждении чего там… к примеру ежели… на стороне… а то и не живи на свете… во как! Что ж, чего тут? Со мной просто; как у людей, так и у нас.

Наташа *(с нетерпением)*. Я не о том говорю. Ваши порядки я знаю. Но жить так, как вы, я не могу. Посвятить всю свою жизнь домашним заботам да кухне — я не желаю. Я хочу заниматься…

Щемилов. Чем только угодно. Канареек купим, на попугая разорюсь, коли пожелаете.

Наташа. Да нет, это все не то.

Щемилов. Может, музыку? Орган заведем, кадрели будет играть, «Не белы-то снеги».

Наташа. Нет, я хочу заниматься делом… читать книги…

Щемилов. Книги? Гм… да… книги… Так-с. Что ж… оно можно и книги, только какие читать

будешь, а то этого добра по нонешнему времени оченно с разбором надо касаться. Как ежели… да чего боже сохрани… так лучше ну их совсем! Потому мы на хорошем счету состоим, чего лучше требовать нельзя. Я, признаться, в них большого скусу не вижу.

Наташа. Ну, а я чувствую потребность. Я открою школу — буду учить, сама буду учиться. Тогда по крайней мере моя жизнь не будет пуста, и вы за это от меня будете видеть хоть какое-нибудь чувство, хоть благодарность.

Щемилов. Позвольте, это как же так-с? Стало быть, вы нашей супругой будете и при всем том желаете в учительши? Это на что ж похоже-с? Нет, это дело не подойдет-с. Чтоб эта шершавая команда у меня полы гадила да гомон целый день в доме стоял? Нет-с, уж слуга покорный. Потому у нас первое дело, чтоб в доме чистота и тишина. Вы эту музыку, уж сделайте ваше такое одолжение, из головы вон выкиньте. Ни тепериче, ни опосля согласия моего на такое столпотворение не будет. На наряды хошь триста рублев, а от таких подобных беспорядков в своем собственном жилище… да избави господи!

Наташа. Можно особое помещение отвести, небольшой флигель выстроить.

Щемилов. Нет-с… Мне и слушать-то такие разговоры непристойно. Потому при всей моей солидности да вдруг этакое малодушество!.. Да мне в люди показаться нельзя будет; мне все глаза просмеют. Всякое удовольствие для вас сделаю, а чтоб ни книжек, ни ребятишек и никаких пустяшных делов и в заведении не было. А то выйдет промежду нами такое неудовольствие, чего хуже не надо.

Наташа. А если так, зачем же я пойду за вас?

Щемилов. Да и я то же думаю. Нет, уж если вы можете без этих мечтаниев, так оченно приятно, а то лучше отнеси бог.

Входят Медынов и Федосья Ивановна и останавливаются у двери.

Наташа. Так неужели же вы полагаете, что я за вас иду по любви или из-за ваших денег? Я соглашалась для родных… для их спокойствия; вы не понимаете меня! Мне нужно какое-нибудь занятие, дело, а то я должна иссохнуть, умереть. Ведь мне легче в колодец броситься, чем итти за вас.

Щемилов. Да, не придется, потому нам этакие неподходящи. Модности-то эти ваши нам — ох, как солоны! Ищем мы себе, примерно, утеху, а мозоль нажить не желаем.

Наташа. Говорите теперь, что угодно. От вас-то

я уж не обижусь. *(Закрывает лицо руками.)*

Медынов *(подойдя к Щемилову)*. Уходить бы тебе, я так думаю.

Щемилов. Уходить? Это верно. Одно дело осталось. Эх, пропадай наше доброе! Благодарим, что не потаились. Фу, инда жарко стало! Вот так утеха! От такого лиха бежать скорей. Отнес бог!

Медынов. Не довольно ли разговаривать-то? Чай, и кончить пора?

Щемилов. Да уж мне тут разговору нет.

Входит Пелагея Климовна с вином и закуской на подносе.

Вот с кем я поговорю. *(Идет к двери.)*

Пелагея Климовна *(идет за ним)*. Что, батюшка, угодно?

Уходят Щемилов и Пелагея Климовна.

VI

Наташа, Медынов, Федосья Ивановна.

Наташа. Смейтесь, смейтесь надо мной; я этого заслуживаю.

Медынов. Не стану смеяться и другим не позволю. В вашем положении ничего нет смешного.

Наташа. Вы жалеете меня, Алексей Парфенович? Спасибо вам! Стыдно мне глядеть на вас… Забудьте, что я говорила вам вчера… Простите

меня!

Медынов. Да я уж и забыл давно.

Наташа. Вы мне вперед говорили, что я буду у вас прощенья просить, я не верила. Вот и пришлось, — вы правы были…. Вы, должно быть, всегда правы… Но позвольте же и мне, Алексей Парфенович, сказать хоть несколько слов в свое оправдание.

Медынов. Да зачем; не нужно вовсе.

Наташа. Нет, позвольте, надо. Вы, может быть, не так думаете обо мне. Ведь не им только увлеклась я. Какие горячие речи!.. Какие честные, хорошие мысли!.. Ведь и мы здесь слыхали о новых людях; вот и ждешь, и ждешь, хоть бы поглядеть-то на них. Как же было не закружиться голове, когда он заговорил. Вот, думала, тот новый человек, которого я ждала, о котором мечтала.

Медынов. Да перестаньте, ради бога! Пикарцев — новый человек! Что в нем нового? Только платье, а мозгам да всей-то его душонке сто лет с хвостиком. Кто неустанно работает, кто честно дело делает, тот и новый человек. Нового человека сейчас узнаешь, у него от лица светится.

Наташа. Ах, как недостойно я поступала с вами; как больно мне вспоминать об этом. Простите меня, ради бога!

Медынов. Да довольно уж вам прощенья-то просить; поговорим об чем-нибудь другом, хоть о погоде.

Федосья Ивановна. Да полно тебе убиваться-то! Алексей Парфенович твою обиду давно забыл. Кабы ты знала, что он о тебе вчера вечером со мной говорил! Сказать, Алексей Парфенович?

Медынов. Говорите! Я затем и пришел. Что в жмурки-то играть!

Федосья Ивановна. Да ведь он тебя любит… И уж не знаю, за мои ли молитвы, за твою ль простоту тебе бог дает… Ну, как это сказать?.. Ведь он все-таки не равный… все-таки барин… не то что Семен; тот сватается; ну, а он, скажем хоть так, тебя замуж берет.

Наташа. Ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Медынов. Ну, давайте руку! Что тут долго разговаривать-то!

Наташа *(в смущении)*. После, после, не теперь!

Медынов. Чего еще ждать-то? Уж я ждал довольно. Не игрушки ведь это… Я вам руку даю… А у меня где рука, там и голова.

Наташа медленно подходит, берет руку Медынова и крепко сжимает ее.

Ну, вот так-то; теперь крепко будет. Бабушка, целоваться не заставляйте, я стыдлив.

Федосья Ивановна. Ах, батюшка, да как хочешь.

Входят Пелагея Климовна и Семен.

VII

Наташа, Медынов, Федосья Ивановна, Пелагея Климовна, Семен.

Пелагея Климовна *(у двери)*. Ах, ты… чтоб тебе пусто было! *(Выходит на середину.)* Уж как разобидел, уж как раскостил!

Семен. Да мало ль что он брешет; ничего он с вами не поделает. Одно слово — скорпион, но только все ехидство так при ём и останется.

Пелагея Климовна *(Наташе)*. Это ты что же, сударушка? Опять меня в дуры превозвела?

Федосья Ивановна. Да полно ты шуметь-то! Протри глаза да погляди хорошенько!

Медынов *(показывая Наташину руку)*. Видите? Вот она, тут!

Пелагея Климовна. Это что еще? Какие такие еще новости?

Медынов. Аль в зятья не гожусь? Не ожидали? Мало ль что бывает. Это чудо еще невеликое, и не то случается.

Пелагея Климовна. Ах, батюшка, да рада-радехонька. Что уж и говорить; дело это нехудое, а

чего лучше ребовать нельзя.

Медынов. Ну, так и нечего толковать!

Разговаривает тихо с Наташей.

Семен. Это, значит, я сдуру-то на чужое веселье попал… что ж, видно, так тому и быть. Проздравляю. Потому, Наталья Михайловна, уж коли вам судьбу свою надо было найти — так уж лучше и, значит, душевнее Алексея Парфеновича во всем белом свете не сыскать! Выворачивалось у меня сердце наизнанку и, может, еще будет выворачиваться, а все же, так надо сказать, что слава богу.

Пелагея Климовна. Ну, уж теперь Щемилов со мной не разговаривай! Больно ему высоко до меня, много я его превозвышенней стала.

Семен. Проздравлять, так проздравлять. И сейчас сантуринскго. *(Подходя к столу.)* Это оно, что ли?

Пелагея Климовна. Оно самое.

Семен *(берет рюмку)*. Чинно, тихо и с поклоном. Алексей Парфенович, Наталья Михайловна! Проздравляем и оченно много всякого благополучия желаем. Вот и конец!

Федосья Ивановна, **Пелагея Климовна**. Давай бог, давай бог!

Комментарии

Василиса Мелентьева[*]

Печатается по последнему прижизненному собранию сочинений А. Н. Островского *(том VI, изд. Н. Г. Мартынова, 1885)*, со сверкой текста по журналу «Вестник Европы» *(1868, кн. 2)*.

Драма «Василиса Мелентьева» написана Островским при соучастии С. А. Гедеонова.

Степан Александрович Гедеонов *(1815–1878)*, сын директора императорских театров А. М. Гедеонова, в 1846 году поставил в Александрийском театре свою драму «Смерть Ляпунова». В 1867 году он был назначен директором императорских театров, и в этом же году произошло свидание Гедеонова с Островским. В «Воспоминаниях об Островском» П. М. Невежин приводит слова великого драматурга: «Генерал написал хронику „Василиса Мелентьева“ и призвал меня, чтобы я переработал сюжет и придал пьесе литературную форму» *(«Ежегодник императорских театров», вып. VI, 1910, стр. 11)*.

В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина хранится черновая рукопись «Василисы

Мелентьевой». *(Опубликована полностью Н. П. Кашиным в 1912 г. в его книге «Этюды об А. Н. Островском».)* Текст этой рукописи, четко переписанный чернилами писарской рукой, содержит первые три действия и вторую сцену четвертого действия пьесы, не имеющей заглавия. Эта «писарская» рукопись является тем текстом, который Островский получил из рук Гедеонова для переработки и завершения начатой драмы. В «писарский» текст рукою Островского карандашом внесены большие изменения, исправления, замены; целые куски текста зачеркнуты и заменены новыми; заглавие «Василиса Мелентьева» написано рукою Островского.

Усиленно работая в октябре 1867 года над «писарским» текстом «Василисы Мелентьевой», Островский трудился прежде всего над переработкой первых трех действий драмы и затем над созданием четвертого и пятого действий. Островский внес существенные перемены в мотивировку действия. В «писарском» тексте главное действующее лицо — царица Анна. Колычев горячо, преданно любит Анну, и все усилия его направлены на то, чтобы спасти ее от гибели, предрешенной Малютой, Василисой и царем. Усилия эти безуспешны: царица гибнет. На этом

оканчивается текст «писарской» рукописи. Наоборот, в созданной Островским пьесе ведущей героиней стала Василиса, царица Анна превратилась в фигуру второго плана. Исход действия получился иной: Колычев пылает страстью к Василисе, и по ее требованию он отравляет Анну.

В результате работы Островского первоначальный замысел посредственной романтической мелодрамы с условно театральными фигурами злодеев *(Василиса, Грозный)* и добродетельных лиц *(царица, Колычев)* превратился в высокохудожественную историческую драму с реалистически очерченными образами действующих лиц. Вялый прозаический стих преобразился в превосходную стихотворную речь народного драматурга-поэта.

Исторический материал для замысла пьесы Гедеонов взял из тома IX «Истории Государства Российского» Карамзина *(стр. 161–162, изд. Эйнерлинга, СПБ., 1843)*. В понимании личности Грозного и его исторического значения Гедеонов покорно следовал за Карамзиным, который изображал царя с точки зрения его врагов — «княжат» и бояр во главе с Курбским. Это карамзинское освещение личности Грозного, с непониманием исторического значения его царствования,

в известной мере отразилось и на образе царя в драме Островского, где все внимание автора сосредоточено не столько на государственной и политической деятельности Грозного, сколько на его частной жизни.

18 ноября 1867 года «Василиса Мелентьева» была одобрена Театрально-литературным комитетом для представления на императорских театрах, а 22 ноября того же года разрешена драматической цензурой, которая изъяла из пьесы обращение Грозного «Во имя отца и сына и святого духа» в его речи к боярам *(д. 1, сц. 2, явл. 9)* и его же упрек Малюте: «Ты б поджарил легонечко, так все бы рассказала» *(д. 3, явл. 6)*.

Первое исполнение «Василисы Мелентьевой» состоялось 3 января 1868 года в Москве, в Малом театре, в бенефис П. М. Садовского, исполнявшего роль Воротынского. Роль Василисы Островский дал Г. Н. Федотовой и помогал ей в работе над ролью; артистка «выполнила все его требования». *(«Воспоминания Г. Н. Федотовой», «Русское слово», 1911, № 125.)* Другие роли исполняли: Грозного — И. В. Самарин, Анны — Н. А. Никулина, Малюты — В. А. Дмитревский, Колычева — Н. Е. Вильде, Морозова — В. И. Живокини, Мамки — Е. Н. Васильева.

В Петербурге «Василиса Мелентьева» была поставлена на сцене Мариинского театра 10 января 1868 года в бенефис П. И. Григорьева 1-го, исполнявшего роль Морозова. Другие роли исполняли: Василисы — Е. В. Владимирова, Анны — Е. П. Струйская, Грозного — В. В. Самойлов, Воротынского — Ф. А. Бурдин, Малюты — Л. Л. Леонидов, Колычева — П. С. Степанов.

В большинстве дворянско-буржуазных органов печати *(«С.-Петербургские ведомости», «Весть» и др.)* драма получила отрицательную оценку.

Положительную оценку «Василиса Мелентьева» встретила в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова: «Интерес публики, неизменный к произведениям ее любимого драматурга, на этот раз еще увеличился от ходивших заранее слухов об этом будто бы лучшем из его исторических трудов. Прибавленные к имени автора таинственные *** сотрудника ничего не убавили в глазах публики… Мы не возьмемся решить: точно ли „Василиса Мелентьева“ лучшее из исторических сочинений автора „Свои люди — сочтемся“ и „Грозы“. Мы вообще более расположены к его неисторическим, бытовым драмам; но, кажется, можно сказать безошибочно, что для сцены — это лучшая из исторических его

драм. Притом она уже действительно драма, а не хроника: развитию страстей души человеческой уступлено в ней главное место, а история служит более средством, нежели целью». *(«Отечественные записки», 1868, № 1, стр. 130–131.)*

Писатель И. А. Гончаров в своем цензорском отзыве о «Василисе Мелентьевой» писал: «Г. Островский, как талант первого разряда… создал произведение, которое, без сомнения, произведет заслуженный успех». *(Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Изд. «Прометей», СПБ., стр. 157.)*

Об исполнении «Василисы Мелентьевой» в Москве Островский в 1869 году писал директору императорских театров С. А. Гедеонову: «„Смерть Грозного“ и „Василиса Мелентьева“ могут итти только при особенно благоприятных условиях, так как в них заняты постоянно нужные на Большом театре хористы и балетные фигуранты, которых мы тоже заставляем разговаривать. Даже для бытовых пьес недостает персонала». А в «Записке о причинах упадка драматического театра в Москве» *(1881 г.)* Островский вспоминал: «Поставленные даже в таком непривлекательном виде, исторические пьесы все-таки очень нравились публике, особенно две: „Смерть Грозного“ и „Василиса Мелентьева“. Они

ного“ и „Василиса Мелентьева“; сколько раз они ни шли, — цена на места в руках барышников постоянно удваивалась, а иногда и утраивалась».

Несмотря на неблагоприятные условия постановки, исполнение ролей Василисы — Г. Н. Федотовой и Анны — Н. А. Никулиной, как и исполнение ролей Воротынского — П. М. Садовским и Малюты — В. А. Дмитревским, в Малом театре стояло на большой художественной высоте и содействовало крупному успеху пьесы.

Несмотря на слабость исполнения на сцене Мариинского театра, «Василиса Мелентьева» имела в Петербурге успех не меньший, чем в Москве. «Отечественные записки» отмечали этот успех: «Островский в оба представления выходил по нескольку раз на вызовы публики… В первые два представления билетов не было уже накануне. Судя по множеству неудовлетворенных требований и по тому, что третье представление назначено для второго бенефиса *(первое тоже шло в бенефис)*, надо полагать, что театру не скоро суждено опустеть на „Василисе Мелентьевой“».

В 1872 году «Василиса Мелентьева» была запрещена для представления, в провинциальных театрах. Лишь изредка ее представления дозволялись по особому ходатайству губернаторов.

В 1880 году запрещение «Василисы Мелентьевой» было распространено и на частные сцены Москвы и Петербурга. Оставалась пьеса под запретом и для народных театров.

Настоящим знакомством с «Василисой Мелентьевой» публика провинциальных театров обязана Г. Н. Федотовой, лучшей исполнительнице роли Василисы. После возобновления пьесы в 1894 году в Малом театре в свой бенефис Федотова в заявлении в Главное управление по делам печати, указав, что в своих театральных поездках по России она встречает «препятствия к постановке пьесы А. Н. Островского „Василиса Мелентьева“», писала: «Мне это в особенности кажется странным, так как покойный Островский именно мне впервые поручил исполнение этой роли», и просила «снабдить» ее «письменным разрешением на постановку этой пьесы в разных городах России». Такое разрешение было Федотовой дано, и в 1894–1898 годах она с огромным успехом сыграла роль Василисы 68 раз в 65 городах.

Только после революции 1905 года исполнение этой пьесы стало более доступно для русского театра, однако еще в 1913 году было запрещено либретто музыкальной драмы «Василиса Мелентьева».

Роль Василисы была в репертуаре многих виднейших артисток русской сцены — П. А. Стрепетовой, М. Н. Ермоловой, М. Г. Савиной, Е. Н. Горевой, М. М. Глебовой, Н. С. Васильевой, А. А. Яблочкиной. Образ Грозного с особой удачей воплощали М. И. Писарев, П. М. Свободин, Ф. П. Горев.

В 1899 году М. Г. Савина в роли Василисы Мелентьевой с успехом гастролировала в Берлине и Праге.

«Василиса Мелентьева» всегда печаталась Островским с упоминанием соучастника. Под опубликованной впервые пьесой в «Вестнике Европы» *(1868, февраль)* стоит подпись «А. Островский и Г-в». Однако из всех пьес, написанных в сотрудничестве с другими драматургами, Островский только «Василису Мелентьеву» ввел в свое собрание сочинений. Она появилась в 5-м томе 2-го издания его сочинений *(СПБ., 1870)*, где воспроизведен текст «Вестника Европы», а также в томе VI сочинений в изданиях 1874 и 1885 годов — и всюду стоит подпись «А. Н. Островский и Г ***».

Счастливый день[*]

Печатается по тексту «Отечественных записок» *(1877, № 7)*, со сверкой по двум рукописям пьесы

(Институт русской литературы АН СССР) и по изданию «Драматические сочинения А. Островского и Н. Соловьева», СПБ., 1881.

«Счастливый день» — первая пьеса А. Н. Островского, в которой он вступил в сотрудничество с драматургом Н. Я. Соловьевым.

Николай Яковлевич Соловьев *(1845–1898)* за период с 1865 по 1874 год написал пять пьес: «Куда деваться», «Душевный человек», «Своего рода несчастье», «Слабые нервы», «Разладица», и все они были либо не одобрены Театрально-литературным комитетом, либо запрещены цензурой. В 1875 году Театрально-литературный комитет не одобрил и шестую пьесу Н. Соловьева «Кто ожидал?» — первую редакцию комедии «Женитьба Белугина».

После шести «неодобрений» и «запрещений» его пьес Соловьеву пришлось оставить самую мысль о том, чтобы быть драматургом, и довольствоваться местом учителя в уездном городе.

В 1876 году один из друзей Соловьева передал его рукописи А. Н. Островскому с просьбой помочь Соловьеву. Великий драматург, отметив неопытность Н. Соловьева как драматурга, вместе с тем, признал его несомненную одаренность. Именно высокой оценкой таланта Н.

Соловьева и объясняется глубокая и длительная заинтересованность Островского в литературной и театральной судьбе Соловьева. Островский принимал участие в драматургической работе Соловьева в течение десятилетия *(1876–1886)*; первые же пять лет были временем соавторства Островского и Соловьева.

Следует отметить, что в пьесах, написанных без участия Островского, оказались непреодоленными недостатки Соловьева-драматурга — его склонность к мелодраматизму *(«Медовый месяц»)* и поверхностному комизму положений *(«Прославились»)*. Из пьес Н. Я. Соловьева ни одна *(за исключением «На пороге к делу»)* не имела сколько-нибудь значительного успеха, и в репертуаре удержались лишь пьесы, написанные в соавторстве с Островским.

Высокую оценку помощи Островского находим в письмах Соловьева. 5 сентября 1877 года Соловьев отмечал: «Вы решительно воздвигаете меня среди моей невеселой жизни, и каждое ваше слово вливает в меня новую энергию; если я буду иметь какой-нибудь успех, достигну чего-нибудь, то всегда с истинною признательностью назову вас человеком, выхватившим меня, кому я всем обязан». *(Переписка А. Н. Островского с Н. Я. Соло-*

вьевым. Вступительная статья и комментарии Д. И. Малинина. «Труды Костромского научного общества по изучению местного края». Выпуск XII. Литературный сборник 1, Кострома, 1928, стр. 37.)[11]

В другом письме, от 1 ноября 1878 года, Н. Соловьев писал: «Ваше сотрудничество со мной — это моя гордость и главная награда, и я знаю, что лучшей образовательной школы драматического писателя, как у вас, под вашей рукой, я не найду». *(Малинин, 48.)*

«...Я только о том и хлопочу, — писал о Соловьеве Островский, — чтобы заставить его зарабатывать свой успех задним числом, т. е. самым прилежным образом изучать технику драматического искусства, для того, чтобы стать мастером и легко и с умением распоряжаться тем материалом, который дает ему его талант». *(П. Морозов. Островский в его переписке, «Вестник Европы», 1916, кн. 10, стр. 75.)*

Доля участия Островского в каждой пьесе, написанной в сотрудничестве с Н. Соловьевым, различна, но совершенно несомненно то, что Островский своим участием неизменно увеличи-

---

[11] Примечания: 11

Ссылки на это издание в дальнейшем обозначаются; Малинин, и указываются страницы издания.

вал идейную значительность и художественную ценность пьес. Он привносил в них ту реалистическую правдивость, ту зоркость художника критического реализма, с которою сам изображал русскую действительность 70-х годов. Оскудение и разложение класса дворянства, новый фазис в жизни класса буржуазии изображены в пьесах «Дикарка», «Светит, да не греет», «Женитьба Белугина»[12] в том же критическом освещении, с каким показаны они в пьесах самого Островского, написанных в ту же эпоху *(«Бесприданница», «Сердце не камень», «Невольницы»)*. Как великолепный мастер техники драматического искусства, Островский усиленно трудился над тем, чтобы придать пьесам, написанным в соавторстве с Н. Соловьевым, большие, чисто театральные достоинства — стройность построения и сценичность. Как великий знаток живой русской речи, Островский много поработал над языком персонажей, добиваясь красочности и яркости речи и вместе с тем — ясности, сжатости

[12] Примечания: 12

Пьеса «На пороге к делу», вошедшая в первое издание «Драматических сочинений А. Островского и Н. Соловьева» *(СПБ., 1881)*, исключена из настоящего издания, так как Островский признавал ее принадлежащей одному Н. Соловьеву. 23 января 1879 года он писал Бурдину: «Пьесу „На пороге к делу“ Соловьев написал всю сам и писал ее у меня в деревне». В связи с постановкой ее на сцене он также писал Бурдину: «Пьеса не моя, и пусть Соловьев распоряжается как знает».

и выразительности диалогов.

Пьеса «Счастливый день» первоначально называлась «Всех устроила! Сцены в захолустье из минувшего невозвратно». Она была окончена Соловьевым 7 июня 1876 года в Щелыкове, имении Островского.

Рукописи пьесы позволяют установить характер работы Островского над пьесой «Счастливый день». Это, во-первых, писанный рукой Соловьева текст пьесы, под которым находится им же поставленная дата «1876 г. Июня 7». Этот текст носит на себе правку Островского: вычерки отдельных мест, стилистические исправления, вставки и замены отдельных слов, перестановки некоторых кусков текста и т. д. Но все более крупные вставки в пьесу *(числом 21)*, реплики, диалоги, Островский не вносил в рукописный текст Соловьева, а собственноручно записывал в отдельную небольшую тетрадь. Наибольшее количество нового текста внесено Островским в первое действие.

Так, в рукописи Соловьева действие происходило в 1870 году. Пьеса начиналась словами почтмейстера, читающего свежие газеты: «Париж взят… Наполеон в плену!.. Гм… дипломатический горизонт… Гроза!.. Бисмарк!.. Что думает сей

ум, что он еще намерен!» Островский перенес действие пьесы в эпоху войн Сербии и России с Турцией *(1876–1877)* и тем увеличил интерес пьесы для зрителя, смотревшего ее впервые осенью 1877 года. Почтмейстера Ивана Ильича Снигирева Островский переименовал в Ивана Захаровича Сандырева. Генерал Шульгин был переименован в Шургина.

Как видно из сравнения двух редакций пьесы «Счастливый день», Островский много внимания уделил языку действующих лиц.

Вот перечень тех вставок, которые сам Островский внес в особую тетрадь как более значительные:

Действие 1. В явлении 1 Островскому принадлежит начало, от слов Сандырева: «Малый Зворник» до его же реплики: «Каша из горшка ушла, что ли?», и конец, от слов Сандыревой: «Вот это хорошо…» до реплики Сандырева: «Нет, Малый Зворник» включительно; во 2-м явлении от слов Сандырева: «Ну, подожди! За мной не пропадет» до реплики его жены: «Вы только посудите, что у нас на руках». Островскому принадлежит, за исключением двух-трех фраз, большая часть 3-го явления — от слов Солдатки: «Бежал бы без оглядки» до ухода Сандырева. В

4-м явлении Островским написано начало до слов Сандыревой: «Не к лицу она нам с тобой». В явлении 5-м перу Островского принадлежат две реплики Нивина и Липочки от: «Не заметно-с!» до: «Отравите меня», ряд возражений Нивина против этого «отравления», и все дальнейшее от слов Липочки: «Василий Сергеевич! Сделайте такую милость!» до конца явления. В 6-м явлении Островский вписал обмен репликами между Сандыревой и Нивиным от его слов: «Так вы хотите лечить ее?» до слов в его же реплике: «как рукой снимет». В 8-м явлении Островский вставил две реплики Насти и Липочки от обращения первой: «Сестрица!» до ухода Липочки.

Во 2-м действии вставки Островского сосредоточены в 3-м и 4-м явлениях — в сцене объяснения Насти с Ивановым. Сюда относятся: 1) три последние реплики 3-го явления, 2) четыре первые реплики 4-го явления и в том же явлении от слов Насти: «К кому — к нам?» до слов Нивина: «тоже-с», от вопроса Насти: «В кого же вы влюблены?» до слов Иванова: «еще не было случая-с», от восклицания Насти: «Ух, как хорошо!» до конца явления. В 7-м явлении Островскому принадлежат четыре реплики от слов Шургина: «Как — человеколюбие?» до ответа Сандырева: «Точно так, ваше

превосходительство». В 12-м явлении вставлена Островским реплика Михаленки, начинающаяся словами: «Ни-ни-ни…»

В 3-м действии Островскому принадлежит все 1-е явление, исключая кусок текста от слов Сандыревой: «Ну, так я вам объясню» до ее же: «Шарманку на плечи?» В 6-м явлении Островский включил реплику Нивина: «Показывать свету…» В 7-м явлении Островскому финадлежит реплика Нивина: «Помните, я говорил…» и весь конец явления от слов Липочки: «А теперь надо поверить вам?» 9-е явление принадлежит Островскому, исключая первые пять реплик. Финал пьесы *(явление 10-е)* от слов Насти: «Мы, мама, с Петром Степанычем за музыкой послали» — до конца также принадлежит Островскому.

По поводу этих изменений Соловьев писал Островскому 5 сентября 1877 года: «Я читал „Счастливый день“ — все, внесенное вами, прекрасно, и пьеса вышла много оживленнее». *(Малинин, 37.)*

Пьеса «Счастливый день» появилась в «Отечественных записках» в 1877 году за подписью «Щ…»; эта подпись повторяет ту, которую Островский собственноручно поставил на тетради своих вставок в текст Соловьева «Щ-ский», то есть «Щелыковский».

Пьеса «Счастливый день» впервые поставлена в Малом театре 28 октября 1877 года, в бенефис М. А. Дурново, исполнявшего роль Михаленко; другие роли исполняли: супругов Сандыревых — С. В. Шумский и С. П. Акимова, Настю — В. П. Музиль-Бороздина, Липочку — Е. С. Шуйская, Шургина — В. А. Макшеев, Нивина — М. П. Садовский, Иванова — Н. И. Музиль. Островский сообщал Соловьеву: «Пьеса „Счастливый день“ имела большой успех: артистов вызывали после каждого акта и некоторых даже после сцен». *(Малинин, 38.)*

В Петербурге «Счастливый день» был представлен 14 ноября в Александрийском театре в бенефис А. М. Читау, игравшей Сандыреву; Сандырева исполнял Ф. А. Бурдин, Настю — М. Г. Савина, Шургина — К. А. Варламов, Иванова — Н. Ф. Сазонов, Михаленко — И. Ф. Горбунов. «И в Петербурге пьеса „Счастливый день“ имела большой успех», — сообщал Островский Соловьеву. *(Малинин, 39.)*

В репертуаре советского театра пьеса «Счастливый день» появилась с первых дней революции. Так, 17 августа 1919 года комедия была представлена на одном из фортов Кронштадта. «Замечательно то, — говорится в отзыве об этом

спектакле, — что за полным отсутствием всего необходимого в оборудовании театра, как-то отсутствие декораций, электрического света, бутафории, мебели и пр., спектакль был поставлен выше всяких похвал. Артистов чуть ли не носили на руках». *(Газета «Красный Балтийский флот», П., 1919, № 44, 31 августа.)*

Из советских постановок пьесы «Счастливый день» наиболее примечательной была постановка в ленинградском Новом театре в 1939 году, около десяти лет державшаяся в репертуаре.

Дикарка[*]

Печатается по тексту «Вестника Европы» *(1880, кн. 1)* со сверкой по изданию «Драматические сочинения А. Островского и Н. Соловьева» *(СПБ., 1881)*.

19 июля 1877 года Соловьев писал Островскому из Масальска: «У меня почти готова вчерне новая пьеса; она выходит серьезнее, нежели я думал прежде. Если позволите, то осенью… я пришлю ее вам; приговор ваш для меня драгоценен». 14 декабря Соловьев сообщал: «Новую пьесу свою я окончил; это — драма в 5 действиях, с названием „Без искупления“». *(Малинин, 35, 39.)*

В декабре 1877 года Соловьев приехал в Москву и познакомил Островского с пьесой «Без искуп-

ления», которая заинтересовала Островского. Тут же был составлен «сценариум», по которому Соловьеву предстояло переработать пьесу. 23 января 1878 года Островский писал Соловьеву: «Думайте больше о „Дикарке“ и сообщайте мне все, что вы придумаете для нее. Я сам об ней постоянно думаю: мысль богатая». Соловьев ответил 9 февраля: «Я рад от души, что мысль новой вещи моей вам нравится; она меня сильно занимает в настоящее время… Мне все-таки неотразимо мерещится конец этой вещи вполне драматический, именно смерть жены Ахметьева, и здесь же, как заря новой жизни, эта „парочка“ — Рязанцев и Варя». *(Малинин, 41.)*

Переработка давалась Соловьеву с трудом, он 2 марта писал Островскому: «Я очень занят теперь новой пьесой. Но когда я вторично взялся за нее и подумал, то ни силы, ни права не нашел в себе переламывать внутреннее движение пьесы и касаться главного лица *(Ахметьева. — С. Д.)*, придавая ему новые оттенки… Если я не напишу новую пьесу по составленному нами сценариуму, то, повторяю искренно, это происходит именно оттого, что новая моя пьеса какая-то „интимная“ для меня». *(Малинин, 42.)*

В июле 1878 года Соловьев сообщал Остров-

скому: «…Я оканчиваю пьесу, — я сделал в ней переделки по вашему совету; во 1-х, я сделал перестановку сцен, изменил кое-что и сократил монологи; во 2-х, лицо Рязанцева теперь уже у меня не облечено военным геройством, и он является и сходится с Варей неожиданно и, в 3-х, жена Ахметьева уходит, в заключение, в монастырь. Веселое лицо Боева я не уничтожаю; мне кажется, что в общем расчете пьесы он не лишний». *(Малинин, 45.)*

В новом варианте пьеса называлась «День расплаты» и имела подзаголовок: «комедия в пяти действиях» *(Институт русской литературы АН СССР)*. В этом варианте Соловьев сделал попытку переделать свою драму «Без искупления» по тому новому «сценариуму», который предлагал ему Островский, но остановился на полпути.

В августе 1878 года Соловьев привез «День расплаты» в Щелыково. На экземпляре пьесы сохранились следы чтения ее Островским. Этих следов немного: перемена названия пьесы «День расплаты» на «Дикарка», несколько вычерков и карандашных помет. Текст пьесы Островский на этот раз не правил, так как был в корне не удовлетворен работой Соловьева. 26 августа он писал Бурдину: «Соловьев… привез только за-

родыш пьесы, только материал, над которым надо долго и прилежно работать, а может быть, и бросить и взять другой сюжет. Соловьеву торопиться и неглижировать теперь невозможно: надо написать что-нибудь очень хорошее *(а это не легко)*, потому что провалиться после огромного успеха „Белугина“, значит погубить всю свою будущность»

В феврале 1879 года Островский писал Соловьеву: «Над „Дикаркой“ уж вы довольно поработали; предоставьте остальное мне; я ее кончу к лету непременно».

Летом 1879 года Островский усиленно занялся «Дикаркой» и 18 августа извещал Соловьева: «„Дикарки“ два акта готовы, к сентябрю ее кончу и привезу в Москву, тогда вас уведомлю». 15 сентября Островский сообщал ему же: «Над „Дикаркой“ мне гораздо больше труда, чем над „Белугиным“; я пишу ее всю снова с первой строки и до конца; новые сцены, новое расположение, новые лица».

Последнее сообщение Островского вызвало такой отклик Соловьева: «Я горячо благодарю вас за труд над „Дикаркой“: из последнего вашего письма я вижу, что вы значительно переделали ее, так что, может быть, это совсем новая пьеса; пьеса, на которую, я уже не знаю, какое я буду

иметь право? Я искренно прошу вас, Александр Николаевич, поставить под ней и ваше имя». *(Малинин, 57, 60, 61.)*

И действительно, законченная Островским осенью 1879 года «Дикарка» была совсем новая пьеса с новыми сценами, новым расположением действия, с новыми лицами.

Новыми лицами, введенными Островским, являются слуги — Гаврило Павлыч и Сысой Панкратьевич. Из пьесы исключен образ удалого молодца красавца, удачливого соперника Ахметьева, который у Соловьева появлялся то в лице Боева-племянника, то Рязанцева-сына. Его заменил Мальков, лицо, всецело принадлежащее перу Островского.

Новым лицом, по существу, является и Ашметьев, — Островский лишил его того внутреннего драматизма, который стремился придать ему Соловьев. Если самая его фамилия у Соловьева — «Ашетьев» — говорила о происхождении этого дворянина от одного из мурз Золотой орды, то переменой всего одной буквы — «Ашметьев» — Островский заставил зрителя ассоциировать фамилию этого барина-эстетика с отрепками, обносками, — чем-то ветхим, никуда негодным. Островский превратил Ахметьева из героя драмы

о незаурядном человеке, терпящем трагическое крушение, в персонаж из комедии о дворянском оскудении и разложении. Соловьев писал Островскому: «Ашметьев в конце производит впечатление жалкого, ничтожного, и ни одного взмаха той силы, которая виделась в нем в первых актах». *(Малинин, 62.)*

Новым лицом является и Марья Петровна. Островский коренным образом перестроил всю жизненную судьбу этой молодой женщины. У Соловьева история ее любви к Ашметьеву завершается в первом варианте пьесы трагически: она кончает самоубийством, во втором варианте она уходит в монастырь. Островский дает третий вариант: молодая женщина, разуверившись в достоинствах Ашметьева и желая начать жизнь сызнова, покидает мужа. «Я завожу свое хозяйство и переезжаю на свою ферму». О том, какой коренной переработке подверг Островский этот образ, свидетельствует сам Соловьев: «Что мне делать с моим идеализмом — лицо Марьи Петровны никак не вяжется в моей голове с фермой, моя Марья Петровна никак не может стать такой сухо деловой, трезвой женщиной». *(Малинин, 62.)* Островский возражал Соловьеву: «Это лицо в вашем оригинале не представляет ничего

жизненного и только мешает ходу пьесы… Для пьесы жена Ашметьева не нужна, она нужна, как пандан и дополнение к Малькову».

Из всех образов пьесы дикарка Варя и добродушный ленивец Боев остались наиболее близки к замыслу Соловьева и к тексту «Без искупления». Но не Ашметьева, а Варю Островский поставил в центр пьесы и ее прозвищем «дикарка», отражающим ее свободную, живую, правдивую натуру, озаглавил пьесу.

В письме к Соловьеву от 13 октября 1879 года Островский характеризовал Малькова как антипод Ашметьеву: «Ашметьев — тунеядец, воспитывающий свое эстетическое чувство на крестьянские деньги; Ашметьев — эгоист, готовый поблажать всякую дурь в женщине, только бы ему было это наруку; Мальков жестоко посмеется над такой женщиной и даже обругает, как бы дорога она ему ни была. Ашметьев прогуливается по картинным галлереям, Мальков возится с купоросным маслом».

Но говоря про Малькова, что он «трудится сам» и называя его деньги «трудовыми», Островский впал в несомненную ошибку: Мальков — представитель буржуазии, он — хозяин химического завода, на котором трудятся рабочие. В Малькове

Островский, однако, сохранил другую черту молодого представителя класса буржуазии. Если в варианте Соловьева арендой и покупкой дворянских имений занимался отец молодого Рязанцева, Глеб, то Островский, упразднив роль отца, заставил заниматься этим делом самого Малькова: он покупает по дешевой цене лес у Ашметьева и, женившись на Варе, выражает надежду: «Годика через два-три мы с тобой купим у них это имение, и с парком, и с Миловидой». Этими словами о торжестве буржуа над разорившимся вконец поместным дворянином оканчивается «Дикарка».

Смысл всей своей работы над пьесой Островский определил в словах: «Моей задачей было сделать комедию из „Дикарки“». Утверждая, что в пьесе, написанной им, «не только нет ни одного характера или положения, но нет и ни одной фразы, которая бы строго не вытекала из идеи», Островский следующим образом формулировал для Соловьева эту идею. «А идея моя вот какая, постарайтесь ее понять. Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя *(во имя вечной правды)* разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлились и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь

отживают идеалы 40-х годов — эстетические дармоеды вроде Ашметьева, которые эгоистически пользуются неразумием шальных девок, вроде „Дикарки“, накоротке поэтизируют их и потом бросают и губят. Идея эта есть залог прочного литературного успеха нашей пьесы и, как смелое нападение на тип еще сильный и авторитетный, в высшей степени благородна».

Это «нападение» на лжегероев дворянского легкожития, мнимых представителей образованности и культуры, бездельничавших на крепостных хлебах, — характерная черта творчества Островского.

О Малькове Островский счел долгом написать Соловьеву: «Что в Малькове мало типического — это не беда; этот тип еще не сложился в жизни, о чем Мальков и сам говорит в 4-м акте. Когда автор берет себе задачей отрицание старого идеала, то нельзя от него требовать, чтобы он сейчас же вместо старого ставил новый. Когда старый идеал износится, тогда он начинает, прежде всего, противоречить всему жизненному строю, а не новому идеалу».

Оценивая работу Островского над «Дикаркой», Соловьев писал ему: «Горячо благодарю вас за „Дикарку“, — в таком виде она, конечно, больше

ваша, нежели моя, и я искренно рад, что под ней стоит и ваше имя: это так справедливо и для меня очень дорого… Все сделанное вами я принимаю с живою признательностью, а язык — и говорить нечего — как хорош, новые лица живы, интересны!» *(Малинин, 62.)*

Впервые «Дикарка» напечатана в «Вестнике Европы» *(1880, кн. 1)* за двумя подписями: «А. Островский и Н. Соловьев».

На сцене «Дикарка» была впервые поставлена, под наблюдением Островского, в Москве, в Малом театре, 2 ноября 1879 года, в бенефис Н. А. Никулиной, исполнявшей роль Вари. В других ролях выступили: Н. М. Медведева *(Ашметьева)*, М. Н. Ермолова *(Марья Петровна)*, И. В. Самарин *(Ашметьев)*, Н.

И. Музиль *(Зубарев)* М. А. Решимов *(Вершинский)*, В. А. Макшеев *(Боев)*, М. П.

Садовский *(Мальков)* и другие.

12 ноября «Дикарка» была поставлена в Петербурге, в Александрийском театре, в бенефис Е. И. Левкеевой. Здесь играли: Варю — М. Г. Савина, Ашметьеву — А. М. Читау, Марью Петровну — А. М. Дюжикова, Ашметьева — И. П. Киселевский, Зубарева — А. А. Нильский, Вертинского — М. М. Петипа, Боева —

Ф. А. Бурдин, Малькова — Н. Ф. Сазонов.

«Дикарка» имела большей успех и в Москве, и в Петербурге.

«Поздравляю! — писал Островский Соловьеву 3 ноября. — Пьеса имела успех и очень понравилась. Мало того, что театр был полон совершенно; все билеты были разобраны уже накануне, и вчера, в бенефис Никулиной, уж продавали билеты на бенефис Колосова, который назначен завтра». *(Малинин, 70.)*

В Петербурге успех, благодаря исполнению М. Г. Савиной роли Вари, был еще больше. «Публика принимала пьесу очень хорошо, театр был полон, — писал Соловьев Островскому 22 ноября. — „Дикарка“ делает свое дело: с каждым разом ее принимают горячей». К половине декабря пьеса прошла 16 раз при полных сборах. *(Малинин, 71.)*

В провинции пьеса также имела большой успех. В 1880–1886 годах она выдержала по 42 представления в год. *(А. Н Островский. Дневники и письма. Под ред. В. Филиппова. Academia. М., 1937)*.

В дальнейшей сценической истории пьесы «Дикарка» событием было возобновление ее 16 февраля 1899 года в Александринском театре, в

бенефис В.

Ф. Коммиссаржевской. Артистка создала замечательный образ русской девушки с вольной душой и с неистощимым запасом любви к жизни. В своих гастролях 1900–1910 годов Коммиссаржевская показала «Дикарку» во многих городах России.

В консервативной печати сотрудничество Островского с Соловьевым было встречено враждебно. Так, реакционер К. Леонтьев в статье «Еще о „Дикарке“» *(«Варшавский дневник», 1880)* писал о воздействии Островского на Соловьева как о «вредном влиянии» реалиста и демократа.

В 1892 году «Дикарка» была запрещена для народных театров. В неизданном рапорте цензора Альбединского сказано: «Эта комедия, по моему убеждению, не годится для народного театра. Старуха Ашметьева, помещица прошлых времен, находящая, что после освобождения крестьян не следует о них заботиться; сын ее, пожилой жуир, дурной муж, проживающий свои доходы за границей, пустой и изящный болтун; Зубарев, крупный помещик-кулак; Вершинский, значительный столичный чиновник-карьерист, добивающийся положения и состояния без разбора средств; беспутный добрый малый Боев; даже

Мальков, который лучше всех прочих; героиня пьесы, дикарка Варя — все это не такие типы высшего сословия, которые бы следовало выставлять народу в виде образцов этого сословия».

Правдиво изображающая разложение класса дворян, пьеса «Дикарка» после Октябрьской социалистической революции неоднократно с большим успехом шла в театрах Москвы, Ленинграда и других городах нашей страны.

Светит, да не греет[*]

Печатается по тексту журнала «Огонек» *(1881, №№ 6, 7, 8, 9, 10)*, с исправлениями по рукописи *(Институт русской литературы АН СССР)*, и по изданию «Театр Н. Я. Соловьева» *(СПБ., 1886)*.

В начале мая Соловьев в Москве изложил Островскому сюжет новой пьесы — драмы «Разбитое счастье», который был подвергнут ими обсуждению. А 24 июня Островский извещал Соловьева: «Я много думал о вашей пьесе; вот два главные замечания: надо стараться, чтобы она не походила на „Дикарку“, — садовник напоминает то же лицо в моей комедии „Правда хорошо, а счастье лучше“. Жду с нетерпеньем известий о вашей работе».

2 июля Соловьев сообщал Островскому: «Вчерне уже набросал новую пьесу; теперь кое-что от-

делать нужно». В начале августа, в Щелыкове, Соловьев познакомил Островского с текстом новой пьесы, а 26 августа Островский уже писал ему: «Я теперь кончил 1-й акт. После успеха „Белугина“ и „Дикарки“ торопиться нельзя работой, надо положить все силы, какие есть, в этот труд».

Отвергнув первоначальное заглавие «Разбитое счастье» и другое — «На родине», Островский 2 октября написал Соловьеву: «Мы не подберем названия, — что это значит? Это значит, что идея пьесы не ясна; что сюжет не освещен как следует, что в нем трудно разобраться; что самое существование пьесы не оправдано: зачем она написана, что нового хочет сказать автор?.. Озерской — человек с горячей головой и горячим сердцем, но неразвитой и не очень умный, — любовь его к Оле простое чувственное побуждение. В минуту просветления, в 4-м акте, у него мелькнуло в голове, что жизнь его с Олей будет таким же болотом, как жизнь Завалишина с женой. Вот драматизм его положения: он между двух женщин, одной выше, другой ниже; он отталкивает ту, которая ниже его, а которая выше, сама отталкивает его… Пьесу надо назвать: „Светит, да не греет“. — Ренева освещает им их болото, но сама ничего не дает… При таком плане является

контраст, который художественно проводится в пьесе. Завалишин и Озерской, — обоих Ренева осветила, но не согрела; один, как вялый человек, погрязает в болоте, а другой, как горячий, бросается в омут. Напишите, нравится ли вам мой план?»

9 октября Островский извещал Соловьева, что пьеса переписывается. Намеченный «план» коренного изменения характеров Озерского и Оли не был осуществлен великим драматургом, усиленно работавшим в это же время над своей пьесой «Невольницы». Образы Озерского и Оли остались в пьесе «Светит, да не греет» те же, что в «Разрушенном счастье». Без изменения остались и образы Реневой и других действующих лиц пьесы.

По поводу названия пьесы «Светит, да не греет» Островский писал: «В этой пословице выражается не содержание пьесы, а сущность характера Реневой». О других изменениях в пьесе Островский сообщал: «Я изменил фамилии: Реева *(производство от глаголов нехорошо)* теперь Ренева; Завалкшин — фамилия известная, и их много в Москве — у меня Залешин. Озерского я изменил в Рабачева. Рабач значит коренастое, кряжистое дерево, но вместе с тем суковатое и неукладистое.

Худосоков — вы и сами находите, что нехорошо; теперь Худобаев. — Рабачев медлит свадьбой с Олей, потому что находит в таких отношениях более поэзии. „В браке еще наживемся, говорит он, еще надоест. Посмотри вон на Залешиных“. Это дает целую черту его характеру».

В пьесе Соловьева отец Оли хотел выдать ее замуж за станового пристава. «Станового я совсем вон, — сообщал Островский, — по-моему, перспектива быть женой станового только нарушает поэтичность характера Оли и ничего не придает пьесе».

На рукописном экземпляре пьесы «Светит, да не греет», содержащем 182 листа, из которых листы начиная с 50-го до конца писаны рукою Соловьева, Островским сделаны разнообразные исправления, выпуски и вставки. Островский также подверг внимательной вдумчивой правке язык действующих лиц, добиваясь большей его жизненности и сжатости. Великий драматург уделил особое внимание ответственным местам пьесы, имеющим большое значение для развертывания сюжета, для обрисовки действующих лиц и для драматического построения всей пьесы.

Так, в рассказе Реневой *(д. 1, явл. 6)* Залешину

о своем недавнем «герое» Островский к скупым словам Реневой: «Было много и еще поклонников» — добавил слова, полные сарказма и презрения: «обожателей, которые готовы были целовать мои ноги… Нет! Даже следы моих ног, в надежде, что княгиня даст мне богатое приданое, и которые все потом, под более или менее благовидными предлогами, сначала сконфузились, а потом удалились».

В реплики кулака Дерюгина, беседующего с Худобаевым, Островский внес комический рассказ о «декохте», которым он думает угодить хилому петербургскому барину, заботящемуся о своем здоровье. Реплику Дерюгина: «Всякое дыхание радуется, к примеру» *(д. 4, явл. 1)* Островский дополнил словами, изобличающими в Дерюгине жадного охотника до всяческого приобретательства: «А как рыба плещется; нет, нет, да и ударит, ровно поленом! Что ее здесь, этой рыбищи! Вот кабы невод хороший, пудов пятьдесят зацепить можно».

Островский усилил впечатление, произведенное приездом Реневой на обитателей дворянского захолустья. Образ Реневой также обогащен верной психологической чертой: возбудив в Рабачеве горячее чувство к ней, она боится силы,

искренности этого чувства *(д. 5, явл. 2, диалог с Дашей)*, и, однако, для Реневой вовсе не безразлично узнать то, что она узнает о Рабачеве от Залешина *(д. 5, явл. 7)*.

Другая часть вставок Островского преследует цель углубить драматизм отношений между действующими лицами. За исключением нескольких реплик, Островскому принадлежит все 4-е явление 3-го действия — середина всей пьесы: тут с особой силой высказывается беспредельная любовь Оли к Рабачеву и серьезное ответное чувство Рабачева. Вставка Островского оканчивается выражением сильного порыва Оли: «Ты только отцу-то скажи, а то, пожалуй, увези. Ох, чтото уж и не верится такому счастью!» В 4-м действии *(явл. 3)* вставкой Островского является «восторженное» изумление Реневой красотой лунной ночи *(«Что это там? — Вода, ракитник, белый песок!»)*. Вставки Островского имеются и в 5-м действии.

Наконец наиболее важными и значительными изменениями, внесенными Островским, являются финалы всех пяти действий пьесы. Перу Островского принадлежит финал 1-го действия *(явление 8-е, от слов Оли: «Ну, увидит кто-нибудь» до конца и все явление 9-е)*; Островским

написано явление 11-е 2-го действия, являющееся его заключением; в 3-м действии Островский закончил явление 8-е, от слов Оли: «Мне что-то страшно!» до падения занавеса. Более сложной была работа над финалом, или, точнее, над всей второй половиной 4-го действия. Островскому здесь принадлежит вся вторая половина 3-го явления от реплики Завалишина: «Что это вы?..» *(исключая ответную реплику Оли)*, начало и конец явления 4-го *(кроме куска текста от реплики Реневой: «Как умирать, зачем умирать?» до ее же восклицания: «Вы с ума сошли»)*, все явление 5-е *(исключая кусок текста от реплики Рабачева: «Да говори ты что-нибудь скорей, говори!» до реплики Оли: «За кого отдадут, кто посватается»)* и явление 6-е. В 5-м действии перу Островского принадлежат явления 9, 10 и 11-е, за исключением одной реплики Рабачева.

С окончательной редакцией пьесы, вышедшей из-под пера Островского, Соловьев ознакомился только уже по одному из экземпляров, отпечатанных на гектографе для Театрально-литературного комитета.

Пьеса «Светит, да не греет» была напечатана в еженедельном иллюстрированном журнале «Огонек» *(1881, №№ 6, 7, 8, 9, 10)* за подписью обо-

их авторов.

В первый раз «Светит, да не греет» была представлена 6 ноября 1880 года в Москве, в Малом театре, в бенефис М. П. Садовского, исполнявшего роль Рабачева. В других ролях выступили: Н. А. Никулина *(Ренева)*, М. Н. Ермолова *(Оля)*, О. О. Садовская *(Залешица)*, В. А. Макшеев *(Залешин)*, И. Н. Греков *(Дерюгин)*, Н. И. Музиль *(Худобаев)*.

14 ноября пьеса была сыграна в Петербурге, в Александрийском театре, в бенефис Ф. А. Бурдина, игравшего Худобаева. Другие роли исполняли: Реневу — А. И. Абаринова, Олю — М. Г. Савина, Рабачева — Н. Ф. Сазонов, Дерюгина — В. Ы, Давыдов, Залешина — А. А. Нильский.

В Москве, на первом представлении, пьеса не имела успеха. «Вот что значит отсутствие генеральных репетиций, — писал Островский Бурдину. — В повторении пьеса прошла гораздо лучше и имела успех, в третий раз пройдет еще лучше и будет иметь успеха еще больше… Пьеса слаживается только к четвертому представлению. Успокой Н. Я. Соловьева, пьеса пойдет». Так и случилось. «В последний раз в „Светит, да не греет“ *(4-й спектакль)* театр был битком набит, и пьеса принималась очень хорошо», — писал Островский 20 ноября Соловьеву.

В центре московского спектакля была М. Н. Ермолова, создавшая высокопоэтический, трогательный образ Оли. В 1961 году, при возобновлении пьесы в бенефис Н. И. Музиля *(18 октября)*, великая артистка с огромным успехом исполнила роль Реневой.

«Пьеса, — писал Соловьев Островскому о петербургской премьере, — прошла здесь с замечательным ансамблем и принята публикой превосходно, вышел просто фурор... Повторение „Светит, да не греет“ было еще удачней...» *(Малинин, 87.)*

Критические отзывы дворянско-буржуазной печати были не благоприятны для пьесы.

В советских критических и литературоведческих работах отмечалась тематическая связь драмы «Светит, да не греет» и комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»: обе пьесы изображают дворянскую усадьбу и ее обитателей в состоянии усиливающегося упадка *(«Светит, да не греет»)* и полного падения *(«Вишневый сад»)*.

Блажь[*]

Печатается по тексту «Отечественных записок» *(1881,? 3)*, где пьеса была помещена за подписями: «А. Н. Островский, П. М. Невежин».

Драматург Петр Михайлович Невежин *(1841–*

1919), сообщая в своих воспоминаниях о том, что он, воспитавшись на произведениях великого драматурга, взялся за перо и написал три пьесы, которые были забракованы цензурой, пишет: «Сбитый окончательно с толку, я отправился к Островскому и рассказал свои злоключения. Сюжет моей последней пьесы ему очень понравился, и он одобрил сценарий, но прибавил: „Едва ли вам удастся поладить с цензурой“. Тогда я, набравшись смелости, чистосердечно обратился к нему: „Помогите мне. Без ваших указаний я решительно пропаду. Может быть, вы мне окажете большую честь и, переработав пьесу, удостоите меня чести быть вашим сотрудником“. Так появилась комедия „Блажь“, которая впоследствии была напечатана в „Отечественных записках“ Щедрина; чтобы обойти цензурный гнет, Островский обратил мать в сестру от первого брака… Александр Николаевич внес в мою работу живые сцены, прельстившие покойного Михаила Евграфовича *(Салтыкова)*». *(П. М. Невежин. Воспоминания об А. Н. Островском, «Ежегодник императорских театров», 1909, выпуск IV.)*

Превращая героиню пьесы в старшую сестру Оли и Насти, Островский сделал Сарытову их «крестной матерью» и этим дал им право назы-

вать ее «мамой». Ольга и Настя ни разу в пьесе не называют Сарытову ни «сестрой», ни «крестной», сама Сарытова нигде не называет их «сестрами». То, что она по афише приходится этим девушкам старшей сестрой, а не матерью, почти совсем стушевано в пьесе и вовсе неприметно как раз в наиболее ответственных сценах *(д. 2, явл. 5; д. 3, явл. 5; д. 4, явл. 9 и 10)*. Превратив Сарытову в «крестную мать», Островский сохранил этим для зрителя один из мотивов пьесы: преступление матери, забывающей ради «блажи», страсти к любовнику, о своем материнском долге.

К работе над «Блажью» Островский приступил в конце 1879 года, но только поздней осенью 1880 года принялся вплотную за работу.

13 декабря «Блажь» была одобрена Театрально-литературным комитетом для представления на казенной сцене, 15 декабря дозволена драматической цензурой, а 3 января 1881 года разрешена для печати и опубликована в мартовском номере «Отечественных записок».

Пьеса «Блажь» была поставлена в первый раз в Москве, в Малом театре, 26 декабря 1880 года, в бенефис Н. М. Медведевой, игравшей роль Сарытовой; роль Олыи исполняла М. Н. Ермолова, Насти — М. В. Ильинская, Бондыревой — О. О.

Садовская, Баркалова — М. П. Садовский.

В Петербурге, в Александрийском театре, «Блажь» поставлена была 16 января 1881 года, в бенефис И. Ф. Горбунова, игравшего роль Митрофана. Роль Сарытовой исполняла А. М. Читау, Ольги — А. М. Дюжикова, Насти — М. Г. Савина, Бондыревой — Е. Н. Жулева, Баркалова — М. М. Петипа.

«Что „Блажь“ у вас имеет мало успеха, — писал Островский Бурдину в Петербург, — это меня не очень печалит: где наше не пропадало; зато она в Москве идет раз от разу лучше и делает полные сборы».

Отзывы дворянско-буржуазной критики о пьесе были отрицательные, авторов обвиняли в слишком мрачном изображении действительности.

Пьеса Островского и Невежина, реалистически изображающая упадок поместного дворянства, не могла не вызвать к себе недоброжелательного отношения и со стороны дирекции императорских театров. В мае 1881 года Невежин спрашивал Островского: «Что за невзгоды на нашу пьесу?», а в сентябре повторял свой вопрос: «Не встретилось ли еще какое-нибудь затруднение с пьесой?» *(Неизданные письма к Островскому.)* Пьеса «Блажь» вскоре была снята с репертуара императорских

театров и никогда не возобновлялась.

По словам Невежина, «Блажь» обошла все провинциальные сцены *(«Ежегодник императорских театров», 1909, выпуск IV, стр. 3)*, удержалась в их репертуаре до революции 1917 года, но ставилась редко.

Старое по-новому[*]

Над комедией «Старое по-новому» Островский работал в 1882 году.

В переплетенной тетради в осьмушку, в 82 листа, хранящейся в Государственном центральном театральном музее имени А. Бахрушина *(№ 172303)*, находится текст комедии Невежина, который был передан им Островскому; это — первая редакция пьесы. Текст этот подвергнут Островским большой переработке, шедшей в трех направлениях. Оставив в неприкосновенности сценарий Невежина, состав действующих лиц и последовательный ход действия, Островский: 1) произвел большую работу над языком пьесы: нет ни одной страницы невежинского текста без его гонкой стилистической правки и художественной обработки; 2) внес в текст пьесы большое число новых реплик и 3) зачеркнув ряд отдельных кусков и целых «явлений» пьесы Невежина, заменил их своими. Эти куски

текста Островского, переписанные им самим на целых листах и небольших листиках, вклеены в текст Невежина. Не останавливаясь на большом числе исправлений и изменений, внесенных Островским в невежинский текст, отметим лишь основные куски текста, всецело принадлежащего Островскому.

В 1-м действии Островскому принадлежит конец 5-го явления от слов Пелагеи Климовны: «Уж что говорить!» до прихода Медынова и Наташи; в явлении 6-м от реплики Медынова: «Думать, думать!» до его же реплики: «Грезите да мечтайте»; реплика Пикарцева: «Это значит только… женщина, как венец творения»; конец 6-го явления от реплики Пикарцева: «Но по крайней мере» до его же слов: «Ты несносный». Почти все 7-е явление от реплики Наташи: «Где же это, где?» до слов Евлампия: «Годные для осуществления возвышенных стремлений», вся заключительная реплика Евлампия и полностью 9-е явление принадлежат Островскому.

Во 2-м действии Островским написано почти все 7-е явление от слов Наташи: «Я не так хорошо образована», до ее реплики: «Ах, нет, что ты!»; им же написано 8-е явление от слов Медынова: «Ничего не делаете» и почти сплошь все 9-е явление.

В 3-м действии Островскому принадлежат явления 3-е *(за исключением пяти первых реплик)*, 4-е, 5-е, переработано заново явление 6-е и вновь написано явление 7-е *(за исключением четырех реплик)* — иначе сказать, почти все это действие написано Островским.

В 4-м действии, кроме нескольких реплик в 1-м явлении *(четыре первые реплики, текст от слов Пелагеи Климовны: «А вот без вас-то мы» до ее же реплики: «Да, уж конечно»)*, Островскому принадлежат сплошь явления 2-е и 3-е, почти все 4-е; с конца 5-го явления, от слов Медынова: «Не довольно ли разговаривать-то?» весь текст пьесы *(явление 6-е и 7-е)*, за исключением двух последних реплик, принадлежит также Островскому. Таким образом, примерно две пятых пьесы написано Островским, и, сверх того, трудно указать такую страницу невежинского текста, которая не подвергалась бы более или менее густой правке Островского.

В тщательной работе над языком и диалогом Островский, стремясь уничтожить налет шаблонной театральности из речи действующих лиц, добивался большой сжатости диалога, бытовой достоверности, психологической оправданности и социальной выразительности речи.

Так, в разговоре с Наташей *(д. 2, явл. 7)* Евлампий говорил у Невежина: «Пожалуй, при мне-то оставьте этот сор. Не слушайте, как поют петухи, кудахтают куры, а забудьтесь под чудные трели маленьких пернатых». Островский вычеркнул последний сентиментальный призыв слушать «пернатых», не идущий к лицу бессердечного, надменного фата, и сжатая реплика получила ярко характерную окраску: «Нет, уж вы хоть при мне-то позабудьте, пожалуйста, как поют петухи, кудахтают куры».

Перерабатывая текст пьесы, Островский всюду ярче выявлял социальную сущность характеров действующих лиц. Так, в 6-м явлении 2-го действия в переделке Островского несравненно яснее становятся, в их классовой противоположности, характеры крестьянского парня Семена и барина Евлампия. В тексте Островского ярче выступает любовь Семена к Наташе и его ненависть к барину. Предвидя вымарку цензора, Островский удалил из текста прямую угрозу Семена Евлампию: «По барским бокам моим мужицким кулакам будет работа знатная» и заменил ее не менее сильным, но более лаконичным обещанием: «Вашему здоровью от меня солоно придется. Будет работа знатная».

Прекрасный образец работы Островского над художественным оживлением текста Невежина, над усилением его социальной выразительности дает последнее объяснение кулака Щемилова с Наташей *(д. 4, явл. 5)*. Под пером Островского невежинский текст, вложенный в уста Щемилова, превратился в яркую самохарактеристику кулака, ненавидящего книгу и школу и отказывающегося от брака с Наташей из опасения, что она своей школой снимет его с «хорошего счета» у начальства.

Работа Островского над пьесой сильно повысила ее художественный уровень и усилила основной социальный драматический конфликт — стремление Наташи к разрыву с «темным царством» кулацкой деревни и барской усадьбы, ее борьбу за новую жизнь.

Основная тема пьесы — тоска героини Наташи, внучки содержательницы постоялого двора, по разумной, светлой жизни, ее стремление навсегда порвать с окружающей средой кулаков и помещиков — была издавна близка Островскому, автору пьес о «темном царстве», создателю галлереи женщин, рвущихся к свету и труду.

Островский вложил много труда в пьесу «Старое по-новому».

В октябре 1882 года пьеса «Старое по-новому», с именем одного Невежина, была дозволена Московским цензурным комитетом и появилась в литографированном издании С. Ф. Рассохина *(М., 1882)*. Издание Рассохина воспроизводит третью редакцию пьесы «Старое по-новому», в основе ее лежит вторая редакция, созданная Островским, с некоторыми изменениями, внесенными в текст Невежиным.

Сравнение двух редакций 3-го явления 3-го действия показывает, что Невежин, к художественному ущербу для пьесы, отказался от намерения Островского углубить положительный образ «бабушки» и глубже показать ее душевное родство с «внучкой». Насколько этот, отвергнутый Невежиным, эпизод беседы бабушки с внучкой на тему о самоотверженном труде сестер милосердия и о служении людям был дорог Островскому, явствует из того, что он внес его в комедию «Без вины виноватые», к работе над которой приступил вслед за окончанием своего труда над пьесой «Старое по-новому»: мысли и слова «бабушки» Островский передал Кручининой *(в 4-м явлении 2-го действия)*.

Не все принял Невежин, как видно из литографированного текста, и в некоторых других

поправках Островского.

При печатании же пьесы «Старое по-новому» в своих «Драматических сочинениях» в 1899 году Невежин уже мало считался с текстом Островского, изменяя и переделывая его по собственному произволу.

Но только вторая редакция комедии «Старое по-новому», вышедшая непосредственно из-под пера Островского, дает текст пьесы, в точности воплощающий творческую волю великого драматурга. Эта вторая редакция пьесы впервые воспроизводится в настоящем издании. Отрывки из этой редакции были напечатаны Н. П. Кашиным в издании «А. Н. Островский. Дневники и письма», Academia, М., 1937, стр. 238–251.

17 октября 1882 года Островский извещал Ф. А. Бурдина: «П. М. Невежин, при моем содействии, кончил пьесу очень хорошую и хочет ее ставить в Москве и в Петербурге, об чем я уже просил директора». В письме от 21 октября к директору императорских театров И. А. Всеволожскому Островский также считал нужным указать на особое участие, которое он принимал в этой пьесе: «На-днях один из более даровитых современных драматических писателей П. М. Невежин кончил комедию „Старое по-новому“. Эту пьесу я смело

могу рекомендовать вашему вниманию: она написана под постоянным моим наблюдением и представляет произведение хорошее по мысли, не лишенное художественных достоинств и живого интереса… Комедию „Старое по-новому“ просит у автора для бенефиса Живокини».

Просьба Островского была уважена Всеволожским, Д. В. Живокини был дан бенефис, и 21 ноября 1882 года пьеса «Старое по-новому», с именем одного Невежина, была поставлена в московском Малом театре с таким составом исполнителей: Семушкина — Н. М. Медведева, Пелагея Климовна — О. О. Садовская, Наташа — Г. Н. Федотова, Пикарцева — С. П. Акимова, Пикарцев — В. А. Макшеев, Евлампий — М. А, Решимов, Медынов — М. П. Садовский, Щемилов — Д. В. Живокини, Семен — Н. И. Музиль.

В Петербурге, в Александрийском театре, комедия «Старое поновому» была поставлена годом позже, 11 ноября 1883 года. Роли исполняли: Пелагеи Климовны — М. М. Александрова, Наташи — М. Г. Савина, Семушкиной — Е. Т. Сабурова, Пикарцевой — Е. Н. Жулева, Медынова — А. П. Ленский, Щемилова — В. Н. Давыдов, Пикарцева — Н. Н. Зубов, Евлампия — М. М. Петипа, Семена — Н. И. Арди. Пьеса в Петербурге прошла всего

три раза.

По поводу исполнения комедии «Старое по-новому» Островский писал в официальной записке, адресованной директору императорских театров: «...и при богатом репертуаре эта пьеса должна иметь видное место; она нужна театру, а тем более — императорскому. В Москве она имела успех... К художественным произведениям, проникнутым благородными патриотическими идеями, императорские театры должны относиться приветственно, потому что пропаганда благородных идей не вне их обязанностей. Ради благородной идеи, ради благодарных ролей репертуарное начальство обязано было закрепить эту пьесу на театре; а оно поступило напротив, поступило безжалостно и с пьесой, и с автором. Невежин послал вместе с пьесой распределение ролей, и я, с своей стороны, писал Потехину и очень просил его, чтобы назначение автора было уважено и чтобы роль бабушки непременно отдана была Жулевой. Моя и Невежина просьбы уважены не были, авторское назначение ролей изменено, роль бабушки отдана какой-то бесцветной актрисе, пьеса поставлена более чем небрежно, т. е. просто кой-как; пьеса успеха не имела и снята с репертуара, тогда как ей жить

бы да жить, а зрителям глядеть бы на нее да радоваться».

Пьесы «Блажь» и «Старое по-новому» являются лучшими пьесами Невежина. Только Островскому удалось преодолеть обычные недостатки пьес Невежина: его грубоватый натурализм, почти полный отказ от социальной тематики, невыразительный и бедный язык. Даже в наиболее известной пьесе Невежина, написанной без участия Островского — «Вторая молодость», ярко сказались недостатки Невежина-драматурга; эта натуралистическая мелодрама лишена социальной темы и страдает нарочитой театральностью. Наоборот, в пьесах, написанных в сотрудничестве с Островским, нет никакой мелодраматичности и «театральности», достаточно ярко показаны скудеющая барская усадьба и кулацкое засилие в деревне и прекрасно разработан язык действующих лиц. Все эти художественные достоинства пьес «Блажь» и «Старое по-новому» принадлежат великому русскому драматургу А. Н. Островскому.